

ЖИВАЯ СТАРИНА

ИМПЕРСКАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ОБЩЕСТВА

ОТДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдателяства

В. И. Л. манова

Выпускъ I и II

годъ тринаадцатый

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ МІНІСТЕРСТВА ВНУТРІШНІХ ДІЛІВ

1903

О ГЛАВЛЕНИЕ.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Семейные раздѣлы въ Чухломскомъ уѣздѣ. <i>Ѳ. И. Покровскаго</i>	1— 51
2. Пермяки. I—VII. Съ 4 рисунками. <i>В. М. Яновича</i>	52—171
3. Нѣкоторыя черги изъ исторической и психической жизни вотяковъ (историко-этнографической очеркъ). <i>К. Ѹ. Жакова</i>	172—187

Отдѣлъ II.

Памятники языка, народной словесности, живой старины.

1. Народныя преданія жителей Вологодской губерніи, Кадниковскаго уѣзда. I—IХ. <i>Н. Попова</i>	188—224
2. Сказки о Петрѣ Великомъ въ записяхъ 1745—1754 годовъ. <i>Н. К. Симони</i>	225—227
3. Эпическая пѣсни Дебрскія (изъ Сборника Дыновскаго). <i>П. А. Ровинскую</i>	228—235

Отдѣлъ III.

Критика и библиографія.

Рецензіи книгъ	236—240
--------------------------	---------

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

1. Общинное землевладѣніе (письмо изъ г. Кадникова). <i>А. А. Шустикова</i>	241—246
2. По вопросу объ общинахъ (корреспонденція изъ Новгородской губ.). <i>В. А. Антилова</i>	247—249

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

1. Народная пѣсня «на Горахъ» Нижегородской губерніи. <i>В. И. Чернышева</i>	250—260
2. Памяти Ф. Д. Нефедова. <i>Д. П. Никольскую</i>	261—264

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

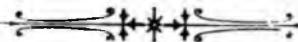
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ ПРЕДСѢДАТЕЛЬСТВУЮЩЕГО ВЪ ОТДѢЛЕНІИ ЭТНОГРАФІИ

В. И. Ламанского

Выпускъ I и II

годъ тринацдцатый

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ

1903

ОТДЪЛЪ I.

Семейные раздѣлы въ Чухломскомъ уѣздѣ.

Лѣтомъ 1898 года, изучая, по порученію Географическаго Общества, народный говоръ Чухломскаго уѣзда, я старался, вмѣстѣ съ тѣмъ, собрать свѣдѣнія относительно семейныхъ раздѣловъ въ этомъ уѣздѣ, насколько эти свѣдѣнія выражаются въ раздѣльныхъ приговорахъ, хранящихся въ волостныхъ правленіяхъ. Условія для болѣе или менѣе полнаго изученія этого вопроса оказались крайне неблагоприятны. Всѣдѣствіе очень стѣснительныхъ правилъ, которыя установили для семейныхъ раздѣловъ законъ 18 марта 1886 года, произошло то, что законныхъ раздѣловъ стало въ уѣздѣ слишкомъ мало. Не будучи въ силахъ остановить теченія жизни, благопріятствующаго распаденію стараго, дoreформенного уклада семьи, законъ этотъ произвелъ то, что крестьяне, зная затруднительность законнаго раздѣла, соединеннаго еще съ сложною канцелярскою волокитою, почти совсѣмъ отказались отъ формальностей, установленныхъ для обеспеченія правильности и законности раздѣловъ, и стали совершать послѣдніе въ громадномъ большинствѣ случаевъ сами собой, безъ участія волостной и болѣе высшей власти. Власть эта, съ своей стороны, чувствуя явную невозможность стоять по отношенію къ раздѣламъ на формально-законной точкѣ зрѣнія, молчаливо признавала и признаетъ всѣ фактическіе раздѣлы, хотя бы о нихъ и не имѣлось въ волостныхъ правленіяхъ никакихъ канцелярскихъ свѣдѣній. Такимъ образомъ, случилось то, что въ особо заведенныхъ при волостныхъ правленіяхъ, по установленной губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіемъ формѣ, книгахъ для записи раздѣльныхъ приговоровъ число этихъ записей оказалось крайне ничтожно, а въ нѣкоторыхъ волостяхъ ихъ и совсѣмъ не было за все время съ 1886 года. Всѣдѣствіе этого, раздѣльные книги, которыя должны бы служить главнымъ источникомъ при изученіи семейныхъ раздѣловъ, на самомъ дѣлѣ оказались источникомъ весьма скучнымъ. Къ счастію, въ дополненіе къ нимъ въ нѣкоторыхъ волостяхъ нашлись еще или совершенно домашніе, или же заключенные только на сельскихъ сходахъ раздѣльные акты, представленные въ волостное правленіе для засвидѣтельствованія, но не засвидѣтельствованные по явной ихъ формальной неза-

коности и сохранившіеся въ волостныхъ правленіяхъ совершенно случайно, въ числѣ ненужныхъ и не имѣющихъ никакого значенія бумагъ. На основаніи ихъ и за-писаныхъ въ книгѣ законныхъ актовъ, а также иногда на основаніи устныхъ сообщеній мѣстныхъ жителей, картина семейныхъ крестьянскихъ раздѣловъ можетъ быть нарисована только неполно и недостаточно, такъ какъ несомнѣмѣро большая половина раздѣловъ совсѣмъ ускользаетъ отъ наблюденія и изслѣдованія. Думается однако, что и этими свѣдѣніями необходимо дорожить, потому что другой путь изслѣдованія, — устный опросъ населенія, по многимъ обстоятельствамъ является гораздо болѣе труднымъ, а иногда и прямо невозможнымъ. Случайная же сохранность указанныхъ выше, не утвержденныхъ подлежащему властію раздѣльныхъ договоровъ и полная необеспеченность этой сохранности на будущее время, какъ кажется, увеличивають цѣнность этихъ документовъ еще болѣе.

Изъ 12-ти волостей, составляющихъ Чухломскій уѣздъ, были указаннымъ способомъ изслѣдованы семейные раздѣлы въ 11-ти волостяхъ, за исключеніемъ Просѣковской, въ которой не нашлось относительно раздѣловъ никакихъ документовъ и не пришлось получить устныхъ сообщеній. На основаніи закона 18 марта 1886 года общія условія раздѣловъ должны были представляться здесь въ слѣдующемъ видѣ.

Главное значение въ раздѣлахъ законъ признаѣтъ за главами хозяйствъ, съ одной стороны, и сельскимъ сходомъ — съ другой. О своемъ желаніи произвести раздѣлъ, о подлежащемъ раздѣлу имуществѣ и о способахъ самого раздѣла семейство должно заблаговременно извѣстить сельскій сходъ, который только тогда приступаетъ къ разсмотрѣнію прочихъ условій раздѣла, когда удостовѣрится въ согласіи родителя или старшаго члена семьи на раздѣлъ или же когда признается поводомъ къ раздѣлу расточительность и безнравственное поведеніе самого домохозяина. Затѣмъ, сходъ долженъ рѣшить: способны ли вновь образующіяся семьи къ самостоятельному веденію хозяйства, есть ли возможность отвести для нихъ усадебныя мѣста, и будетъ ли обеспечено послѣ раздѣла правильное поступление числящихся на семье недоимокъ и всякихъ другихъ казенныхъ взысканій. Если все это рѣшается утвердительно, сходъ долженъ приступить и къ самому раздѣлу, въ которомъ ему опять-таки отведена весьма значительная компетенція, такъ какъ онъ распредѣляетъ между новыми дворами полевой надѣль и не только утверждаетъ, но и исправляетъ предположенія семьи относительно распределенія между частями ея всего того изъ остального имущества, что составляетъ необходимую принадлежность крестьянского хозяйства. Не вмѣшиваясь въ распределеніе имущества, приобрѣтенного въ собственность другими, кроме надѣленія, способами, а также предоставляемъ исключительно самой семье раздѣлъ движимости, не составляющей необходимой принадлежности крестьянского хозяйства, сходъ дѣлаетъ, еще раскладку числящихся на семью не-

домоюкъ, податей и повинностей и, въ случаѣ нужды, отводить для новыхъ усадебныхъ построекъ участокъ свободной мірской земли, причемъ для дѣйствительности всѣхъ этихъ постановленій необходимо, чтобы согласіе на нихъ было дано не менѣе какъ двумя третями всѣхъ лицъ, имѣющихъ право участвовать на сельскомъ сходѣ. Семейство, раздѣлившеся безъ соблюденія этихъ условій, должно по-прежнему считаться по отношенію къ отбыванію всякаго рода повинностей за одну семью, а семейство, недовольное рѣшеніемъ схода, имѣеть право, втеченіе 14 дней со времени постановленія приговора, привести на него жалобу уѣздному по крестьянскимъ дѣламъ Присутствію или мировому посреднику, исключая тотъ случай, когда сходъ отказываетъ въ раздѣлѣ вслѣдствіе несогласія на него родителя семьи.

Поставивъ, такимъ образомъ, саму возможность раздѣла въ безусловную зависимость отъ главы семейства, если только овъ не расточителенъ и не неправственнаго поведенія, законъ 18 марта 1886 года не призналъ тѣмъ самымъ одного изъ главныхъ и наиболѣе обычныхъ поводовъ къ раздѣламъ,—семейныхъ раздоровъ и ссоръ, лишивъ сельскій сходъ даже власти рѣшать въ этихъ случаяхъ о достаточности или недостаточности повода къ раздѣлу, указываемаго отдѣляющеюся частью семьи. Съ другой стороны, на отвѣтственность самого схода возлагаются закономъ такія серьезныя поручительства за исправное веденіе самостоятельного хозяйства новыми семействами и вообще за ихъ имущественную достаточность, что сходъ поневолѣ долженъ опасаться давать эти поручительства въ офиціальныхъ документахъ, которые, въ случаѣ обжалованія ихъ, подлежать еще провѣркѣ высшихъ властей. То и другое обстоятельства сами собой вызывали, такимъ образомъ, раздѣлы формально-незаконные — или потому, что они совершились безъ согласія домохозяевъ, или потому, что разрѣшались сельскимъ сходомъ безъ соблюденія требованій закона,—только, такъ сказать, для деревни, а не для волости и высшаго начальства.

Эту затруднительность законныхъ раздѣловъ еще болѣе увеличивалъ составленный въ разъясненіе закона 18 марта 1886 года Наказъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія, устанавливавшій въ каждомъ уѣздѣ особые сроки для раздѣловъ, когда только послѣдніе и могли совершаться, а, съ другой стороны, требовавшій отъ раздѣльныхъ приговоровъ такой точности и полноты (указано 12 пунктовъ, на которые приговоръ долженъ отвѣтить), какая для грамотѣевъ сельского схода доступна только въ исключительныхъ обстоятельствахъ и недостатокъ которой, почти всегда неизбѣжный, долженъ былъ заставлять волостное начальство отказывать въ засвидѣтельствованіи приговора по чисто формальнымъ основаніямъ даже въ случаѣ полной законности раздѣла по существу. Приговоръ могъ быть, напримѣръ, признанъ незаконнымъ, если въ немъ не было указано мѣста созванія схода, или не отмѣчено, не со-

держащагося даже въ законѣ 18 марта 1886 года, такого обстоятельства, какъ—будутъ ли достаточно «обеспечены въ средствахъ существованія дряхлые, убогіе и престарѣлые члены семействъ, не имѣющіе возможности собственнымъ трудомъ снискивать себѣ пропитаніе». Затѣмъ, правильность составленія раздѣльного приговора обязанъ быть, согласно Наказу, проверить волостной старшина, и только уже послѣ его дознанія приговоръ свидѣтельствовался волостнымъ правленіемъ, заносился въ особую книгу и возвращался сельскому старостѣ.

Насколько эта общая картина семейныхъ раздѣловъ соответствуетъ по Чухломскому уѣзду дѣйствительности, и при какихъ вообще условіяхъ совершаются тамъ семейные раздѣлы, если судить о нихъ по тѣмъ немногимъ документамъ, о которыхъ сказано выше, можно видѣть изъ разсмотрѣнія самихъ этихъ документовъ по тѣмъ волостямъ, къ какимъ они относятся.

Въ Алешковской волости книги для записи семейныхъ раздѣловъ заведены въ 1888 году, для каждого сельского общества отдельно, но записано въ этихъ книгахъ всего только 7 приговоровъ, и то по одному Санцывловскому обществу; въ книгахъ же прочихъ обществъ никакихъ записей нѣтъ. По словамъ волостного писаря, раздѣлы совершаются, конечно, и въ этихъ обществахъ, но раздѣльные приговоры обыкновенно въ волостное правленіе не представляются, и поэтому другихъ, кроме указанныхъ 7-ми, приговоровъ въ волостномъ правленіи нѣтъ.

Изъ этихъ 7-ми приговоровъ 6 относятся къ 1888-му и 1 къ 1895 году; кроме того, изъ первыхъ 6-ти приговоровъ 3 касаются одного семейства, дѣлившагося почему-то три раза въ одномъ и томъ же году, такъ что, собственно говоря, за $9\frac{1}{2}$ лѣтъ во всей Алешковской волости было только 5 законныхъ раздѣловъ.

Сельскій сходъ принималъ въ этихъ раздѣлахъ не вездѣ одинаковое участіе. Когда ему приходилось имѣть дѣло съ раздѣломъ, фактически уже осуществленнымъ ранѣе раздѣльного приговора, причемъ стороны, обращавшіяся къ нему, желали, очевидно, только оформить уже сложившіяся у нихъ самостоятельные хозяйства, и въ будущемъ не предвидѣлось у нихъ споровъ о раздѣленномъ имуществѣ, тогда сходъ не вступалъ ни въ какія подробности раздѣла, ограничиваясь простымъ его утвержденіемъ. Такъ, безъ упоминанія какого-либо имущества совершенъ былъ раздѣльный актъ 1 февраля 1888 г. между братьями, крестьянами дер. Санцывлова, Иваномъ и Александромъ Зиновьевыми, каждый изъ которыхъ имѣлъ уже особый домъ съ пристройками и все вообще крестьянское обзаведеніе. Но если сходу надлежало утвердить раздѣль, хотя и совер-

жившійся ранѣе, но произошедшиій между отцомъ и сыномъ, причемъ послѣдній отдался самовольно, а въ семье отца оставались другія дѣти, въ раздѣльныхъ актахъ, въ предупрежденіе будущихъ раздоровъ, оговаривалось, что отдавшійся сынъ не имѣть уже права требовать изъ имущества отца ничего ни при жизни его, ни по смерти. Такая оговорка имѣется въ раздѣльныхъ приговорахъ 1 февраля 1888 года: между крестьянами дер. Большого Коровья Захаромъ Семеновымъ и младшимъ сыномъ его Михайломъ, отдавшимъ отъ отца въ 1886 г.; и между крестьянами дер. Санцылова Есенофонтомъ Абрамовымъ и младшимъ сыномъ его Иваномъ, отошедшими отъ него въ 1887 г. Въ томъ и другомъ случаяхъ отдавшійся дѣти имѣли уже собственные дома, полное хозяйство и жили безбѣдно. Если, наконецъ, сходъ утверждалъ раздѣль только еще совершающійся, то ему приходилось входить въ самое распределеніе имущества между дѣлящимися и подробности раздѣла записывать въ раздѣльномъ актѣ. Когда при раздѣлѣ 24 июня 1888 г. между крестьяниномъ дер. Санцылова Яковомъ Ипполитовымъ и племянникомъ его Иваномъ Кузьминомъ сходъ ограничился было однимъ утвержденіемъ раздѣла, оставивъ самое раздѣленіе имущества на волю дѣлившихся, замѣтивъ имъ только, что «всѣ расчеты по дѣлежу между дѣлящимися должны быть общіе», постановленіе это оказалось, очевидно, недостаточнымъ, и потому 30 ноября того же года, а затѣмъ 3 февраля 1889 г. написаны были для этого семейства новые раздѣльные акты, въ которыхъ не только перечислено было все приходившееся за долю той и другой стороны имущество, необходимое для веденія крестьянскаго хозяйства, но даже сказано было, что дѣлится пополамъ и домашняя утварь, а два самовара распределены были особо. Точно также 8 марта 1895 г. сходъ, утверждая раздѣлъ между отцомъ, крестьяниномъ дер. Санцылова Павломъ Ефимовымъ, и отошедшимъ отъ него въ томъ же году старшимъ его сыномъ, перечисляетъ въ приговорѣ все, чѣмъ «награждаеть» сына отецъ и что, впрочемъ, составляло необходимую принадлежность крестьянскаго хозяйства.

Изъ этого послѣдняго приговора, а также изъ двухъ упомянутыхъ выше раздѣловъ между отцами и самовольно отдавшими отъ нихъ сыновьями, видно, что въ подобныхъ случаяхъ, т. е., когда раздѣлъ былъ собственно самовольнымъ отѣломъ, дѣти не имѣли права требовать отъ отца какой-либо определенной части имущества, а должны были довольствоваться тѣмъ, что давали имъ сами отцы, такъ что и для обозначенія дѣйствія раздѣла въ означенномъ случаѣ взять было по отношенію къ отцу глаголь «награждать». Но когда дѣлились дядя и его взрослый племянникъ, сынъ старшаго брата, все имущество распредѣлялось уже поровну, съ тѣмъ только предпочтеніемъ въ сторону первого, что ему, какъ болѣе трудившемуся въ созданіи и устроеніи хозяйства, отдавались и лучшія вещи изъ тѣхъ, которыхъ нельзя было раздѣ-

льть совершенно одинаково: такъ, ему дана была лошадь и хорошая сбруя, а племянникъ получиль корову и рабочую сбрую.

Причина раздѣла указана только въ одномъ случаѣ, когда трижды дѣлились только что упомянутые дядя и племянникъ. По первому приговору раздѣль между ними происходилъ для того, чтобы не было пререканій въ хозяйствѣ и не ухудшался хозяйственныи бытъ ихъ, а въ третьемъ раздѣльномъ актѣ объяснялось подробнѣ, что въ семействѣ возникли вражда и раздоръ, доведенные до крайности, такъ что совмѣстное жительство семьи стало совершенно невозможно; самый же раздоръ произошелъ отъ нерачительности къ дому племянника, а также и отъ того, что семья его имѣла болѣе членовъ и потому содержаніе ея обходилось дороже, чѣмъ содержаніе первой семьи.

Въ отношеніи самаго распределенія подлежащихъ раздѣлу предметовъ можно замѣтить слѣдующее.

Во всѣхъ раздѣлахъ каждое изъ вновь образующихся хозяйствѣ имѣть уже по отдельному дому; только въ одномъ случаѣ сынъ, отдѣляясь отъ отца, еще не выстроилъ себѣ двора, и потому помѣщеніе для скота должно было оставаться у него съ отцомъ общее. Въ опредѣленіе стоимости домовъ раздѣльный актъ вошелъ только однажды, въ дѣлѣ дяди съ племянникомъ, когда послѣдній, оставаясь въ старомъ дому, долженъ былъ выдать первому, уходившему въ новый, имъ самимъ выстроенный домъ, 100 рублей, половину стоимости старого дома. При этомъ было оговорено, что, если племянникъ не уплатить 100 руб., дядя имѣть право отломать свою половину старого дома или заколотить ее. Въ общемъ владѣніи у нихъ изъ прочей постройки остались овинъ и баня, а сарай и амбаръ перешли—одинъ къ одному, другой къ другому.

Скотина по возможності распредѣлялась отдельно: особо лошади, особо коровы и особо овцы. Но такъ какъ не всегда случается, чтобы въ крестьянскомъ обиходѣ былодвѣ лошади, то при раздѣлѣ ихъ приходилось иногда или оставлять лошадь въ общемъ владѣніи или давать за нее что-либо другое изъ скота: въ одномъ случаѣ дѣйствительно лошадь у отца и сына осталась неподѣленной, а въ другомъ племянникъ взялъ вмѣсто нея корову. Прочее имущество дѣлилось такъ, чтобы та и другая стороны получали его особо.

Отдѣльныхъ хозяйствѣ образовалось по этимъ раздѣламъ 10. Каждое имѣло свой домъ, но лошадей не было въ двухъ хозяйствахъ. Остальнымъ имуществомъ, необходимымъ для веденія крестьянскаго хозяйства, новообразовавшіеся дворы владѣли въ достаточномъ количествѣ.

Въ Бореевской волости записано въ раздѣльную книгу съ 1886 года 13 приговоровъ. Изъ нихъ одинъ былъ отмѣненъ уѣзднымъ по крестьянскимъ

дѣланъ Присутствіемъ вслѣдствіе выраженнаго на самомъ приговорѣ несогласія на условія раздѣла одного изъ членовъ семьи, а также вслѣдствіе несоблюденія 9 ст. Наказа, предписывающей волостному старшинѣ прежде засвидѣтельствованія приговора произвести мѣстное разслѣдованіе о правильности его составленія. Любопытно, что недовольнымъ членомъ семьи быть не глава ея, 76-лѣтний отецъ, а его старшій сынъ, который, очевидно, въ этомъ случаѣ былъ признанъ уѣзднымъ Присутствіемъ за домохозяина. Законно-утвержденныхъ раздѣловъ въ Бореевской волости было такимъ образомъ за изслѣдуемый періодъ времени 12, а всѣхъ раздѣльныхъ актовъ, на основаніи которыхъ можно судить объ условіяхъ раздѣловъ, имѣется въ правлениі 14, такъ какъ тамъ случайно сохранилась еще коня одного незаконнаго приговора, представленная въ волостной судь въ качествѣ доказательства правильности иска, который предъявилъ къ отцу одинъ изъ его сыновей за неисполненіе обязательствъ раздѣла. Актъ этотъ относится къ 1898 году, былъ составленъ при участії четырехъ окольныхъ и сельскаго старосты и въ подлинникѣ хранился у старосты. Крестьяне, очевидно, смотрѣть на эти приговоры, какъ на совершенно законные, и ими одними и довольствуются, потому что самыи послѣдній раздѣльный актъ, внесенный въ волостную раздѣльную книгу, относится къ 1892 году, и, значитъ, за все послѣдующее время въ Бореевской волости употреблялись приговоры, только подобные предыдущему. По словамъ мѣстныхъ жителей, это и дѣйствительно такъ: обыкновенно приговоры составляются тамъ сельскими старостами и въ подлинникахъ отдаются тѣмъ семьямъ, которыя будутъ жить на старой дворянѣ, въ кошіахъ же получаются семьями, уходящими на новые мѣста. Любопытно было бы узнать, какъ бы посмотрѣть на законность этихъ актовъ волостной судь; но, къ сожалѣнію, ему не пришлось высказаться объ этомъ, такъ какъ до судебнаго разбирательства по упомянутому выше приговору 1898 г. сынъ отказался отъ иска.

По годамъ записанные въ раздѣльную книгу приговоры распредѣляются слѣдующимъ образомъ: въ 1887 году — 1, въ 1888 г.—7, въ 1889 г.—2, въ 1890 г.—1, въ 1891 г.—1 и въ 1892 г.—1.

Сельскій сходъ по большей части принималъ здѣсь участіе не въ одномъ разрѣшеніи раздѣла вообще, но и въ самомъ распредѣленіи дѣлимааго имущества, такъ что только въ двухъ случаяхъ ему пришлось ограничиться линь-формальнымъ утвержденіемъ совершившагося безъ его участія раздѣла. Въ одномъ изъ нихъ дѣло шло о самовольно отдѣлившемся отъ отца два года тому назадъ сынѣ, уже обзаведшемся собственнымъ хозяйствомъ, а въ другомъ дѣлились два брата, изъ которыхъ младшій выдавалъ старшему за все имущество деньги и между которыми раздѣль совершился, очевидно, до такой степени мирно, что въ раздѣльномъ актѣ не указывалось никакихъ его подробностей:

не обозначено даже суммы, уплачиваемой однимъ братомъ другому. Когда же сходъ участвовалъ въ собственномъ смыслѣ въ раздѣлѣ имущества, то иногда, согласно съ закономъ 18 марта 1886 г., онъ входилъ въ разсмотрѣніе дѣлѣжа только того имущества, которое признается необходимымъ для веденія крестьянскаго хозяйства; иногда же, напротивъ, перечислять въ раздѣльномъ приговорѣ предметы, подлежавшіе, въ сущности, раздѣлу домашнему. Такъ, при раздѣлѣ крестьянъ дер. Зубарева, братьевъ Петровыхъ, 11 января 1887 г., послѣ перечисленія приходившихъ на долю каждого брата построекъ, скота и хозяйственныхъ орудій, замѣчено, что все остальное братья обязались раздѣлить поровну и миролюбно, по особому раздѣльному акту. Точно также особыму соглашенію сторонъ было предоставлено распределеніе имущества, не относящагося къ необходимымъ принадлежностямъ крестьянскаго хозяйства, при раздѣлѣ крестьянки дер. Рыстанова Натальи Ефимовой съ ея сыномъ и dochерью, 7 марта 1890 года. Случалось даже, что и изъ необходимыхъ принадлежностей крестьянского хозяйства не все подлежало вѣдѣнію сельскаго схода: такъ, въ 1892 г. въ раздѣльномъ приговорѣ крестьянки дер. Захарова Аѳимы Антоновой съ сыновьями и деверемъ помѣщены только причитавшіяся на долю каждого строенія, скотъ, хлѣбъ и земля, экипажи же, сбруя, землемѣрческія орудія и домашнія принадлежности стороны согласились раздѣлить особо и миролюбно, въ присутствіи посторонняго лица. За то, съ другой стороны, въ раздѣльный актѣ были вписаны однажды иконы и зеркала, два раза самовары и одежда, и постоянно заносилось распределеніе выкупленной земли, если такая существовала.

Отецъ является, въ качествѣ полновластнаго распределителя семейнаго имущества, только одинъ разъ, когда его сынъ, какъ уже выше было замѣчено, отошелъ отъ него самовольно два года назадъ; поэтому въ раздѣльномъ приговорѣ между ними прямо сказано, что отецъ не надѣлять сына ничѣмъ, какъ по указанной причинѣ, такъ и вслѣдствіе того, что сынъ уже завѣль полное собственное хозяйство. Въ прочихъ случаяхъ выдѣла дѣтей изъ семьи отца при жизни послѣдняго общее имущество дѣлится между родителями и дѣтьми обыкновенно болѣе или менѣе безобидно. При этомъ, когда отецъ съ матерью еще люди не дряхлые и самы способны къ работѣ, тогда они берутъ себѣ часть равную съ сыновьями, какъ это было, напримѣрь, въ раздѣлѣ крестьянина дер. Селина Петра Васильева съ сыномъ Ларionомъ, 10 марта 1888 года. Въ случаѣ же дряхлости родителей имъ выдѣляется часть не изъ всего имущества и не всегда равная съ сыновьями, а по возможности только то, что необходимо для ихъ пропитанія. Во всѣхъ трехъ бывшихъ здѣсь случаяхъ подобныхъ раздѣловъ родители не оставили за собой земли, ни на-дѣльной, ни выкупленной; за то изъ постройки и хлѣба «въ зернѣ и землѣ»

имъ были предоставлены части одинаковыи съ сыновьями, изъ скота же одинъ разъ не дано было ничего, а два раза назначены были меньшія части, чѣмъ дѣтямъ. Раздѣльный актъ обыкновенно упоминается, съ какимъ изъ сыновей дряхлые родители будуть жить, и, предвидя возможность новыхъ несогласій между ними, оговаривается, что въ такомъ случаѣ отецъ имѣть право отдѣлить себѣ показанную въ приговорѣ его долю. Послѣ смерти родителей имущество ихъ должно было переходить тѣмъ дѣтямъ, съ которыми они жили и которыхъ ихъ кормили.

При отдѣлѣ сыновей отъ матери также возможны случаи, что мать по своему желанію имѣть право лишать сына того или иного изъ общаго имущества. Такъ, 14 декабря 1888 г. отдѣлялся отъ матери крестьянинъ дер. Ожиганова Василій Ивановъ, я въ пользу матери, оставшейся съ пожилою дочерью, было предоставлено все движимое имущество, такъ какъ у сына уже были и собственный скотъ, и собственное хозяйство. Если мать и послѣ раздѣла съ сыномъ остается главою хозяйства, ей дается при раздѣлѣ часть во всемъ имуществѣ, такъ что, напримѣрь, 7 марта 1890 г. крестьянка дер. Рыстанова Наталья Ефимова, съ которой остались жить ея свекровь и дочь, получила во всѣмъ, кроме налѣтной земли, равную долю съ отдѣлившимся сыномъ. Въ одномъ случаѣ мать, престарѣлая и неспособная къ веденію хозяйства, не желала однако жить вмѣстѣ съ какимъ-либо изъ своихъ раздѣлившихся дѣтей,—тогда она получила равную съ сыновьями часть изъ скота и хлѣба «въ землѣ и зернѣ», а вмѣсто строенія и на прокормленіе ея сыновья были обязаны выдавать ей ежегодно по 15 руб. каждый. Наконецъ, когда мать послѣ раздѣла должна была жить вмѣстѣ съ однимъ изъ сыновей, ей въ одномъ раздѣльномъ приговорѣ не было указано опредѣленной части имѣнія, такъ какъ съ ней остался 12-лѣтній сынъ; но она получила на свою и этого сына доли больше, чѣмъ старшій, отдѣлившийся сынъ,—больше въ скотѣ и строеніяхъ. Изъ двухъ другихъ подобного рода актовъ по одному матери дана равная съ сыновьями часть въ строеніяхъ, скотѣ и хлѣбѣ, а по другому—ей оставлены для пропитанія корова съ овцою и дано иѣкоторое количество зернового хлѣба, безъ соразмѣрности, однако, съ долями прочихъ участниковъ дѣлежа, такъ что здѣсь, очевидно, имѣлась въ виду только возможность пропитанія ея. Такимъ образомъ, въ надѣленіи матерей можно замѣтить въ общемъ то же основаніе, что и при опредѣленіи доли отцовъ,—ихъ хозяйственную и рабочую дѣеспособность. Предусматривалось иногда здѣсь также и дальнѣйшее положеніе матери по отношенію къ отдѣлившимся дѣтямъ: когда она получила собственное хозяйство, въ раздѣльномъ приговорѣ было оговорено, что она впредь уже не можетъ требовать отъ сына никакой помощи; когда она осталась при хозяйствѣ малолѣтняго сына, было замѣчено, что она

можеть отйти отъ него черезъ десять лѣтъ, по достижениіи сыномъ совершеннолѣтія; а когда она осталась жить при дѣтяхъ, получивши равную съ ними долю во всемъ, кроме земли и хозяйственныхъ орудій, сказано было, что въ случаѣ ухода отъ дѣтей она можетъ взять съ собой только то, что назначено ей по раздѣльному акту.

Въ вопросѣ о значеніи для законности раздѣла общаго согласія на него братьевъ любопытенъ раздѣльный актъ крестьянъ дер. Зубарева, братьевъ Петровыхъ, раздѣлившихся 11 января 1887 г., когда одинъ изъ нихъ былъ въ солдатахъ: братья раздѣлились, не спрашиваясь его, отдѣливъ ему равную съ собой часть и согласившись только уплатить безъ участія его отцовскую недоимку. Въ самомъ раздѣлѣ братьевъ между собою или съ семьей умершаго брата та и другая стороны обыкновенно пользуются одинаковыми правами, и имущество дѣлится поровну, поколѣнно, независимо отъ количества Ѳдоковъ и работниковъ той или иной семьи. Но когда братья дѣлятся при жизни одного или обоихъ родителей, или когда собственно происходить выдѣль изъ семьи одного брата, тогда въ основаніи дѣлежа бывають возможны нѣкоторыя уклоненія отъ принципа поколѣнности въ сторону соображеній хозяйственныхъ или просто старшинства. Такъ, 26 февраля 1896 г., при раздѣлѣ крестьянина дер. Усольцева Федора Михайлова съ дѣтьми, когда уходилъ на особое хозяйство младшій братъ, ему была дана сравнительно съ двумя старшими большая часть въ строеніяхъ и скотѣ,—очевидно въ тѣхъ видахъ, чтобы ему сразу же можно было сдѣлаться настоящимъ домохозяиномъ: въ то время какъ старшимъ братьямъ назначено было обойти вмѣстѣ только—дворъ, горенка, лошадь, телушка и овца съ двумя ягнятами, младшій братъ получилъ избу съ дворомъ и повитью, лошадь, корову и овцу. Такимъ же образомъ при раздѣлѣ крестьянки дер. Захарова Афимы Антоновой съ сыновьями и деверемъ, когда уходилъ изъ дома старшій ея сынъ, онъ получиль сравнительно съ дядей и двумя братьями болѣе скота и 2 изъ 6-ти надѣловъ земли. Точно также 29 января 1888 г. крестьянинъ дер. Полушкина Алексѣй Ивановъ, отдѣляясь отъ матери и трехъ братьевъ, получиль изъ 5-ти надѣловъ земли 2, а изъ скота почти то же, что осталось для всѣхъ прочихъ соучастниковъ дѣлежа, т. е. часть гораздо большую, чѣмъ если бы раздѣлъ происходилъ чисто поколѣнно. Съ другой стороны, при раздѣлахъ крестьянина дер. Пятинской Парфена Леонтьева (9 декабря 1888 г.) и крестьянки дер. Вдовина Наталіи Андреевой съ ихъ сыновьями меньшую долю въ надѣльной землѣ, при равенствѣ во всемъ остальному и даже при одинаковомъ количествѣ дѣтей у братьевъ, получили младшіе братья: въ одномъ случаѣ въ полтора, а въ другомъ въ два раза.

Въ надѣленіи сестеръ, при раздѣлахъ братьевъ съ родителями, въ осно-

ваніе раздѣла кладется обыкновенно хозяйственныи принципъ, и сестры, такъ какъ не могутъ образовать самостоятельнаго хозяйства, не получаютъ и равной доли съ братьями, хотя и не обдѣляются совершенно. Такъ, при раздѣлѣ крестьянки дер. Вдовина Наталья Андреевой съ сыновьями дочь ея получила почти равную съ братьями часть въ строеніяхъ, вмѣсто же всего остальнаго,—въ томъ числѣ собственной земли, бывшей въ семействѣ,—братья должны были выдать ей 25 рублей. Въ другомъ случаѣ, именно при раздѣлѣ крестьянки дер. Рыстанова Нагаля Ефимовой съ дѣтьми, 18-лѣтней дочери ея была предоставлена равная съ матерью и братомъ доля въ постройкахъ, дана была корова и овца и даже третья часть купчей земли.

Причины раздѣловъ указаны въ 10-ти раздѣльныхъ приговорахъ: въ шести-семейныи несогласія; въ одномъ они же и многосемейность; въ одномъ—несогласія, ветхость и тѣснота дома; въ одномъ—многосемейность; и въ одномъ было постановлено отдѣлить одного изъ братьевъ потому, что другие братья, жившіе въ отхожихъ промыслахъ, не могли довѣрить ему хозяйства, отецъ же у нихъ умеръ, а мать была стара.

Въ распределеніи между дѣлящимиися сторонами построекъ по большей части бывало такъ, что каждая сторона что-нибудь получала изъ общихъ строеній. Только въ трехъ случаяхъ было противоположное: братъ получиль отъ брата за все имѣніе деньги; мать выговорила себѣ отъ каждого изъ сыновей на содержаніе по 15 руб. ежегодно; и братъ остался жить вмѣстѣ съ другимъ братомъ, получивъ свою долю въ постройкѣ деньгами. Во всѣхъ остальныхъ приговорахъ обыкновенно точно указывается доля каждого участника дѣлежа въ общей постройкѣ, хотя бы онъ оставался жить вмѣстѣ съ другими; при этомъ иногда оговаривалось, что въ случаѣ прекращенія совмѣстнаго жительства каждый можетъ отломать свою часть отъ другой. Не всегда однако приходилось такъ, чтобы сторона, уходившая въ отдѣлъ, была обезпечена совершенно отдѣльнымъ помѣщеніемъ для жительства, хотя, конечно, въ виду семейныхъ несогласій, какъ главной причины раздѣловъ, это по возможности и наблюдалось, такъ что только въ одномъ случаѣ братъ, уходившій изъ семьи и получившій за домъ 100 руб., долженъ былъ два года жить вмѣстѣ съ матерью и братьями; въ двухъ же другихъ случаяхъ отдѣлившіяся дѣти хотя и не получали жилыхъ построекъ, но уже сами ранѣе обзавелись ими. За то стороны, рѣшившіяся и послѣ раздѣла жить общимъ хозяйствомъ, только по одному приговору имѣли для себя каждая по избѣ, а во всѣхъ прочихъ случаяхъ по необходимости не могли отдѣлиться другъ отъ друга потому, что избу получаль кто-нибудь одинъ, а прочие лишь надворныи постройки: горницу, полдвора, дворъ, хлѣвъ и под. При этомъ родители, за исклю-

ченiemъ одного случая, всегда оставались жить съ тѣми дѣтьми, которымъ доставались старыя избы,—на новыя мѣста не уходили.

Хозяйственные постройки обыкновенно дѣлились такъ, чтобы отходящая изъ семьи сторона, по возможности, была надѣлена или амбаромъ, или сарайемъ, или даже только срубами и бревнами для нихъ, причемъ одна такая постройка уравновѣшивалась другою, такъ какъ рѣдко случалось, чтобы въ хозяйствѣ было по два и болѣе амбара, сарая и проч. Далеко не всегда однако возможно было отпустить отдѣлявшихся членовъ семьи даже съ какой-нибудь одной хозяйственной постройкой, и въ 5-ти случаяхъ рассматриваемыхъ раздѣловъ они уходили только съ избой и дворомъ. Овинъ и баня даже совсѣмъ не поступали въ раздѣль: о нихъ упомянуто въ 17-ти раздѣльныхъ актахъ, и во всѣхъ ихъ бanya и овинъ оставались и послѣ раздѣла въ общемъ пользованіи.

При дѣлѣ скота относительно лошадей наблюдались хозяйственныя соображенія,—чтобы вновь образующееся хозяйство по возможности не оказалось безъ лошади, такъ что, если на всѣхъ участниковъ раздѣла не доставало по особой лошади, то она давалась уходившему изъ семьи члену и кому-либо изъ тѣхъ, которые и послѣ раздѣла опять соединились въ общее хозяйство; для остальныхъ же лицъ изъ этихъ послѣднихъ лошадь уравновѣшивалась другою скотиною,—лишнею коровою или овцами. Но, разумѣется, не всегда было возможно достигнуть и этого, такъ какъ часто въ раздѣлявшейся семье была и всего-то одна лошадь. Подробности распределенія скота имѣются въ 11-ти приговорахъ, и по тремъ изъ нихъ новыя хозяйства должны были начинаться безъ лошадей, а по одному—безъ лошадей оставались даже обѣ стороны. Въ хозяйствахъ же, остававшихся на старомъ мѣстѣ и представлявшихъ изъ себя и послѣ раздѣла соединеніе двухъ или болѣе его участниковъ (такихъ хозяйствъ было 6), только въ одномъ случаѣ пришлись двѣ лошади,—по одной на каждого изъ двухъ братьевъ, а во всѣхъ остальныхъ тамъ была лишь одна лошадь. Тѣмъ изъ участниковъ раздѣла, которые уже не могли быть домохозяевами,—престарѣлымъ родителямъ и дочерямъ,—выдѣлялась обыкновенно корова и одна или двѣ овцы. Только въ одномъ случаѣ отецъ не получилъ никакой скотины, а въ одномъ не получила ничего изъ скота 18-лѣтняя дочь.

О распределеніи надѣльной земли имѣются свѣдѣнія въ 9-ти раздѣльныхъ актахъ, и только въ двухъ случаяхъ поколѣній и нохозяйственный принципы раздѣла совпадали: это—когда дѣлились три взрослыхъ брата, взявши каждый по одному надѣлу, и когда способный къ работѣ отецъ выдѣлилъ старшаго сына и далъ ему одинъ надѣль, а себѣ съ младшимъ сыномъ оставилъ два надѣла. Въ прочихъ же раздѣлахъ принималась въ разсчетъ по преимуществу хозяйственная способность дѣлявшихся сторонъ: такъ, когда отъ

матери съ 18-лѣтней ея дочерью отдалася сынъ, ей данъ былъ 1 надѣль, а сыну $1\frac{1}{2}$; когда отъ другой матери съ 33-лѣтней дочерью ушелъ сынъ, ей дали 1 надѣль, а сыну—2. Въ одноиъ случаѣ была принята во вниманіе выкупленная земля и ею замѣнена надѣльная: братъ получилъ два надѣла выкупленной, а семье его умершаго старшаго брата отданы были 2 надѣла общественной земли. Въ другихъ случаяхъ основанія неравномѣрности распределенія надѣльной земли между хозяйствами невозможно опредѣлить, такъ какъ въ приговорахъ обѣ этомъ не говорится ничего.

Собственная земля, помимо указанной выше замѣны ею надѣльной, подвергалась дѣлежу въ трехъ раздѣльныхъ актахъ: въ двухъ ее подѣлили между собою поровну братья, безъ выдѣла матери и сестрѣ, а въ одномъ эта земля подѣлена была въ равныхъ частяхъ между матерью, дочерью и отдавшимися отъ нихъ сыномъ.

Хлѣбъ въ зернѣ и землѣ въ 9-ти приговорахъ раздѣленъ совершенно одинаково,—поколѣнно, считая за особое колѣно престарѣлыхъ родителей и независимо отъ количества Ѣдоковъ въ каждомъ колѣнѣ, а также и отъ того, какъ будуть жить послѣ раздѣла эти колѣна,—всѣ поровну или нѣкоторымъ вмѣстѣ. Только въ одномъ приговорѣ сдѣлано было въ этомъ отношеніи различіе между хлѣбомъ въ зернѣ и хлѣбомъ въ землѣ, и дряхлые родители имѣли право получить свою долю въ одномъ зерновомъ хлѣбѣ.

Хозяйственные принадлежности,—сбруя, экипажи, земледѣльческія орудія,—дѣлились или похозяйственно, поровну на каждое отдельное хозяйство, совпадавшее впрочемъ и съ отдельнымъ колѣномъ; или поколѣнно,—поровну на каждого участника дѣлежа, независимо отъ того, образуетъ или нѣть онъ самостоятельное хозяйство (при этомъ иногда даже престарѣлые родители получали равную съ сыновьями часть); или, наконецъ, отдавшемуся хозяйству просто выдавалось все въ этомъ отношеніи необходимое.

Изъ одежды и обуви въ одномъ случаѣ отдано было каждому то, что имѣть самимъ заведено; въ одномъ одежда раздѣлена поровну,—поколѣнно, считая за особое колѣно дряхлого отца; и въ двухъ случаяхъ отдавшемуся семейству выдѣлено было только необходимое.

Въ Бушнѣвской волости раздѣльные книги были заведены на каждое общество отдельно, но въ волостномъ правлениі сохранилось этихъ книгъ только 8, тогда какъ всѣхъ сельскихъ обществъ въ волости 13. Въ означенныхъ 8-ми книгахъ записано совершенно ничтожное количество раздѣловъ: 3; два по Баклановскому обществу и одно по Шатуновскому. Два раздѣла изъ нихъ относятся къ 1888 году и одинъ—къ 1898-му. Книги остальныхъ 6-ти обществъ совершенно чисты.

Совсѣмъ невѣроятно, конечно, чтобы на большую волость въ 2006 зе-

мельныхъ душъ за пѣлыхъ 12 лѣтъ три семейныхъ раздѣла составляли болѣе или менѣе значительную часть фактическихъ раздѣловъ: очевидно, они попали сюда чисто случайно и составляютъ только исключение изъ раздѣловъ, совершаемыхъ съ формальной точки зреія незаконно. Я надѣялся определить здесь количество дѣйствительныхъ раздѣловъ изъ сравненія наличного числа домохозяевъ волости съ «законнымъ», ихъ числомъ, имѣющимъ право участвовать въ сельскихъ выборахъ, такъ какъ по XIX статьѣ Наказа губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія хозяйства, образующіяся отъ неутвержденныхъ раздѣловъ, не имѣютъ права числиться въ выборномъ отношеніи отдѣльными семействами, а должны считаться за одинъ дворъ съ тѣмъ, отъ которого отдѣлились, какъ будто бы раздѣла между ними вовсе и не существовало. Поэтому въ выборныхъ приговорахъ должно обозначаться только законное количество домохозяевъ общества, т. е. фактическое число дворовъ къ 18 марта 1886 г. плюсъ число дворовъ, образовавшихся послѣ этого времени, по законно-утвержденнымъ раздѣламъ. Дѣйствительное же количество наличныхъ домохозяевъ можно было извлечь изъ черновыхъ матеріаловъ по всеобщей переписи 1897 года, хранившихся въ волостномъ правленіи, у писаря, бывшаго счетчика. Къ сожалѣнію, выборные приговоры имѣлись въ правленіи только за 1893 г., такъ что для сравненія приходится прибѣгать къ даннымъ разныхъ годовъ. Въ отношеніи правильности вывода это было бы почти безразлично, еслибы можно было увѣренными, что, съ одной стороны, въ выборныхъ приговорахъ количество домохозяевъ обозначается постоянно «законное» и что въ него не включаются иногда хозяйства, образовавшіяся послѣ незаконныхъ раздѣловъ, а, съ другой, что къ 1886 году списокъ домохозяевъ заключалъ въ себѣ дѣйствительно всѣ наличные дворы. Увѣренности этой нѣть, но нужно думать всетаки, что цифры законныхъ домохозяевъ измѣняются далеко не такъ быстро, какъ измѣняется число дѣйствительныхъ хозяйствъ, и потому сравненіе тѣхъ и другихъ показаній не можетъ не быть интереснымъ, такъ какъ должно бы показывать хотя и не фактическое количество семейныхъ раздѣловъ за періодъ времени съ 1886 по 1897 гг., но и не далекое отъ дѣйствительности. Вотъ эти числа домохозяевъ, по отдѣльнымъ обществамъ волости, какъ они значатся въ выборныхъ приговорахъ и въ переписныхъ листахъ:

	О В І І С Т В А.													ИТОГО.
Красногорск.	Малоярославецкое.	Полдневновосокольское.	Балашовское.	Фоминское.	Михайловское.	Буралининское.	Стойниково.	Фальшинское.	Пущинское.	Куликовское.	Шатуновское.	Заречинское.		
Приговоры 1893 г. .	50	43	54	98	85	45	45	36	60	90	28	46	48	726
Перепись 1897 г. .	88	67	95	145	148	70	76	64	105	110	53	103	88	1212
Разница между ними	38	24	41	47	63	25	31	28	45	20	25	57	40	484

Разница между дѣйствительнымъ и законнымъ количествомъ домохозяевъ получается такимъ образомъ прямо ужасная—484, такъ что на каждый от-

дѣльный годъ 11-лѣтія 1886—1807 гг. падаетъ въ среднемъ не менѣе 44 семейныхъ раздѣловъ. Меня настолько поразила величина этой цыфры, что я усомнился, дѣйствительно ли перепись производилась по отдельнымъ хозяйствамъ, спрашивалъ объ этомъ писаря-счетчика и получилъ увѣреніе въ правильности его показаній. Нужно поэтому думать, что тутъ есть какое-нибудь недоразумѣніе: можетъ быть, число домохозяевъ въ выборныхъ приговорахъ оставалось неизмѣннымъ съ 1861 года; тогда на каждый годъ пришлось бы не менѣе 13 раздѣловъ, и число это, конечно, болѣе похоже на дѣйствительность, чѣмъ первое.

Изъ вышеизначеныхъ трехъ записанныхъ въ волостныя книги раздѣловъ одинъ представляетъ собою выдѣль крестьяниномъ дер. Шатунова Авксентіемъ Ильевымъ средняго сына за неповиненіе и непочтеніе къ родительской власти. Отецъ здѣсь даетъ сыну, что хочетъ, хотя и не обижаетъ его, такъ какъ семья эта, очевидно, богатая. Сынъ состоять на службѣ у отца и получаль отъ него жалованья свыше 300 руб. въ годъ. У него есть уже собственный домъ со всѣми службами, скотъ и все необходимое для веденія хозяйства, но отецъ, выдѣляя его, даетъ ему еще 1000 руб. на дальнѣйшее устройство дома. За то изъ выкупленной земли онъ не далъ сыну ничего, и уже крестьяне дер. Шатунова сами предоставили послѣднему мірской надѣль, сложивши его съ какого-то другого односельчанина.

По другому раздѣльному приговору крестьянинъ-собственникъ дер. Кузнецова Яковъ Смирновъ 10 марта 1888 г., «находясь въ престарѣлыхъ лѣтахъ, заблагоразсудилъ при жизни своей раздѣлить между сыновьями своими имущество». Самъ онъ съ женой остался жить вмѣстѣ съ младшимъ сыномъ въ старомъ домѣ, а старшій сынъ ушелъ въ новый. Для каждого хозяйства были припасены здѣсь уже особыя хозяйственныя постройки: овины, сараи и амбары,— на родителей же отдельной части въ строеніяхъ не было дано. За то изъ скота въ хозяйство младшаго брата,—очевидно, на родителей,—назначены были лишнія сравнительно со старшимъ братомъ двѣ коровы и двѣ овцы. Точно также и хлѣбъ раздѣленъ былъ не похозяйственно, а поколѣнно, — на три равныя части, какъ въ землѣ, такъ и въ зернѣ. Хозяйственныя принадлежности распределены поровну на два хозяйства.

Третій раздѣль произошелъ между двумя братьями изъ-за семейныхъ несогласій. Усадебная и полевая земля была раздѣлена между ними поровну; младшій братъ ушелъ въ новую избу и кромѣ нея получилъ еще сарай, баня-же и овинъ остались въ общемъ владѣніи «до пристоя». Какъ распредѣлялись доли въ прочемъ имуществѣ, изъ приговора не видно, но младшій братъ получилъ и въ скотѣ и въ хозяйственныхъ принадлежностяхъ все необходимое.

Въ Введенской волости въ книгу раздѣльныхъ приговоровъ, общую

для всей волости, записано 7 приговоровъ, но два изъ нихъ относятся къ одному и тому же раздѣлу, такъ что всѣхъ законныхъ раздѣловъ значится въ волости 6. Всѣ они относятся къ периоду времени за 1894 — 1898 гг., и именно: къ 1894 — 1, къ 1895 — 1, къ 1896 — 1, къ 1897 — 1 и къ 1898 — 2. За тотъ же периодъ времени волостными писаремъ даны были мѣръ свѣдѣнія и о количествѣ не записанныхъ въ книгу раздѣловъ; распределеніе тѣхъ и другихъ по отдельнымъ обществамъ можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

	О Б Щ Е С Т В А.									В С Г О.
	Бони- новское.	Глазков- ское.	Емель- новское.	Луку- шинское.	Петров- ское.	Попов- ское.	Романов- ское.	Рыков- ское.		
Законные	2	—	2	—	2	—	—	—	—	6
Незаконные	2	2	3	2	4	1	2	1	17	
Тѣ и другие	4	2	5	2	6	1	2	1	23	

Количество такъ называемыхъ незаконныхъ раздѣловъ превышаетъ, такимъ образомъ, здѣсь число законныхъ раздѣловъ почти втрое, а тѣхъ и другихъ на каждый годъ приходится въ среднемъ около 6 на всю волость.

Не засвидѣтельствованныхъ приговоровъ въ волостномъ правленіи нѣтъ, такъ какъ они никогда не представляются туда. Пишутся они будто бы, однако, при каждомъ раздѣлѣ, составляются обыкновенно при двухъ-трехъ свидѣтеляхъ, скрѣпляются подписью сельскаго старосты и хранятся самими заинтересованными сторонами.

Изъ шести записанныхъ въ раздѣльную книгу случаевъ раздѣла въ двухъ сельскій сходѣ, согласно съ закономъ 18 марта 1886 года, ограничившись распределеніемъ одного только необходимаго для веденія крестьянскаго хозяйства имущества, относительно всего прочаго замѣтилъ, что оно раздѣлено самими сторонами по особымъ условіямъ между ними. Напротивъ, въ двухъ другихъ раздѣлахъ внесено въ приговоръ схода раздѣленіе обуви и одежды, а въ одномъ — самоваровъ и стѣнныхъ часовъ, хотя въ то же самое время въ этомъ послѣднемъ актѣ замѣчено, что движимость и домашняя обстановка дѣлятся по особому акту. Въ прочихъ приговорахъ распределѣлось только имущество необходимое для крестьянскаго хозяйства, безъ всякаго упоминанія о доляхъ сторонъ въ остальныхъ хозяйственныхъ и домашнихъ вещахъ, которыя, очевидно, дѣлились самими сторонами, безъ особыхъ письменныхъ условій на это.

Съ согласія отца, какъ домохозяина, заключено четыре раздѣльныхъ приговора. Въ трехъ изъ этихъ случаевъ у него жива еще жена, а въ одномъ

дастъ раздѣль своимъ сыновьямъ только престарѣлый отецъ. Относительно власти и доли родителей въ распределеніи имущества можно судить на основаніи трехъ приговоровъ, такъ какъ въ четвертомъ о части, взятой ими на себя, не сказано ничего. Цѣлаго хозяйства родители во всѣхъ трехъ случаяхъ не представляютъ изъ себя и потому, независимо отъ того, вмѣстѣ съ кѣмъ-нибудь изъ дѣтей или отдельно будуть жить, берутъ себѣ изъ общаго имущества только то, что необходимо для пропитанія и жизни вообще, т. е. что-либо изъ строенія, скота, зернового хлѣба, одежды и обуви.

Раздѣль братьевъ между собою заключается въ двухъ приговорахъ, причемъ въ одномъ случаѣ у нихъ жива была еще престарѣлая мать. Особой части имущества на нее не было опредѣлено, и, значитъ, «раздѣль» между нею и дѣтьми былъ чисто хозяйственный. Между самими же братьями,—какъ въ этомъ, такъ и въ другомъ случаѣ,—похозяйственный и поколѣній принципы дѣлежа совпадали, потому что братья должны были жить отдельно другъ отъ друга и получили по равной части, несмотря на то, что составъ семейства и былъ у нихъ различный. Точно также и въ предыдущихъ случаяхъ, т. е. при жизни отца или обоихъ родителей, братья получали на каждого равныя части, если даже послѣ раздѣла они и оставались жить вмѣстѣ, какъ это было, напримѣръ, при отдѣлѣ трехъ сыновей крест. дер. Соколова Степаномъ Трофимовыемъ. Слѣдовательно, собственно между братьями раздѣль былъ поколѣній, а между ними и родителями похозяйственный.

Причинами раздѣловъ въ друхъ приговорахъ указаны семейная несогласія, въ трехъ—несогласія и многолюдство, а въ одномъ—несогласія, многолюдство и желаніе отца жить отдельно отъ дѣтей, «для своего покоя на старости лѣть».

При распределеніи построекъ наблюдался болѣе хозяйственный, чѣмъ поколѣній, принципъ, такъ что на родителей, если они оставались послѣ раздѣла жить съ кѣмъ-нибудь изъ дѣтей, не выговаривалось отдельной части ни жилыхъ, ни хозяйственныхъ строеній. Это было въ двухъ раздѣлахъ. Въ третьемъ отецъ съ матерью, отдѣливъ отъ себя троихъ сыновей въ новый домъ, сами остались жить въ старомъ, а изъ холостой постройки взяли себѣ амбаръ и свиной сарай. Въ четвертомъ раздѣлѣ отецъ не взялъ для себя никакой постройки, а выговорилъ право жить у того изъ дѣтей, у кого самъ пожелаетъ. Онъ же не взялъ себѣ ничего и изъ всего остального имущества, обязавши дѣтей выдавать ему по 12 руб. ежегодно.

Братья послѣ раздѣла остались жить вмѣстѣ, не распредѣляя между собой никакихъ построекъ, только въ одномъ случаѣ,—когда отъ нихъ отдѣлился отецъ съ матерью. По всѣмъ остальнымъ приговорамъ происходилъ между ними раздѣль и строеній, причемъ только одинъ разъ онъ былъ не совсѣмъ полный,

такъ какъ старшій сынъ, отдѣлившись отъ младшаго брата и отъ отца, полу-
чилъ хотя и особую избу съ дворомъ, но въ связи со старымъ домомъ. Въ
отцовскомъ домѣ остался жить въ трехъ случаяхъ старшій изъ братьевъ и въ
одномъ младшій. На общий счетъ заблаговременно былъ выстроенъ братьями
особый домъ для отдѣлявшейся семьи только одинъ разъ, а въ трехъ другихъ
тотъ изъ братьевъ, который оставался въ родительскомъ домѣ, выплачивалъ
уходившему изъ него соотвѣтственную сумму денегъ на приобрѣтеніе особаго дома.

Хозяйственные постройки между братьями, когда они образовывали само-
стоятельный хозяйствъ, дѣлились, поровну, т. е. поколѣнно и вмѣстѣ нохозяй-
ственno. Если не было двухъ или болѣе построекъ одинакового назначенія, то
одна замѣнялась соотвѣтствующей по стоимости постройкою другого рода: амбаръ,
папримѣръ, сараи, сарай мякиницей и под. Въ общемъ владѣніе оставались
и послѣ раздѣла обыкновенно овины и бани: первый въ трехъ случаяхъ, вторая
въ двухъ. При одномъ раздѣлѣ, кромѣ овина и бани, остались еще въ совмѣ-
стномъ пользованіи: амбаръ, сарай, погребъ и колодезь.

При раздѣлѣ земли строго наблюдалась домохозяйственная право-и-
трудо-способность участниковъ дѣлежа, такъ что принципъ распределенія ея
былъ поколѣнно-трудовой. Поэтому родители во всѣхъ рассматриваемыхъ раз-
дѣлахъ, будучи уже въ престарѣлыхъ лѣтахъ, вовсе не взяли себѣ земли,—ни
надѣльной, ни выкупленной, братья же дѣлили между собою ту и другую землю
всегда поровну, независимо отъ того, велико ли у каждого изъ нихъ было семейство.

Въ распределеніи скота между родителями и дѣтьми къ хозяйственному
принципу присоединялся иногда и поколѣнійный. Такъ, отецъ съ матерью, от-
дѣливши трехъ сыновей и отказавшись отъ земли, оставили себѣ однако лошадь
и корову; въ другомъ случаѣ на долю младшаго брата, съ которымъ захотѣли
жить и родители, дана была лишняя противъ старшаго корова,—очевидно на
отца и на мать; за то въ другихъ двухъ раздѣлахъ ни отецъ, ни мать не
взяли себѣ изъ скота ничего. Между братьями скотъ дѣлился поколѣнно, по-
ровну: отдѣльно лошади, коровы и овцы. На каждое хозяйство во всѣхъ раз-
сматриваемыхъ раздѣлахъ досталось по лошади и не менѣе, чѣмъ по одной,
коровѣ и по двѣ овцы.

Изъ зернового хлѣба и принадлежностей крестьянскаго хо-
зяйства только въ одномъ случаѣ назначена была на долю родителей особая
часть, — тогда, когда они отдѣлили отъ себя троихъ сыновей; въ остальныхъ
раздѣлахъ хлѣбъ, земледѣльческія орудія, экипажи и под. дѣлились между однimi
братьями,—поровну, безразлично отъ того, съ кѣмъ изъ нихъ будетъ жить
отецъ, или мать, или тотъ и другая.

Одежда и обувь оставлялась за каждымъ членомъ семейства та, какую
кто носилъ или какую кто себѣ самъ завелъ.

Въ Вохтомской волости, самой глухой и самой маленькой изо всего уѣзда, состоящей всего только изъ двухъ сельскихъ обществъ, раздѣльные книги имѣются для каждого общества отдельно, но ви одного приговора въ нихъ не записано. Незаконныхъ раздѣльныхъ актовъ въ волостномъ правлениі также нѣть, такъ что никакихъ документальныхъ свѣдѣній объ условіяхъ раздѣловъ въ этой волости нельзѧ было получить. По словамъ мѣстныхъ жителей, приговоры сельского схода при раздѣлахъ вообще тамъ ве пишутся, а заключаются только, и то не всегда, письменныя условія самими дѣлящимися сторонами, даже безъ участія старости. Раздѣлы, конечно, существуютъ и здѣсь, и даже раздѣлы совершенно самовольные, когда дѣти уходятъ отъ отца безъ позволенія послѣдняго. Въ этихъ случаяхъ родители иногда ничего не даютъ отдѣлившимися дѣтямъ; напротивъ, послѣднія еще обязываются обществомъ платить за отца подати и выдавать ему ту или другую ежегодную сумму на пропитаніе.

Количество раздѣловъ въ Вохтомской волости удалось выяснить за періодъ времени съ 1894 г., изъ сравненія наличнаго, сообщеннаго волостнымъ старшиной, числа домохозяевъ каждой деревни въ 1898 г. съ тѣмъ, какое было въ 1894 г. и какое обозначено въ раскладочныхъ приговорахъ этого года, содержащихъ число дѣйствительныхъ домохозяевъ того времени. Оказалось, что по Яковлевскому обществу было за это время до 30 раздѣловъ, а по Долговскому до 17-ти, всего—около 47,—почти по 12 раздѣловъ на каждый годъ, что для такой малолюдной и для такой глухой волости нельзѧ не признать чи-сломъ сравнительно очень значительнымъ.

Въ Илекской волости книга для записи раздѣловъ существуетъ, но въ ней не записано ничего. Въ волостномъ правлениі сохранилось однако 11 раздѣльныхъ приговоровъ, написанныхъ на особыхъ листахъ и, очевидно, представленныхъ въ свое время въ правлениѣ для засвидѣтельствованія. Изъ нихъ 1 относится къ 1887 году, 7—къ 1889 г., 1—къ 1890 г. и 2—къ 1891 г. Послѣднимъ годомъ, очевидно, закончились всякия попытки представленія приговоровъ въ правлениѣ, и послѣ этого, по словамъ мѣстныхъ жителей, раздѣлы происходить уже съ формальной точки зрењія исключительно незаконные. Ихъ бываетъ въ волости будто бы только 2—3 въ годъ, и производятся они самими заинтересованными сторонами, при свидѣтеляхъ и сельскомъ старостѣ. Письменныя условія при этомъ не всегда заключаются, а если заключаются, то къ нимъ подписывается староста и свидѣтели. Сыновья, отходя отъ отца, часто обязуются платить за него подати или выдавать ему известную сумму на пропитаніе.

Изъ указанныхъ 11-ти раздѣльныхъ приговоровъ пять засвидѣтельствованы сельскимъ старостой и волостнымъ правлениемъ, такъ что въ первой инстанціи

носили на себѣ всѣ признаки законности. Но четыре изъ нихъ восходили на разсмотрѣніе высшей власти, которая по разнымъ причинамъ не утвердила ни одного, такъ что только одинъ семейный раздѣлъ,—между братьями Осиповыми изъ дер. Строева, и является здѣсь болѣе или менѣе законнымъ.

Всѣ четыре неутвержденныхъ раздѣла относятся къ 1889 году, и, можетъ быть, такое, такъ сказать, повально-отрицательное отношеніе къ нимъ уѣзднаго Присутствія, не оставшееся, безъ сомнѣнія, неизвѣстнымъ въ населеніи, вселилось послѣдніемъ убѣжденіе въ серьезной и даже непреодолимой трудности раздѣловъ, если производить ихъ по всѣмъ правиламъ недавняго закона. Не будетъ, следовательно, невѣроятнымъ предположеніе, что именно по этой причинѣ прекратились вскорѣ всякия попытки къ заключенію законныхъ раздѣловъ, такъ какъ сравнительное обиліе представленныхъ въ 1889 году въ правленіе раздѣльныхъ актовъ доказываетъ, что вначалѣ населеніе не имѣло особаго предубѣжденія противъ того пути къ раздѣламъ, который указанъ закономъ 18 марта 1886 года.

Въ трехъ случаяхъ причиною неутвержденія уѣздными Присутствіемъ раздѣльныхъ приговоровъ послужило то обстоятельство, что старшиною не было произведено установленного Наказомъ губернскаго Присутствія мѣстнаго разслѣдованія о правильности раздѣла, а также, что въ самихъ приговорахъ не обозначено было количества крестьянъ, бывшихъ на сходѣ, и числа всѣхъ домохозяевъ общества. Присутствіе требовало только дополненія раздѣльныхъ актовъ, но волостное правленіе и сами крестьяне, очевидно, сочли возможнымъ обойтись и безъ его утвержденія, такъ что оставили приговоры, какъ они были первоначально написаны. Четвертый раздѣльный актъ по жалобѣ отца и по отзыву непремѣнного члена Присутствія былъ вовсе отмѣненъ послѣднимъ, такъ какъ былъ заключенъ вопреки правиламъ закона 1886 г., требующимъ согласія на раздѣлъ главы семейства, и такъ какъ происходилъ не въ тотъ срокъ, который установленъ для раздѣловъ въ Чухломскомъ уѣзѣ.

Изъ 6-ти раздѣльныхъ актовъ, которые не свидѣтельствованы волостнымъ правленіемъ, одинъ представляетъ изъ себя только заявленіе матери сельскому старостѣ, чтобы сходъ произвелъ раздѣлъ ея дѣтей; остальные же пять не были засвидѣтельствованы правленіемъ вѣроятно потому, что ни на одномъ изъ нихъ нѣть ни подписи, ни печати сельского старосты, хотя онъ въ двухъ случаяхъ несомнѣнно былъ на сходѣ, такъ какъ это упомянуто въ самихъ приговорахъ; да и на прочихъ раздѣлахъ сельскій староста, вѣроятно, также былъ, потому что они происходили на сходахъ, и къ раздѣльнымъ актамъ подписались бывшіе на сходѣ крестьяне.

Объ объемѣ власти сельскаго схода и самихъ заинтересованныхъ лицъ на раздѣлъ вообще можно судить на основаніи 9-ти раздѣльныхъ актовъ. Въ

одномъ, какъ уже выше было упомянуто, мать просила сельского старосту произвести раздѣлъ ея дѣтей на сходѣ и такимъ образомъ признавала за послѣднимъ полную въ этомъ отношеніи власть. Самаго раздѣла здѣсь однако не указано, и потому нельзя узнать, какъ отнесся сходъ къ предоставленному ему праву и какъ подчинились его власти дѣти.—Два другіе приговора, относящіеся къ 1889 и 1891 гг., представляютъ въ сущности только формальное утвержденіе сходомъ раздѣловъ, фактически состоявшихъ уже нѣсколько лѣтъ ранѣе, по добровольному согласію сторонъ, такъ что въ этихъ случаяхъ сходу пришлось ограничиться весьма, напротивъ, незначительнымъ участіемъ въ раздѣлѣ. Точно также и въ другихъ четырехъ случаяхъ раздѣловъ центръ тяжести ихъ лежалъ не на сходѣ, а на самихъ дѣлившихъ семействахъ, потому что здѣсь прежде поступленія дѣла на сходѣ раздѣлъ происходилъ въ семьѣ, и тамъ же заключалось особое письменное условіе, которое сходъ только признавалъ и переписывалъ. Эти домашніе раздѣльные акты были представлены въ правленіе вмѣстѣ съ приговорами схода, и изъ нихъ видно, что иногда раздѣлъ происходилъ исключительно въ предѣлахъ семьи, такъ что и подписывались къ акту только заинтересованный стороны (въ одномъ случаѣ даже только отецъ); иногда, напротивъ, здѣсь присутствовали свидѣтели: крестьяне-сосѣди, крестьяне другихъ деревень и даже разъ—только двѣ крестьянки-сосѣдки. Наконецъ, въ одномъ случаѣ приговору сельского схода о раздѣлѣ отца съ сыномъ предшествовало духовное завѣщеніе отца, а потомъ обоюдная, данная сельскому старостѣ расписка отца и сына въ ихъ взаимныхъ обязательствахъ. На основаніи этой расписки сходъ произвелъ подробный между ними раздѣлъ и составилъ отдельный приговоръ, который приводили въ исполненіе черезъ 10 мѣсяцевъ старшина и староста съ окольными людьми. При этомъ они не выдали отцу сполна всего, чѣмъ ему назначено было, и потому онъ принесъ жалобу непремѣнному члену уѣздиаго Присутствія, и послѣднее, какъ уже выше сказано было, отмѣнило самый приговоръ, какъ незаконный.

Предѣлы вѣдѣнія схода въ самомъ распределеніи или только въ утвержденіи распределенія между сторонами общаго имущества сравнительно широкіе. Между десятью раздѣльными приговорами, въ которыхъ есть подробности этого распределенія, нѣтъ ни одного, ограничивающагося раздѣломъ только указанного въ законѣ 1886 года имущества: вездѣ къ этому имуществу, т. е. къ строеніямъ, домашнему скоту, надѣльной землѣ, хлѣбу и необходимымъ принадлежностямъ крестьянскаго хозяйства, присоединяется что-нибудь лишнее. Такъ, въ одномъ случаѣ была раздѣлена собственная земля, въ двухъ—общіе долги, въ семи—одежда, въ четырехъ—вообще все домашнее обзаведеніе, безъ указанія отдельныхъ его вещей, а въ нѣсколькихъ случаяхъ перечислены и такие предметы, какъ самоваръ, часы, бревна, посуда, тесь, бересто, овчины,

кадки, лари, шкафы, столы, ухваты, ковши, топоры, чугуны, стулья, мокъ, шерсть, лодка, кровать и даже одинъ разъ—кринка масла. По сравнению съ раздѣльными приговорами предыдущихъ волостей, здѣсь между прочимъ въ двухъ актахъ упомянуто о раздѣлениіи навоза, но послѣдній, можетъ быть, собственно говоря, отнесенъ къ необходимымъ принадлежностямъ крестьянского хозяйства, такъ что долженъ бы и всегда подлежать вѣдѣнію сельского схода.

Права и власть отца при раздѣлахъ виѣшнимъ образомъ выражаются въ томъ, что раздѣльный приговоръ пишется по большей части отъ его имени, такъ что, если изъ семьи отдѣляется одинъ изъ сыновей, а прочие остаются, отецъ и оставшіяся дѣти какъ будто даютъ уходящему члену семейства, чтобы сами находять нужнымъ; если же отецъ, находящійся уже въ престарѣлыхъ годахъ, даетъ раздѣлъ всѣмъ своимъ дѣтямъ, онъ представляется какъ будто бы полновластнымъ распределителемъ между ними общаго имущества, и потому, напримѣръ, при раздѣлѣ кр-на дер. Шуповатаго Александра Яковлева съ сыномъ, духовному завѣщанію его, сказано въ завѣщаніи, что отецъ награждаетъ сына такимъ-то и такимъ-то имуществомъ. Въ самомъ распределеніи общаго имѣнія отецъ однако получаетъ на себя и на жену, если она у него жива, гораздо меньшую часть, чѣмъ его дѣти, такъ какъ главнымъ соображеніемъ при этомъ служитъ хозяйственная работоспособность и будущность каждого члена семьи, имѣющаго право на общее имущество. Когда отецъ послѣ раздѣла остается жить съ кѣмъ-либо изъ дѣтей, на него иногда даже вовсе не указывается особой части — въ землѣ, въ посѣянномъ хлѣбѣ, въ строеніяхъ и въ хозяйственныхъ и домашнихъ принадлежностяхъ, дается же обыкновенно что-нибудь опредѣленное въ зерновомъ хлѣбѣ и въ скотѣ: въ хлѣбѣ по большей части равная съ дѣтьми часть, а въ скотѣ меньшая, такъ какъ ему уже нѣть надобности въ лошади. Однако, въ одномъ случаѣ раздѣла дѣтей при отцѣ послѣднему выдѣлено было въ каждомъ полѣ по 10 загоновъ земли, хотя онъ и долженъ былъ жить со старшимъ сыномъ; относительно этой земли оговорено было въ приговорѣ, что послѣ смерти отца она поступаетъ въ раздѣлъ между всѣми братьями по равнымъ частямъ. Въ осталномъ имуществѣ подобной оговорки не было ни разу, и нужно думать, что оно поступало тому сыну, съ которымъ отецъ жилъ.—Объ обязанности дѣтей давать родителямъ пропитаніе послѣ раздѣла раздѣльные акты обыкновенно не упоминаются. Только въ одномъ случаѣ сынъ былъ обязанъ выдавать на пропитаніе отца по 15 рублей ежегодно,—это, когда сынъ у него былъ единственный. Такимъ же образомъ мать, просившая сходъ о раздѣлѣ своихъ дѣтей, представила ему подпись сына обѣ ежегодной уплатѣ ей 3-хъ рублей, съ условіемъ не препятствовать выдать паспорта. Такимъ образомъ дѣти, которыхъ послѣ раздѣла начинали жить

отдельно отъ родителей, очевидно, освобождались тѣмъ самыи и отъ обязанности кормить ихъ.

При матери дѣти дѣлились въ 6-ти случаяхъ. Въ одномъ изъ нихъ, какъ уже упомянуто было, мать просила старосту произвести раздѣлъ дѣтей на сельскомъ сходѣ и такимъ образомъ сама не признавала за собой никакой власти въ распределеніи общаго имущества. Изъ другихъ подобныхъ раздѣльныхъ приговоровъ въ одномъ, между крестьянко дер. Заболотья Марьей Прокофьевой и дѣтьми, дѣло представлено въ такомъ видѣ, какъ бы мать раздаетъ сыновьямъ и невѣсткѣ общее имущество по собственному усмотрѣнію; въ прочихъ же приговорахъ раздѣлъ производится собственно между братьями, чтѣ, надо думать, бывало обыкновенно и на самомъ дѣлѣ. Ни въ одномъ случаѣ мать не уходитъ отъ дѣтей совсѣмъ, а всегда остается жить вмѣстѣ съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ: по двумъ раздѣльнымъ актамъ — со старшимъ сыномъ, а по тремъ — съ младшими. Особой части на нее не выдѣлено было въ одномъ приговорѣ, по которому она живетъ съ двумя младшими сыновьями и который собственно только формально узаконялъ раздѣлъ, фактически существовавшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Въ прочихъ случаяхъ мать получала всегда: избу безъ надворныхъ построекъ, корову или телушку, одинъ разъ — овцу, два раза — нѣкоторое количество зернового хлѣба, не въ равной долѣ съ дѣтьми, и одинъ разъ — одежду, какая на нее была шита. Остальное имущество дѣлилось только между дѣтьми, и мать не получала въ немъ никакой части, такъ что при этихъ раздѣлахъ преобладало хозяйственное основаніе, а не поколѣніе. Платежъ общихъ долговъ также не распространялся на мать, а о судьбѣ назначенаго ей имущества послѣ ея смерти не говорится нигдѣ ничего. Обязанность дѣтей, съ которыми мать по раздѣльному приговору осталась жить, кормить ее упомянута только въ одномъ случаѣ, — когда на мать не было выдѣлено и указано особаго имущества.

Между братьями безъ родителей было два раздѣла, и въ обоихъ случаяхъ общее имѣніе раздѣлено было на нихъ поровну, такъ что принципы хозяйственный и поколѣній здѣсь совпадали. При этомъ, когда дѣлились братья Павель Сергеевъ въ Иванъ и Максимъ Михайловы изъ дер. Строева, младшаго брата не было дома, — онъ служилъ въ солдатахъ, — и дѣлежъ произошелъ безъ него. — Въ раздѣлѣ же братьевъ при родителяхъ, по одному приговору старшій братъ получиль больше младшихъ въ надѣльной землѣ, — вѣроятно потому, что съ нимъ осталась жить мать. Въ четырехъ остальныхъ раздѣльныхъ актахъ, въ которыхъ части братьевъ и родителей указаны съ точностью, части эти были совершенно разны, независимо отъ состава семейства у каждого брата.

Семья умершаго брата участовала въ двухъ раздѣлахъ. Въ одномъ свекровь даетъ невѣсткѣ на дѣтей ея часть земли, равную съ той, какая была

назначена среднему сыну, и зернового хлѣба втрое болѣе, чѣмъ ему; а какъ дѣлилось остальное имущество, не известно, потому что семейства эти жили врозь еще за нѣсколько лѣтъ до составленія приговора. Въ другомъ случаѣ подобныхъ раздѣловъ о той долѣ имущества, которую дать снохѣ свекорѣ, отдѣляя отъ себя еще сына, также не сказано почти ничего и даже не видно, были ли у этой снохи дѣти.

Причины раздѣловъ указаны въ трехъ приговорахъ,—во всѣхъ семейная несогласія, причемъ въ одномъ изъ этихъ случаевъ разладъ между отцомъ и сыномъ дошелъ до такой степени, что, по заявлѣнію отца, онъ опасался за свою жизнь.

При распределеніи отдѣльныхъ частей общаго имущества жилыя постройки дѣлились поколѣнно, считая за особое колѣно родителей. Только въ одномъ случаѣ отецъ съ матерью просто перешли на жительство къ старшему сыну, не получивши повидимому никакой части въ строеніяхъ; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, когда они должны были жить вмѣстѣ съ кѣмъ-либо изъ дѣтей, имъ указывалась опредѣленная часть жилой постройки,—именно изба, тогда какъ сыну, съ которымъ они соединялись, отводилась другая половина дома, дворъ или даже полдвора. При этомъ только одинъ разъ мать и младший сынъ получили новую избу съ дворомъ на сломъ, чтобы построиться на другомъ мѣстѣ; въ прочихъ—мать оставалась въ старомъ домѣ и на старой дворинѣ. Отецъ ушелъ изъ стараго дома также въ одномъ случаѣ,—когда отдѣлялъ отъ себя единственнаго сына. Между ними сначала рѣшено было получить отцу съ сына 770 руб. за старый домъ и черезъ два года выстроиться на новомъ мѣстѣ, а до того времени жить у сына; но сынъ вскорѣ выгналъ отца, и тотъ построилъ себѣ отдѣльный домъ, такъ какъ имѣлъ собственный капиталъ. Между братьями далеко не всегда можно было раздѣлиться такъ, чтобы каждому доставался совершенно отдѣльный и вполнѣ устроенный домъ: часто приходилось отламывать только часть дома или же оставаться нѣкоторое время всѣмъ подъ одной крышей. Такъ, одинъ разъ, напримѣръ, старшій изъ трехъ братьевъ получилъ старую избу и клѣть, средній—старый дворъ и бревна, а младшій—новую избу: послѣдніе двое должны были 2 года жить вмѣстѣ, а всѣ трое это же время жили подъ одной кровлей и разгородили только на общий счетъ сѣни. Въ другомъ случаѣ старую избу и полдвора берегъ старшій братъ, младшій же съ матерью должны были отломать полдвора и новую избу и перейти на другое мѣсто. Или: мать со старшимъ сыномъ остается на старомъ мѣстѣ въ передней избѣ, заднюю же отламывается средній сынъ, а младшій получаетъ отдѣльную новую избу и 300 бревенъ. Или: отецъ со старшимъ сыномъ переходить въ новый домъ, средній же и младшій сыновья дѣлять старый домъ такъ, что новую избу съ крыльцомъ и сѣнами получаетъ

первый, а второй долженъ отломать старую избу съ дворомъ и подволокой и переселиться на новое мѣсто. Вообще полнаго обезпеченія всѣхъ дѣлившихся сторонъ жилыми постройками не было ни разу, а всегда кому-нибудь нужно было или жить до времени въ старомъ домѣ, или отламывать отъ него только нѣкоторую часть, или же строиться на новомъ мѣстѣ уже послѣ раздѣла, имѣя пока одни только срубы.

Хозяйственныя постройки распредѣлялись обыкновенно по хозяйствамъ, и потому родители, остававшіеся жить съ кѣмъ-либо изъ дѣтей, не получали изъ нихъ ничего. Но и дѣти по большей части имѣли въ своемъ распоряженіи для раздѣла весьма небольшое количество этихъ построекъ, такъ что, распредѣляя ихъ по возможности такимъ образомъ, чтобы каждый получилъ хоть что-нибудь въ этомъ родѣ,—то амбаръ, то сарай, то макинницу,—принуждены были чаще всего оставлять нѣкоторыя изъ строеній,—на время или навсегда,—въ общемъ пользованіи. Напримѣръ: три брата пользуются сообща овиномъ, амбаромъ, погребомъ и баню; два брата—амбаромъ, овиномъ и макинницею; два брата—овиномъ, который согласились даже сообща перестроить; два брата—амбаромъ втеченіе года и овиномъ навсегда; отецъ, сынъ и сноха—овиномъ и сараемъ, и т. под.

Лошади всегда дѣлились по хозяйствамъ, такъ что родители, не составлявшіе послѣ раздѣла отдѣльного хозяйства, никогда ихъ и не получали. Но лошадь такое цѣнное имущество въ крестьянскомъ обиходѣ, что и на каждое хозяйство не всегда приходилось дать особую лошадь, хотя, впрочемъ, здѣсь число раздѣловъ, при которыхъ всѣмъ хозяйствамъ досталось по лошади, сравнительно значительное,—пять. Въ прочихъ раздѣлахъ или одна лошадь давалась на два хозяйства; или выражалось согласіе сторонъ сообща пользоваться въ цѣлое лѣто лошадью, доставшуюся одному хозяйству; или, наконецъ, лошадь замѣнялась при раздѣлѣ чѣмъ-нибудь другимъ: въ одномъ случаѣ—коровою, а въ другомъ—двумя хорошими сбруями. Остальная скотина, какъ необходимая не столько для веденія крестьянскаго хозяйства, сколько вообще для пропитанія семьи, дѣлилась поколѣнно, и потому одна корова, а если возможно, то и овца, назначались родителямъ, а прочее дѣлилось поровну между младшими поколѣніями,—такъ, что, когда не доставало на всѣхъ по коровѣ и по овцѣ, корова уравновѣшивалась телушками или овцами. Ни которому хозяйству не досталось ни коровы ни овцы только одинъ разъ,—при раздѣлѣ трехъ братьевъ, крестьянъ дер. Строева Павла Сергеева и Ивана и Максима Михайловыхъ, 12 ноября 1889 года.

Надѣльная земля дѣлилась похозяйствено, и потому только одинъ разъ отецъ взялъ на себя часть ея, по 10 загоновъ въ каждомъ полѣ, къ одному мѣсту,—въ виду того вѣроятно, что, хотя онъ и остался жить съ

сыномъ, но быть еще въ силахъ,—59-ти лѣтъ. Притомъ же, послѣ его смерти земля эта должна была поступить опять въ раздѣль между его дѣтьми поровну, и такимъ образомъ хозяйственный принципъ дѣлежа возстановился сполна. Изъ остальныхъ указанныхъ въ приговорахъ распределеній надѣльной земли неравномѣрность раздѣла ея между самыми хозяйствами случилась одинъ разъ,—когда старшій братъ, оставшись съ матерью, получилъ тягло огородной земли, а два другихъ брата по полтаглу. — Въ раздѣлахъ собственной земли, бывшихъ только по двумъ приговорамъ, однажды мать, оставшись жить съ двумя младшими сыновьями, взяла на свое хозяйство 27 десятинъ, а другому сыну и дѣтямъ умершаго сына дала только по $6\frac{1}{2}$ десятинъ. Въ другомъ случаѣ собственная земля подѣлена была поровну между братьями, и мать, жившая съ однимъ изъ нихъ, не получила этой земли ничего.

Хлѣбъ въ зернѣ дѣлился обыкновенно поколѣнно, и на родителей выдѣлялась или равная съ дѣтьми часть, или же только нѣкоторое количество, за вычетомъ котораго все остальное поступало въ раздѣль дѣтей поровну. Въ двухъ однако раздѣлахъ на отца съ матерью и на мать не было назначено изъ зернового хлѣба вичего, а весь онъ пошелъ на сыновей.—Хлѣбъ въ землѣ дѣлился только одинъ разъ и вполнѣ похозяйственно, такъ что отецъ, отдѣляя старшаго сына и самъ оставаясь съ младшимъ, далъ первому изъ посѣяннаго хлѣба половину.

Отступленія отъ похозяйственнаго распределенія сбруи, экипажей и землемѣрческихъ орудій встрѣчаются два раза:—когда въ одномъ случаѣ отецъ, отдѣляясь отъ сына и не составляя особаго хозяйства, взялъ себѣ хомутъ, шлею, сани, молотило, косу и колоколецъ, и когда въ другомъ раздѣль матери досталась вмѣсто полушибка дуга и хомутъ.

Изъ одежды поступало обыкновенно каждому члену семьи то, что было шито на него или что онъ завелъ себѣ самъ, а посуда и домашнія принадлежности дѣлились по хозяйствамъ. Въ одномъ вирочемъ раздѣлѣ самоваръ поступилъ въ общее пользованіе раздѣлившихся братьевъ.

Платежъ общихъ долговъ распредѣлялся въ двухъ приговорахъ: по одному долгъ должны были заплатить только братья, безъ участія матери, поровну, а по другому—одинъ изъ братьевъ взялся заплатить долгъ младшаго брата, бывшаго на военной службѣ.

Въ раздѣльную книгу Калининской волости вписано три приговора: одинъ—въ 1894 г. и два—въ 1898 г. Волость эта большая, въ 3032 надѣльныхъ души, и состоитъ изъ 13-ти сельскихъ обществъ. Очевидно, что указанные раздѣлы должны быть только весьма незначительной частью всѣхъ вообще раздѣловъ. О приближительномъ числѣ ихъ за 1894—1898 гг. и за

1886—1898 гг. можно до некоторой степени судить изъ представляемой ниже таблицы, которая показываетъ, съ одной стороны, наличное число домохозяевъ по раскладочнымъ вѣдомостямъ 1894—1898 гг., заключающимъ въ себѣ всякий отдельный дворъ, независимо отъ того, по законному или незаконному раздѣлу онъ образовался, и, съ другой, формально-законное число домохозяевъ по выборнымъ приговорамъ 1898 г., въ которые не должны были вноситься съ 1886 г. домохозяева, не получившіе надлежащаго утвержденія своихъ раздѣловъ. Поэтому разница между числами раскладочныхъ вѣдомостей должна бы показать приблизительное количество всѣхъ семейныхъ раздѣловъ въ каждомъ обществѣ особо и во всей волости вмѣстѣ по отдельнымъ годамъ и за весь periodъ времени 1894—1898 гг., а разница между цифрою раскладочныхъ вѣдомостей за 1898 г. и цифрою домохозяевъ по выборнымъ приговорамъ этого года должна обозначить приблизительное число всѣхъ семейныхъ раздѣловъ въ каждомъ обществѣ и въ волости за periodъ времени съ 1886 по 1898 гг. Цифры эти, конечно, не могутъ показать дѣйствительнаго числа раздѣловъ, потому что увеличеніе и уменьшеніе количества крестьянскихъ хозяйствъ происходить и отъ другихъ, кромѣ раздѣловъ, причинъ,—приписки къ обществамъ отдельныхъ семействъ со стороны и выписки на сторону, а также вымирание семей,—но причины эти производятъ настолько незначительное измѣненіе въ числѣ хозяйствъ, что позволяютъ считать цифры разницы другъ съ другомъ наличныхъ хозяевъ и цифры разницы этихъ же чиселъ съ числами законныхъ домохозяевъ за весьма близкія къ дѣйствительному цифрамъ семейныхъ раздѣловъ. Но нужно замѣтить, что приводимая ниже таблица не можетъ быть вполнѣ точною и совершенно полною еще и потому, что раскладочные вѣдомости сохранились въ волостномъ правлѣніи не всѣ, а въ выборныхъ приговорахъ не всегда обозначено общее число домохозяевъ: для этой цифры оставлено иногда тамъ одно только мѣсто, такъ что въ подобныхъ случаяхъ для общихъ итоговъ она заимствована нами изъ выборныхъ приговоровъ какого-либо предшествующаго года, начиная съ 1894-го, тѣмъ болѣе, что измѣнялась она вообще очень рѣдко и весьма незначительно.

Вотъ эта таблица:

ОБЩЕСТВА.	Раскладочные вѣдомости.					Выборные приговоры 1894—1898 года.	Число сен. раздѣловъ.	
	1894 г.	1895 г.	1896 г.	1897 г.	1898 г.		1894—1898 или 1861—1898 гг.	
Аксеновское . . .	873	383	380	377	378	270	5	108
Горловское . . .	нѣтъ.	91		88	97	82	не мензѣ 6	15
Григоровское . . .	64	64	нѣтъ.	68	70	42	6	28
Дорковское . . .	38	38		36	36	23	—	15
Климовское . . .	98	нѣтъ.		101	101	82	3	19
Липихинское . . .	92	90	91	90	91	74	—	17
Макарынское . . .	нѣтъ	65	65	65	62	55	—	7
Мальгинское . . .		94	нѣтъ.	93	91	62	—	29
Медехинское . . .	45	49	48	51	53	52	8	1
Натальинское . . .	363	365	нѣтъ.	376	383	250	20	133
Никулинское . . .	89	90	90	90	91	90	2	1
Сывкинское . . .	46	47	46	46	48	26	2	22
Федяевское . . .	54	54	53	54	53	52	—	1
Всѧ волость .	—	—	—	—	—	—	около 52	396

Количество раздѣловъ за періодъ времени 1894—1898 гг. явилось здѣсь изъ сравненія чисель раскладочныхъ вѣдомостей 1898 г. съ числами тѣхъ же вѣдомостей за 1894 годъ. Вместо послѣднихъ цифръ въ тѣхъ обществахъ, где за 1894 г. раскладочныхъ вѣдомостей не оказалось, взяты вѣдомости 1895 г., а когда числа 1898 г. оказались равными или даже меньшими чиселъ 1894 г., предполагалось, хотя конечно и не съ полнымъ основаніемъ, что семейныхъ раздѣловъ тутъ за весь рассматриваемый періодъ времени совсѣмъ не было. Въ общей сложности во всей волости оказалось такимъ образомъ за это время около 52 раздѣловъ или, среднимъ числомъ, по 13 раздѣловъ въ годъ.

Количество раздѣловъ за 1886—1898 гг. получилось изъ сличенія раскладочныхъ вѣдомостей 1898 г. съ выборными приговорами за тотъ же годъ; но такъ какъ общая и годичныя цифры оказались при этомъ настолько значительными, что въ среднемъ приходилось бы во всю волость не менѣе 33-хъ раздѣловъ въ годъ, а на періодъ времени за 1886—1894 гг. и еще

болѣе несообразное число ($396 - 52 = 344 : 8 = 43$), то нужно думать, что и здѣсь, какъ и въ Бушневской волости, количество домохозяевъ въ выборныхъ приговорахъ почти не измѣнялось, можегь быть, съ самаго начала волостной жизни, съ 1861 года. При такомъ предположеніи средняя цифра ежегодныхъ раздѣловъ равнялась бы почти 11-ти, а это настолько близко подходитъ къ средней и очень вѣроятной цифре за 1894—1898 гг., что указанное предположеніе должно считать довольно близкимъ къ дѣйствительности.

Обращаясь къ раздѣламъ, записаннымъ въ волостную книгу, видимъ, что два изъ нихъ происходили между братьями при жизни матери, и одинъ—только между братьями. Въ первыхъ двухъ случаяхъ у обоихъ братьевъ была уже до раздѣла особая осѣдлости и особые дома съ хозяйственными строеніями, такъ что раздѣлы здѣсь состояли собственно въ выдѣль нѣкоторой части имущества матери. Въ одномъ случаѣ старшій братъ даже не присутствовалъ при раздѣлѣ, а, «находясь на промышленности», нотаріально передалъ свои права сыну. Мать осталась при этомъ въ старомъ домѣ со старшимъ сыномъ и получила на себя корову и 10 мѣръ хлѣба, а все остальное раздѣлено было между братьями поровну. Въ другомъ раздѣлѣ точно также мать рѣшилась жить со старшимъ сыномъ, и точно также ей дана была корова и 10 мѣръ хлѣба, а прочее пошло поровну на братьевъ, такъ что и собственная земля раздѣлена была только между ними же.—По третьему раздѣльному приговору двое братьевъ разошлись въ разные дома: старшій остался въ прежнемъ домѣ, а младшій ушелъ въ новый. Все хозяйство и надѣльную землю они раздѣлили между собою на двѣ равныя части, причемъ у обоихъ у нихъ оказалось по лошади, и вообще они были снабжены всѣмъ необходимымъ для хозяйства въ достаточномъ количествѣ.

Причины раздѣловъ указаны въ двухъ случаяхъ: въ одномъ—многолюдство, а въ другомъ—семейная несогласія.

Въ Коровской волости на каждое сельское общество существуетъ особая раздѣльная книга, но записано въ этихъ книгахъ съ 1886 г. только три приговора: два по Ермаковскому обществу и одинъ по Маланыинскому. Раздѣлы эти были: въ 1887 г., 1889 г. и 1898 г. Книги прочихъ четырехъ обществъ совершенно пусты.

Такъ какъ въ волостномъ правленіи имѣются раскладочные приговоры, составленные особо для каждой деревни въ 1894 и 1895 гг., по закону 8 июня 1893 г., на 12 лѣтъ, и, такъ какъ, съ другой стороны, тамъ же есть списки домохозяевъ каждого общества, также по отдельнымъ деревнямъ, составленные къ 1 января 1896 г., то здѣсь возможно было составить изъ сличенія цифръ тѣхъ и другихъ списковъ приблизительное представление о числѣ семейныхъ раздѣловъ съ 1886 по 1894—1895 гг. Раскладочные

приговоры несомнѣнно представляютъ наличное число отдельныхъ крестьянскихъ хозяйствъ ко времени ихъ составленія, т. е. по одиѣмъ деревнямъ къ 1894-му, а по другиимъ къ 1895 году. Но общая сумма этихъ чиселъ не можетъ выражать количества всѣхъ хозяйствъ волости, такъ какъ по нѣкоторымъ деревнямъ раскладочные приговоры находились у земскаго начальника, и потому относительно обществъ, къ которымъ эти деревни принадлежать, приходится ограничиться цифрою домохозяевъ меньшей, чѣмъ въ дѣйствительности. Списки же домохозяевъ хотя и составлены были къ 1896 году, т. е. позже, чѣмъ писались раскладочные приговоры, однако число хозяйствъ въ нихъ поставлено менѣе, чѣмъ по раскладкамъ, и слѣдовательно въ нихъ вносились не всѣ отдельные дворы, а вѣроятно только такие, которые образовались по законнымъ семейнымъ раздѣламъ. При этомъ, числа списковъ разнятся отъ цифръ раскладочныхъ приговоровъ не особенно значительно, и можно поэтому думать, что они остались неизмѣнными не съ 1861-го, а съ 1886 года. Вслѣдствіе этого, разница между тѣми и другими должны дать приблизительное минимальное число семейныхъ раздѣловъ за 1886—1894—1895 гг., потому что увеличеніе и уменьшеніе хозяйствъ отъ другихъ, помимо раздѣловъ, примиѳь всегда бываетъ очень незначительны. Сопоставленіе цифръ раскладочныхъ приговоровъ и списковъ домохозяевъ по каждому обществу представляетъ слѣдующая таблица:

	О Б Щ Е С Т В А.						ВСЯ ВОЛОСТЬ.
	Ери- ковское.	Еликов- ское.	Малань- инское.	Рязан- ское.	Салива- новское.	Трасев- ское.	
Списки домохозяевъ въ 1896 г. .	242	41	90	42	62	42	519
Раскладочн. приговоры въ 1894 или 1895 году.	болѣе 264	43	94	44	68	45	болѣе 558
Приблизительное число семейн. раздѣловъ въ 1886—1894— 1895 г.	22	2	4	2	6	3	болѣе 39

Въ среднемъ, такимъ образомъ, на всю волость приходится въ годъ не менѣе четырехъ или пяти семейныхъ раздѣловъ, въ число это при сравнительной незначительности волости является довольно вѣроятнымъ.

Изъ записанныхъ въ раздѣльныя книги приговоровъ два касаются раздѣловъ между братьями при жизни одного и обоихъ родителей и одинъ—только между братьями.

8 февраля 1887 г. раздѣлился крестьянинъ дер. Баршакина Иванъ Власовъ съ двумя сыновьями вслѣдствіе семейныхъ несогласій и многолюдства.

Здесь любопытно то, что раздѣлились между собою не одни дѣти, но и родители, такъ какъ отецъ остался жить со старшимъ сыномъ, а мать съ младшимъ. Въ раздѣльный приговоръ внесены доли каждой стороны только въ строеніяхъ, скотѣ, хлѣбѣ и земледѣльческихъ орудіяхъ,—остальное же имущество было раздѣлено по домашнему полюбовному акту, предъявленному сходу, но не записанному въ его приговоръ. Изъ того имущества, которое дѣлилось на сходѣ, родители получили по нѣкоторой, хотя и не равной съ дѣтьми, части въ строеніяхъ и скотѣ, а все прочее раздѣлено было чисто похозяйственно, поровну между братьями, такъ что отцу досталась изба, горница, сарай и корова, а матери—горница и корова, между тѣмъ какъ братья взяли себѣ по двору, по сараю, амбару, по лошади, коровѣ, овцѣ съ ягнятами и т. д. Относительно имущества отца сказано, что послѣ его смерти оно переходить къ старшему сыну и дѣтямъ его.

При раздѣлѣ крестьянина дер. Гузина Ивана Миронова съ двумя сыновьями въ приговоръ внесены доли каждого участника дѣлежа не только въ строеніяхъ, скотѣ, хлѣбѣ, землѣ и земледѣльческихъ орудіяхъ, но и въ одѣждѣ, иконахъ, самоварахъ, посудѣ и часахъ, а относительно остальной движимости сказано, что она должна быть раздѣлена между братьями поровну и миролюбно. Отецъ (65 лѣтъ) остался жить съ младшимъ сыномъ на старомъ месте, и доставшееся ему имѣніе должно послѣ его смерти перейти въ пользу этого сына, который обязанъ кормить и поить его до смерти. На долю его была дана изба, корова, телушка, два поросенка, нѣкоторые иконы, самоваръ, третью чайной посуды и треть зернового хлѣба и корма для скота, такъ что только это имущество и дѣлилось поколѣнно, а хозяйственныя постройки, лошади, хлѣбъ въ землѣ, самая земля и земледѣльческія принадлежности раздѣлены были на два хозяйства между братьями, поровну. Въ общемъ владѣніи остались баня и овинъ, а одѣжда оставлена каждому члену семьи та, какая на немъ была. Самый раздѣлъ произошелъ вслѣдствіе семейныхъ несогласій и многолюдства.

По третьему приговору отдѣлялся 20 марта 1898 года изъ 6-ти братьевъ старшій. Но такъ какъ у него былъ уже до этого времени собственный домъ и полное хозяйство, а усадебная и полевая земля значилась на немъ отдельно еще по раскладочному приговору 1894 года, то, очевидно, этотъ раздѣлъ существовалъ фактически ранѣе, и раздѣльный приговоръ только давалъ ему законную форму.

Въ Мирохановскомъ волостномъ правленіи сохранилось только четыре раздѣльныхъ приговора, составленныхъ на сельскихъ сходахъ, подписанныхъ участниками схода и сельскими старостами, но почему-то не засвидѣтельствованныхъ волостнымъ правленіемъ и не записанныхъ въ книгу, такъ что и

раздѣлы эти являются въ сущности не вполнѣ законными. Одинъ изъ нихъ относится къ 1892 г., два—къ 1897-му и одинъ къ 1898 году.

Не подлежащее вѣдѣнію сельскаго схода имущество упомянуто здесь только въ одномъ приговорѣ,—когда между деверемъ и невѣсткой дѣлилось не только то, что составляетъ необходимую принадлежность крестьянского хозяйства, но и иконы, самовары, столы, шкафы, лари и отцовскіе частные долги. О согласіи родителей на раздѣлъ упомянуто во всѣхъ трехъ приговорахъ, производившихся при ихъ жизни; въ одномъ изъ нихъ это согласіешло даже, какъ отъ главы семейства, отъ матери, потому что отца уже не было въ живыхъ.

Особая часть имущества была выдѣлена отцу только въ одномъ случаѣ, а въ двухъ остальныхъ родители просто оставались жить съ кѣмъ-нибудь изъ дѣтей, и отдельной доли общаго имѣнія на нихъ не указывалось; братья же, равно какъ и деверь со всей семьей невѣстки, вездѣ пользовались одинаковыми правами на распредѣлявшееся между ними похозяйственно и поровну имущество. Что касается отца, хотя и оставшагося жить вмѣстѣ съ сыномъ, но взявшаго себѣ особую долю, то послѣдня заключалась въ строеніяхъ, скотѣ и зерновомъ и посѣянномъ хлѣбѣ. Слѣдовательно, только это имущество и дѣлилось поколѣнно, а все остальное, такъ же какъ и имущество въ прочихъ раздѣлахъ, дѣлилось по отдельнымъ хозяйствамъ, независимо отъ состава семействъ.

Въ жилыхъ постройкахъ не всегда возможно было каждому хозяйству имѣть готовое и вполнѣ отдельное отъ другихъ помѣщеніе, такъ что въ одномъ случаѣ два младшіе брата получили со старшаго вмѣсто своей части общаго дома деньги, а въ другомъ—хотя младшій братъ и сталъ жить въ своемъ домѣ, но послѣдній былъ пристроенъ къ старому,—сади. Родители во всѣхъ трехъ случаяхъ остались жить съ тѣми дѣтьми, которыхъ получили старые дома: въ двухъ раздѣлахъ со старшими и въ одномъ—съ младшимъ сыномъ.

Изъ хозяйственныхъ строеній въ общемъ владѣніи по всѣмъ четыремъ раздѣламъ остались овины; кромѣ этого, по одному раздѣлу раздѣлившіяся семейства должны были пользоваться сообща мякинницей, погребомъ и баней, а по другому—амбаромъ, сараемъ и баней.

По особой лошади и даже по коровѣ не получили братья въ одномъ раздѣлѣ: отецъ взялъ себѣ здѣсь со старшимъ сыномъ лошадь и двухъ коровъ, а старшему и младшему сыновьямъ достались,—одному теленокъ, другому—телушка.

Причины раздѣловъ указаны въ двухъ случаяхъ: въ обоихъ многосемейность.

Въ Муравищенской волости не записано въ книгу ни одного семейнаго раздѣла. Но тамъ сохранилось въ волостномъ правленіи 11 раздѣльныхъ актовъ, составленныхъ на сельскихъ сходахъ и представленныхъ сельскими

старостами въ правление для засвидѣтельствованія. Изъ нихъ 6 актовъ относятся ко времени до 18 марта 1886 г., начиная съ 1873 г., а 5 къ по-слѣдующему времени, именно: 3 къ 1887-му и 1 къ 1897 году. Кроме того, волостными старшинами было указано мнѣ еще 5 раздѣловъ, бывшихъ въ волости за 1886—1898 гг., такъ что всѣхъ раздѣловъ за эти 12 лѣтъ было здѣсь только 10, что объясняется, можетъ быть, незначительностью самой волости, состоящей лишь изъ 5 сельскихъ обществъ, а, можетъ быть, и тѣмъ, что волость эта сравнительно глухая, и отсюда промыселъ развитъ здѣсь не-сколько менѣе, чѣмъ въ иѣкоторыхъ другихъ волостяхъ.

По своей формѣ раздѣльные приговоры до и послѣ 1886 года ничѣмъ существеннымъ не отличаются, такъ что, очевидно, законъ 18 марта искажено не повліалъ ни вообще на условія, какими раздѣлы сопровождались здѣсь раньше, ни, въ частности, на участіе, какое принималъ въ нихъ сельскій сходъ и общество. Волостными правленіемъ засвидѣтельствованы три приговора: два до 18 марта 1886 г. (одинъ въ 1875-мъ, другой въ 1877 г.) и одинъ 5 декабря 1897 года, почему-то не занесенный въ раздѣльную книгу. Изъ остальныхъ раздѣльныхъ актовъ на иѣкоторыхъ подписались бывшие на сходахъ крестьяне и сельскій староста, который иногда прикладывалъ, а иногда не прикладывалъ своей печати; на другихъ—только крестьяне, безъ старосты; а въ одномъ случаѣ раздѣль происходилъ, очевидно, домашнимъ порядкомъ, такъ какъ къ приговору подписались лишь дѣлившіяся стороны. Значитъ, вообще участіе схода въ семейныхъ раздѣлахъ здѣсь не всегда признавалось обязательнымъ, и раздѣлы могли совершаться помимо общества. Самъ сходъ признавалъ это возможнымъ по крайней мѣрѣ въ распределеніи дѣлишаго имущества и, напримѣръ, при раздѣль крестьянъ дер. Ноговицына Ильиныхъ, въ марѣ 1875 г., ограничился однимъ дозвolenіемъ раздѣла вообще, поручивши произвести его старостѣ съ окольными людьми. Точно также въ декабрѣ 1885 г. сходъ особымъ приговоромъ дозволилъ произвести раздѣль между крестьяниномъ дер. Бочкова Павломъ Сергеевичемъ и его неродной матерью съ малолѣтними дѣтьми въ присутствии опекуна, сельского старосты и окольныхъ людей.

Что касается того, какого рода имущество записывалось въ приговоры и, слѣдовательно, подвергалось вѣдѣнію сельского общества, то по большей части оно ограничивалось только необходимыми для веденія крестьянскаго хозяйства предметами, а иногда и другими, болѣе или менѣе цѣнными вещами. Такъ, въ трехъ раздѣльныхъ приговорахъ упомянуто распределеніе одежды и обуви, въ двухъ—одежды, въ одномъ—долговыхъ обязательствъ, а въ иѣкоторыхъ—такихъ предметовъ, какъ: самоваръ, чайная посуда, коверъ, лари, шкафы и карманные часы.

Отецъ и сынъ дѣлились между собою только по одному приговору,

отецъ надѣлялъ имуществомъ сына, какъ хотѣль, такъ что и въ раздѣльномъ актѣ было сказано, что онъ «награждаетъ» сына такимъ-то и такимъ-то имѣніемъ. Что оставилъ тутъ отецъ себѣ, изъ приговора не видно, но сына онъ надѣлилъ повидимому достаточно и даже отдалъ ему не только лошадь, корову, 2-хъ овецъ, избу сбоку и земледѣльческія орудія, но и весь постѣянный хлѣбъ, выдѣливъ себѣ изъ зернового хлѣба двѣ трети,—очевидно, на себя и жену. Такимъ образомъ онъ, хотя и «награждалъ» сына, однако считалъ себя вправѣ взять на свою долю только то, что необходимо было ему для пропитанія, а не для веденія самостоятельного хозяйства.

Сыновья при матери раздѣлялись въ трехъ случаяхъ. Въ одномъ изъ нихъ мать даетъ отдѣляющемуся отъ нея и отъ младшаго брата и сестры сыну также что хочетъ, оставляя однако въ своемъ домѣ изъ зернового и постѣянного хлѣба только половину и тѣмъ самымъ не признавая за собой и дочерь равныхъ съ сыномъ на этотъ хлѣбъ правъ. Въ другомъ случаѣ мать, отъ которой отдѣлился неродной сынъ съ двумя своими сестрами, получила часть общаго имѣнія только на своихъ малолѣтнихъ дѣтей; а въ третьемъ было оговорено, что, если мать вздумаетъ стоять отъ сына, съ которымъ согласилась жить, то послѣдній обязанъ выдать ей избу и корову. Значитъ, и въ отношеніи къ матери, какъ и къ отцу, вообще право признавалось не на все имущество, а только на то, которое необходимо для жизни ея, но не для отдѣльного хозяйствованія.

Права тестя относительно раздѣла имѣнія между нимъ и принятymъ въ домъ зятемъ болѣе широкія и опредѣляются вполнѣ его волею. Такъ, когда зять, проживши съ тестемъ мирно 9 лѣтъ, началъ на десятомъ прѣтѣнять его, тотъ попросилъ сельскій сходъ вывести зятя изъ дома, и сходъ удалилъ его къ родной матери, а изъ имѣнія постановилъ выдать ему только за работу его минувшимъ лѣтомъ 5 мѣръ озимаго хлѣба, 3 мѣры ячменя и 10 мѣръ овса. Въ другомъ случаѣ тестъ, принимая зятя въ домъ, заблаговременно составляетъ съ нимъ раздѣльный актъ, по которому въ случаѣ раздѣла подписывается ему половину всего имущества и оговаривается, что, если онъ, тестъ, «по милости Божіей» помреть, то его доля имѣнія должна пойти зятю, за выдѣломъ только коровы старшой дочери. Съ своей стороны, зять обязуется за это кормить тестя до смерти.

Свекоръ, раздѣля между собой и снохой съ двумя ея малолѣтними сыновьями скотину, а также зерновой и постѣянный хлѣбъ, счелъ себя вправѣ взять изъ скота половину, а изъ хлѣба только третью часть. Въ другомъ раздѣле свекровь беретъ себѣ изъ имущества умершаго сына, вдова котораго, оставшись съ малолѣтнею дочерью, хочетъ снова выйти замужъ, всю постройку, а невѣстку «награждаетъ» скотиной и всемъ зерновымъ хлѣбомъ.

Братъ, отъ котораго уходить «въ келью» сестра, также «награждается»

ее по собственному усмотрѣнію. Онъ берется поставить ей изъ бани келью, дасть право безпрепятственно рубить въ его полосѣ лѣсъ для отопленія и снабжаетъ ее двумя шубами и сапогами, а также 10-ю мѣрами ржи, предупреждая однако, что послѣ этого она должна кормиться сама.

Братья безъ родителей дѣлились одинъ разъ и оба получили по равной части во всемъ имущество. Точно также и при матери они получали себѣ совершенно равные части, независимо отъ состава семейства у каждого. Только убогій братъ при раздѣлѣ кр-нки дер. Быкова Феклы Сергеевой съ неродными дѣтьми получилъ гораздо большую часть, чѣмъ его братья и сестры: все имущество здѣсь было точно оцѣнено, и половина его отдана была убогому, а другую половину раздѣлили на 5 частей,—поровну на трехъ сестеръ и двухъ братьевъ.

Доля зятя, какъ уже было ранѣе видно, опредѣляется или волею тестя или особымъ съ нимъ договоромъ. Когда тесть подписывалъ зятю половину имущества, онъ оговорялъ также и то, кому эта половина пойдетъ послѣ смерти зятя: если толькъ «по милости Божіей» помретъ, все должна наследовать его «хозяйка».

Право сестеръ на общее съ братьями имѣніе тоже было видно выше: въ одномъ раздѣлѣ сестра получила только то, чѣмъ «наградилъ» ее братъ, а въ другомъ тремъ сестрамъ, правда малолѣтнимъ, были выдѣлены, по точной оцѣнкѣ, совершенно равная съ братьями части.

Причины раздѣловъ указаны въ двухъ случаяхъ: въ одномъ семейныя ссоры, а въ другомъ—притѣсненіе зятемъ тестя.

Общая оцѣнка всего дѣлнаго имущества, безъ указанія цѣнности отдѣльныхъ предметовъ, производилась два раза, и въ обоихъ отдѣлившіеся братья получили свои доли деньгами съ тѣхъ, которые остались жить въ родительскомъ домѣ. Въ третьемъ раздѣльномъ приговорѣ, уже упомянутомъ выше, оцѣнена была подробно каждая вещь, и сообразно этому разсчитана точно доля каждого участника дѣлежа.

При распределеніи построекъ не всегда случалось, чтобы отдѣльные хозяйства были обеспечены жилыми помѣщеніями. Такъ, въ двухъ раздѣлахъ уходившія изъ дома стороны не получили въ этомъ отношеніи совсѣмъ ничего, а въ двухъ братья взяли свои части деньгами, такъ что одному брату негдѣ было жить, и въ раздѣлѣ выговорено было право прожить ему 2 года въ избѣ старшаго брата, хотя въ этомъ же самомъ случаѣ матъ, оставшаяся жить со старшимъ сыномъ, взяла себѣ избу, такъ что поколѣнійный принципъ раздѣла имѣлъ здѣсь большее значеніе, чѣмъ нохозяйственный. По двумъ другимъ раздѣльнымъ актамъ раздѣлъ вовсе даже не касался построекъ,—ни жилыхъ, ни холостыхъ,—и раздѣлившіеся стороны должны были жить въ одной избѣ

и послѣ раздѣла, какъ и до него. Затѣмъ, въ одномъ случаѣ отдѣлившійся отъ отца сынъ хотя и получилъ себѣ избу, но она была пристроена сбоку къ избѣ отца и не имѣла даже особыхъ стѣнъ; въ раздѣлѣ было сказано, что сынъ можетъ не отламывать этой избы до своей «исправы», т. е. до тѣхъ поръ, пока не соберется съ силами, чтобы поставить особый домъ. Когда же отдѣлялись члены семьи, не имѣвшіе возможности образовать отдельное хозяйство,— напримѣръ, вдова, выходившая вновь замужъ,— имъ въ постройкахъ совсѣмъ не давали части.

Относительно хозяйственныхъ строеній еще менѣе можно было ожидать, чтобы дѣлившіяся семьи были снабжены ими каждая отдельно въ достаточномъ количествѣ. Поэтому, здѣсь по большей части оставались и послѣ раздѣла въ общемъ владѣніи такія постройки, какъ овинъ, баня и другія. Овинъ, напримѣръ, остался въ общемъ владѣніи въ четырехъ случаяхъ, баня—въ двухъ, а амбаромъ рѣшено было однажды пользоваться сообща до «исправы» одной изъ дѣлившихся сторонъ.

Домашнею скотину дѣлившіяся семьи тоже не могли быть снабжены всегда въ достаточномъ числѣ. Такъ, въ двухъ раздѣлахъ уходившая на новое хозяйство семья оказались безъ всякаго скота; въ двухъ рѣшено было пользоваться сообща лошадью и послѣ раздѣла, — на одно лѣто и навсегда; въ одномъ — отдѣлившаяся семья уходила безъ лошади, такъ какъ та осталась въ старомъ домѣ; а въ одномъ, напротивъ, уходившей въ новое замужество невѣсткѣ дана была и лошадь, и корова, и три овцы.

Зерновой хлѣбъ дѣлился иногда поколѣнно,—поровну, иногда—похозяйственно, а иногда по нѣкоторымъ другимъ соображеніямъ. Такъ, свекоръ, напримѣръ, береть себѣ третью, а двѣ трети отдѣляетъ снохѣ съ двумя ея малолѣтними сыновьями; въ другомъ случаѣ отецъ на себя и жену взялъ двѣ трети, а отдѣлившемуся сыну даль третью; въ третью—старшему сыну, ушедшему отъ матери, брата и сестры, дана была половина, а другая осталась всѣмъ прочимъ членамъ семьи; въ четвертомъ, наконецъ, единокровные, но неединоутробные братья и сестры взяли каждый поровну, а матери не было предоставлено ничего.

Посѣянный хлѣбъ обыкновенно дѣлился похозяйственно, такъ что родители, не составлявшіе послѣ раздѣла особаго хозяйства, не получали и хлѣба въ землѣ. Даже въ томъ случаѣ, когда все прочее имущество, за выдѣломъ половины на убогаго брата, дѣлилось между единокровными братьями и сестрами поровну, хлѣбъ въ землѣ раздѣленъ былъ на двѣ половины, и одну изъ нихъ дали малолѣтнимъ брату и сестрѣ, отдѣлившимся съ матерью, а другую взялъ старшій братъ, принявший къ себѣ убогаго брата и двухъ сестеръ. Впрочемъ, похозяйственный принципъ дѣления въ двухъ случаяхъ и здѣсь былъ

выдержанъ не совсѣмъ; въ первомъ свекоръ взялъ себѣ хлѣба въ землѣ треть, а другій двѣ отдалъ снохѣ съ двумя малолѣтними сыновьями; въ другомъ— уходившей въ новое замужество невѣсткѣ съ малолѣтней дочерью дали цѣлую половину посѣяннаго ея мужемъ хлѣба.

Обруя и земледѣльческія орудія дѣлились по хозяйствамъ; одежда давалась какая кому шита, а обувь распредѣлялась «по ногамъ».

Въ Судайской волости не записано въ книгу ни одного раздѣльного приговора. Точно также нѣть въ волостномъ правленіи ни одного и неутвержденного акта за все время послѣ 18 марта 1886 года. По словамъ волостного писаря, мѣстного старожила, въ настоящее время раздѣлы тамъ часты, но крестьяне будто бы не составляютъ при нихъ никакихъ приговоровъ, такъ какъ старостамъ объяснена незаконность подобнаго рода документовъ. Поэтому совсѣмъ нельзя судить, какъ происходятъ въ этой волости раздѣлы теперь: принимаетъ въ нихъ какое-либо участіе общество въ лицѣ сельского схода и старости, или же все дѣло ограничивается предѣлами семьи и свидѣтелями изъ сосѣдей.

За то за время, предшествующее 18 марта 1886 года, въ волостномъ правленіи сохранились на отдѣльныхъ листахъ приговоры о семейныхъ раздѣлахъ, начиная съ 1871 года. Такихъ приговоровъ 38; къ 1887 году относятся 3, къ 1872—8, къ 1873—4, 1874—6, къ 1875—5, къ 1880—1, къ 1881—2, къ 1882—4, къ 1883—1, къ 1884—2, къ 1885—1 и къ неизвѣстному году—1.

Три изъ этихъ приговоровъ представляютъ собою простое дозволеніе сельскаго схода раздѣлиться тѣмъ или другимъ лицамъ, безъ всякихъ подробностей и условій раздѣла, такъ что вѣроятно самый дѣлежъ общаго имущества происходилъ здѣсь домашнимъ порядкомъ. Затѣмъ, въ трехъ приговорахъ совершенно не обозначено, при комъ производился раздѣлъ, и нѣть никакихъ подписей у приговора: ни старости, ни свидѣтелей, ни даже самихъ дѣлившихся лицъ, хотя изъ приговоровъ и видно, что раздѣлы эти происходили не семейнымъ порядкомъ, а на сельскомъ сходѣ, или же при крестьянахъ деревни, къ которой принадлежали дѣлившіеся. Одинъ раздѣльный актъ 1871 г. былъ признанъ волостнымъ правленіемъ незаконнымъ, такъ какъ раздѣлъ происходилъ безъ участія старости. У трехъ другихъ актовъ также нѣть ни подписи, ни печати сельскаго старости, а существуютъ только подписи свидѣтелей, почему и можно думать, что эти раздѣлы происходили не на сельскихъ сходахъ, а болѣе частнымъ порядкомъ. Далѣе, къ 14-ти приговорамъ подписался или приложилъ свою печать староста, и подписалось еще по нѣскольку свидѣтелей, такъ что, можно думать, эти раздѣлы производились только съ общаго разрѣшенія схода, старостами и свидѣтелями, безъ участія схода въ самыхъ под-

робностяхъ распредѣленія дѣлнаго имущества. Даже вѣроятно, что иногда не требовалось отъ схода и разрѣшенія на раздѣлъ вообще, а послѣдній сначала производился со старостой и свидѣтелями и потомъ уже представлялся на утвержденіе схода или волостного правленія. Такой именно порядокъ раздѣла виденъ въ трехъ приговорахъ сельского схода, утверждавшихъ заранѣе составленные, при участіи старосты и свидѣтелей, раздѣльные акты, а также въ приговорѣ 30 июня 1872 г. о раздѣлѣ между братьями Григорьевыми, кр-нами дер. Маркова. Этотъ послѣдній приговоръ есть собственно представленный старостой въ волостное правленіе при особомъ рапортѣ протоколъ произведенаго имъ при свидѣтеляхъ раздѣла. Въ немъ содержится отчасти и самыи процессы дѣла: кр-нъ Матвѣй Григорьевъ пожаловался старостѣ, что его братъ увезъ къ себѣ неподѣленный между ними отцовскій гуменный сарай; староста отправился въ деревню и пригласилъ на раздѣлъ свидѣтелей и братьевъ; Александръ Григорьевъ не явился, и раздѣлъ произведенъ былъ безъ него, а о всемъ изложенномъ и составленъ настоящій «актъ». Были однако же раздѣлы, сполна производившіеся на сельскихъ сходахъ, такъ какъ, напримѣръ, раздѣлъ между братьями Григорьевыми, кр-нами дер. Алленушкина, 5 февр. 1875 г., заключенъ въ формальномъ приговорѣ сельского схода. Иногда еще раздѣлъ совершился не при старостѣ, а по предложеніямъ и при участіи волостного старшины. Правда, это было одинъ только разъ, и то, можетъ быть, потому, что дѣлились кр-не собственники, дер. Сельца Стараго братья Никифоровы, самое имущество которыхъ находилось не только въ деревнѣ, но и въ Петербургѣ, гдѣ у нихъ была собственная мастерская. Раздѣлъ между ними совершенъ былъ при волостномъ старшинѣ и «третейскихъ» людяхъ.

Наконецъ, было нѣсколько раздѣловъ, произведенныхъ по предписаніямъ волостного правленія, уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія, непремѣннаго члена Присутствія и мирового посредника.

Одно изъ предписаній волостного правленія послѣдовало вслѣдствіе рѣшенія волостного суда, и раздѣлъ (между братьями и матерью) произведенъ былъ сельскимъ старостой со всѣми домохозяевами деревни. Объ участіи послѣднихъ въ двухъ раздѣлахъ, также произведенныхъ по приказу волостного правленія, въ раздѣльныхъ приговорахъ не сказано ничего, а только замѣчено, что раздѣлы эти произошли безъ споровъ, «добровольно и по любви». Затѣмъ, въ 1874 г. волостнымъ правленіемъ предложено было сельскому старостѣ возстановить старый раздѣлъ между братьями Дмитриемъ и Макаромъ Корниловыми, крестьянами дер. Савина, раздѣлившимися еще въ 1863 году. По словамъ Макара, ему досталась тогда передняя половина двора, которую онъ, уходя на военную службу, добровольно уступилъ на время брату, а теперь требуетъ возвращенія ея, а также и другихъ вещей, оставленныхъ имъ въ то время

отцу, перешедшему жить къ Дмитрю, гдѣ послѣ его смерти онъ и остались. Сельский староста пригласилъ на сходъ тѣхъ самыхъ крестьянъ, которые присутствовали при раздѣлѣ 1863 г., и ими тогдашний раздѣлъ былъ дѣйственно возстановленъ. Наконецъ, также по просьбѣ одной изъ заинтересованныхъ сторонъ, волостное правление распорядилось производствомъ раздѣла въ 1885 году. Крестьянинъ дер. Макарова Иванъ Русовъ прислахъ тогда изъ Москвы въ правление прошеніе, въ которомъ «всепокорѣйше» просилъ сообщить ему: «почему законной женѣ моей Настасье Ивановой Русовой не отдѣляютъ принадлежащую имъ землю, такъ какъ я постоянно, что съ меня требуется подушные подати плачу всегда исправно каждый годъ и потому покорнѣйше прошу правление сдѣлать распоряженіе безъ всякаго препятствія съ моей стороны о выдачѣ принадлежащей имъ земли женѣ моей вышеписанной». Волостное правление передало это прошеніе старостѣ для исполненія, а тотъ созвалъ сходъ, постановившій раздѣлить надѣльную землю между просителемъ и его отцомъ пополамъ.

До уѣзднаго Присутствія раздѣлъ восходилъ только въ одномъ случаѣ. Въ 1881 г. крестьянинъ дер. Филипповскаго Лаврентій Кузьминъ отпустилъ отъ себя сына Александра, взявши съ него обязательство платить за него подати за 1 тягло и выдавать ему съ матерью по 35 руб. ежегодно на прокормленіе. Раздѣлъ этотъ былъ произведенъ въ присутствіи сельского старости и постороннихъ свидѣтелей, а затѣмъ утвержденъ въ тотъ же день особымъ приговоромъ сельского схода и такимъ образомъ имѣть повидимому признаки совершенной законности. Но въ январѣ 1882 г. Александръ Лаврентьевъ подалъ жалобу въ уѣздное Присутствіе: онъ говорилъ, что отецъ его ведеть невоздержную жизнь, пропивая посыпаемыя имъ деньги, и выгналъ его съ семьей изъ дома, на устройство котораго Александръ Лаврентьевъ истратилъ будто бы до 700 рублей; правда, онъ согласился на раздѣлъ съ отцомъ, но раздѣлъ этотъ—семейный и не имѣть никакой законной силы. Присутствіе, потребовавъ отъ волостного правленія объясненій, постановило передать дѣло сельскому сходу. Сходъ собрался въ мартѣ 1882 г., призналъ обвиненіе сыномъ отца въ нетрезвости ложнымъ, объяснилъ, что Александръ Лаврентьевъ самъ ушелъ отъ отца къ тещѣ, и постановилъ снова утвердить раздѣлъ 1881 г., прибавивъ, что, если Александръ Лаврентьевъ не станетъ высылать отцу денегъ, то не давать ему раздѣла и вовсе. Въ юлѣ 1882 г. угроза эта была приведена въ исполненіе, и сходъ, по предписанію волостного правленія, постановилъ не давать Александру Лаврентьеву, за грубости его отцу, озимового хлѣба съ данного ему въ 1881 г. тягла. Тогда 1 октября 1883 г. Александръ Лаврентьевъ снова жалуется уѣздному Присутствію и просить его передать дѣло волостному или третейскому суду, такъ какъ раздѣлъ 1881 г.

быть будто бы вынужденъ у него невыдачей паспорта и такъ какъ принятное имъ тогда по отношенію къ отцу денежное обязательство непосильно для него. Присутствіе почему-то признало раздѣль 1881 г. миролюбнымъ соглашеніемъ, которое не подлежитъ обжалованію, и предписало волостному правлению согласить тяжущихся миромъ. Въ январѣ 1884 г. правлениѣ донесло Присутствію, что оно исполнило это предписаніе: между Александромъ Лаврентьевымъ и его отцомъ состоялось соглашеніе, по которому отецъ удовлетворился ежегодной выдачей ему 20 руб. и оплатой за него душевого надѣла.

По предписанію мирового посредника раздѣлы произведены были два раза. Въ 1871 г. крестьянинъ дер. Гришнева Иванъ Кондаковъ жаловался въ волостное правлениѣ, что, когда въ 1863 г. онъ взялъ въ солдаты, жена его ушла къ своимъ родителямъ, и у брата его Никиты осталось ихъ общее имущество. Теперь, когда онъ вернулся со службы, невѣстка не пускаетъ его въ домъ, а братъ живеть въ Петербургѣ. Старшина распорядился переписать имѣніе и сдать его подъ роспись жившей у Никиты матери Кондаковыхъ. Въ февралѣ 1872 г. дѣло разбиралось на волостномъ судѣ, который выдѣлилъ матери седьмую часть имущества, а остальное подѣлилъ между братьями поровну. Тогда Никита пожаловался мировому посреднику, указывая, что братъ, уходя въ солдаты, взялъ на свою часть 100 бревенъ и что теперь, если ужь дѣлить между ними имущество, то дѣлить только то, которое было 10 лѣтъ назадъ, а не то, которое сейчасъ,—пріумноженное трудами его одного. Посредникъ предписалъ волостному правлению дать разъясненіе по всемъ обстоятельствамъ дѣла и склонить стороны къ мирному соглашенію. 18 марта 1872 г. это соглашеніе было достигнуто, и между братьями произошелъ раздѣль. Другой случай былъ въ 1874 г., когда крестьянинъ дер. Зорина Василій Гавриловъ жаловался посреднику, что въ 1855 г., когда онъ былъ на богомольѣ въ Киевѣ, братья его раздѣлились, утаили отъ него раздѣльный актъ и выдали ему только телушку, 8 мѣръ ржи, 4 мѣры овса и избу. Посредникъ приказалъ произвести дознаніе, по которому оказалось, что Василью выдѣлена была еще, кромѣ упомянутаго имѣнія имущества, третья овина и амбара и что онъ, возвратившись въ томъ же году домой, согласился на раздѣль и написалъ раздѣльный актъ; но такъ какъ онъ ничего не заплатилъ за написаніе акта писарю, то послѣдній и оставилъ актъ у себя. Теперь староста вѣстѣ съ братьями Василія произвелъ оценку амбара и овина; братья выдали затѣмъ причитавшуюся Василію третью деньгами, а обо всемъ этомъ написали раздѣльный актъ, который и подписали вѣстѣ со старостой.

Непремѣннымъ членомъ уѣзданого по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія приказано было произвести раздѣль въ 1882 г., между крестьянкой села Шартанова Марьей Померанцевой и сыномъ ея Лавромъ, въ имуществѣ, отказан-

номъ Марьѣ мужемъ ея по духовному завѣщанію. Раздѣлъ, названный миро-любными, произошелъ въ присутствіи старшины, который подписался къ акту выѣтъ со сторонними свидѣтелями, и самыи акты были потомъ засвидѣтельствованы въ волостномъ правленіи.

Имущество, заносившееся въ раздѣльные акты и, следовательно, подлежавшее вѣданью тѣхъ, кто присутствовалъ при раздѣлѣ, было не всегда одинаково. Въ трехъ случаяхъ его не было записано въ приговорѣ совсѣмъ, такъ какъ послѣдній представлялъ собою только общее дозволеніе на раздѣлъ, оставляя подробности его самимъ дѣлившимся сторонамъ. Затѣмъ, одинъ приговоръ упоминаетъ только о строеніяхъ и о выдачѣ дѣтьми ежегоднаго пропитанія отцу; одинъ—только о землѣ и о хлѣбѣ; два—о строеніяхъ, скотѣ и о хлѣбѣ; и одинъ—о строеніяхъ, скотѣ, сбровѣ и хлѣбѣ. За то въ 28-ми другихъ раздѣльныхъ актахъ, кроме имущества, составляющаго необходимую принадлежность крестьянскаго хозяйства, упоминается многое иное, что этой необходимости не имѣть, но считается почему-либо особенно цѣннымъ въ крестьянскомъ быту вообще или въ данныхъ случаяхъ въ частности. Такъ, навозъ упомянутъ въ 5-ти приговорахъ; платежи по долговымъ обязательствамъ—въ 11-ти, причемъ недочеты въ податяхъ и хлѣбные долги по запаснымъ магазинамъ были только въ 5-ти случаяхъ, а прочее представляли частныя обязательства; одежда—въ 11-ти; обувь—въ 1-мъ, а разныя другія домашнія и хозяйственныя принадлежности—въ 17-ти приговорахъ, причемъ онѣ иногда обозначались однимъ общимъ именемъ «рухляди», «утвари» и под., а иногда подробно указывались и самые эти предметы, какъ-то: иконы, самовары, чайная посуда, стѣнныя и карманные часы, зеркала, шкафы, лари, подносы, перины, подушки, столы, котлы, безмѣны, чугуны, жернова, стулья, книги, говядина, сковорода, сковородникъ, косарь и т. д. Въ трехъ случаяхъ дѣлились также купленныя земли; въ одномъ—доходъ съ отданныхъ въ наемъ лавокъ; въ одномъ—арендованная земля, и въ одномъ—мастерская въ Петербургѣ.

При жизни отца и матери или одного отца раздѣлы происходили въ 10-ти случаяхъ. Въ одномъ изъ нихъ относительно участія и власти отца въ раздѣлѣ не сказано ничего, потому что раздѣльный приговоръ представляетъ только дозволеніе схода на раздѣлъ. Изъ другихъ случаевъ въ одномъ сынъ, уже упомянутый выше Русовъ, просилъ о раздѣльномъ волостномъ правленіе, такъ что отецъ его, очевидно, не давалъ ему просимой надѣльной земли добровольно. Въ некоторыхъ раздѣльныхъ приговорахъ, напротивъ, отецъ отпускаетъ отъ себя дѣтей миролюбно, съ Божіимъ или родительскимъ благословеніемъ, и «награждаетъ» ихъ такимъ-то имуществомъ. Если же сынъ уходить отъ отца противъ воли послѣдняго, отецъ имѣлъ право не давать ему почти ничего. Такъ, при раздѣлѣ между крестьянами дер. Филипповскаго Лаврентіемъ Кузь-

мнимъ и сыномъ его Александромъ, доходившемъ не одинъ разъ до уѣзднаго Присутствія, отецъ далъ сыну только земли на одно тягло и взялъ съ него обязательство оплачивать подати за него, отца, собственное тягло и выдавать ему и матери, по смерть ихъ, 35 руб. ежегодно на прокормленіе. И сходъ, какъ мы видѣли, не только утвердилъ эти условія раздѣла, но еще прибавилъ, что, если сынъ будетъ продолжать оказывать отцу грубости, то не нужно давать ему и вовсе раздѣла. Такимъ же образомъ ежегодной выдачи на пропитаніе себѣ потребовалъ отецъ и въ другомъ раздѣлѣ, взявши обязательство съ каждого изъ своихъ трехъ сыновей выдавать ему всякий годъ: по 5 руб., по 6 мѣръ ржи и по 3 мѣры овса. Далѣе, крестьянинъ дер. Федосова Назарь Елифановъ, дозволяя въ 1872 г. своему сыну Петру раздѣль «отъ всѣхъ скоровъ и отъ несогласія», надѣлилъ его «добровольно» всякимъ имѣніемъ и, оставивши себѣ полдуща надѣльной земли, обязалъ сына оплачивать подать за эту землю до смерти его, «для прокормленія». Въ остальныхъ случаяхъ отцы не брали себѣ земли, а оставляли обыкновенно избу или домъ съ дворомъ и иѣкоторую часть хлѣба въ землѣ и зернѣ. Изъ посѣяннаго хлѣба отецъ взялъ себѣ въ трехъ случаяхъ по равной части съ дѣтьми; въ одномъ—болѣе на третью,—вѣроятно потому, что работалъ онъ, а сынъ жилъ въ Москвѣ; и въ одномъ—болѣе вдвое въ озимовомъ хлѣбѣ и весь посѣянный овесъ.—Изъ прочаго имущества доля отца указана только въ одномъ раздѣльномъ приговорѣ, когда отецъ получиль поровну съ сыновьями въ навозѣ, сбруѣ и домашней посудѣ. Судьба отцовской части имущества послѣ его смерти оговорена была также въ одномъ случаѣ: изба съ дворомъ должна была остатся его женѣ, такъ какъ та выстроила ее на свой счетъ; ей же пойдетъ кѣть и гумелій сарай.

Раздѣлы дѣтей съ матерью или при матери заключаются въ 15-ти приговорахъ, при чмъ въ 10-ти изъ нихъ мать остается послѣ раздѣла съ кѣмъ-либо изъ дѣтей, а въ 5-ти ей повидимому дается совершенно отдѣльная часть, для отдѣльного жительства. На власть и права матери относительно раздѣла вообще и распределенія самаго имущества здѣсь указываютъ иногда выраженія что мать «дастъ» раздѣль своимъ дѣтямъ и «награждастъ» ихъ тѣмъ-то и тѣмъ-то, а себѣ «береть» то-то и то-то. Но что она всетаки не является совершенно полновластной распорядительницей раздѣла и не можетъ не дать сыну никакой части, видно между прочимъ изъ упомянутаго выше раздѣла между крестьянской села Шартанова Марьей Померанцевой и ея сыномъ, когда самый раздѣль произошелъ по предписанію непремѣнного члена и касался имущества—въ томъ числѣ и не принадлежащаго къ крестьянскому надѣльному хозяйству,—оставленнаго Померанцевой мужемъ ея по духовному завѣщанію.—Относительно дальнѣйшихъ обязательствъ дѣтей кормить мать упоминается въ трехъ приго-

ворахъ: по одному мать, отпуская отъ себя сына, отказавшагося отъ всего отцовскаго имущества, и оставаясь съ другимъ сыномъ и дочерью, въ свою очередь дала подпись не спрашивать съ отдельнаго сына на свое пропитаніе никогда и ничего; по другому—сынъ, съ которымъ мать осталась жить, долженъ кормить ее, не касаясь ея части, до смерти; по третьему—сынъ, отълившійся отъ матери, которая осталась съ двумя несовершеннолѣтними сыновьями, обязался выдавать ей ежегодно по 10 руб., когда одного изъ братьевъ отдадутъ въ солдаты, а другой еще не будетъ совершенолѣтнимъ. Кому должно пойти имущество матери послѣ ея смерти, сказано въ двухъ случаяхъ: въ одномъ только тѣмъ дѣтамъ, съ которыми мать будетъ жить, а въ другомъ—поровну между всѣми дѣтьми, хотя жила она у одного сына. Между прочимъ, при раздѣлѣ крестьянъ дер. Плоскова, братьевъ Ивановыхъ, матери дана была изба, но съ тѣмъ условиемъ, чтобы она ее не продавала, а давала въ ней жить тому сыну, съ которымъ пожелаетъ.—Что касается самой доли общаго имущества, выдававшейся матери, то въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдняя вовсе отдалась отъ дѣтей, она брала себѣ помѣщеніе для жилья,—избу, хотя бы дѣтамъ ея это жилье и не всѣмъ доставалось. Изъ скота ей давалась въ этомъ случаѣ корова и овца, иногда съ теленкомъ и ягнятами. Земля дана была только одинъ разъ, полтягла, причемъ дѣти взяли себѣ по тяглу. Изъ хлѣба—въ двухъ случаяхъ поровну съ дѣтьми, а въ двухъ другихъ—въ полтора и въ два раза меньше, чѣмъ каждому сыну. Изъ прочаго имѣнія матери дано было въ одномъ случаѣ всего по равной съ дѣтьми части и въ одномъ—только ларь; въ остальныхъ же раздѣлахъ, гдѣ ея часть обозначена ясно, никакого другаго имущества ей не назначалось. Въ раздѣлахъ, послѣ которыхъ мать оставалась жить съ кѣмъ-либо изъ дѣтей, ей въ одномъ случаѣ дана была только изба; въ двухъ—только нѣкоторое количество зернового хлѣба; въ четырехъ—изба или горница и корова съ овцой, теленкомъ, курицами, или только одна корова; и въ одномъ—кромѣ предыдущаго ей дана была еще равная съ сыновьями часть хлѣба.

Раздѣльныхъ приговоровъ между братьями безъ родителей—8. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣчено, что раздѣлы эти—«миролюбивые», «добровольные», а изъ нѣкоторыхъ видно, что при нихъ не всегда признавалось необходимымъ участвовать тому или другому изъ братьевъ, или не всегда требовалось согласіе на раздѣлъ всѣхъ братьевъ. Такъ, уже выше упоминалось, что однажды раздѣлъ происходилъ въ то время, когда одинъ изъ братьевъ былъ на богоомольѣ въ Киевъ. Въ другой разъ при раздѣлѣ былъ только одинъ братъ, а вместо другого присутствовала жена его по довѣрительному письму. Былъ даже такой случай, что сначала подѣлились между собою жены братьевъ, въ отсутствіе своихъ мужей, а потомъ уже окончательно раздѣлились и эти послѣдніе. Во-

время отсутствія одного изъ братьевъ произошелъ однажды раздѣлъ между остальными также и при жизни отца, но братъ этотъ всетаки особымъ письмомъ далъ свое согласіе на раздѣлъ. Напротивъ, когда одинъ изъ братьевъ отказался прийти, по приглашенію старосты, на раздѣлъ отцовскаго гуменнаго сарая, раздѣлъ былъ произведенъ безъ него, старостою съ другимъ братомъ и посторонними свидѣтелями. Когда, затѣмъ, въ одномъ случаѣ между дѣлившимися были малолѣтніе братья и сестры, раздѣлъ сдѣланъ былъ полный, и сельскій сходъ рѣшилъ отдать части малолѣтнихъ тому изъ старшихъ братьевъ, который согласится взять ихъ къ себѣ. Въ противномъ случаѣ постановлено было избрать изъ среды общества опекуна, чтобы онъ впослѣдствіи обществу же отдать въ своеемъ опекунствѣ отчетъ. Избирать опекуна изъ среды общества однако не оказалось нужнымъ, такъ какъ малолѣтніхъ братьевъ согласился взять одинъ изъ старшихъ, которому и отдано было ихъ имущество подъ расписку, опекуномъ же назначенъ былъ другой братъ, хотя онъ и долженъ былъ жить отдельно отъ нихъ.

При самомъ распределеніи общаго имущества братья по большей части получали себѣ равныя другъ съ другомъ части, такъ что раздѣлъ между ними производился обыкновенно поколѣнно, независимо отъ возраста ихъ, семейного положенія и того, отдельная ли хозяйства образуются изъ семьи каждого изъ нихъ, или нѣсколько братьевъ, соединяясь, образуютъ общее хозяйство. Но были однако раздѣлы, гдѣ эта равнотѣрность соблюдалась не вполнѣ, а толькъ или другой братъ почему-либо получалъ въ какомъ нибудь отношеніи болѣе прочихъ братьевъ. Такихъ раздѣловъ было 8. Въ однихъ изъ нихъ неравнотѣрность распределенія общаго имущества зависѣла отъ хозяйственныхъ соображеній, и такимъ образомъ получались, напримѣръ, такія сочетанія: сынъ, отдѣляясь отъ матери и двухъ младшихъ братьевъ, получаетъ цѣлую половину посѣянаго хлѣба; средній сынъ, также отдѣлившійся отъ матери и двухъ братьевъ, береть себѣ половину овина, земледѣльческихъ орудій и навозу, а двое малолѣтнихъ братьевъ, оставаясь съ матерью, не получаютъ ничего изъ скота,—вѣроятно потому, что уже корову я овцу получила жившая съ нимъ мать. Въ другихъ случаяхъ вѣроятно распределеніе между братьями дѣлимаго имѣнія вліяло количество труда, вложеннаго каждымъ изъ нихъ на приобрѣтеніе его, такъ что старшій братъ получаетъ, напримѣръ, вдвое болѣе младшаго въ хлѣбѣ; въ другомъ раздѣлѣ доля старшаго брата болѣе, чѣмъ младшихъ, лошадью и коровой. Иногда къ трудовому соображенію присоединялось еще семейное. Вслѣдствіе этого старшій братъ получаетъ не одну, а двѣ трети хлѣба потому, что у него дѣти и что онъ обрабатывалъ тягло 8 лѣтъ; онъ же береть себѣ болѣе младшаго брата лошадью, двумя коровами, теленкомъ, овцю и одной частью всей домашней утвари. Были и другія причины нерав-

наго раздѣла между братьями. Такъ, въ одномъ случаѣ старшій братъ полу-
чилъ себѣ всю жилую стройку потому, что обязался выкормить и выпоить
двухъ малолѣтнихъ братьевъ, на которыхъ особой доли не было дано; въ
другомъ раздѣлѣ одинъ изъ братьевъ взялъ себѣ безъ дѣлжа гуменный сарай,
такъ какъ построилъ его самъ, и въ томъ же раздѣлѣ два брата не допу-
стили треть资料 kъ участію въ дѣлже сбруи, посуды и одежды,—вѣроятно
потому же, что завели это безъ него.

Семейство умершаго брата участвовало въ раздѣлѣ въ двухъ случаяхъ и
въ обоихъ получило на себя одинаковую часть съ частами живыхъ братьевъ,
такъ что и здѣсь раздѣлѣ былъ чисто поколѣній. На малолѣтнюю сестру
брать, принявший ее къ себѣ, взялъ равную съ братьями часть хлѣба, а изо
всего остального имущества не получилъ на нее ничего. По другому раздѣль-
ному приговору мать получила на свою малолѣтнюю дочь изъ имущества умер-
шаго отца нѣкоторую часть домашней скотины, зернового хлѣба, одежды и
иконъ, и была назначена ея опекуніей. Наконецъ, одинъ разъ въ раздѣлѣ
нѣсколькихъ братьевъ участвовала ихъ тетка, которой дана была только теп-
лая горница.

Причины раздѣловъ изъ восьми указанныхъ въ приговорахъ случаевъ
въ 7-ми были семейная несогласія и раздоры, а въ одномъ — многолюдство.

Особая жилая помѣщенія предлагаются для каждого нового хозяйства
только по 8-ти раздѣльнымъ приговорамъ, и не всегда эти помѣщенія явля-
ются вполнѣ устроенными и готовыми: иногда одной сторонѣ достается только
особая изба безъ двора; иногда дворъ дѣлится на двѣ части, а иногда избу
нужно еще перевезти на другую дворину и поэтому жить нѣкоторое время и
послѣ раздѣла виѣсть. Совершенно безъ всякой части въ жилыхъ помѣщеніяхъ
уходило какое-либо изъ отдѣлившихся семействъ въ 16-ти случаяхъ, въ двухъ
изъ которыхъ были взяты въ возмѣщеніе за домъ съ той стороны, которая въ
немъ оставалась, деньги, а въ трехъ дано было нѣкоторое количество бревенъ
для будущей собственной постройки. Въ 7-ми другихъ раздѣлахъ уходившему
семейству приходилось довольствоваться только какою-нибудь частью старого
дома на отломъ, — сейчасъ или же спустя нѣкоторое время; можно было даже
навсегда остатся въ старомъ домѣ, — только въ отдельной половинѣ его. Та-
кимъ образомъ отдѣлившіяся семейства получали: полдома и полдвора, одинъ
этажъ дома, дворъ и срубы для избы, полдвора, дворъ, избу съ сѣнями и
т. под. Все это приводило къ тому, что въ раздѣльныхъ актахъ довольно часто
встрѣчается условіе, по которому и послѣ раздѣла устанавливалось на нѣкоторое
время совмѣстное жительство раздѣлившихся семей, или же опредѣлялся срокъ,
ранѣе которого нельзя было принуждать уходившую на новое мѣсто семью
отламывать доставшуюся ей часть прежняго дома. Такъ, одинъ разъ опредѣ-

лено было жить вмѣстѣ въ избѣ и дворѣ 2 года, въ двухъ раздѣлахъ — полгода года (въ одномъ было поставлено условіе — «жать тихо, смирно»), въ пять—годъ, и въ двухъ — полгода. Условлено было въ одномъ случаѣ не гонить на новую дворину 20 лѣтъ, а въ другомъ — 2 года.

Хозяйственныи постройки дѣлились по возможности такъ, чтобы каждому отдельному хозяйству достался или сарай, или мякинница, или амбаръ, или погребъ и т. под. Поэтому постройка извѣстнаго рода, доставшаяся одному семейству, замѣнялась для другой семьи постройкою какого-либо другого рода. Но иногда одну и ту же постройку дѣлили на нѣсколько частей, такъ что дѣлившимся доставалось, напримѣръ, по полсараю, по одной трети овина и амбара, по одной пятой овина, по половину и по полбанѣ и т. д. Съ другой стороны, перѣдко случалось, что послѣ раздѣла у какого-нибудь одного или двухъ хозяйствъ и вовсе не оказывалось хозяйственныхъ строеній въ отдельное пользованіе. Такихъ раздѣловъ было 17. Понятно поэтому, что въ отношеніи хозяйственныхъ построекъ, такъ же какъ и въ отношеніи жилыхъ, нерѣдко приходилось оставлять старый порядокъ общаго ими пользованія, тѣмъ болѣе, что въ такихъ постройкахъ, какъ напримѣръ гуменные, поводовъ къ взаимнымъссорамъ бываетъ немного. Вслѣдствіе этого мы видимъ, что въ 13-ти случаяхъ рѣшено владѣть сообща овипомъ безсрочно, а въ одномъ — 3 и въ одномъ — 2 года; гуменными постройками вообще — одинъ разъ условлено пользоваться навсегда и одинъ — на годъ; баню — въ двухъ случаяхъ — навсегда; погребомъ — въ одномъ случаѣ — тоже навсегда, а клѣтю, — въ одномъ раздѣлѣ — на нѣкоторое время, до постройки особой.

Безъ всякаго домашнаго скота новое хозяйство уходило изъ стараго дома въ 4-хъ раздѣлахъ, причемъ въ трехъ случаяхъ это были отдѣлы сыновей отъ родителей противъ воли послѣднихъ, а въ четвертомъ — вся скотина двухъ братьевъ и матери состояла изъ коровы и лошади, оцѣненной въ 3 рубля. Лошадь досталась одному изъ братьевъ, а корову отдали матери, — съ условіемъ, чтобы она не продавала ее, а давала пользоваться семейству того сына, съ кѣмъ останется жить. Не досталось лошади какому-либо изъ новыхъ хозяйствъ въ 15-ти случаяхъ, въ которыхъ этотъ недостатокъ долженъ быть возмѣщаться другою скотиною: коровами и овцами. Затѣмъ, въ 6-ти другихъ раздѣлахъ хотя также не хватало каждому хозяйству по особой лошади, но въ нихъ это обстоятельство уравновѣшивалось уже не скотиною, а нѣкоторою суммою денегъ, выдававшеюся безлошадному хозяйству той стороной, которая взяла изъ стараго хозяйства лошадь. Кому при этомъ нужно было брать лошадь, рѣшалось иногда жеребьемъ. Такъ, когда дѣлились крестьяне дер. Лобанова, братья Григорій и Филиппъ Евстафьевы, то относительно лошади въ раздѣльномъ актѣ было сказано, что нужно было бы кинуть жеребій о томъ,

кому ее отдать, но такъ какъ у Филиппа, все одно, денегъ на выдачу Григорію нѣть, то пусть возьметъ лошадь послѣдній и выдастъ за нее двумя рублями болѣе, чѣмъ слѣдовало бы по оцѣнкѣ. Наконецъ, въ 8-ми раздѣлахъ каждое новое хозяйство получило по отдѣльной лошади, причемъ два хозяйства оказались даже съ двумя, а одно съ тремя лошадьми. Иногда еще въ раздѣльныхъ приговорахъ оговаривалось, что лошадью можетъ пользоваться нѣкоторое время и хозяйство, не получившее ея. Такъ, въ одномъ случаѣ отецъ выговорилъ себѣ право взять у сына лошади на 10 дней; въ другомъ—одна лошадь дана была на два хозяйства; и въ третьемъ—отецъ позволяетъ сыну на своей лошади запахать и заборонить въ первое послѣ раздѣла лѣто. Прочая скотина дѣлилась по возможности такимъ образомъ, чтобы въ каждомъ хозяйстве было корова или по крайней мѣрѣ телушка; однако, и тутъ было 6 раздѣловъ, послѣ которыхъ въ одномъ или даже въ двухъ хозяйствахъ не было ни одной коровы. Безъ овецъ оставалось то или другое хозяйство, или оба вмѣстѣ, въ 4-хъ случаяхъ.

Посѣянный хлѣбъ дѣлился въ 13-ти раздѣлахъ. Между отцомъ и отдѣлившимся отъ него сыномъ она былъ подѣленъ въ двухъ случаяхъ поровну; въ одномъ—отецъ взялъ себѣ двѣ трети, а сыну дала третью; и въ одномъ—три четверти озимового хлѣба и весь посѣянный овесъ достались отцу, а сыну только четверть озимового хлѣба.—Когда дѣлились дѣти при матери, то послѣдняя въ двухъ раздѣлахъ не получила изъ хлѣба въ землѣ ничего; въ одномъ—она взяла на себя и дочь равную часть съ сыномъ; въ одномъ—ей дана была одинаковая доля съ сыновьями; и въ двухъ раздѣлахъ мать получила посѣянного хлѣба вдвое менѣе каждого сына.—Братья, а равно и деверь съ невѣсткою, дѣлившися между собой и съ матерью, только въ одномъ случаѣ получили изъ хлѣба въ землѣ неравные части,—когда старший братъ, отдѣлившися отъ двухъ младшихъ, взялъ себѣ половину этого хлѣба, раздѣливши его чисто похозяйственно.

Изъ зернового хлѣба отецъ, отдѣляя отъ себя сына, обыкновенно давалъ ему по собственному усмотрѣнию нѣкоторую часть, а прочее оставлялъ себѣ, такъ что, въ какомъ отношеніи стояли эти части другъ къ другу, нельзѧ видѣть. Только въ одномъ случаѣ отецъ, оставшись жить съ сыномъ и отпустивши другого, раздѣлилъ хлѣбъ на три части: двѣ трети оставилъ въ своеемъ домѣ, а одну отдалъ ушедшему сыну.—Матери, при раздѣлѣ сыновей, одинъ разъ не было дано никакой части зернового хлѣба; другой разъ для нея выдѣлено было нѣкоторое количество, а остальное дѣти раздѣлили поровну между собой; въ четырехъ раздѣлахъ она получила равную часть съ сыновьями, хотя только въ двухъ изъ этихъ раздѣловъ должна была жить отдѣльно отъ дѣтей; въ одномъ—ей дана была вдвое, а въ другомъ въ полтора раза меньшая

часть, чѣмъ каждому сыну, и, наконецъ, въ одномъ раздѣлѣ мать, отдѣляя сына и оставаясь съ дочерью, взяла на себя и дочь; половину ярового хлѣба, половину муки и двѣ трети ржи.—Братья обыкновенно дѣлили между собою, а также между собой и семьей умершаго брата общий или оставшійся за выдѣломъ родителямиъ хлѣбъ поровну и поколѣнно, независимо отъ того, вѣстѣ или порознь они будуть жить. Только въ двухъ случаяхъ старшій братъ взялъ себѣ вдвое болѣе младшаго,—вѣроятно потому, что болѣе я работалъ надъ этимъ хлѣбомъ.—Малолѣтняя сестра одинъ разъ получила равную съ братьями часть зернового хлѣба, а въ другой—ей была выдѣлена послѣ умершаго отца нѣкоторая, но неизвѣстно которая, доля.

Распределеніе надѣльной земли указано только въ 4-хъ раздѣльныхъ приговорахъ,—вѣроятно потому, что оно вообще зависитъ болѣе отъ сельскаго общества и по решенію послѣдняго можетъ измѣниться въ какое угодно время, а не только при раздѣлахъ. Отпусткая сына, отецъ въ одномъ раздѣлѣ взялъ себѣ «для прокормленія» полдущи, обязавъ сына платить за эту землю подати; въ другомъ случаѣ земля была раздѣлена между отцомъ и сыномъ поровну; а въ третьемъ отецъ, оставившись съ однимъ сыномъ, далъ другому цѣлую половину земли.—По четвертому раздѣлу мать, раздѣлившись съ двумя сыновьями, взяла себѣ полтигла земли, а дѣти ея по тяглу.—Относительно собственной земли въ одномъ раздѣлѣ, между матерью и сыновьями, сказано, что она пойдетъ «законнымъ порядкомъ наслѣдства»; въ другомъ—два брата должны были владѣть лѣсомъ и пашнею пополамъ; въ третьемъ случаѣ мать съ дочерью и сынъ должны были засѣвать эту землю сообща; если же мать не станетъ почему-либо сѣять, то сынъ имѣеть право засѣять всю землю одинъ.

Экипажи, земледѣльческія орудія и сбруя упоминаются въ 16-ти раздѣльныхъ приговорахъ, но выяснить болѣе или менѣе точно основанія ихъ распределенія между дѣлившимися сторонами невозможно, такъ какъ сравнительная цѣнность ихъ изъ документовъ не видна. Несомнѣнно только то, что здѣсь не было одного,—похозяйственнаго или поколѣннаго,—принципа, а дѣйствовали и тотъ и другой, хотя и съ преобладашемъ первого. Такъ, на хозяйственныхъ соображеніяхъ указывается то обстоятельство, что по пяти приговорамъ, ни мать, ни отецъ, не составляя изъ себя особаго хозяйства, хотя иногда и совершенно отдѣляясь отъ дѣтей, не получали ничего изъ этихъ принадлежностей хозяйства. Напротивъ, когда мать въ одномъ раздѣлѣ взяла себѣ полтигла надѣльной земли, ей были даны андрецъ и колеса. Точно также по хозяйственнымъ, очевидно, интересамъ средній сынъ, отдѣлившійся отъ матери, которая осталась со старшимъ и младшими сыновьями, получилъ себѣ не третью часть земледѣльческихъ орудій, а половину. Наоборотъ, на поколѣннное

основаніе дѣлжа указываетъ тотъ случай, когда старшій изъ братьевъ, отдѣляясь отъ второго брата, оставшагося съ тремя малолѣтними братьями и сестрой, получалъ не половину экипажей и сбруи, а только пятую часть; точно также отецъ, отдѣливъ отъ себя одного сына и оставшись съ другимъ, далъ первому изъ сбруи одну треть, а двѣ трети оставилъ у себя дома.—Раздѣловъ, послѣ которыхъ какое-либо изъ новыхъ хозяйствъ вовсе не получало земледѣльческихъ орудій, было — 3.

Общіе долги въ трехъ случаяхъ раздѣловъ между братьями, образовавшими каждый самостоятельный хозяйствъ, распределены были поровну. На мать возложена была равная съ сыновьями часть хлѣбнаго долга только въ томъ раздѣль, по которому она взяла себѣ полтагла земли и следовательно стала главой собственнаго хозяйства; въ четырехъ же другихъ случаяхъ, когда матери не брали земли, и общіе долги распределены были только между сыновьями—домохозяевами: въ двухъ раздѣлахъ поровну и въ двухъ не поровну. Въ одномъ изъ послѣднихъ взялся уплатить общий долгъ старшій сынъ, потому что онъ получилъ всю домашнюю движимость, кромѣ скота и одежды; во второмъ раздѣль два брата согласились, что недоимку въ 33 руб. $9\frac{1}{2}$ коп. уплатить тотъ изъ нихъ, которому не приведется идти въ солдаты, или же, если рекрутская очередь минуетъ ихъ обоихъ,— тотъ, кому это выпадетъ по жребию. Наконецъ, въ трехъ раздѣлахъ сыновья взяли на себя уплату родительскаго долга какъ бы въ видѣ вознагражденія за дозвolenіе отдѣлиться. Поэтому, напримѣръ, сынъ, отошедши отъ матери съ сестрой, выплатилъ отцовскій долгъ въ 60 руб. и недоимку за годъ; другой сынъ, отдѣлившись отъ матери и брата съ сестрой, взялъ на себя недоимку отца въ 34 р. 3 к.; третій, отдѣлившись съ отцомъ, долженъ былъ,—также безъ возмѣщенія въ какомъ-либо другомъ имуществѣ,—уплатить выѣсто отца недоимку за два года, въ количествѣ 45 р. 32 к.

Навозъ дѣлился и поколѣнно и похозяйствено. Такъ отецъ, отдѣливши одного сына и оставшись съ другимъ, далъ первому треть навоза; старшій братъ, отдѣлившись отъ матери, которая вмѣстѣ съ двумя младшими сыновьями образовала одно хозяйство, получилъ также третью навоза,—въ этихъ случаяхъ раздѣль былъ, очевидно, поколѣній. Наоборотъ, когда мать, не получая земли, не имѣть части и въ навозѣ, или когда два брата, оставшись съ матерью взяли себѣ только половину навоза, а другую отдали отдѣлившемуся брату,—здесь, безъ сомнѣнія, имѣлись въ виду основанія чисто хозяйственнаго характера.

Изъ трехъ случаевъ раздѣла корма для скота, въ одномъ дѣлились два брата и взяли себѣ поровну, въ двухъ же другихъ матери, не составившей отдельнаго хозяйства, дана была въ кормѣ равная часть съ

сыновьями, такъ какъ ей досталась скотина, которую нужно было кормить. Раздѣль здѣсь былъ, значитъ, болѣе поколѣній, чѣмъ похозяйственный.

Одежда въ двухъ раздѣлахъ дана была каждому члену дѣлившейся семьи, какая на него заведена, въ прочихъ же перечислялись вѣроятно только тѣ одежды, которыхъ были болѣе или менѣе общими въ семействѣ. Какими именно основаніями руководились въ распределеніи этихъ одеждъ, изъ раздѣльныхъ актовъ невозможно видѣть.

Въ распределеніи домашней «рухляди», насколько обѣ этомъ возможно судить на основаніи тѣхъ раздѣльныхъ приговоровъ, въ которыхъ указываются доставшіяся дѣлившимся сторонамъ опредѣленныя ея части, а не отдѣльные предметы, руководились и хозяйственными и поколѣніями и трудовыми соображеніями. Такъ, когда старшій сынъ, отдѣляясь отъ матери и младшихъ братьевъ, получаетъ изъ домашнихъ вещей только то, что даетъ ему мать, имѣются въ виду интересы хозяйственные. Когда же отецъ, отдѣляя одного сына и оставаясь съ другимъ, даетъ первому третью въ домашней посудѣ; или когда средній сынъ, отдѣляясь съ матерью, при которой остаются старшій и младшій сыновья, получаетъ на себя не половину, а только третью домашней посуды; или когда, наконецъ, старшій братъ, отдѣлившись отъ второго брата, взявшаго къ себѣ троихъ малолѣтнихъ братьевъ и сестру, получилъ только пятую часть домашнихъ вещей,—во всѣхъ этихъ раздѣлахъ, очевидно, руководились поколѣніями, а не хозяйственными основаніями. А тѣ и другія соображенія совпадали другъ съ другомъ въ тѣхъ (четырехъ) случаяхъ раздѣловъ братьевъ или деверя съ невѣсткой, въ которыхъ участники дѣлежа, образовавши каждый особое хозяйство, взяли изъ домашнихъ принадлежностей равную другъ съ другомъ части. То же самое было и при упоминавшемся ранѣе раздѣлѣ матери съ дѣтьми, когда она получила лично на себя полтягла земли и потому взяла изъ мелкихъ домашнихъ вещей равную долю съ сыновьями.—Наконецъ, въ одномъ раздѣлѣ старшій братъ, отдѣлившись съ младшимъ, получилъ на себя двѣ трети домашней утвари, вѣроятно, потому же, почему онъ получилъ двѣ трети и хлѣба: онъ обрабатывалъ тягло въ продолженіе 8-ми лѣтъ, и кромѣ того у него было болѣе, чѣмъ у младшаго, дѣтей.

Такимъ образомъ, ни сколько-нибудь приблизительного количества семейныхъ раздѣловъ за тотъ или другой промежутокъ времени по всему Чухломскому уѣзду, ни совершенно единообразныхъ, точныхъ и опредѣленныхъ правилъ, по которымъ бы эти раздѣлы происходили по уѣзду всегда и вездѣ, нельзя установить, такъ какъ какую-либо регистрацію раздѣловъ, а слѣдовательно и статистику ихъ сдѣлать невозможно законъ 18 марта 1886 г.,

косвеннымъ образомъ поставившій въ число незаконныхъ почти всѣ совершающіеся теперь раздѣлы; условія же, при которыхъ эти раздѣлы происходить, бываютъ настолько разнообразны и сопровождаются такими различными обстоятельствами, что почти каждый раздѣлъ имѣть собственную физиономію, и черты, принадлежащиа имъ всѣмъ, имѣютъ поэтому очень общій и отвлеченный характеръ. Законъ 18 марта 1886 г. не сдѣлался рамкой, въ которую бы укладывались всѣ крестьянскіе раздѣлы, и никакъ не послужилъ къ сокращенію ихъ; вопреки своей цѣли, онъ фактически только изъялъ раздѣлы почти изъ всякаго вѣдѣнія учрежденій, стоящихъ надъ сельскимъ обществомъ. Но, являясь въ настоящей дѣйствительности какъ бы несуществующими, законъ этотъ въ рукахъ усерднаго крестьянскаго начальства, которое бы рѣшилось применять его во всей его строгости, способенъ послужить къ немалому разстройству семейныхъ отношеній, а въ рукахъ недобросовѣстныхъ лицъ изъ самихъ крестьянъ можетъ сдѣлаться иногда благовиднымъ предлогомъ для уклоненія отъ платежа разнаго рода повинностей, такъ какъ по этому закону крестьянскіе дворы, образовавшіе помимо его, должны считаться въ отношеніи отбыванія всякихъ казенныхъ повинностей за одинъ дворъ, и «всѣ члены такого семейства несутъ общую отвѣтственность за исправное выполнение сихъ обязанностей»; значитъ, недоимка, накопившаяся на одномъ изъ образовавшихся послѣ раздѣла хозяйствъ, должна взыскиваться со всѣхъ этихъ хозяйствъ, а не съ одного его.

Ѳ. Покровскій.

ПЕРМЯКИ.

I.

Мѣстность, занимаемая пермяками.—Ихъ языкъ.—Сохранившіеся остатки языческихъ вѣрованій (гашті, икоты, викиморы, сусѣдка, водяной, полудница, чугунная баба).—Характеръ пермяка.—Бытовыя и санитарныя условія (трахома, чосотка).—Домашнія средства излеченія (черъ-эшванъ, челнанъ, вѣжливецъ; оспа, лѣкарство отъ запоя).—Заговоры, кабала.—Виѣшній типъ пермяка и одежда.—Воззрѣнія его на семейную жизнь.

Пермяцкая народность проживаетъ, главнымъ образомъ, по правую сторону рѣки Камы, но иѣкогда несомнѣнно владѣла не только обониими ея берегами, а и частью Заволжья. Оба берега рѣки Инвы, такъ называемый Ивининскій край, почти сплошь заселены пермяками. Ивининскій край раскинулся и въ ширь и въ даль довольно далеко; онъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія чисто пермяцкія волости: Ошибскую, Егванскую, Архангельскую, Карповскую, Юсьвинскую, Верхъ-Юсьвинскую, Верхъ-Нердинскую (Питеевскую), Верхъ-Ивинскую, Кувинскую, Бѣлоевскую, Кудымкорскую и Таминскую. Кроме перечисленныхъ, здѣсь же имѣются слѣдующія волости, заселенные пермяками только отчасти: Купресская, Нердинская, Майкорская (Никитинская). Помимо бассейна р. Инвы пермяки сохранились еще по теченію р. Косы, Чердынскаго уѣзда, да въ Зюздинской (Аеанаьевской) и Гординской волостяхъ Вятской губерніи (Глазовскаго у.). Собственно въ Ивининскомъ краѣ пермяковъ насчитываютъ приблизительно $70\frac{1}{4}$ тысячи, а всего съ Чердынцами и Зюздаками до 99 тысячъ. Одинъ изъ казанскихъ профессоровъ, при производствѣ раскопокъ одного изъ многочисленныхъ здѣсь «городищъ», нашелъ, что нынѣшніе пермяки, по сложенію черепныхъ костей, значительно отличаются отъ ранѣе обитавшихъ здѣсь жителей. Сами себя пермяки, какъ и зыряне, называютъ: «коин-морть» (камскій человѣкъ). Эта однородность въ названіи народовъ, живущихъ по Камѣ и Двинѣ характерна и наводить на мысль о связи этихъ финскихъ племенъ.

Почти всѣ пермяки, кроме своего родного языка, говорять еще и по-русски, разумѣется, сильно коверкая послѣдній. Такъ, напримѣръ, твердое окончаніе мужскаго рода они замѣняютъ женскимъ и, наоборотъ; напримѣръ, «дѣдъ обѣдала», «жена обѣдалъ». Затѣмъ, х замѣняется къ: корошо, вмѣсто хорошо; ф

замѣняется и: Пидить, вмѣсто Филиппъ; ц—ч или с, напр., сарь, саряча, вмѣсто царь, царица; и—в: свава, вмѣсто слава. Фразу: «дѣдъ Филиппъ не сталъ обѣдать, а побѣжалъ посмотретьъ на царя и царицу и видѣлъ ихъ, а бабка сидѣла обѣдала и никого не видала», по-пермяцки слѣдовало бы сказать такъ: «дѣдъ Пилипъ не става обѣдать, а побѣжава посмотретьъ на саря и саричу и видѣва икъ, а бабка сидѣве, обѣдалъ и никого не видѣулъ». Звукъ л въ концѣ слова нельзя передать на бумагѣ, онъ представляеть изъ себя переходъ отъ «ель» къ «уль» и къ «оль». Приведенная выше фраза считается въ нашихъ мѣстахъ (въ центрѣ Инвицкаго края) за чисто русскую, на самомъ же дѣлѣ и такъ правильно пермяки не могутъ говорить.

Языческія вѣрованія сохранили до сихъ поръ среди пермяковъ всю свою силу и ими признаются открыто. Такъ пермяки вѣрятъ, что въ лѣсу проживаетъ лѣшій; правда, его за бога не почитаютъ, но увѣрены, что все думы лѣшаго только и направлены къ тому, какъ бы напакостить, какъ бы устроить какую-либо мерзость добромъ человѣку. Лѣшій не прочь попугать, кричать, хохочетъ, а иной разъ даже и украдеть у человѣка дорогу. Въ этомъ случаѣ, какъ бы хорошо ни зналъ человѣкъ дорогу, онъ пропадъ, если только, что оплошности своей, не приметъ должностныхъ мѣръ. Спорить съ лѣшимъ можно—стоить только снять свою верхнюю одежду и надѣть ее на выворотъ, и онъ отступится. Бабы въ этихъ случаяхъ должны вывернуть на изнанку свои шамшуры (особый головной уборъ); если же это не помогаетъ, то надо тотчасъ же вывернуть на изнанку всю одежду и не ограничиваться при этомъ только верхней. Между пермяками найдете немало людей, по ихъ увѣренію, не только видавшихъ лѣшаго, во и гостиившихъ у него. Лѣшій, по словамъ такихъ очевидцевъ, большого роста, выше каждого высокаго дерева; старикъ, съ сухими ушами, за плечами у него всегда имѣется сумка. Обыкновенно лѣшіе живутъ въ большихъ болотистыхъ лѣсахъ, гдѣ имѣютъ свои домики; домики эти всегда деревянные и всегда новенькие. Но и между «сухоухими дядями», какъ называются лѣшихъ пермяки, боящіеся назвать ихъ настоящимъ именемъ, попадаются такие, что не прочь заняться и торговлей. Такой лѣшій, принявъ на себя малый ростъ, отправляется въ Казань за товаромъ, и узнать и отличить его отъ простого смертного можно лишь по бровямъ; если ихъ у торговаго нѣть—это не торговецъ, а лѣшій. Каждому взошедшему въ избу лѣшему, выбраться изъ нея трудненько. Но иногда, особенно колдуночь, «сухоухій дядя» и самъ выведеть на правильную дорогу. Особенно часто бываетъ онъ любезенъ къ тѣмъ молодымъ колдунамъ, которые приходятъ въ лѣсъ, чтобы продать ему свою душу. Послѣ этого колдуны получаютъ даръ: наводить порчу. Вообще же говоря встрѣча съ лѣшимъ ничего путнаго не предвѣщаетъ, даже и въ лучшихъ случаяхъ: либо самъ, встрѣтившій, чѣмъ-либо захвораетъ, либо кто

изъ его семьи помреть, либо скотина падеть. Словомъ можно положительно сказать: «такая встреча не къ добру». Въ лѣсахъ же живутъ «икоты» и «кикиморы». Хотя сами пермяки считаютъ первыхъ людьми больными, но на самую болѣзнь смотрятъ какъ на происшедшую отъ «духовъ» и, кромѣ того, каждый, страдающій икотой, становится какъ это здѣсь дозвано-де долголѣтней практикой, съ момента заболѣванія колдуномъ; къ такимъ больнымъ охотно идутъ ворожить всѣ тѣ, у кого потерялась лошадь, заболѣла корова и т. д. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ спрашиваются: «гдѣ найти потерю?» На что и не замедлить поспѣдоватъ обстоятельный отвѣтъ: «ищи на солнцевосходѣ» и т. п. Колдуновъ этого рода развелось немало, такъ какъ дѣло ворожбы совсѣмъ не безвыгодное. Въ присутствіи одержимыхъ этою болѣзнию отнюдь нельзя курить: икота табаку не любить; по увѣреніямъ больныхъ, отъ табачнаго дыма они даже во снѣ начинаютъ корчиться. Мнѣ впрочемъ приходилось куривать при больныхъ, даже и днемъ, безъ всякихъ для нихъ дурныхъ послѣдствій, ожидаемаго результата я не получиль. Тотъ, кто видѣлъ меня, курящимъ, говорилъ: «свово знаетъ, потому и не дѣйствуетъ». Кикиморы у пермяковъ, какъ и у насть, русскихъ, также принадлежать къ категоріи злыхъ духовъ и приносять населенію немало непріятностей; чаще же всего они доять коровъ. Изъ духовъ наиболѣе видныхъ признаютъ «сусѣдку» (домового). Сусѣдка представляетъ изъ себя, по вѣрованіямъ пермяковъ, неотъемлемую принадлежность каждого жилого помѣщенія и, хоть до нѣкоторой степени, благоустроенного дома. Постоянная резиденція сусѣдки - подполье (голбецъ). Каждый благоразумный хозяинъ и хозяйка починаютъ и холять его. Впрочемъ сусѣдка и не взыскательна—слѣдуетъ только ей въ чѣмъ не мѣшать. По характеру своему, сусѣдка доброе существо; она не пугаетъ людей, и если его и побаиваются, то все же божескихъ почетей ему не воздаютъ, а просто задабрываютъ его, кто чѣмъ можетъ. Такъ ставить въ подполье не покрытую сметану, чтобы сусѣдка могъ побить ее. Повидимому, она дѣлаетъ это съ удовольствіемъ, такъ какъ положенное исчезаетъ вскорѣ. Одно только можно сказать про сусѣдку съ полной увѣренностью: коли сусѣдка не въ ладахъ съ хозяиномъ или просто чѣмъ-нибудь недоволена, дѣла пойдутъ плохо. Скотина, какъ ее ни корми, все худѣеть, у бабъ хлѣбъ не удается, пряжа не спорится, и т. д. За то когда сусѣдка доволена, тогда она и самъ угодить старается: скотина здорова и въ гривахъ ея она наплететъ такихъ косъ (особенно у тѣхъ лошадей, что больше любить), какихъ не сплести и самой искусной бабѣ. Если же сусѣдка совсѣмъ покинетъ домъ, тогда все домоводство практомъ пойдетъ: все равно старайся—не старайся, а толку не будетъ. Вывести сусѣдку изъ себя можно, напр. тѣми же хитро сплетенными косами—стоить только ихъ разчесывать, такъ сказать, браковать

его работу. Мне лично приходилось видеть подобные косы въ головѣ и бородѣ у иныхъ стариковъ. Сами старики да и окружающіе ихъ смотрѣли на нихъ съ поднымъ благоговѣніемъ, какъ на явное доказательство сусѣдкиной любви. Людямъ сусѣдка показывается весьма рѣдко; видѣть его, а по большей части слышать, когда онъ сѣть муку. Это совсѣмъ маленький и сѣдинькій старичекъ. Иной разъ онъ зажигаетъ маленький, синенький огонекъ, а иной разъ, когда особенно разшалится старый, возьметъ да и начнетъ давить сонного человѣка. Нечего его бояться. Напротивъ, надо лишь спросить: «къ худу или къ добру давиши?», и сусѣдка скажетъ къ чему; а такъ какъ онъ духъ вѣрный, то въ зависимости отъ отвѣта и слѣдуетъ ждать добра или худа.

Въ каждой рѣчкѣ, по вѣрованію пермяковъ, имѣется свой водиной (Саинь-кульшанъ); лично онъ не злой, но во всякомъ случаѣ явленіе его не къ добру. При постройкѣ мельницы онъ непремѣнно требуетъ себѣ въ жертву голову; въ противномъ случаѣ, какъ только придется проѣзжать его свадьбѣ черезъ мельницу, онъ ее пронесетъ, какъ крѣпко ее ни устраивай. Какую голову давали водиному въ старь—покрыто мракомъ неизвѣстности; теперь же ограничиваются пѣтушиной, и водяной не заявляетъ неудовольствія: мельницы проносятся рѣдко. Каждый мельникъ знакомъ съ водянымъ, какъ съ своимъ непосредственнымъ и ближайшимъ начальствомъ, и по первому его требованію выпускаетъ воду изъ мельничныхъ прудовъ, для безпрепятственнаго прохожденія своего начальника. Ни одинъ изъ пермяковъ, проходя черезъ воду (брюдомъ или по лавѣ), не забудетъ одарить водяного, а если у такого прохожаго ничего нѣтъ съ собою, то онъ хоть нитку изъ гасника (поясокъ у брюкъ) выдернетъ и бросить въ рѣку. Водяного видали многіе; онъ является въ видѣ совершенно нагой женщины, которая расчесываетъ свои длинныя волосы, заставъ гдѣ-нибудь между иловыми кустами. Стоитъ водяному завидѣть кого-нибудь, онъ тотчасъ же бросается въ воду, причемъ бросается въ нее такъ ловко, что ни круговъ, ни пузырьковъ отъ его паденія не происходитъ. Изрѣдка водяной показывается и въ видѣ ребенка съ удлиненной къ затылку головой, усыпанной короткими, мягкими волосами. Всѣ водяные живутъ въ домаѣ; правда, самыхъ домиковъ никто не видывалъ, но многіе пермяки вытаскивали изъ воды солому, которая не могла быть чѣмъ-нибудь инымъ, какъ крышей водяного. Солома эта собирается водяными, когда бросаютъ въ воду солому, на которой обмывали покойника. Водяные не прочь и утащить къ себѣ человѣка; особенно часто это продѣливается ими въ крещенское гаданье, когда дѣвушки приходятъ слушать, что дѣлается въ проруби. Всѣхъ водяныхъ можно запирать во время крещенской заутрени, вплоть до обѣдни. Сдѣлать это легко; стоять только положить крестъ на крестъ палочки и повернуть ихъ рукой съ права на лѣво, какъ

запирают замокъ. Такой замокъ или запоръ называется по пермяцки «Йертанъ», очевидно исковерканное слово Йерданъ.

«Православный» пермякъ вѣруетъ въ множество другихъ второстепенныхъ духовъ. Между духами попадаются и совсѣмъ добрые, но, духи по преимуществу, злые. Въ полѣ живутъ «полудницы»¹⁾). Въ рудникахъ и штолняхъ обитаетъ «чугунная бабушка». Увидать ее—добра не ждать.

Понятія пермяковъ объ Единомъ Богѣ весьма скучны. Большая часть изъ нихъ увѣрена, что каждая часовня построена въ честь особаго бога. Каждаго святого они считаютъ также за отдельнаго бога, требующаго, помимо молитвъ, и болѣе существенныхъ приношений. Такъ наприм., на Марию Голендуху, слывшую за курина го бога, въ подлежащую часовню приносятся куры, индейки и проч.; на правдникъ Флора и Лавра—«скотьяго бога» особенно въ «Кочѣ», Чердынского уѣзда, приводятся «невинные» быки, барабаны и др. Въ ночь на названный праздникъ, особенно чтимый пермяками, приводить скотъ изъ разныхъ мѣстъ, верстъ за сто и болѣе. Не имѣющими лишняго скота не возбраняется принесеніе мяса. Часть приготовленнаго для жертво-приношенія мяса идетъ въ пользу нашего духовенства, т. е. православнаго, каковое и совершаеть въ этотъ день молебствія. Чтобы дать нѣкоторое понятіе объ отношеніи пермяковъ къ иконамъ, таинствамъ и проч. укажу на факты. Къ одному изъ волостныхъ писарей пришелъ съ иконой св. Николая Чудотворца почтенный старикъ Ошибской вол. и спрашивается: «Какого Бога купилъ?»—«Николая Чудотворца», отвѣчаетъ писарь. «Какъ Чудотворца?» вспомнился старикъ и тотчасъ же побѣжалъ къ священнику, которому и повторилъ свой вопросъ. Послѣдній успокоилъ: «ты купилъ образъ святителя Николая». «То-то, удовлетворился старикъ» а то писарь сказалъ «Чудотворца» купилъ; это чтобы онъ въ избѣ-то чудесъ натворилъ!... Вотъ какъ святитель, я поставилъ его въ уголокъ—пусть святить. Чудотворца, говорить, купилъ! Я и на базарѣ-то, какъ выбиралъ, видѣлъ, что басенѣкій (красивый, хороший, приглядный) стариечекъ! Въ 1895 г., въ Юсьвинской вол. одна изъ женщинъ, пріобщившись св. Танѣ, спросила священника: «А когда исповѣдать-то будешь». Тамъ же въ 1899 г. пришелъ въ церковь во время причащенія (дѣло было великимъ постомъ) какой-то крестьянинъ и идетъ причащаться. «Ты зачѣмъ, говорить ему священникъ, вѣдь ты не говѣль?» «Нѣть,

¹⁾ Въ самое недавнее время въ полдни т. е. въ то время, когда выходитъ «полудница», ни одинъ человѣкъ не смѣлъ приняться за работу на открытомъ мѣстѣ. Обаяніе «полудницы» было велико, хотя еще и теперь рѣдкій ребенокъ войдетъ въ огородъ въ полуденную пору. «Полудница», по виду, здоровенная баба, всегда одѣтая въ вывороченную на выворотъ шубу. Ровно въ полдень она выходитъ изъ земли позавтракать и тогда ей не попадайся—въ припадкѣ злости она можетъ сѣсть всякаго; въ остальное время она существо безобидное.

батюшка, меня къ тебѣ съ пакетомъ изъ волости послали, да ты все ве
отходишъ, вотъ я и пошелъ отъ скучи съ другими». Въ Кочѣ записана слѣд.
молитва: «Егорій храбрый, Микова Мивостивый, темные лѣса, лѣсные звѣри,
спасите и сохраните меня; матушка вода не проглоти, а будь мивостива!»
Поднося дѣтей къ св. причастію, каждая мать старается не причастить своего
ребенка первымъ или послѣднимъ: «это нездорово». При такомъ взглядѣ пермя-
нокъ на это таинство, во время причащенія, иной разъ происходить крупныя
недоразумѣнія. Если матери покажется, что ея ребенку дали мало «счастья» или,
если ребенокъ боленъ, то ова или сама, когда много причастниковъ, или черезъ
посредство своей родни и знакомыхъ, отправляетъ дитя за полученiemъ «счастья»
во второй разъ; да и сами-то взрослые, великимъ постомъ, если пріобщаютъ
не изъ одного, а изъ двухъ-трехъ придѣловъ, не прочь получить причастіе у
каждаго изъ священниковъ. Во время молебновъ духовенству за частую при-
ходитъ получать записки такого рода: «О здравіи Ильи, Петра, пестрой ко-
ровы, Анфисы, курятъ» и т. п. Духовенству приходится иногда считаться и
съ просьбами такого рода: «Батюшка, отслужи молебенъ о здравіи рабы
Агапії», а потомъ, черезъ день-два: «батюшка, разслужи молебенъ, чтò и
заказывала». Эта просьба ясно указываетъ на прошедшую между пріятель-
ницами размолвку. Уважая и почитая, по своему, Бога, пермяки требуютъ
отъ Бога уваженія и къ себѣ, и къ своимъ трудамъ. Духовенство особымъ
уваженiemъ среди пермяковъ не пользуется. Въ исполненіи разнаго рода и даже
иногда языческихъ обрядахъ духовенство, усматривая себѣ пользу, пермякамъ
не отказываетъ, но самаго населенія, вѣроятно, въ виду его косности,—чуж-
дается, забывая, что въ этой косности далеко небезвично и оно само.

Характеръ пермяка странный. Еще весьма недавно пермяки не могли
высказать на своеимъ родномъ языкѣ чувство благодарности; да и теперь, если
они говорять «спасибо», то лишь потому, что переняли это слово отъ рус-
скихъ. Словъ «здравствуй», «прощай» у нихъ также нѣть. Пришелъ, сунулъ
руку для рукопожатія—значить поздоровался; продѣлалъ тоже самое и ушелъ—
значить простился. Еще болѣе замѣчательно то, что нѣть пермяцкаго слова,
выражающаго понятіе о чистой любви. Напротивъ, что касается словъ, отно-
сящихся до любви нечистой, то въ нихъ пермяки перешеголяли нась, русскихъ.
Воровство—общий всенародный бичъ, распространено среди пермяковъ весьма
сильно и за порогъ почти не считается: «у сосѣда есть, а у меня нѣть, а
почему бы не наоборотъ?» Есть деревни, въ которыхъ не воры лишь тѣ, что
лежать въ люлькахъ. Гостепріимны пермяки въ самомъ широкомъ смыслѣ слова.
Рѣшительно каждого пришедшаго, даже совсѣмъ незнакомаго, а по праздникамъ
и недруга, угощають брагою и «кумышкою», впрочемъ послѣдняя, по нынѣш-
нимъ «монопольнымъ» временамъ, предлагается лишь хорошимъ знакомымъ.

Въ домѣ пермака гостямъ и каждому встрѣчному предлагается все, что имѣется въ печкѣ. Пермяки, по природѣ, отнюдь не злы, но до крайности скрытны и мстительны.

Было время, когда и пермакъ былъ вольнымъ и свободнымъ человѣкомъ, но вотъ въ 1564 г. появляется грамота: «И язъ Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ, вся Руسى Григорія Аникѣева сына Строганова пожаловалъ, вѣльъ есми ему на томъ пустомъ мѣстѣ, ниже Великія Перми (города Чудыни) за восемьдесятъ за восемь верстъ, по Камъ рѣкѣ, по праву сторону Камы рѣки съ усть Лысыи рѣчки, а по лѣвую сторону Камы рѣки противъ Пызноски куры, внизъ по обѣ стороны по Камъ до Чусовыи рѣки, на черныхъ лѣсахъ городокъ поставити (разумѣется Орель) и около-бѣ того городка ему по рѣкамъ и по озерамъ и до вершинъ лѣсъ сѣчи, и пашни около того городка роспахивати, и дворы ставити, и людей ему въ туть городокъ не-пишменныхъ и нетяглыхъ называть» (*«Пермская старина»* А. Дмитрева). Въ числѣ пустыхъ мѣстъ и рѣчекъ попали къ Строганову и рѣки Иньва, Обва и Коса, по течению которыхъ жили пермяки. На основаніи грамоты они, какъ поселившіеся по рѣкамъ, съ этого момента отъ вершинъ своихъ, пожалованыхъ Строганову, попали въ его полную зависимость, а въ силу повторнаго указа имп. Петра I въ 1700 г., 1 июля (*«Указъ разнымъ бургомистрамъ обѣ утвержденій за Григоріемъ Дмитр. Строгановыми погостами по Обви, Иньви и Косьви»*) отошло за него людей 14.003 чл. (Ф. Волегова), т. е. всѣ жители окончательно попали въ полное и потомственное владѣніе Строгановыхъ. За крѣпостничествомъ пермакамъ дана была воля; за это время произошелъ такъ назыв. «караванный» буйть, описание котораго мною здѣсь помѣщается.

Понятіе о патріотизмѣ у пермаковъ совершенно отсутствуетъ, но за свое старое, насиженное мѣстечко, онъ постоять сумѣеть. Впрочемъ, жители Юсьвинской волости, по совѣту нѣсколькихъ своихъ однообщественниковъ, построили въ минувшее царствованіе Императора Александра III одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ храмовъ во всей Пермской губерніи «въ память освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости»; причемъ, не считая работы натурой, потратили на постройку этого храма почти 90 тысячъ рублей лишь на одинъ стѣны.

Главный родъ занятій пермаковъ — хлѣбо пашество. Зимою, когда весь хлѣбъ съѣденъ, пермакъ идетъ на самые трудныя, почти каторжныя работы, притомъ за безцѣнокъ. Однакоже и въ этомъ труде за безцѣнокъ неприспособленность пермака даетъ себѣ знать весьма чувствительно и заставляетъ его терпѣть многія бѣды отъ нанимателя — заводчика. Живутъ пермяки, по сравненію съ нашими крестьянами, зажиточно. Такъ, въ каждомъ домѣ найдете не одну лошадь или корову, а нѣсколько; въ достаточномъ же количествѣ

имѣется и другого мелкаго скота и разной домашней птицы до индюшечъ включительно, по никакой практической пользы ни отъ чего пермякъ не получаетъ. Коровы и слишкомъ мелки и мало удобны. Оно и не мудрено: кормить ихъ всю зиму яровой соломой, а весной, лѣтомъ и осенью—подножнымъ кормомъ. Что же касается сѣна, то его пермяцкія коровы не видать; въ зимнее время, въ добавокъ къ этому, коровъ не доять, такъ какъ пермички говорятъ: «рукамъ ководио». Лѣтомъ доеніе коровъ тоже не въ лучшемъ положеніи, но это происходитъ отъ того, что скотъ пасется совсѣмъ безъ присмотра. Придѣть корова домой—подоять, не придѣть—искать станутъ, и не сразу-то ее найдутъ. Вообще рогатый скотъ содержится только для удобренія,—для навоза, а не какъ доходная статья. Всю мелочь: овецъ, куръ, индюковъ, утокъ, телятъ и проч. пермяки кушаютъ сами; для русскаго крестьянинца такая роскошь еда ли даже понятия.

Умѣя братъ для пищи вкусные продукты, пермякъ умѣеть ихъ, въ добавокъ къ этому, еще и вкусно приготовить; однакоже грязь, грязь во всемъ его обиходѣ, грязь непролазная, грязь невѣроятная, зачастую и въ голодъ, заставляетъ отвернуться отъ ихъ наиболѣе лакомыхъ кушаний. Такъ, въ Юмской и Зулинской волостяхъ Чердынского уѣзда у многихъ, даже очень богатыхъ домохозяевъ бражныя корчаги совсѣмъ не моются. Прага—питье, мучное, и густое; чтобы оно было крѣпче, его держать на печкѣ. Когда вся брага на исходѣ и корчага замѣтно опустѣла, въ ту же корчагу подливаютъ вновь заготовленный растворъ, на завтра тоже и т. д. Кто живаль въ деревняхъ, тотъ, вѣроятно, знаетъ, какое по истинѣ невѣроятное количество мухъ встрѣчается въ любой крестьянской избѣ. Вотъ эти-то мухи изо дня въ день ползаютъ по не промываемому, загрязненному липкими и тягучими остатками браги горшку. Мухи усердно несутъ свои яички въ подсыхающее и теплое тѣсто, а изъ нихъ въ самомъ непродолжительномъ времени выходятъ малюсенькие червячки. Эти червячки быстро ростуть, становятся прежирнѣшими. Попали въ кружку,—ковырнуль перстомъ, и нѣть досадника! Въ нѣсколькихъ мѣстахъ Ошибской волости и кой-гдѣ въ Чердынскомъ уѣзде скотъ по зимамъ живеть въ жилыхъ избахъ вмѣстѣ съ хозяевами, причемъ нечистоты (какъ скота, такъ и малолѣтнихъ дѣтей) не выбрасываются до Пасхи. Зато къ первому дню Свѣтлаго Христова Воскресенія вся грязь «тщательно» выскребается лопатою. Повсемѣстно посуда не моется не только между кушаньями, но и по нѣсколько дней. Вода изъ вонючихъ кадокъ не выливается до тѣхъ поръ, пока кадка годна для своего употребленія—отстой ила и разной другой дряни бываетъ непомѣрно велика. Умывается пермякъ больше чѣмъ рѣдко. Да и въ то время, когда онъ умывается, глядя со стороны, и не подумаешь, что онъ продѣлываетъ именно эту операцию: плеснетъ изо рта воды на руки, а съ

нихъ на лицо и—конецъ. Мыла для умыванія вовсе не употребляется и очень мало при стиркѣ бѣлъя. Бѣлье носится обоми полами по долгому, а иной разъ и до тѣхъ порь, пока держится на плечахъ, и носится такъ отнюдь не по бѣдности; моется же во всякомъ случаѣ крайне рѣдко и въ чутъ теплой водѣ. Прямими послѣдовательностями такой невѣроятной грязи являются: трахома, тифъ, чесотка и миллиарды паразитовъ. Половина пермяковъ поражена въ болѣе или менѣе легкой формѣ трахомой. Кажется большаго числа слѣвныхъ, какъ здѣсь, нигдѣ не найти. У одного отъ рожденія слѣвного пермяка, жившагося на точно такой же женщинѣ, родился четвертый слѣвопорожденный ребенокъ, и по закону нельзя слѣвопорожденному воспрепятствовать вступать въ бракъ съ таковыми же. Не жестокъ ли законъ?

Распространенная здѣсь въ ужасающей степени чесотка не поддается описанію. Въ школахъ существуетъ правило о временномъ удаленіи чесоточныхъ дѣтей. Еслибы такое правило примѣнить къ пермяцкимъ школамъ, то всѣ онѣ должны бы и притомъ навсегда закрыться, такъ какъ нечесоточныхъ дѣтей ве водится. Всѣмъ известно, что лучшимъ средствомъ противъ чесотки слѣдуетъ считать чистоту; зная это, пермяки стараются соблюсти ее, но только, къ сожалѣнію, по своему. Невыносимый зудъ заставляетъ ихъ, въ концѣ концовъ, идти въ свои курные бани, гдѣ они и парятся до одуренія. Грязныя бани грязи безъ мыла не смываютъ, а скорѣе прибавляютъ ея, хотя временно, подъ влияніемъ жара, зудъ и стихаетъ; за то, спустя нѣсколько часовъ, чесоточный зудъ еще быстрѣе прокладываетъ свои ходы подъ размягченной жарою кожей и, обезумѣвшій отъ зуда, перникъ бѣжитъ вновь париться въ баню. Мученія чесоточного становятся наконецъ до такой степени нестерпимыми, что больной или отправляется въ больницу за лѣкарствомъ или самъ покушаетъ себѣ въ ближайшей лавочкѣ «чесоточную мазь». Снадобье это на видныхъ мѣстахъ стали выставлять еще совсѣмъ недавно во всѣхъ магазинахъ пермяцкаго края и расходуется оно въ громадномъ количествѣ. Всѣ остальные заразныя и эпидемическія болѣзни, разъ только онѣ заберутся въ наши мѣста, собираютъ обильную жатву. Оспенная эпидемія 1895—6 годовъ дала смертность 537 ч. только въ одной Юсьвинской волости, на 348 человѣкъ родившихся въ ней за это же время. Сама борьба съ эпидеміями представляеть немало затрудненій всегда и вездѣ, но у насъ въ пермякахъ этихъ затрудненій еще больше. Головная вошь считается пермяками за необходимую и неотъемлемую принадлежность каждого человѣка, и ими не вычесываются; наоборотъ, еслибы таковыя насѣкомыя въ силу какихъ-то непонятныхъ условій, перевелись, то ихъ разводятъ, беря съ головы болѣе богатыхъ этими насѣкомыми. Не имѣть вшей не къ добру. При обрядѣ свадебномъ расплетенія косъ, на полу, зачастую, вшей словно пшена насыпано. А вѣдь всѣ эти свадебные обряды происходятъ

на глазахъ у всѣхъ: при молодомъ, при подѣжанахъ, и вонючая грязь никъмъ не осуждается.

Начало борьбы со всякаго рода недугами начинается съ домашнихъ средствъ. Средства эти иной разъ заслуживаютъ полнаго вниманія врачей, а иной разъ они крайне наивны и весьма вредны. Къ числу домашнихъ средствъ нельзя не отнести «черъэшванъ» (вѣшаніе топора; черъ — топоръ и эшванъ — вѣсить, вѣшаніе). Къ черъэшвану прибѣгаютъ при разнаго рода недугахъ, какъ наружныхъ, такъ и внутреннихъ, напримѣръ: при ревматизмахъ, коликахъ, головныхъ боляхъ, сыпяхъ и т. п. все равно имѣются ли они у людей или у домашнихъ животныхъ. Собственно говоря, черъэшванъ даже и не лѣкарство, а скорѣе заклинаніе, при помощи которого можно вполнѣ достовѣрно узнать: какой богъ или какой покойникъ нашелъ на больного (значить, недоволенъ и наказываетъ больного), кто, говоря по-пермяцки, устроилъ «мыжвисъ». Каждый святой, по пермяцкому вѣрованію, представляетъ изъ себя отдѣльного бога,—вотъ его-то именно и находить при помощи заклятия. Прежде всего, желая прибѣгнуть къ лѣчению при посредствѣ черъэшвана, берутъ «челпанъ» (коврика чернаго хлѣба), кладутъ его на столъ, зажигаютъ огарокъ восковой свѣчки и ставятъ ее передъ образами; къ образамъ же кладутъ щепотку хмѣля, завязаннаго въ какую-нибудь тряпку. Всѣ эти манипуляціи носятъ название: «вязать черъэшванъ». Помолясь передъ образами, вяжущій черъэшванъ, беретъ съ божницы узелокъ съ хмѣлемъ и обводить имъ вокругъ больного мѣста или вдоль его у себя или животнаго. Если онъ занемогъ весь, то узелокъ обводится вокругъ всего тѣла и вокругъ всѣхъ отдѣльныхъ членовъ его. Въ это же время больной читаетъ известныя ему молитвы. Наконецъ больной вновь кладеть узелокъ къ хлѣбу, гасить огарокъ восковой свѣчки и кладеть ее на божницу; затѣмъ туда же кладется и лежащий до сихъ порь на столѣ челпанъ и узелокъ съ хмѣлемъ. Все положенное остается лежать на божница до слѣдующихъ сутокъ. Чрезвычайно важно, чтобы все вышесказанное было произведено самимъ больнымъ. Разумѣется, если онъ ужъ черезчуръ плохъ, то тоже самое за него долженъ продѣлать кто-либо другой. По прошествіи сутокъ черъэшванъ (узелокъ съ хмѣлемъ, огарокъ восковой свѣчки и челпанъ) уносится къ черъэшваннице, которая принимаетъ всѣ эти вещи только у себя на дому. Если черъэшванъ принесенъ къ черъэшваннице рано утромъ, такъ что она до принесенія его еще не успѣла ничего ни попить, ни поѣсть, то она тотчасъ же приступаетъ къ дѣлу; въ противномъ случаѣ черъэшванъ оставляется у нея до слѣдующаго утра и, принесши его, приходить узнавать о результатахъ на слѣдующій день. Личное присутствіе въ данномъ случаѣ никакой роли не играетъ. Самый обрядъ вѣшанія черъэшвана заключается въ слѣдующемъ. Черъэшванница затапливаетъ печь самимъ рав-

нимъ утромъ на тощакъ и закрываеть ее такъ, чтобы въ печи оставались еще горящие уголья. Затѣмъ, она береть изъ принесенного узелка огарокъ свѣчки и зажигаеть его передъ иконами, къ образамъ же кладется и чепчанъ съ хмѣлемъ, хотя чаще послѣдніе ставятся на столъ подъ образами. Продѣлавъ все это, захарка долго и усердно молится Богу, шепча какія-то молитвы. Перебравъ ихъ, она гасить свѣчку и, положивъ огарокъ вмѣстѣ съ хмѣлемъ, высыпаетъ и хмѣль и огарокъ на горящие уголья. Хмѣль при горѣній начинаетъ слегка потрескивать. Это-то потрескиваніе и означаетъ, что, дѣйствительно, никто иной и ничто иное, а именно какой-то богъ «нашелъ» на больного (мыжись или мыжъ). Пока въ печкѣ происходитъ сгораніе хмѣля и воска, захарка приступаетъ къ самому важному дѣйствію—къ вѣшанію топора, приготовленному еще до молитвы. Вѣшаніе червѣвшаніа производится такъ: берется обыкновенный топоръ и подвѣшивается обыкновенно къ полатямъ такъ, чтобы топорище было въ положеніи равновѣсія, т. е., чтобы топоръ висѣлъ горизонтально по отношенію къ полу. Подойдя къ подвѣшенному такъ обр. топору и давъ ему время совершенно успокоиться, червѣвшанница начинаетъ, все время не спуская глазъ съ топора и читая молитвы, перебирать имена всѣхъ тѣхъ святыхъ, какихъ только она сама знаетъ, напримѣръ: «Элексія, Божіяго чевовѣка—Егвенской, Егорей—Крабовой Юсъвинской, Щицицінскій—Илья пророкъ, Кудымкорской—Микова Мивостивый» и т. д. до безконечности, пока не истощатся всѣ знакомые ей боги или же до тѣхъ поръ, пока висящій на подвѣсѣ топоръ не колыхнется. Если во время перебиралія боговъ топоръ не закачается, то захарка начинаетъ перебирать боговъ съизнова; тоже дѣлаетъ она, когда у ней закрадлось сомнѣніе при имени какого бояка качнулся топоръ, хотя въ послѣднемъ случаѣ она повторяетъ только имена боговъ, введшихъ ее въ сомнѣніе, а въ первомъ случаѣ всѣхъ. Перебирая имена во второй разъ, она произносить ихъ значительно рѣже, съ паузами. Тотъ богъ, при имени которого качнулся топоръ и есть искомый, ему-то и надо отслужить молебенъ, чтобы онъ не только теперь, но и впередъ не «находилъ». Послѣ такого молебна болѣзнь должно какъ рукой снять. Иногда бываетъ и такъ, что топоръ и не думаетъ качаться, а боги перебраны уже по два раза. Это обстоятельство съ точностью устанавливаетъ тотъ фактъ, что болѣзнь происходитъ не отъ бога, а отъ кого-либо изъ покойныхъ родственниковъ больного. Удовствѣряясь такимъ образомъ въ невиновности боговъ, червѣвшанница начинаетъ перебирать имена покойныхъ родственниковъ больного, и если топоръ качнулся на чьемъ-либо имени, то это уже ясно означаетъ, за кого изъ родни надо отслужить панихиду, чтобы хоть этимъ путемъ избавиться отъ нежелательныхъ послѣдствій, происходящихъ отъ вниманія покойника. Бываетъ иногда и такъ, какъ ни старается червѣвшанница, сколько разъ ни перебираетъ она

имена святыхъ и покойной родни, а тоноръ всетаки не качается, тогда она начинаетъ задабривать и боговъ, и покойниковъ усиленными просьбами и обѣщаніями. Въ этихъ случаяхъ захарка, помимо молебна или поминанья, обѣщаетъ поставить «нашедшему» свѣчу въ длину больного мѣста (руки, ноги), или такую, которую можно было бы обвернуть одинъ или два раза вокругъ больного мѣста (головы, туловища, шев). Въ иныхъ случаяхъ обѣщаютъ сдѣлать прикладъ въ церковь (дать въ церковь холста, льна и т. п.). Когда захарка узнаетъ имя наставшаго божа (объ мыжѣ), она сообщаетъ объ этомъ больному. Узнавши, какой именно божъ или покойникъ напалъ на него, старается, во что бы то ни стало, какъ можно скорѣе отѣлаться отъ него, т. е. исполнить обѣщаніе черѣшванницы, и такъ обр. ублаготворивъ божа, выадоровѣть самому. Такъ какъ огромныя свѣчи ставить неудобно, то таковыя обыкновенно скручиваются вдвое или втрое. Въ церквяхъ нерѣдко можно видѣть такія свѣчи. Свѣчи эти дѣлаются всегда изъ желтаго, домашняго, не отбѣленнаго воска и рѣзко цветомъ въ формой отдѣляются отъ обыкновенныхъ церковныхъ свѣчъ. Принесенный отъ больного челланъ съ воткнутой въ него какой-либо мелкой монетою остается въ награду за труды черѣшванницѣ. Всѣ захарки, занимающіяся этимъ дѣломъ, пользуются у пермяковъ полнымъ уваженіемъ; какъ люди, сподобившіеся откровеній, онѣ никогда не остаются безъ щедрыхъ подаяній и посильныхъ наградъ отъ исцѣленныхъ при ихъ содѣствіи пациентовъ. По большей части дѣломъ этимъ занимаются или сироты или вдовы, словомъ народъ бѣдный.

Помимо черѣшвана у пермяковъ масса лѣкарствъ, получаемыхъ ими отъ вѣжливцевъ (колдуновъ). Средства эти въ большинствѣ случаевъ самые невинные, самые безобидныя. Особеннымъ почетомъ и особенною славою пользуются тѣ захари, которыхъ слыша судьба наградила громовою стрѣлою. Судьба такихъ людей вполнѣ обеспечена. При лѣченіи мелкихъ болѣзней, такие счастливцы шепчутъ какія-нибудь молитвы на воду, налитую въ чашку по знаменитой громовой стрѣлѣ, и этой водой поять или натирать больного. При болѣе серьезныхъ заболѣваніяхъ, въ воду соскабливается чуть-чуть самой громовой стрѣлы. Само собой разумѣется, что въ случаяхъ смерти никто и не подумаетъ обвинять въ этомъ вѣжливца. Не всѣ однакоже средства такъ безобидны.

Однимъ изъ особенно славившихся захарей былъ некто Николай, крестьянинъ Егвинской волости, долгое время служившій въ должности церковнаго сторожа и еще совсѣмъ недавно почившій въ церковной сторожкѣ отъ каждому известныхъ послѣдствій сельскаго праздника. Слава о немъ прямо-таки гремѣла, и къ нему прѣѣзжали лѣчиться за нѣсколько десятковъ верстъ. Способовъ для излѣченія больныхъ у него было весьма много, и нѣкоторые изъ нихъ

вельзя не признать оригинальными. Вотъ одинъ изъ нихъ. Какъ-то позднею осенью въ самую гололедицу олить и по нынѣ здравствующій крестьянинъ отправился за сѣномъ; сдѣлавъ свое дѣло, онъ загѣзъ на возъ и, понукнувъ лошадь, заснулъ, а возъ-то, какъ на грѣхъ, и угоразило опрокинуться. Грянулся мужикъ на землю прямо головою, свихнувъ себѣ шею. Посмотрѣть на него вѣжливецъ Николай, покачалъ головой, крикнулъ разъ-другой и велѣлъ ему раздѣтися. Самъ же вышелъ изъ избы на дворъ, взялъ оттуда здоровое полено, принесъ его въ избу, розыскалъ два трехъ-вершковыхъ гвоздя и ими приблизъ конецъ полѣна къ лавкѣ. Николай положилъ на лавку больного, крѣпко прикрутилъ его къ ней, предварительно связавъ на груди руки. Надо замѣтить, что полено было прибито такъ, что приходилось какъ разъ противъ шеи, но съ противоположной вывиху стороны, т. е. съ лѣвой. Покончивъ съ больнымъ, Николай взялъ крѣпкое, новое, деревенской работы, полотенце и, сдѣлавъ изъ него петлю, захватилъ этой петлей голову больного, а затѣмъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на крики и мольбы жертвы, притянулъ голову за свободный конецъ полотенца къ полѣну и, обмотавъ конецъ за свободную часть полѣва, оставилъ больного полежать часикъ-другой. Когда больного отвязали, то оказалось, что средство подействовало слишкомъ сильно: голова съ правой стороны плеча перекочевала на лѣвую. До сихъ поръ никто изъ многочисленныхъ пациентовъ Николая не можетъ сказать, какъ это случилось, что онъ не могъ потрафить. Правда Николай предлагалъ больному исправить, и даже бесплатно, свою ошибку, да тотъ ни за что обѣтъ и слышать не хотѣлъ. Упрямаго человѣка конечно, лѣчить трудно, зато и до сихъ поръ ходить онъ съ головой свернутой на лѣвую сторону.

При осипѣ ребять, даже только что увидѣвшихъ свѣтъ, по разу, а то и по два раза въ день носять въ жарко натопленную баню, гдѣ и поддари-ваютъ (почти также лѣчать и сифилисъ, давая при этомъ больнымъ супу вли внутрь или при посредствѣ подкуриванія). Въ домѣ, гдѣ появился больной, съ первого же дня заболѣванія и до конца болѣзни не только не моютъ, но и не метутъ половъ; курить въ это время въ избѣ безусловно воспрещается, «чтобы не осердить осипицу». Очевидно, и осипица принадлежитъ къ категоріи боговъ или духовъ. Лѣчимый такъ обр. ребенокъ все время находитъся или въ страшномъ банномъ жару, или въ промозглой, вонючей и до нельзя грязной избѣ, постоянно охватываемый струями холоднаго (въ зимнее время) воздуха, врывающимися въ постоянно отворяемыя и затворяемыя двери. Всякое желаніе осипенного больного удовлетворяется, разъ только это представляется возможнымъ. Послѣдствія такого лѣченія осипенныхъ ужасны: нѣкоторыя деревни остались совсѣмъ безъ малолѣтнихъ. Сами пермяки называютъ эту болѣзнь «божья милость». Больныхъ, быть можетъ въ виду такого высокаго

происхождения этой болезни, по возможности скрываютъ, такъ какъ пермяки свято вѣрять, что стоять только начать лѣчить, и «осница» осердится.

Лѣкарство отъ запоя представляетъ изъ себя, по своей отвратительности, не только нечто невозможное, невѣроятное, но и то, о чёмъ громко говорить не принято. Когда у налившагося до шотри сознанія начинаетъ наступать плачевное положеніе, т. е., когда онъ начинаетъ горѣть отъ вина (остров отравленіе алькоголемъ), тогда емуложкою или левіемъ ножа раскрываютъ крѣпко стиснутые зубы и мочатся прямо въ ротъ, пока его не стопнить. Эта-то томнота—убѣжденъ пермякъ—и спасаетъ больного отъ неминуемой смерти.

Всякаго рода наговоры, заговоры играютъ въ пермяцкой жизни большую роль, чѣмъ настои изъ травъ я сами травы. Если внимательно присмотрѣться къ жизни пермяка, то нельзя не увидѣть того, что эти христіане не смыаютъ и шагу сдѣлать безъ указанія вѣжливца. Сами колдуны крѣпко хранятъ свои тайны и только случай помогаетъ узнать эти секреты—«кабалы». Кабала въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ прошеніе, а такъ какъ это прошеніе пишется и подается лѣсному царю, то подъ понятіемъ «кабала» разумѣется прошеніе къ лѣсному царю. Пишется оно въ экстренныхъ случаяхъ, когда у мужика теряется лошадь или другая крупная скотина заблудится въ лѣсу. Въ этихъ случаяхъ, потерявший идти къ вѣжливцу и сообщаетъ ему о своемъ несчастіи. Колдунъ беретъ кусокъ бересты и, если онъ неграмотенъ, что почти всегда бываетъ, то чертитъ на берестѣ углемъ отъ правой руки къ лѣвой какія-то непонятныя каракульки, говоря въ слухъ въ то же самое время, что именно онъ пишетъ. По словамъ г. Теплоухова, грамотный колдунъ пишетъ свою кабалу также, но при этомъ пишетъ буквы на выворотъ, такъ что кабалу можно прочесть лишь тогда, когда ее переписать на бумагу и читать съизнанки т. е. на просвѣтъ¹⁾). Здѣсь приведу тексты кабалы какъ Теплоуховской, такъ и моей (см. рисунки ихъ). Въ обоихъ кабалахъ большое сходство. Прошеніе въ Теплоуховской кабалѣ гласитъ слѣдующее: «Лѣсному царю Митрофану Митрофановичу, прошеніе на лошадь; потеря же стала. У насъ же лошадь сивая и рублей пятьдесятъ стоить; чистое раззореніе намъ пришло. У насъ лошадь вы отпустите добровольно, лѣсной ты царь, Митрофандъ Митрофановичъ. Мы прокуды ничего тебѣ не думали сдѣлать, а ты намъ сдѣлагь. Пожалуста, намъ отпусти лошадь; за чортой ты у насъ никуда ве пошелъ (?). Если ты да не отпустишь, мы будемъ тебя то же беспокоить, другое прошеніе писать. На этой сторонѣ у насъ лошадь жила, должна быть у васъ въ рукахъ. Есть у васъ ваша дорога своя, а крестьянская у насъ особенная, куда лошадь пошли. Если ты добровольно отпустишь, мы будемъ тебя подарить. Такъ вы это отпустите пожалуста намъ...»²⁾

¹⁾ Ниже я укажу, почему я не вѣрю этому разъясненію г. Теплоухова.

²⁾ Соч. Ф. А. Теплоухова. Кабала. Пермь. 1895 г.

Экземпляръ моей кабалы написанъ человѣкомъ безусловно неграмотныи и означаетъ слѣдующее: «На потерю лошади—льсному царю просьбу; гдѣ у насъ находится лошадь, 50 рублей стоить; быть тобы у васъ? Дайте наизъ добромъ, мы бы вамъ жеваемъ поднести $\frac{1}{4}$ водки, да рыбный широкъ. На это вы не согласны, то иначе. Дорога (на самой кабалѣ въ это время производилась черта и на ней рисовалась елка) наша. Ежели вы добромъ не даете, мы стамъ съ вами ссорится».

Кабала пишется всегда въ двухъ экземплярахъ, одна гвоздемъ, другая углемъ. Написанная гвоздемъ, сжигается въ печѣ, самимъ подателемъ прошения, а другая, написанная углемъ, подается непосредственно лѣсному царю¹⁾. Самая передача прошения лѣсному царю производится такъ. Зناхарь вмѣстѣ съ потерившимъ, отправляется въ лѣсъ, въ которомъ, по мнѣнию потерявшаго, заблудилась скотина. Здѣсь на перекрестьѣ двухъ лѣсныхъ тропокъ знахарь передаетъ кабалу черезъ лѣвое плечо, своему спутнику. Получившій кабалу или кладетъ ее на какой нибудь пень или прямо бросаетъ въ кусты; и то и другое онъ дѣлаетъ лѣвой рукой. Прочти описание обоихъ кабалъ, вы ввидите, что какъ въ той, такъ и въ другой, находится обѣщаніе со стороны подателя отдать лѣсного царя, причемъ въ экземпляре моей кабалы даже указано, чѣмъ и въ какомъ размѣрѣ. Очевидно, мой вѣжливецъ былъ болѣе практическимъ. Оно и немудрено—ему въ это время было около 65 лѣтъ. Если скотина дѣйствительно отыскивается или, проплутавъ нѣсколько дней, сама выберется изъ лѣсу и придетъ домой, то писавший кабалу обязанъ въ точности исполнить свое обѣщаніе и принести на то мѣсто, гдѣ было имъ оставлено прошеніе, обѣщанное угощеніе. Почти всегда въ ту же ночь, какъ исполнить обѣть, принесенные дары таинственно исчезаютъ, съ ними же вмѣстѣ исчезаетъ и поданное лѣсному царю прошеніе. Вотъ главнѣйшая причина, по которой почти нельзя найти кабалу въ лѣсу. Стоить ли говорить, что знахарь зорко слѣдить за исполненіемъ обѣщанія и умѣть использовать дары лѣсного царя. Въ случаѣ неуплаты (подобные случаи рѣдки), тѣ же знахари, воспользовавшись первою оплошностью мужика, угонять его скотину снова въ лѣсъ, но уже такъ, что ее никогда не увидѣть ни самъ крестьянинъ, ни его родна. Почекнѣть тогда первякъ свою голову и рѣшить: «за дѣло наказаль мевя лѣсной царь—я обманулъ его! Выдать кабалу кому-нибудь въ руки не рѣшится почти ни одинъ знахарь. Во-первыхъ, это ему не выгодно; во-вторыхъ, хотя онъ и обманываетъ народъ, но самъ тоже въ существованіе лѣсного царя вѣрить и по-

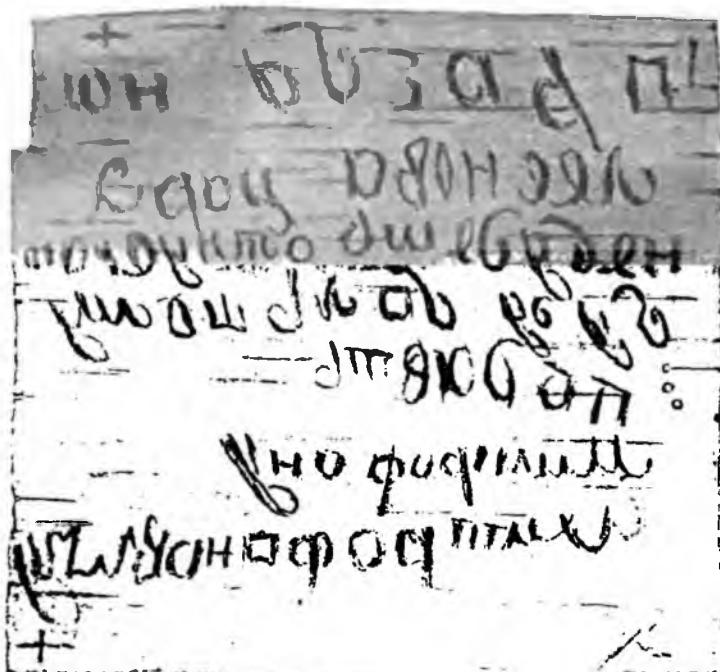
1) Это обстоятельство, очевидно, неизвѣстное г. Теплоухову, и ввело его въ заблужденіе, заставивъ думать, что у него не одна, а двѣ кабалы, тогда какъ на самомъ дѣлѣ, онъ имѣеть или одну полную кабалу (какъ я) или, что мнѣ представляется болѣе вѣроятнымъ, только половину ея, такъ какъ другая ея половина крайне подозрительна.

Кабала, принадлежащая Ф. А. Теплоухову.

№ 1.

№ 2.

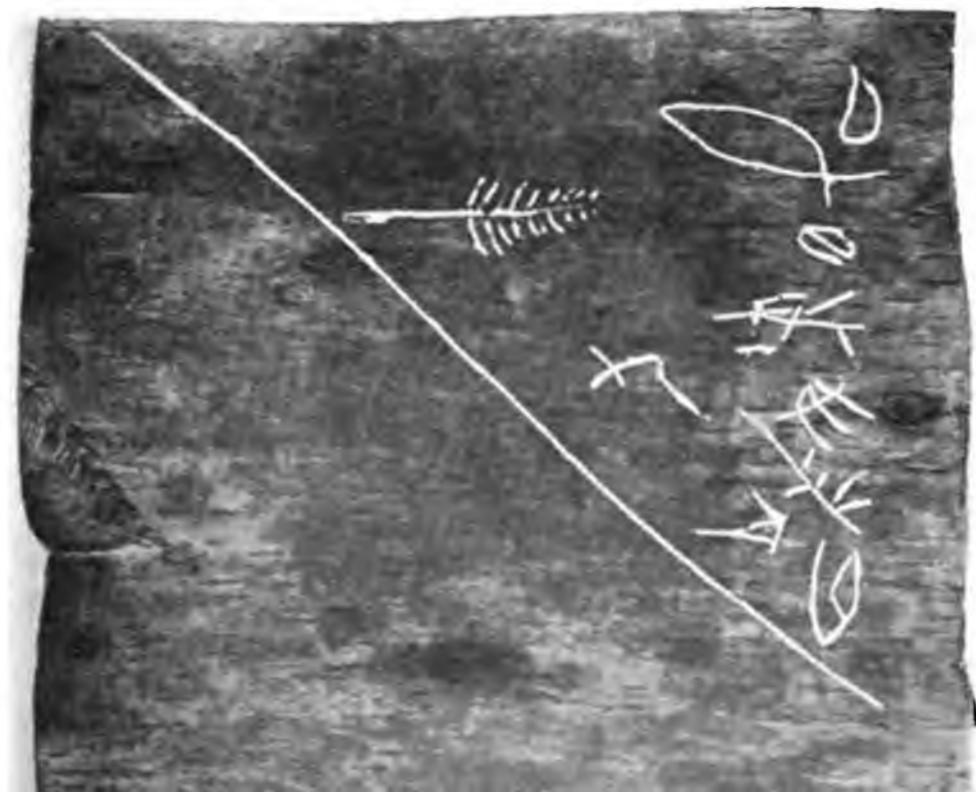

Кабала, принадлежащая В. М. Яновичу.

№ 1 (писана углемъ).

№ 2 (писана гвоздемъ)

бываетъ его и, въ третьихъ, остальные вѣжливцы, узнавъ о поступкѣ его, могутъ не только побить, но и убить его, какъ нарушителя ихъ профессиональной тайны. Найти самую кабалу въ полномъ ея видѣ невозможно: первая ея часть скрывается въ печкѣ, вторая же ея половина, оставленная въ лѣсу или уносится современемъ саними злачаремъ, или же первый дождь смываетъ съ бересты знаки угла. Да и гдѣ найти кусочекъ бересты въ вѣковомъ лѣсу?

Въ экземплярѣ Теплоуховской кабалы стоитъ знакъ вопроса, поставленный самимъ авторомъ, послѣ словъ: «за чертой ты у насъ никуда не пошель». Попытаемся разъяснить его недоумѣніе. Подъ чертой, на концѣ которой или по срединѣ которой рисуется ёлка, подразумѣвается «лѣсная дорога». Подъ выше приведенной фразой надо разумѣть слѣдующее: «лошадь наша была не за чертой лѣсной дороги, у тебя есть своя дорога, есть и у насъ своя крестьянская, на ней-то и была лошадь; а разъ дѣло было такъ, то и ты не вправѣ переходить за черту своихъ владѣній». Кабала, имѣющаяся у г. Теплоухова, представляется мною правильной только въ ея первомъ изображеніи; вторая же, какъ написанная слишкомъ грамотно для тѣхъ мѣстъ, изъ которыхъ она доставлена, можно счесть за поддельную. Судите сами: можетъ ли и хорошо грамотный человѣкъ—безъ очень долгой практики—писать буквы на вывороть, да еще съ лѣвой стороны къ правой. Любопытно было бы знать: обѣ ли кабалы г. Теплоухова написаны углемъ или же одна углемъ, а другая гвоздемъ. Если обѣ писаны углемъ, то одна изъ нихъ—и несомнѣнно грамотѣшай—поддельна; если же нѣтъ, то можетъ быть я и неправъ, т. е., что у г. Теплоухова имѣются обѣ части кабалы и при этомъ съ совершенно иными знаками, чѣмъ у той, что приобрѣтена мною¹⁾.

Собственно кабала состоять изъ талона и квитанціи. Кабалу, писанную углемъ, иначе какъ квитанціей и не назовешь: вѣдь она служить только для опредѣленія мѣста, куда лѣсному царю за его добродѣтельность принесуть дары; талонъ же поступаетъ къ нему въ видѣ дыма. Достать всю кабалу можно только путемъ обмана, да и то не сразу. Такъ, я досталъ свою только при посредствѣ услужливаго человѣка, который, упросивъ колдуна написать кабалу на его въ то время дѣйствительно заблудившуюся лошадь, послѣ написанія напоилъ его до безчувствія, и въ это время благополучно скрылся съ кабалою. Выкинуть эту штуку доставившій, однако же, рѣшился только потому, что черезъ нѣсколько дней долженъ былъ оставить Ошибскую волость навсегда. Также случайно, какъ удостовѣряетъ авторъ, досталась кабала и г. Теплоухову.

¹⁾ 1 Случай доставилъ мнѣ возможность убѣдиться въ справедливости моего предположенія. Колдунъ, писавшій кабалу г. Теплоухову, абсолютно неграмотный—бывшій царь изъ Ошибской волости, по фамиліи Власовъ.

Роль захарей не ограничивается писанием кабаль и черъэшваномъ. Прим описаніи крестинъ, свадебъ, похоронъ и вообще еще часто придется съ ними сталкиваться.

Перейдемъ къ описанію типа пермяковъ и ихъ одежды. По наружному виду, пермикъ чаще средняго роста и сложенія; онъ блондинъ или брюнетъ; послѣднихъ больше и лишь изрѣдка попадаются рыжіе. Глаза небольшие, узенькие, монгольского типа; у некоторыхъ же субъектовъ прямо-таки не глаза, а щели. Между пермяками довольно нерѣдки случаи албинизма, т. е. находятся люди съ красноватымъ зрачкомъ. Такой субъектъ имѣеть замѣчательно бѣлые волосы, почему и называется «бѣлый царь». Люди эти видѣть днѣмъ очень слабо, и они всегда идутъ, прикрывая глаза рукой и прищуриваясь насколько возможно. Какъ пермяки, такъ и пермянки сильно скуласты. Растительность на бородѣ и усахъ развита весьма слабо, у многихъ ея почти нѣтъ. Пермяцкая одежда не затѣлиная. Женщины носятъ на головѣ шамшуры (родъ нашего очинка) и поверхъ обвертываютъ платкомъ или шалью. Поверхъ исподней рубахи надѣвается дубасъ (среднее между юбкой и сарафаномъ) изъ домашнаго синяго холста, поверхъ его фартукъ, чаще полосатый, на шеѣ накинуть платокъ, а талию охватываетъ покромка (поясокъ)—почти всегда домашней работы—красный или какой-либо другой съ кистями на концахъ. Ноги тщательно и довольно высоко обернуты онучами и обуты въ лапти. Пермяцкій лапоть отличается отъ русскаго темъ, что онъ обшигъ опушкою изъ какой-либо матеріи, къ которой пришиты двѣ покромки; этими покромками придерживаются какъ сами лапти, такъ и онучи. Неимѣніе опушней и покромокъ на лаптяхъ — признакъ дурного тона и встрѣчается или у записного лѣтнія или у пьяницы. Поверхъ этой одежды одѣвается лѣтомъ синій холщевый шабуръ (палто), а зимой шерстяной випунъ; кто побогаче—носить и шубу. Мужская одежда, кроме обыкновенного, ничѣмъ не отличающагося отъ другихъ, платья, состоитъ еще зимою изъ холщевой накидки, представляющей изъ себя нѣчто вродѣ длиннаго фартука съ разрѣзомъ на груди, съ рукавами и широкимъ лоскутомъ, вродѣ матросскаго воротника, сзади. Этотъ фартукъ называется пермяками запономъ; запонъ всегда или бѣлаго или синяго цвета. Шапки лѣтомъ круглые, войлочные, киргизскаго образца, а зимой большие, самодѣльные изъ овечьей шерсти. Рукавицы изъ собачьей или волчьей шкуры, огромныи и очень теплыи. Почему-то у пермяковъ даже и очень богатыхъ мало исподняго платья, да и дѣлается оно до-нельзя узкимъ. Послѣднее неудобство особенно сильно чувствуется пермянками. Случается, что во время беременности, рубаха у нихъ становится настолько узкой, что ее приходится разрывать отъ груди до подола. Иначе она никакъ не одѣвается, иходить тогда бѣдняга въ такой рубахѣ въ замкнуто стужу, едва защищенная отъ нея своимъ жалкимъ и, зачастую, сплошь изодраннымъ дубасомъ.

Отдельные части одежды называются лонотью, лопотиною; вся же одежда и бывье, и холсты—словомъ, все имущество—хламомъ. «Мужъ изодрава всю волость», говорить пермянка, когда у нея ея благовѣрный издеретъ одежду. «Весь хвамъ чисто-чисто и рубива»,—плачеть она, когда пьяница-супругъ испортитъ все ея имущество. Какъ мужчины, такъ и женщины носятъ свои рубахи по-долгу, а порой попадаются и такие любители, что не снимаютъ ея до тѣхъ поръ, пока она не спадеть совсѣмъ съ плечь. Сколько въ такихъ рубахахъ всякаго звѣри, обѣ этомъ и говорить не стоитъ. Ребять одѣваютъ совсѣмъ попросту въ унiformъ, совсѣмъ еще малютки, бѣгаютъ не только лѣто, но и осень и даже зиму въ одной длинной рубашениѣ сомнительной чистоты. Повидимому, нигдѣ таѣ не любятъ дѣтей, какъ среди пермяковъ, правда—по инымъ основаніямъ. Нигдѣ не встрѣтить такого множества приемныхъ дѣтей и воспитанниковъ, какъ среди пермяковъ. Прѣмыши много даже и въ такихъ семьяхъ, гдѣ бы, казалось, не только принимать, а скорѣе отдавать слѣдовало. Пермякъ не дѣлаетъ различія между родными и прѣмыми дѣтьми и, взрастивъ ихъ совершенно одинаково, надѣляетъ изъ благопріобрѣтенного какъ первыхъ, такъ и вторыхъ. Бытовая черта замѣчательно гуманская. Если пермяки такъ любятъ дѣтей, то откуда же берутся воспитанники и воспитанницы?

Здѣсь вы встрѣчаете людей съ слишкомъ упрощеннымъ взглядомъ на жизнь. Понятия о цѣломъ удруѣ почти здѣсь совсѣмъ не существуетъ; непрочны и устои семейной жизни. Несомнѣнно только одно: пермяки съ особеннымъ удовольствиемъ женятся на дѣвушкахъ, имѣвшихъ дѣтей, или находящихся въ послѣднемъ периодѣ беременности, и вѣ вполнѣ довольны дѣвушками еще непорочными. «Еще когда своего важивешь—говорить пермякъ— а тутъ, глядишь, черезъ годъ-другой и борноволовъ есть (ребенокъ, управляющій лошадью во время бороненъя). Брать моего кучера долго искалъ дѣвушку съ ребенкомъ или, въ крайнемъ случаѣ, на сносяхъ. Наконецъ, судьба, повидимому, скжалилась надъ нимъ: подходящая дѣвушка нашлась. Предложеніе было сдѣлано, и родители были согласны выдать дочь, но родившагося у дочери во время переговоровъ ребенка (дѣвочку) категорически отказываются отдать. •Жениться—женись и дѣтей важивай, а эта на нашихъ хлѣбахъ выгулялась». Мнѣ какъ-то пришлось корить одну мать, пустившую свою дочь на гульбу въ болѣе, чѣмъ юномъ возрастѣ. «Вѣдь она ребенокъ еще», говорю я матери.—«А когда и погулять-то, какъ не смолоду», отвѣтала она. Рѣдкая дѣвушка выйдетъ замужъ за того парня, отъ котораго имѣть ребенка: «не вѣдала я его, что-ли», говорить обыкновенно въ этихъ случаяхъ дѣвица. Родители, по свидѣтельству одного изъ местныхъ этнографовъ, Рогова, первого бытописателя пермяковъ, убѣждены, что если сватаются за дочерей ихъ, то, вѣроятно, онъ по крайней мѣрѣ въ мнѣніи общества, уже потеряли дѣство. Потому-то нѣкоторые отцы, считая дочерей

своихъ невинныхъ, оскорбляются сватовствомъ, бранять, выгоняютъ, нерѣдко колотятъ сватовщиковъ, приговаривая: «что разъ (т. е. развѣ) дочь моя пешина (отъ слова пеши, пеший—виновный), что пришелъ ты сватать? Нениѣніе лѣтъ для замужней женщины большое несчастіе; ее бывать и корить все въ домѣ, а иной разъ и посылаютъ прямо-таки пригулять дитя на сторонѣ. Въ одномъ изъ местныхъ волостныхъ судовъ было такое дѣло. Истецъ представилъ документъ, которымъ ниже подписанвшимъ ставили условіе: истецъ отдастъ отвѣтчику на годъ свою жену, съ тѣмъ, чтобы послѣдній, по истеченіи срока, представить ее обратно съ мальчикомъ; въ вознагражденіе за исполненіе условія истецъ платить нынѣ же отвѣтчику пять рублей. По истеченіи условнаго времени оказалось, что отвѣтчикъ хотя и возвратилъ истцу его жену и даже съ ребенкомъ, но не мужскаго, а женскаго пола. Истецъ, въ виду нарушенія договора найма, проситъ присудить деньги обратно. Отвѣтчикъ не признавалъ этого иска, такъ какъ онъ старался выполнить условіе. Стороны помирились. Какъ плохо смотрѣть на честныхъ девушкинекъ, показываетъ слѣд. совсѣмъ недавній фактъ. Бы одному изъ земскихъ начальниковъ пришла какъ-то молодая женщина первичка съ просьбой о выдачѣ ей отдельнаго вида на жительство, въ виду того, что мужъ безпощадно бѣть ее и жить ей совмѣстно съ мужемъ невозможно.— «За что же бѣть она тебѣ. Вѣрою сама некороню себя ведешь», — спрашиваетъ ее земской. — «Именно за то и бѣть, батюшка, что съязвила себя хорошо держала». — «Какъ-такъ?» — «Да ужъ такъ. Честная я за него вышла, вотъ онъ теперь меня корить: даже въ дѣзкахъ была, никто на тебѣ не позарился; одинъ только я такой дуракъ и нашелся». На узыянія одного изъ священниковъ жить нравственнѣе одинъ почтенный старикъ отвѣтилъ: «да вѣль мы, батюшка, и такъ по божи живемъ; вѣдь Богъ-то плодиться велѣль, вотъ мы и плодимся, какъ умѣемъ! Не удивительно, поэтому, что въ семье первичка рѣдко бываетъ тиши да гладь. Всѣ семейные устои расшатаны, взаимного уваженія и довѣрія нѣть и въ помянѣ. Понятія же о чистой, такъ облагораживающей семейную жизнь, любви не существуетъ даже и на языкѣ пермяцкому. Семейные отношенія среди пермаковъ плохи, особенно для женщинъ: побои, истощение отъ ранней и крайне развратной жизни, полное пренебреженіе къ охраненію организма въ предродовой и послѣродовой периоды, тяжелая работа— все это немало способствуетъ измельчанію народа. Мужчины бываютъ женщинъ сильно, бываютъ за все, порой и отъ нечего дѣлать. Жаловаться не приходится: бываютъ, вѣдь, свои домашніе; пожалуешься— еще и не такъ вадуютъ. Собственно сильныхъ побоевъ, по мнѣнию бывающихъ, не наносятъ. «Да нешто я биль; я только ее съ полатей варовыми вожжами хлестнуль», говорить супругъ, по поводу причитаній нѣжной супруги. Вообще въ дѣлахъ семейной расправы пермяки отличаются замѣчательной жестокостью; доходящей иногда до варварства. Въ силу

того, что женщина въ сем'ѣ не лифть рѣшительно никакого значенія, что въ нее смотрать днѣ какъ ма самку, ей, какъ самкѣ, приходится выносить многое. Сожительство между родственниками сильно распространено среди пермяковъ. Снохачество—явление совсѣмъ заурядное; братья часто отбиваются женъ у своихъ братьевъ; нерѣдкость даже прижитіе дѣтей отъ родныхъ сестеръ; бываютъ случаи и сожительства сыновей съ матерями и дочерей съ отцами. Случаи послѣднаго рода, конечно, немало способствуютъ вырожденію народа.

II.

Родины.—Крестины.—за тѣми, пріемыши.—Свадебные обряды.—Угощениe (столы, пальнянь).—
Похороны.—Поминки.—Душа покойного.—Заговоры отъ сгазу.

Изъ дней особенно знаменательныхъ въ человѣческой жизни и особенно чтимыхъ всѣми и вездѣ, какъ именны и день рожденія, эти дни у пермяковъ наименѣе чтятся.

Родины сами по себѣ занимаютъ послѣднее мѣсто; на нихъ смотреть небрежно. Заболѣвшую бабу уводятъ въ жарко наполненную бачю, гдѣ на полу бросаютъ свѣжей соломы, а на нее и кладутъ роженицу. Къ больной приглашаютъ одну или двухъ старушекъ; иной разъ и больне; они помогаютъ роженицѣ. Если, по мнѣнию этихъ лицъ, роды затягиваются слишкомъ долго, то они начинаютъ мять бабѣ животъ, трясутъ ее, приподнимая то за ноги, то за руки и подвѣшиваютъ къ полку. Подвѣшиваніе производятъ или за руки, если ребенокъ идетъ нѣправильно, или за ноги, когда ребенокъ идетъ нѣправильно. На совѣсти бабушекъ много не только вольныхъ, но и болѣе тяжкихъ грѣховъ. Помимо чисто физической помощи, бабушки помогаютъ родильницѣ и употребленіемъ средствъ симптическихъ. Къ таковымъ для облегченія родовъ относятся: расщепленіе волосъ у больной, испугъ ея и просьба, если только близко церковь, отворить царскія врата. Тотчасъ послѣ рожденія ребенка, мать или сама, если въ силахъ, или при помощи бабушекъ моется и парится, равно какъ обмывается и паритъ ребенка. Одна изъ бабушекъ въ тоже время отправляется къ рѣчкѣ или ключу и, зачерпнувъ тамъ пригоршню воды, которую непремѣнно черпаетъ не противъ течения, а по течению, спускаетъ ее по локту въ туясь (ведерко изъ бересты). При этомъ она нашептываетъ: «какъ вода на локтѣ не держится, такъ на рѣѣ Божіей (имя родильницы) ни уроки, ни призоры не держитесь». Такимъ образомъ черпается воды тридевять горстей (т. е. три раза по девяти), которая считаются всегда съ отрицаніемъ, какъ говорится, «свали»: «не одна, не двѣ, не три, не четыре» и т. д. до девяти. Заполучивъ такъ воды, бабушка беретъ ее въ ротъ и спрыски-

ваетъ ею съ березового уголька (черезъ уголь) какъ родильницу, такъ и новорожденного; послѣднему иногда на темя кладутъ немножко соли. Все это продолжается отъ «уроковъ»—отъ глазу. Въ силу уроковъ вѣрять далеко не одни пермяки, а и люди весьма интеллигентные. Новорожденного, затѣмъ, приносить въ избу и передаютъ отцу, который и укладываетъ его въ люльку; роженицу же, напоивъ и накормивъ, оставляютъ въ покой. Въ ближайшій праздничный день новорожденного несутъ въ церковь крестить. Здѣсь, послѣ объеди батюшка нарекаетъ одно имя для всѣхъ мальчиковъ и двою для всѣхъ девочекъ, принесенныхъ къ крещенію. Отсюда иногда происходить недоразумѣнія. Имя, даваемое ребятамъ, чаще всего то, память чьихъ святыхъ чтится въ день крещенія. Оно бываетъ иной разъ слишкомъ мудренымъ, и кумъ или кума, возвращаясь съ ребенкомъ обратно домой, или забываютъ его или просто путаютъ. Иногда суровые батюшки даютъ незаконнорожденнымъ совсѣмъ мудреные имена, якобы въ наказаніе и назиданіе другимъ. Никакихъ празднествъ ни при рождѣніи, ни при крещеніи не происходитъ, развѣ если къ случаю этому попала рыба, такъ испекутъ для кума и кумы рыбный широгъ. Крестныхъ отца и мать и крестники, и крестницы почитаются иной разъ не только не меныше, но и больше своихъ родителей. Малютокъ кормятъ, если только представляется хоть сколько-нибудь возможнымъ сами матери, подавляя молока изъ соски, а также браги, а чуть-чуть постарше, такъ съ полугода, переходятъ и на хлѣбъ. Какъ только малышъ всталъ на ноги, заботы о немъ покончились. Онъ можетъ дѣлать все, что ему угодно и быть, гдѣ только пожелаетъ. Да и раньше-то уходъ невеликъ: совсѣмъ маленький ребенокъ лежитъ въ своей люлькѣ на разномъ хламѣ и лишь изрѣдка, когда разревется не въ мѣру, укачивается въ ней кѣмъ-либо изъ семьи. Никакой одежды младенцамъ не полагается, и даже въ церковь ихъ приносятъ завернутыми въ материнскія, порой крайне грязныя, юбки. Завертываются, какъ попало и въ тоже время не обращая никакого вниманія ни на крики, ни на поведеніе дитяти, матери бываютъ иногда виновницами ужаснейшей смерти своихъ дѣтей (напр., во время мороза). Съ достижениемъ дѣтьми семилѣтняго возраста ребята начинаютъ учить. Вопросъ объ обученіи поставленъ въ настоящее время хорошо, жаль лишь одного—школь не хватаетъ.

Именны празднуются у пермяковъ очень рѣдко. Оно и неудивительно: мало кто знаетъ, когда онъ именинникъ, и этотъ день для нихъ положительно безразличенъ. Развѣ тотъ, кто видѣлъ, какъ въ другихъ мѣстахъ празднуютъ «ангела», нащется по этому случаю до-пьяна, предварительно сходивъ въ церковь, но, это бываетъ слишкомъ рѣдко.

Совсѣмъ не ту картину представляютъ свадебные обряды, они и замысловаты и своеобразно пышны. Свадьбы устраиваются чаще всего самими

родителями; вкусы жениха и невесты положительно игнорируются. Намъ извѣстенъ случай, гдѣ жениха, не пожелавшаго было жениться на избранницѣ родителей, прензрядно выдрили, а затѣмъ и женили въ тотъ же операционный день. О томъ же говорить и пермяцкая пѣсня:

Безъ меня, меня жонили,
Я на мельничѣ быль.
Прѣѣзжаю я домой,
Меня жавуютъ жоной.

Женатъ жеряковъ чаше всего въ самомъ раннемъ возрастѣ. Зато жены для нихъ берутся иной разъ не на одинъ десятокъ лѣтъ постарше—отгулявшія свою волюшку. Поэтому, чутъ не каждый пермякъ, какъ только стукнетъ ему лѣтъ тридцать—сорокъ, т. е. какъ только онъ станетъ въ разцвѣтѣ силь, становится обладателемъ прѣпочтенійшей старушки, которая, въ силу причинъ естественныхъ, дѣлается и безусловно вѣрнейшей супругою. На нравственной сторонѣ семейной жизни такое положеніе вѣцей не можетъ не отзываться печально. Ранніе браки имѣютъ за собой только одно объясненіе: взять въ домъ, какъ можно скорѣе, здоровую работницу. Рѣдкій бракъ, заключается безъ посредства свата или свахи. Сватанье обыкновенно происходитъ такъ. Посланый родителями жениха сватъ или сваха, при входѣ въ домъ невѣсты, обращается къ родителямъ ея, предварительно помолившись Богу, съ такого рода рѣчью: «пришель сватать, прошу не сердиться, водой не брызгаться, сажей не мараться, отоикомъ не кидаться (старыми лантами), ожегомъ (палка, которой мынаютъ въ печи уголья, отъ горенія она становится острой) не тыкаться. А станемъ говорить: ваша невѣста, мой женихъ. Давайте-ка родню дѣлать (давайте-ка породнимся)». По обыкновенію, сватамъ сначала отказываютъ, но отказъ этотъ еще ровно ничего не значить. Сваты являются въ другой и третій разъ. Если ихъ при сватаны напоили брагой, то, несмотря на отказъ, означаетъ, что предложеніе будетъ принято и родители невѣсты только куражатся. Въ противномъ же случаѣ, въ концѣ концевъ послѣдуетъ отказъ. Сватъ усиленно выхваливаетъ своего жениха и все его семейство; онъ увѣряетъ, что женихъ и спить и видѣть только одно—свою желанную невѣstu (это особенно бываетъ странно тогда, когда ни тогъ, ни другая другъ друга и отъ роду не видывали), что онъ исходаль, того и гляди помреть, и что только это послѣднее обстоятельство, въ связи съ стариннымъ знакомствомъ съ такимъ хорошимъ человѣкомъ, да черезчуръ чувствительное сердце его, свата, и заставили его взяться изъ жалости къ жениху за совершенно незнакомое ему дѣло сватовства. Только этимъ способомъ онъ, оказывая жениху незамѣнную услугу, докажетъ, какъ онъ цѣнитъ его прекрасныя качества. Въ свою очередь, и

родители невѣсты не отстаютъ отъ свата и до небесъ восхваляютъ добрыя качества своей дочери. Пока сватовство не закончено, ни одинъ изъ родителей не преинеть сказать, что лучшіе работящій, недавнійшій его дочери, хотя бы и на сносяхъ или съ борноволоками, найти нельзѧ. Зато и свать, въ виду слишкомъ пылкаго чувства своего жениха, говорить, что за невѣстой ровнешенько ничего не надо. Потомъ, когда предложеніе принято, тотъ же свать уговаривается съ родителями невѣсты о приданомъ и тутъ уже старается урвать все, чтѣ только можно. Въ горячности дѣло, иногда, несмотря на первоначальный уговоръ, доходить и до драки. Сваты чаше всего прѣезжаютъ верхомъ на лошади и оставляютъ ее за воротами; какъ только дано согласіе, лошадь вводится во дворъ и ей даютъ сѣна. Въ тоже время на хозяйскій столъ ставится, заботливо привезенная на случай удачи, вода. Распитіе ся составляетъ конецъ сватовства и затѣмъ идѣтъ просватанье. Самый фактъ этотъ въ настоящее время сводится къ небольшому: невѣста потчутъ водкою свата, а если съ нимъ женихъ, то—жениха, а потомъ и свата и, за тѣмъ, удалется, а родители ея и свать начинаютъ рѣчь о приданомъ и подаркахъ для родни. Вопросъ этотъ весьма существенъ для обоихъ сторонъ и здѣсь то, глав. обр. и должна изощряться ловкость коварнаго свата. Подарки требуются не только всей роднѣ жениха, но и для всѣхъ поѣзжанъ; къ тому же, жениховская родня требуетъ подарки и для грудныхъ дѣтей. Дать слишкомъ много разворительно, но страшно и мало дать. Тогда мелодушку изѣдѣть покорани: нищенка! безприданница! Какъ только щекотливый вопросъ поконченъ, свать уѣзжаетъ и прѣезжаѣтъ обратно не позднѣе слѣдующаго дня вмѣстѣ съ женихомъ и его родственниками и поѣзжанами. Въ этотъ день совершаются пропой, но не рукобитье (этого уже нѣть). Прѣезжаютъ возможно рано и ужъ ни въ какомъ случаѣ не позднѣе полудня. Прѣезжаютъ не съ голыми руками, а, судя по состоятельности жениха, привозятъ: четверть, полведра, а то и болѣе водки, пиво и брагу съ изюмомъ (болѣе хмѣльную и вкусную), рыбный пирогъ и прочее. Какъ только взошелъ женихъ, невѣста накрываетъ на столъ, а ее родственницы устанавливаютъ на немъ все привезенное. Когда устройство стола закончено, жениха и невѣstu сажаютъ въ передний уголъ и даютъ имъ въ руки новый платокъ. Платокъ этотъ новонарѣченные должны держать лѣвой рукой, каждый за свой уголъ, до конца пропоя, а конецъ этому пропою бываетъ иной разъ далеко за полночь. Къ этому надо добавить, что у пермиковъ выходить изъ-за стола до конца обѣда не принято. Во время пропоя (по старому, рукобитья) женихъ угощаетъ невѣсту нарочно привезеннымъ для нея десертомъ: пряниками, конфектами, изюмнымъ пирогомъ и тому подобными лакомствами. Само собою разумѣется, что сугубо непраздными остаются при этомъ и родители, и поѣзжане.

Привезенная водка расливается чуть ли не моментально, за нею тотчас же появляется чоная, приготовленная въ ожиданіи прѣзда дорогихъ гостей родителями невѣсты, а чаще имв же сдѣланная кумышка; если же таковой въ домѣ нѣть, то подается или хмѣльное—прекрасное пиво или такая же брага. Какъ въ то, такъ и въ другую для крѣпости подливаютъ водку, спиртъ и даже ромъ. Конецъ рукобитью наступаетъ только тогда, когда все побѣжане, а нынѣ и женихъ съ невѣстой перепились. Раньше было въ обычай, что новонарѣченные держали себя съ смѣшною важностью. Теперь дѣло обходится безъ церемоній. Въ общемъ, вся картина современного рукобитья представляется безшабашнимъ пьянствомъ. Да въ сами пермяки говорятъ: «у меня завтра пропой такой-то дочери», а не рукобитье. Впрочемъ изрѣдка употребляется еще и это выраженіе. Самый фактъ пропоя или рукобитья составляетъ весьма существенное значеніе при просватаніи. Послѣ дачи слова еще можно отказаться, но послѣ пропоя отказать невозможенъ. Рукобитье—половина закона, и отказаться послѣ него значитъ «законъ разлучить», а это великий грѣхъ.

Сиадьба назначается, по возможности, вскорѣ; вообще же просватанье и свадьба бываютъ въ одно промежковъ. Въ день свадьбы женыхъ еще до сбора побѣжанъ садится за столъ и за нимъ ожидаетъ прѣзда гостей. Среди побѣжанъ находится и зарапѣе приглашенный въ жилище, безъ котораго свадьба не обходится. Собственно говоря при совершеніи брачнаго обряда вѣжливецъ представляетъ изъ себя альфу и омегу и во всякому случаѣ играетъ большую роль, чѣмъ священникъ. Безъ указанія вѣжливца, даже безъ его позволенія, ничего и никому нельзя сдѣлать: ни встать, ни сѣсть, ни выпить, ни закусить. Онъ слѣдитъ за ходомъ всей свадьбы; отъ него точно зависитъ все счастье молодыхъ. Какъ только побѣжане уѣдись зимою въ сани, а лѣтомъ верхомъ (у пермяковъ какъ мужчины, такъ въ женщиныѣѣздѣть лѣтомъ верхами, причемъ женщины и девушкиѣѣздѣть по-мужски, иѣѣздѣть прекрасно), вѣжливецъ обходитъ всѣхъ ихъ, треплетъ по шеѣ каждую лошадь, дуетъ ей въ уши, а о сани задѣваетъ ногой. Случись что-либо неладное въ поѣздѣ: напр., оглобля вывернись, вывалился кто-нибудь изъ ухабъ, это уже означаетъ нерадивость вѣжливца: видно, онъ полѣнился хорошо заговорить и, поэтому обязанъ тотчас же возобновить свой заговоръ. Присутствіе колдуна хотя и необходимо, но, въ тоже время, я никому нежелательно, такъ какъ онъ черезчуръ стѣсняетъ побѣжанъ. Для постороннихъ же, т. е. не участвующихъ въ поѣздѣ, особа эта—прямо-таки наказаніе. Кому, напр., охота заслонить дорогу такому чудищу. Волей-неволей приходится пермяку, зачастую съ тяжелымъ возомъ, сворачивать въ сиѣжаные сугробы. Да и нельзя иначе—не равно осердится и что-нибудь живо испортить. Хотя каждый вѣжливецъ и крѣпко силенъ, но все же между собою они не разны сплою. Есть полуше-покрѣпче, есть и по-

хуже-послабже. Разъ въ свадьбѣ принялъ руководительство лучшій—сильнѣйшій вѣжливецъ въ данной мѣстности: поѣзжане чувствуютъ себя героями,—ихъ никто не испортить. Даже встрѣчныя свадьбы должны будуть не только дать имъ дорогу, но и первыми поклониться. Необходимо замѣтить, что женихъ и невѣста кланяются всѣмъ встрѣчнымъ, и вопросъ о первенствѣ въ поклонахъ можетъ имѣть мѣсто только при встрѣчѣ двухъ свадебъ, да и эти тонкости свадебнаго этикета встрѣчаются лишь въ самыхъ захолустьяхъ. Пока вѣжливецъ не пьянъ, онъ хоть и гость, но довольно опасный и для поѣзжанъ: всѣ боятся его и слушаютъ каждое его слово. Зато, когда колдунъ напьется до безчувствія, съ нимъ заводятъ не только ссоры, но и драки. Случается, что послѣ хорошей потасовки и самъ колдунъ отлеживается въ цостели не одну недѣлю. Бывать вѣжливца только безобразно пьяного, такъ какъ въ это время, впредь до вытрезвленія, онъ теряетъ силу колдуна. Бывать же его за сдѣланній кому-нибудь до этого времени вредъ, т. е. сажимъ поѣзжанъ или ихъ родственникамъ, или ихъ знакомымъ. Такимъ несомнѣннымъ вредомъ признается порча лошади, свиньи, курицы и т. п. Грамотные пермяки (народъ болѣе развитой) потѣшаются надъ пьяными колдунами иначе: они читаютъ надъ кусочкомъ воска воскресную молитву и прилѣпляютъ эту вѣсну къ его, колдуна, платью. Умный колдунъ, разъ онъ еще не потерялъ сознанія, замѣтивъ пролѣлку, падаетъ на землю и начинаетъ ползать по ней. Онъ залѣзаетъ подъ лавки, иной разъ валится, какъ бы въ изнеможеніи. Разумѣется, всѣмъ этимъ онъ доставляетъ немалое удовольствіе окружающимъ, но въ тоже время доказывается и то, что воскресная молитва ему не по нутру. Онъ въ близкомъ знакомствѣ съ врагами этой молитвы, съ духами нечистыми, отъ которыхъ и зависить всякая пакость въ Божемъ мірѣ. Если же колдунъ ничего не замѣтилъ, то это уже какъ дважды-два доказывается, что онъ напился, и нечистая сила отъ него отступила. Плохо тогда приходится бѣдному колдуну, но, въ видахъ сохраненія своего значенія, онъ безропотно подчиняется печальной въ этихъ случаяхъ участіи. По возвращеніи со свадьбы, когда «начались столы» (см. ниже), оскорбленный и подвыпившій старый вѣжливецъ завелъ съ новоявленнымъ (гость-шутникъ) споръ и доказывалъ тому свою силу. Да не на таковскаго напаль; шутникъ-колдунъ, съ нимъ и спорить не стать. «Куда, говорить онъ, тебѣ со мною тягаться не только въ силѣ, а и въ питьѣ: я тебя за поясъ заткну. Да что тягаться, тебѣ и стакана водки не выпить, коли я ее закляну, а ужъ если выпьешь, такъ все равно тебѣ свадьбы не высидѣть». — «Не только одинъ, а два стакана выпью», кричалъ вѣжливецъ. Поспорили. Взали по стакану, разошлись по разнымъ угламъ и стали творить надъ водкой какія-то заклятія. Потомъ подошли къ столу. Новый колдунъ взялъ отъ старого стаканъ заговоренаго вина и однимъ махомъ выпилъ его, а, затѣмъ, подалъ ему свой стаканъ. Взялъ

его вѣжливецъ и, хотя крѣпко поморщился, все таки весь выпилъ. Пойзжане такъ и впились глазами въ спорящихъ. Смотрѣть пойзжане—что за притча такая: пугать старого вѣжливца, подбираетъ его, а молодой—ничего: пить себѣ, какъ ни въ чёмъ не бывало. Бѣднѣеть старикъ и, въ концѣ концовъ, до того дошелъ, что хозяева пригласили его удалиться, такъ какъ рядомъ съ нимъ нельзя было сидѣть, а самъ онъ все еще не хотѣлъ сдаваться. Оказалось, что вмѣсто стакана водки шутникъ поднесъ колдуну цѣлый стаканъ кастронаго масла. Вѣжливецъ потерялъ всякий престижъ, а сѣд. и зароботокъ. Онъ оказался шарлатаномъ, и многие послѣ этого случая дивились, какъ они могли ошибаться. А иные прямо-таки говорили: «мы ужъ давно замѣчали, что онъ вовсе не колдунъ, а простой обманщикъ».

Самый обрядъ вѣнчанія оказывается невозможнѣй дорогимъ: безъ освѣщенія и пѣвчихъ 8 рублей; съ малымъ освѣщеніемъ 9 руб. 50 коп.; съ большемъ освѣщеніемъ 11 руб., за пѣвчихъ, смотря по зажиточности, отъ 1 руб. 50 коп. до 3 руб. Повѣнчанные, выходятъ изъ церкви въ церковную сторожку, гдѣ «молодой» расплетаютъ косу и расчесываютъ ее. Послѣ расчесыванія волосы молодушки заплетаются въ двѣ косы и на нихъ надѣвается шашнур—съ этого момента пермянка становится покрытой. По окончаніи этой церемоніи молодая достаетъ изъ запазухи рыбный пирогъ. Пирогъ этотъ во все время свадьбы лежитъ непосредственно у тѣла невѣсты, завернутый въ тряпицы, чтобы не простиль. Пирогъ разламывается полодухомъ пополамъ; одна половина дается мужу, а другая берется себѣ. Какъ толькъ, такъ и другая обязаны сѣсть весь пирогъ тутъ же въ сторожкѣ. Только по исполненіи этихъ обрядовъ и, сообразуясь, конечно, съ указаніями вѣжливца, свадьба трогается въ обратный путь. Во время самого вѣнчанія ничего особеннаго не происходитъ, развѣ только можно отмѣтить, что платокъ, который держали вѣнчающіеся еще при рукобитыи и во все время свадебнаго обряда и послѣ его до знаменательнаго ухода въ голбецъ, ни женихомъ, ни невѣстою не выпускается изъ рукъ. Боже упаси кому-нибудь пройти между брачующимися: этимъ онъ разлучаетъ законъ и такого, хотя бы и въ церкви, побывать преоснователю, отнюдь не обращая вниманіе на то, кого бьють. При чтеніи евангелия во время вѣнчанія невѣста, развѣ она нравственна, подходить къ аналою и кладетъ на евангеліе ленту, служащую потомъ прокладкою. Этотъ знакъ своей чистоты, называемый «красотою», невѣста такъ обр. передаетъ Самому Богу. То, что обозначало раньшѣ пѣломудріе, тѣ, по нынѣшнимъ временамъ, стало обычаемъ. Обрядъ положенія ленты—эмблемы лѣвической красоты и чистоты вызываетъ нынѣшнѣя сальныя улыбки и щипки. А между тѣмъ, раньшѣ онъ вовсе не былъ такимъ дикимъ и страннымъ. Отдать, со стороны

дѣвушки, хотя бы и символически, самое дорогое, свою невинность, едвали можетъ казаться смѣшнымъ.

Какъ только свадьба доѣдетъ до родительскаго дома, такъ начинается попойка, кончающаяся, по большей части, только на разсвѣтѣ. Никакихъ особыхъ обрядовъ при возвращеніи не соблюдаются, хотя сами молодые и должны, изъ благоразумія, стеречься задѣть обо что-либо головой—это не къ добру случается. Поэтому, они всегда заходять въ низенькия двери пермяцкихъ избушекъ, перегнувшись чутъ не пополамъ.

Какъ только новобрачныхъ покормятъ и попоятъ бражкой, то сейчасъ же ведутъ ихъ спать въ голбецъ (въ подполье). Обрядъ укладыванія молодыхъ простъ до нельзяя. Открывается голбецъ, куда по малюсенькой и зачастую чутъ живой лѣсеникъ спускаются въ предместье вѣжливца и свахъ съ шуточками и прибауточками, сначала молодые, а за ними и поѣздане. Разсмотрѣвъ слишкомъ незатѣйливо приготовленное даже молодыхъ и вышивъ бражки, поѣздане уходятъ кверху, и въ голбецѣ остаются только молодые съ вѣжливцемъ и свахами. Въ самомъ голбецѣ ставится для молодыхъ столъ, покрытый скатертью, на немъ вино, брага, кружки и рыбный пирогъ на закуску. Съ благословенія вѣжливца начинаеть, при помошіи жены, раздѣваться молодой, а затѣмъ свахи раздѣваютъ и молодушку и укладываютъ ихъ обоихъ въ постель. Преподавъ, затѣмъ, нѣсколько необходимыхъ наставленій какъ мужу, такъ и женѣ о подчиненіи и благоповеденіи, свахи и вѣжливецъ уходятъ кверху допировывать и закрываютъ за собою подполье. Съ момента появленія вѣжливца изъ подполя, свадебная попойка доходитъ до своего зенита. Пьють за всѣхъ и за все; пляшутъ такъ, что кажется: вотъ-вотъ провалится полъ, и единеніе молодыхъ будетъ нарушенено. Тостамъ при выпивкѣ нѣть числа: пьють за каждого гостя отдельно, пьють за горе и удачу, даже за дѣла подпольные, въ тѣсномъ значеніи этого слова.

Раннимъ утромъ еще не вытрезвившіеся поѣздане начинаютъ будить молодыхъ. По выходѣ изъ спальни молодые отправляются въ баню почиститься, т. е. помыться. Поѣздане же во время мытья ихъ бьютъ о двери и стѣны ея разную глинянную посуду, разумѣется, уже никуда не годную. По приходѣ изъ бани молодая дарить свою свекровку ею самою вышию и сплошную рубашкою; рубаха эта, хотя и ночная, бываетъ роскошна. Сама же молодуха принимается за метеніе половъ въ избѣ. Гости шутятъ съ молодой и не даютъ ей мести, время отъ времени отбрасывая соръ назадъ и тѣмъ заставляя молодушку начинать свою работу съ знова. Понятно, что такое издѣвателство не проходить даромъ и поѣздане время отъ времени бросаютъ на полъ кой-какую мелочь. Кто хочетъ покуражиться больше, вѣриѣ—дольше, тогъ бросаетъ или монеты покрупнѣе или почаше. По окончаніи метенія

половъ, свекровь, одѣтая въ рубашку (подарокъ молодушки) береть стаканчикъ или рюмку и съ нимъ пляшть, а гости въ это время вновь пьють и бывать нарочно для этого запасаемую и приносимую стеклянную и глиняную негодную посуду. Шутокъ и прибаутокъ въ эту пору не оберешься и «хорошей, молодой» дѣйствительно должно быть отъ нихъ тошно, но она, какъ и при метеніи пола, все должна выслушивать и переносить безропотно и встрѣчать всѣ выходки съ ласковой улыбочкой, а всѣ свои работы выполнить безукоризненно. Иные шутники во время пляски, желая подчеркнуть торжество, возьмутъ да и плюснутъ на хорошую, блѣющую рубашку стаканъ краснаго или другого вина, да бросятъ въ тоже время двугривенный на полъ. При видѣ такой щедрости не обижаться, а благодарить надо.

Когда оканчивается пляска, поѣзжанъ зовутъ «къ столамъ». Столы — это самое главный моментъ во всей свадьбѣ. Столами, собственно говоря, называютъ послѣ-свадебный обѣдь. Готовитъ его молодуха, при помощи свахъ, родни и всѣхъ иныхъ стряпухъ. Чѣмъ больше кушаний въ смыслѣ перемѣнъ, тѣмъ богаче свадьба. Одно только мясо можетъ быть подано неоднократно: изъ щей, просто вареное, вареное съ картошкой, такое же съ капустой, мясо жареное, мясо рубленое. А какое же разнообразіе можно устроить изъ пельянинъ — традиціоннаго пермяцкаго кушанья. На свадьбѣ пьютъ рѣшительно всѣ, даже малые ребята; грудныхъ поять только теплой бражкой (тоже хмѣльной). Словомъ, столы устраиваются на славу, и за ними сидять иногда по полсотокъ, а сиѣни блюда считаются десятками; браги, кумышки и пива истребляется столько, сколько только могутъ выпить поѣзжане. Второй день свадьбы — самый главный. Онъ называется большие столы. У тѣхъ, кто побогаче, устраиваются и малые столы въ теченіе двухъ-трехъ дней. Разницы въ большихъ и малыхъ столахъ нѣть почти никакой; конечно въ послѣднихъ по меныше блюда и — только.

Приданое невѣсты всегда провѣряется свахами при отправлении невѣсты въ церковь, въ присутствіи дружки съ жениховской стороны; провѣренное укладывается въ сундуки, выносится и передается дружкѣ, который и ёдетъ съ нимъ въ церковь, а оттуда, послѣ свадьбы, везетъ вещи къ молодымъ.

Такъ совершаются свадьба въ заходустныхъ селеніяхъ, но въ тѣхъ изъ нихъ, что уже тронуты цивилизаціей, обряды нѣсколько измѣнились.

Попробуемъ дать возможно полную картину пермяцкой свадьбы.

Мать съ отцемъ, посовѣтовавшись между собой о женитьбѣ сына и, рѣшивъ, что женить его на такой-то — дѣло подходящее, прїѣзжаютъ сами или присылаютъ сваху къ родителямъ невѣсты. Тутъ снова начинаетъ происходить вышеописанная процедура отказа и расхваливаній. Вся разница заключается въ томъ, что послѣ распитія нѣсколькихъ рюмокъ водки родители и сваты бываютъ по рукамъ, а новонарѣченные выходятъ изъ-за стола, подходя къ

образамъ и молятся Богу. Прослышиавшія про рукобитье дѣвушки-подруженьки приходятъ послѣ богомолья въ избу и, угостившись теплой бражкой, начинаютъ пѣть невѣстину, женихову и др., хотя и подъ руководствомъ вѣживца, но уже ломанныя русскія пѣсни.

Во время пѣнія какъ родственники, такъ и присутствующіе, по мѣрѣ силъ и возможности, подтягиваютъ хору, не переставая угощаться. Какофонія получается полнѣйшая.

Вообще почти все, что въ тѣхъ или другихъ случаяхъ поется пермяками, такъ или иначе заимствовано отъ русскихъ; только то, что сохранилось на чисто пермяцкомъ языкѣ, можетъ быть, да и то только отчасти, приписано за свое собственное, за чисто пермяцкое. Народнаго же пѣснетворчества, какъ оказывается по тщательнѣйшимъ разыскамъ (Роговъ, Шищенко и Дмитріевъ), слишкомъ мало, чтобы не сказать вовсе нѣтъ.

Какъ во время торжественнаго пѣнія пѣсней, такъ и послѣ, пирующіе угощаются на славу, кушая разныя пироги (преимущественно рыбные). Только изрѣдка подъ слова пѣсни гости дарятъ деньгами то родителей невѣсты, то ее саму. Деньги эти моментально претворяются въ огненную воду, восполняя расходы хозяина. Подъ звуки пѣсень невѣста одариваетъ своего жениха, его родню и его присныхъ подарками, о которыхъ уговорились еще до рукобитья. Порядокъ отдаривания, какъ и всѣ прочія свадебныя обрядности отъ угощенія включительно, начинается со старшаго, т. е. со свекра и свекровки—ихъ въ большинствѣ случаевъ дарять самыми дорогими, деньгами. При самомъ разѣздѣ съ рукобитья невѣста дарить и жениха. Съ слѣдующаго за рукобитьемъ дня невѣста, въ сопровожденіи «вытчицы» и «дѣвокъ», начинаетъѣздить по гостямъ. Въ поѣздкахъ этихъ ее сопровождаютъ родственники ея и ея поѣзжане. Невѣсть подается, въ зависимости отъ ея благосостоянія, одна или пара или тройка лошадей, изукрашенныхъ лентами, бубенцами, колокольцами и другими побрякушками. Погостиивъ у кого-либо, пріѣхавшіе, прежде чѣмъ уйти, поютъ пѣсню. Пѣсню эту сквозь слезы запѣвааетъ вытчица, при чѣмъ не только поѣзжане и поѣзжанки, но и провожающіе со слезами поддерживаютъ ее. Пѣсню свою вытчица заводить не раньше, какъ встанетъ посерединѣ комнаты.

Стою я, молодешенька,
Среди столовой вашей горницы,
Среди пола дубоваго,
На бѣлокатанномъ войлокѣ,
На сафьяновые башмачикѣ,
На бумажныя чувочки,
На своя рѣзвыя ноженьки.
Ужъ я кваниюсь моводешенька

Ниже пояса шевковаго.
Ужъ кого же я ищу-смѣкаю,
Не могу высмѣкать,
Сквозь очи сквозь туманныя,
Сквозь слезы сквозь туманныя,
Сквозь слезы горячія.
Своего родимаго батюшку
И родимую свою матушку. И т. д.

Здесь вытчица начинает перебирать рѣшительно всѣхъ присутствующихъ, называя ихъ по имени и отчеству. Невѣста и поѣзжане становятся въ кругъ, хозяева дома благословляютъ ихъ и они уѣзжаютъ. Когда поѣздъ, въ концѣ концевъ, подѣлѣвается обратно къ дому, то прежде чѣмъ войти въ домъ, вытчица, еще сидя въ саняхъ, снова заводить пѣсню, которую съ очень нетрогательнымъ единствомъ подхватываютъ нагостившіеся и наугощавшиеся поѣзжане.

На встрѣчу выходить изъ дома сестра или близкая родственница невѣсты, выносить съ собой теплую брагу или водку и подчутиеть ею невѣсту. Та низко, а чаще въ ноги, кланяется ей и принимается пить вынесенное ей питье. Покончивъ съ угощеніемъ, невѣста, за ней и всѣ поѣзжане входять въ домъ. Здесь съизнова начинается угощеніе всѣмъ тѣмъ, что за время отсутствія невѣсты изъ дома успѣли изготовить ея родители. Только что кончается угощеніе, какъ вытчица уже молится Богу, а затѣмъ начинаетъ новую пѣсню и поѣзжане, крестясь, вылѣзываютъ изъ-за стола, чтобы подтянуть и тѣмъ, посильнѣ, помочь ей. Во время пѣнія пѣсень никакихъ плясокъ не происходить.

Затѣмъ, всѣ гости встаютъ съ своихъ мѣсть (во время пѣнія обыкновенно вновь садятся за столъ и, отъ устатка, времія отъ времени, потягиваются бражку) и вновь въ голосъ начибаютъ оплакивать невѣсту, а кромѣ того одариваютъ ее деньгами. Въ этомъ случаѣ первыя крайне невзыскательны: самая мелкая монета принимается съ благодарностью. Тронутая общею любовью и сочувствіемъ окружающихъ, невѣста жалобно запѣваетъ.

Я стою моводешенька
На бѣлокатанномъ войочкѣ,
На свои рѣзвыя поженьки.
Кваниюсь моводешенька
Своему любезному сватушкѣ
И сватьюшкѣ.
Поспѣшите дойти до меня,

До меня, моводешеньки,
Примите мои подарочки—
Не осудите любезные сватушки,
На мое одареныце—
Да на худое рукодѣйице,
У меня стойко свучивося.

Та же пѣсня поется невѣстой каждому изъ поѣзжанъ, причемъ невѣста дарить каждого посильнѣ я какъ при рукобитѣ было уговорено. Послѣ одаривания съ невѣстой остаются только ея подруги, которые и помогаютъ ей снаряжаться къ свадѣбѣ, т. е. заниматься шитьемъ на невѣсту. Снаряженіе (по мѣстному: стнаряженѣ) продолжается, въ зависимости отъ богатства невѣсты, два-три дня, иногда недѣлю, а то и того больше. Наканунѣ свадѣбы въ домѣ невѣсты съ утра вновь начинается самое отчаянное выпѣ: справляется такъ называемый дѣвишникъ. Раннимъ утромъ всѣ дѣвушки посыпаются за водой, идя за ней, онѣ поютъ.

Ужь вы, кумушки,
Вы, подруженьки,
Посужите мнѣ, моводешенькъ (не-
вѣста идеть съ ними же).
Отъ роду мнѣ впервые,
Сегодня мнѣ въ посвѣднєе.
Вы возьмите ведра
На круты пвѣча,
Идите вы по воду

На Дунай рѣчку быструю.
Ужь вы черпайте, мои кумушки,
По пути воды бѣгучей.
Принесите мнѣ воду
И наварите щевоку.
Наварите щевоки слизкіе—
Хорошо мнѣ умыватися,
Чисто стнаряжатися.

Вода приносится и ставится въ печь, а поѣзданки, поочередно, расчесываютъ волосы невѣсты; при этомъ какъ подруги, такъ и сама невѣста плачутъ и причитаютъ. Если у невѣсты нѣть отца или матери, то въ честь ихъ поются поминальные стихи; такъ напримѣръ:

Подымайтесь-ка, вѣтры буйные,
Со восточной сторонушки.
Вы слуйте же, вѣтры буйные,
Со сырой земли бѣвы снѣжки.
Развойся-ка, мать-сыра земля,
Расковыся-ка гробова доска,
Распахнитесь, саваны бѣвые,
Съ моего (ей)-то родимаго (мой) ба-
тиушкы (матушки),
Отопри-ка, родимый (ая) мой (моя)
батюшка (матушка),
Да свои очи ясныя.
Да проснись-ка, родимый (ая) ба-
тиушка (матушка),
Да отъ сна, отъ вѣчнаго,
Отверзи уста свадкія.
Востань-ка, востань-ка,
Родимый (ая) мой (моя) батюшка
(матушка),

На свои рѣзвыя ноженъки.
Направь-ка, родимый (ая) батюшка
(матушка),
Сызоперья крывышка,
Полетай-ка родимый (ая) батюшка
(матушка)
На сине морюшко.
Ужь ты смой-ко, родимый (ая) ба-
тиушка (матушка),
Со бѣва лица ражавчину,
Съ ретива сердца червоточены.
Прилестай-ка, родимый (ая) батюшка
(матушка),
Да въ нашу горенку.
Благословъяйте меня, родимый (ая)
батюшка (матушка),
Навсегда, да на всякое времячко.

Изъ печи достается горячая вода и ею начинаютъ мыть полъ въ избѣ; на полъ обильно постигаютъ солому и уже на соломѣ начинаютъ плясать до сумерекъ, и снова приступаютъ къ вытѣю. Невѣсты изъ дѣвушекъ, да еще не-порочныхъ, обязательно носятъ въ косѣ знакъ своего отличія отъ согрѣшившихъ до свадьбы — ленту «красоту»; теперь ее носятъ всѣ дѣвушки, но раньше —

и еще совсемъ недавно—дѣло съ «красотой» обстояло иначе. Итакъ невѣстѣ съ красотой пѣлись тогда еще особыя пѣсни.

Сумерки сунеркаются
О красной дѣвушкѣ.
Цвѣтная красота
Бѣется — убивается,
Около дѣвушки завивается.
Повно вамъ дѣвушки
Красоватся,
Пора времечку
Разставатся.
Ты возьми-ка, красна дѣвушка,

Во свою праву рученьку,
Свою русу косыньку.
Развяжи авую ленточку
Предъ Пресвятую икону
Божью Матерь.
Пусть она тутъ успоконится
И отъ всего прихранится,
Пока я буду умываться,
Хорошо стнаражаться.

Ужъ не васточка—
Касаточка,
Она вѣтется-увивается
Оково матушки родимой.
Помоги-ка дойти-доступить
До меня, моводешеньки,
Да души красной дѣвицы.

Развяжи-ка, родимая матушка,
Мои авыя ленточки,
Расплети мою дѣвичью красоту.
И въ говубушку трубчату косу
Не подымаются мои рученьки бѣвны,
На свою бѣйну гововушку.

Мать, если же ея нѣть у невѣсты, то сестра или другая близкая родственница, расплетаютъ косу, затѣмъ невѣста просить благословенія у своего отца, матери и своего семейства и только послѣ благословенія, вмѣстѣ съ дѣвушками направляется въ баню. Сопровождающія ее дѣвицы, пляшутъ, иныя идутъ разраженными (замаскированными) и при этомъ всѣ поютъ пѣсни.

Наглядись-ка моя
Руса косынька,
Наглядись-ка авая ленточка,
Какъ на небо съ синя-говубое.
На батюшку на свѣтѣу—мѣсяцъ
И на частыя мевкія звѣздочки.
Наглядись-ка моя русая коса
На всѣ четыре сторонушки:

На шоя—на широкія,
На вуга — на зеленыя,
На всѣ дороженьки
И тропиночки.
Наглядись-ка моя руса коса
На лѣса дремучie,
На рѣченки быстрыя,
На всѣ уочки-переуочки.

Девушки подходят к баню, передь дверми которой останавливаются, заводя новую пѣсню.

Ужъ вы, кумушки-подруженьки,
Вы истопили мнѣ банюшку.
Нагрѣли-ли воды горячія?

Накипятили щевоки слизкие?
Приготовили вѣтошки шевковые,
Мыла-то канфарная?

Въ банию, гдѣ какъ невѣста, такъ и подруги ея моются, причемъ не вѣстѣ ни въ какомъ случаѣ не позволяютъ париться; это очень дурная примѣта: «выдѣтъ замужъ и ея мужъ шабко парить (бить) станетъ». Банию для невѣсты топятъ подъ наблюдениемъ матери или кого-либо изъ родни. Дѣлается это для того, чтобы кто-нибудь изъ топящихъ банию не поколотилъ головушекъ: это самое ужасное обстоятельство для будущей жизни невѣсты и изъ-за такого недосмотра несчастная обрекается на всю жизнь на бытъ супругомъ и его роднѣй. По окончаніи мытья, вновь начинается вытѣ пѣсень.

Не спасибо вамъ, мои кумушки,
Не спасибо, подруженьки.
Не отмыли мои рученъки бѣвны,
Не согрѣли мое тѣло бѣвное
Отъ вѣничка горячаго.
Не угадивось мое сердечико
Вашей этой теплой банюшкой.
Раскатись-ка наша банюшка
На всѣ четыре сторонушки.
Становись-ка наша банюшка
Частымъ ельничкомъ
Да березничкомъ,

Чтобы не пройти бы,
Да не проѣхати
Моимъ-то сопротивничкамъ
Съ чужой дальней сторонушки.
Раззорись-ка наша каменка
На всѣ четыре сторонушки,
Становись-ка наша каменка
Крутой горой, крѣпкой стѣной,
Не прошли бы, да не проѣхали
Мои-то сопротивнички
Съ чужой дальней сторонушки.

Выйдя изъ бани, невѣста молится Богу на всѣ четыре стороны и, не плача, отправляется домой. Здѣсь, уже передь самыми дверями, всѣ побѣжане хоромъ начинаютъ вновь пѣніе съ вѣхлипываніемъ. Такъ какъ пѣсни пермяками поются во все горло, то пѣніе такое въ зимнее время, норой при сильномъ вѣтре, да еще тотчасъ же послѣ бани, иногда влечетъ за собой гибельную простуду. Передь дверми дома поется пѣсня:

Не хотѣва, родимая матушка,
На мосту заморозити.
Прищиава рѣзвыя ноженъки
Ко сафьянамъ ко башмачикамъ.
Прищиава бѣвы рученъки
Ко скобѣ ко желѣзной.
Я иду, моводешенька,

Не по прежнему.
И ступаю не по старому.
Иду же и сберегаюся,
Не подвалились бы
Перекладинки.
Не подвомились бы
Мостовиненки.

Изъ избы выходить мать или сестра невѣсты и выносить ей пить (брагу). Невѣста входить въ домъ, гдѣ ей вновь—и уже въ послѣдній разъ въ этотъ день—заплетаютъ косу, причемъ «красота» въ нее уже не вплетается. Затѣмъ, садятся за столъ ужинать и, покончивъ съ нимъ, отправляютъ невѣсту спать, причемъ поютъ ей пѣсню: «Покорно благодарствую разлюбезному моему сватушкѣ». По окончаніи этой пѣсни всѣ присутствующіе отдаиваютъ невѣсту деньгами и плачутъ, приговаривая:

Я покорно благодарствую
Родимаго моего батюшку
И родимую мою матушку,
Васъ на грувну на зовотую,
На другую на серебряную.
Нашто же вы меня жавуете
Этой гривной зовотой.
Ужъ и этой гривной зовотой
Мнѣ не святые храмы строити,
Не святыя иконы смиꙗнти.
Есть Божи храмы—построены,
Есть святыя иконы—смиꙗнны.
Не откупится будеть этой гривной
зовотой

Да мнѣ же, моводешенькѣ,
Отъ чужой дальней сторонушки.
Не отдарится будеть гривной зовотой
Да мнѣ же, моводешенькѣ,
Да мнѣ же, моводешенькѣ,
Отъ чужой дальней сторонушки,
Не отдарится будеть гривной зовотой
Отъ чужаго чужъ-чуженина.
Откупишъся ты, родимый батюшка,
Отъ чужой дальней сторонушки
Моей-то буйной гововушкой.
Отдаришъся, родимая моя матушка,
Моей-то дѣвичьей красотой
Чужому чужъ-чуженину.

И т. дал.

Однако же родня, не взирая на обрядовыя завыванія, вновь дарить невѣсту деньгами и приносить ей шамшуру—знакъ завтрашняго замужества. Это—знакъ, съ которымъ вышедшая замужъ никогда не разстанется при жизни, отъ котораго не избавится и послѣ смерти, такъ какъ шамшуру снимается только въ банѣ и надѣвается на голову женщины даже при ея погребеніи.

Я бы дѣвица возрадовалася,
Душа моя возвеселилася.

Я еще бы дѣвушкой остававася,
Да еще бы красовавася.

Много слезъ приходится пролить и невѣстѣ, и окружающимъ ея какъ въ этотъ, такъ и въ слѣдующій день. Не успѣть зазариться востокъ, какъ въ домъ невѣсты все приходить въ движение; вновь появляется угощеніе, вновь то заплетается, то расплетается невѣстина коса и, по прежнему, поются заувынныя, словно похоронныя, пѣсни, обильно, безъ всякаго сожалѣнія къ самимъ себѣ, приправляемыя слезами.

Ужъ ты, васточка-касаточка,
Она вѣтсѧ-увивается,

Оково матушки родимой.
Вы могите ли дойти-доступить,

До меня, до моводешеньки,
До луши красной дѣвицы,
До моей буйной говоушки,

До моей дѣвьей красоты,
Развязать авую ленточку,
Расплести мою дѣвью «красоту».

И т. да.

Каждому, по очереди, подошедшему расплести косу, поется пѣсня, съ соответственнымъ измѣненіемъ въ титулованіи. И въ этотъ день, какъ и на канунѣ, всѣ перерасплетали косу, мать или иная близкая роственница (разъ невѣста сирота) выплетаетъ только на это время вплетаемую ленту «красоту», и съ этого момента невѣста уже никогда въ жизни не можетъ вплести ленту въ свои косы. Всѣ присутствующія женщины вновь обступаютъ невѣstu и вновь невѣстину коса, но уже безъ ленты, расплетается подъ звуки пѣсни.

Не спасибо вамъ, кумушки,
Не спасибо, мои подруженьки,
Обмануви меня, моводешеньку,
Посадили за столу дубовенький.
Посмотри-ка, родимая матушка—
Развязали мои авыя ленточки,
Расплели мою русую косу.
Растрепали мою буйную говоушку.
Нѣть, не жавѣть меня мамонька,

Не выводить изъ-за стова дубаваго,
Не плететь мнѣ русу косыньку.
Не заважжать мнѣ авую ленточку;
Ужъ будетъ, видно, мнѣ красоватися,
Пора мнѣ разставитися
Со своей дѣвьей красотой разставатися.
Ну, что такое свучивося.
Куда дѣвать мнѣ свою «красоту»?

И т. да.

Когда решительно всѣ кумушки-подруженьки перебраны, пѣсня продолжается такъ:

Вотъ пошва тошно моя «красота»
Отъ меня—моводешеньки
По столову по дубовенькому;
Среди пова остановивася,
Низко всѣмъ поклонивася...
Вотъ пошва моя «красота»
Съ душой красной дѣвицей,
И пошва—до дверей дошва;
И пошва по новымъ сѣнямъ,
По крылечкамъ, по навѣсикамъ.
Вотъ и пошва наша «красота»
И до саней дошва,
Въ саночки садивася,
Во Божью церковь кативася.
Прѣѣзжаетъ къ Божему храму—

Туть она остановивася,
Красной дѣвицѣ поклонивася.
Ты прошай, прошай, моя дѣвица;
Ужъ не дово красоватися,
Пора-времячко разставатися.
Вотъ заходить они
Во Божью церковь.
Среди церкви становятся,
Во сваву своей церкви (курсивъ мой)
Богу молятся.
Свѣчи ярко зажигаются,
Попы, дьяконы одѣваются;
Двери царскія растворяются;
Книги евангелья открываются...
Вотъ пошва тошно наша «красота»

Прочь отъ красной девушки
Во святую книгу-евангельи.
Туть она остановившися,
Низко девушки поклонивася.
Ты прощай-прощай, красная девица,
Хорошо мы съ тобой красовались.

Ужъ и гдѣ мы съ тобой увидимся,
Гдѣ встрѣчу мы совстрѣтимся:
И во снѣ мы не увидимся.
Только разъ еще увидимся—
Во христовъ день во заутреню.

По окончаніи пѣсни, всѣ встаютъ и молятся Богу, а невѣста, помолившись, просить у своихъ родныхъ благословенія. Получивъ его отъ родителей, она просимъ его отъ домашнихъ и отъ другихъ родственниковъ, послѣ чего, поддерживаемая подружenkами-кумушками и всѣми собравшимися на свадьбу, запѣваетъ.

Я стою моводешенька
Среди пова дубового
На бѣлокатанномъ ва войокѣ
На свои рѣзвыя ноженьки.
Кваниюсь моводешенька
Ниже пояса шевковаго
Своему родимому батюшкѣ.
Не прошу я у васъ, родимый батюшка,
Не звата, ни серебра,
Ни скатного жемчуга.

Прошу я у васъ,
Родимый батюшка,
Благословенница великаго.
Хорошо-чисто мнѣ умыватися,
Хорошо снаряжатися,
Во Божью церковьѣхати,
Законъ божій принати
Со чужимъ, со чужениномъ,
Чудной крестъ цѣловати.

Тотъ же стихъ поется матери, братьямъ, сестрамъ, съ соответственнымъ измѣненіемъ въ именахъ. Всѣ родственники благословляютъ невѣstu словами: «Богъ благословитъ». Послѣ этого въ избѣ, гдѣ часть ея около печи забрана тесомъ или занавѣсью (закутью), невѣста уходитъ за перегородку, а гдѣ таковыхъ нѣть, то спускается вмѣстѣ съ подругами въ голбецъ и уносить съ собой мыло и воду. За перегородкой женщины умываютъ невѣstu и снаряжаютъ ее. При одѣваніи прежде всего «лычикомъ» крѣпко-на крѣпко вяжутъ невѣстино бѣлое тѣло, а ужъ сверхъ его надѣваютъ рубаху, въ которую кладутъ шерсть и ленъ, чтобы они водились въ новомъ дому. Совсѣмъ снаряженная къ вѣнцу невѣста выходитъ изъ-за перегородки, усердно молится Богу, вставь— обязательно—по серединѣ горницы на бѣлокатанномъ войлокѣ.

За кого же я Богу молюсь?
За кого же я поклонъ повожу?
За царя благовѣрнаго,
За царичу усердную.
За кого Богу помолюсь?
За кого поклонъ повожу?

Я за батюшку родимаго
И за матушку родимую.
За кого же Богу помолюсь?
За кого же поклонъ повожу?
За братчика родимаго,

За невѣстку—свою говубушку.
За кого же я еще Богу помолюсь?
За кого же я поквонъ повожу?
За чужого отца-батюшку,
За чужую свекровь-матушку.
За кого же Богу помолюсь?
За кого же еще поквонъ повожу?
За чужихъ-то деверей-братьчиковъ,

За чужихъ золовокъ-сестричекъ.
За кого же еще Богу помолюсь?
За кого поквонъ повожу?
Да за чужаго чужъ-чуженина,
За свою буйную говувушку.
Создай намъ, Боже и Господи,
Дарь здоровья намъ крѣпкаго,
Ума-разума хорошаго.

Свашить со стороны невѣсты, обыкновенно, крестная мать, а потому, какъ только она входить, освѣдомляясь предварительно, можно или нѣтъ ей войти, т. е. кончилось ли вытье, ее встрѣчаешь невѣста пѣнiemъ слѣдующей пѣсни. Пѣсню эту невѣста поетъ одна.

Воспирѣмная крестная матушка,
Ты зачымъ поздно прїхава,
Когда я уже засватана
И совсѣмъ къ вѣнцу приготовленная.
Ты тогда бы прїхава,
Когда я быва не совсватанная.
Съва бы межъ родимаго батюшки
И межъ родимую мою матушку,
Разговорива бы ихъ о моей-то выдачѣ.

Я бы еще дѣвушкой-то оставася,
Весну красную красовавася.
Расскажи-ка, моя кресненькая,
Про чужую дальнюю сторонушку,
Про чужаго отца-батюшку,
Про чужую свекровь-матушку,
Про чужаго деверя-братьчика,
Про чужаго чужъ-чуженина.

Крестная макенка или сваха тотчасъ же подхватываетъ эту пѣсню и сердитымъ голосомъ поетъ ея окончаніе:

Расскажу я тебѣ, моя крестница,
Про чужую дальнюю сторонушку:
«Ровно зимонька студеная».
Какъ чужой-то свекоръ-батюшка—
«Въ пой ровно лютой звѣрь».
Какъ чужая-то свекровь-матушка—
«Ровно звая мѣдвѣдича».

Какъ чужие-то деверья-братьчики,
«Какъ черные собои».
Какъ чужая чужъ-чуженина—
«Великая зазнобушка,
Безъ морозу тебя вызнобить
И безъ вѣтру тебя высушить».

Невѣста, за частую совершиенно не знающая своего чужъ-чуженина, по понятнымъ причинамъ, не только плачетъ, а рыдаетъ или, какъ говорять пермяки: говосомъ воеть. Вытица, подружки, да и вся родня, словно спохвавшись, ревутъ, какъ только кто можетъ. Картина получается дѣйствительно потрясающа. Даже со стороны смотрѣть на нее жутко. Кажется, что не свадьба, а похороны самаго желаннаго, самаго дорогого дѣтитища совершаются

на вашихъ глазахъ. Такъ въ слезахъ и уже безъ всякихъ пѣсенъ ожидаетъ невѣста и поѣзжане прѣѣзда жениха. Время тянется мучительно долго, но, вотъ вдали замѣчается надвигающейся поѣздъ жениха—зимой на нѣсколькихъ парахъ или тройкахъ, лѣтомъ верхами; тогда всѣ сразу встряхиваются и заводятъ пѣсню:

Выѣзжаютъ кони вороные
Со чужой дальней сторонушки.
Мои ъдуть сопротивнички.
Не могъ ты, родимый батюшка,
Загородить тыномъ нелѣзнымъ
Меня, моводешеньку.
Не могъ запереть за замки крѣпкіе.
Налетять черны вороны,
Подхватятъ меня бѣную лебедушку
За сиво-перыя крыышки;

Утащать меня, моводешеньку,
На чужую дальнюю сторонушку.
Я не буду у васъ свуга вѣрная.
Догадайтесь, родимый батюшка,
Какъ торговаться моей буйной гововушкой.
Торговавъ бы, родимый батюшка,
Торговавъ бы ты, родимой,
Быками-то рогатыми,
А не мною, моводешенькой,
Не моей буйной гововушкой.

Какъ только женихъ подѣзжаетъ къ окнамъ, пѣсня, даже и не оконченная, прерывается, а съ нею вмѣстѣ прекращается и плачь. Вѣжливецъ жениха, такъ называемый первый шаферъ, слѣзаетъ съ лошади или выходить изъ саней и говорить: «Господи Иисусе Христе, помилуй насть. Дома ли хозяинъ? На что домохозяинъ (—зайка) отвѣчаетъ ему черезъ окно въ избѣ:— «дома». Тогда колдунъ спрашивается: «быво ли сватовство; быво ли просватанье; быво ли обрученье? Ему отвѣчаетъ: «Быво». Тогда спрашивающій говорить: «нанѣ князь просится въ вашъ дворъ вѣзжать съ подруженьками, со сватеньками. Какъ будете встрѣтать или сами вѣзжать?— «Ну, хорошо, отвѣ чаютъ изъ избы въ окно, встрѣтать выйдемъ; сами встрѣтать будемъ». Затѣмъ, колдунъ или первый шаферъ подробно и обстоятельно уставливается о томъ, чтобы сѣна лошадямъ было дадено до колѣна, а овса до щетки я, уже послѣ этихъ уговоровъ, командуется: «о томъ бьемся, о томъ кваниемся, нѣть ли у васъ звыхъ собакъ; пѣту ли у васъ звыхъ свиней. Звыхъ собакъ по цѣпямъ; звыхъ свиней по хлѣвамъ; старыхъ старухъ по поватямъ!» Ворота отшираетъ или братъ невѣсты или кто-нибудь изъ ближайшихъ родственниковъ. Отширая ворота съ низкими поклонами, онъ успѣваетъ однокоже выговорить себѣ немногого-не- мало, какъ-то, чтобы его наполнили до-пьяна. Послѣ угощепія братца, поѣзжане вѣзжаютъ во дворъ. Вѣжливецъ беретъ въ руку свѣчу, хлѣбъ, рыбный пирогъ, лагунъ съ пивомъ и входить въ избу, а поѣздъ остается во дворѣ. Входя въ избу, вѣжливецъ кладетъ передъ иконами поклоны и приговаривается: «Господи Иисусе Христе, помилуй насть! — «Аминь. Ваша милата», отвѣчаетъ ему вытчица.— «Мы прибыли со всѣмъ повкомъ-поѣздомъ,

жива ли у насъ наша княгини? — «Жива и здрава», отвѣчаютъ ему. — «Вы меня-мнѣ не отвѣчаете, что ждали», говорить вѣжливецъ и проходить за занавѣсь, гдѣ сидитъ невѣста и тамъ продолжаетъ свой разговоръ. «Примите мои гостинчики со чужой, дальней сторонушки». Гости невѣсты и сама она въ отвѣтъ на это поютъ.

Не прину ваши гостинчики
Со чужой, дальней сторонушки
Безъ родимаго отца-батюшки,

Безъ родимой моей матушки,
Безъ братчика родимаго,
Безъ невѣстки говубушки.

На эту пѣсню за занавѣсь приходять отецъ и мать и благословляютъ невѣstu, а вѣжливецъ, обращаясь къ отцу и матери, спрашивается: «смѣть ширнуть, пырнуть; наша невѣста укуклялась ли (укуклилась ли, т. е. нарядилась ли, какъ куколка)? подойти къ ней, княгинѣ нашей на куныхъ вапочкахъ, принести къ ней подарокъ черянянь (рыбный пирогъ) отъ нашего князя». Отецъ невѣсты отвѣчаетъ на это: «ширните, пырните, во дворъ нырните: наша невѣста укуклилась». Послѣ этого невѣста береть изъ рукъ вѣжливца подарки, подымаетъ ихъ на свою «буиную гововушку», а затѣмъ и откусываетъ что-нибудь обыкновенно отъ челпана, символизирующаго довольство. Люди важиточные приносятъ не по одному, а по нѣсколько штукъ, и тогда невѣста приходится знакомиться съ вкусомъ каждого изъ нихъ. Послѣ принятія подарковъ въ избу входятъ всѣ поѣздане и вошедшаго жениха усаживаютъ въ передний уголъ на невѣстину подушку. Сваха принимаетъ отъ жениха привезенные имъ подарки: шаль, ботинки, а иной разъ и сарафанъ и уходить съ ними за занавѣсь къ невѣстѣ; подружки тотчасъ же запѣваютъ.

Свашенька-развшашенька,
Зачѣмъ скоро подскочива
Безъ спроса родимаго батюшки,
И родимой матушки?
Не приму я ваше цвѣтно пватыце
Безъ родимаго батюшки,
Родимой моей матушки.

Вы могите дойти-доступить
До меня, моводешеньки,
До моей буйной гововушки.
Благословъяйте меня, мовбешеньки
Хорошо мнѣ стнаряжатися
Мнѣ въ Божью церковь Ѹхати,
Законъ Божій приняти.

Отецъ и мать благословляютъ невѣсту. На невѣсту надѣваютъ шаль, на ноги ботинки и послѣ этого объявляютъ жениху: «невѣста готова!» Какъ только послѣдовало это объявление, встаетъ вѣжливецъ и говорить: «Господи Иисусе Христе, помилуй насъ. Моводой князь сидить за столомъ дубовенькинъ, за стовешенкой кедровою, за скатертю шитой-браною, за пятьми за бражными, за явствами за свадкими; кваниется низко своему боярину со боярушкой: нельзя ли вывести ему княгиню вашу за бѣвныя ручки, за бумажный

шваточекъ. Врея али не время выводить. Говорять, что время? Послѣ этого запроса одинъ изъ братьевъ или близкихъ родственниковъ отправляется за занавѣсъ и поетъ.

Я не выйду и не выступлю
Изъ кути- занавѣса
Безъ роднаго батюшки,
Безъ родимой моей матушки.
Благословьте меня моводешеньку

Миѣ въ Божью церковь Ѹхати
За чужъ-чужимъ чужениномъ,
Миѣ законъ Божій приняти,
Чудный крестъ цѣвовати:
Благословьте меня всѣ крещеные!

Невѣсту выводятъ на середину избы, гдѣ она начинаетъ молиться, отвѣшивая три поясныхъ и три же земныхъ поклона и кланяется на всѣ четыре стороны, затѣмъ, отвѣшиваетъ особый поклонъ жениху. Когда она садеть, за столъ ставятъ ей стаканъ водки, брагу. Въ рукахъ жениха и невѣсты вновь появляется платокъ, что былъ при рукобитии. Сваха подносить невѣстѣ ожяску, и та лично опоясываетъ ѿ жениха, который и отдариваетъ свою ласковую княгинюшку деньгами. Поѣзжане, по приглашенію вѣжливца, присаживаются къ столу и, наконецъ, отправляются въ церковь.

Вторая свадьба, описанная мною, происходила въ мѣстахъ обрусѣлыхъ. Рѣдко что измѣняется въ ней. При укладываніи молодыхъ въ голбѣ такъ же присутствуютъ сваха и вѣжливецъ; также въ присутствіи ихъ происходитъ раздѣваніе молодыхъ, причемъ укладывая ихъ въ постель, вѣжливецъ говорить: «стану, я рабъ божій, благословясь, выйду изъ дверей въ двери на красное совышико, подъ бѣій мѣсяцъ, подъ часты мечки звѣзды. Пройду въ лѣсъ, во темномъ лѣсу избушка, тутъ есть Мать Присущая; подойду поближе, поклонюсь понижая. Я хочу (такихъ-то) присущить, праву ручку поцѣвую, о чемъ и прошу». Тутъ, закрывая молодыхъ отъ взора, доканчиваетъ: «Аминь» и уходить.

Иногда на другой день свадьбы всѣ поѣзжане раннимъ утропъ отправляются къ рѣчкѣ мыться, вооружившись, кто чѣмъ смогъ: помеломъ, заслонкой, ведрами и т. п., причемъ вся эта вата га идетъ на рѣчку съ шутками-прибаутками и звономъ въ свои инструменты. Придя на рѣчку, молодая бросасть—богатая мелкую монету, а бѣдная шерстинку изъ опояски: это она задариваетъ водилого, чтобы онъ къ ней былъ добрымъ. При умываніи происходятъ комичныя картишки. Только кто-нибудь вымылся, глянь—ему вымазали все лицо сажей или грязью. Шутки эти нравятся не каждому. Свадьбы устраиваются родителями, а сама молодежь не при чемъ. Иной парень работаетъ гдѣ-нибудь на заводѣ всю зиму, прѣѣзжаетъ домой, а ему тутъ и объявлять: черезъ недѣлю вѣнчать будемъ; въ такой-то волости, такую-то дѣвку выставили. Лѣтомъ, самъ знаешь, работы въ волю, матери одной не управиться

будеть; чѣмъ строишю (работнику) держать, лучше стращу въ домъ взять. Жена называется «стряпкой», а мужъ «работникомъ». Взять на себя работника значить — выйти замужъ. За частую ни женихъ, ни невѣста другъ-друга и въ глаза не видали. Прѣдеть женихъ и видить — уродъ его невѣста. Пере-терпить до свадьбы, зато потомъ.... тяжелое житѣе и отъ мужа, я отъ всѣхъ нелюбимой бабѣ! Не лучше бываетъ и тогда, когда женихъ не нравится невѣстѣ. Вѣроятно поэтому-то, такъ часто замѣчается полная отчужденность между супругами-пермяками. Они точно стыдятся сказать другъ другу ласковое слово не только при людяхъ, но даже и съ глазу на глазъ. Чаще всего супруги даже не называютъ себя по имени, а какой-либо кличкой и, притомъ, далеко не поэтичной. Вотъ подѣхаль къ дому пермякъ; ему лѣнъ самому отворить ворота и онъ во всю мочь кричить: «Кага, каа-га»! (ворона, ворона). Зато собственныхъ именъ не знаютъ. Въ воинскихъ присутствіяхъ часто приходится наблюдать слѣдующее.—«Какъ зовутъ жену? Сколько ребятъ?» спрашиваются тамъ.—«Не знаю, сейчасъ спрошу у сосѣда», отвѣчаетъ вопрошаемый. Когда его вновь съ удивленiemъ спрашиваютъ: «да неужели жесосѣдъ лучше тебя знаетъ имена твоей семьи». Тогда пермякъ съ убѣдженiemъ въ голосѣ, какъ о какой-то непреложной истинѣ, говорить: «какъ же, въ сусѣдскомъ дѣвѣ какъ не вучше знать».

Кромѣ упомянутыхъ свадебъ, бываютъ еще свадьбы «убѣгомъ». Собственно говоря это фокусъ — никакого убѣга не происходитъ, а просто разъ люди слишкомъ бѣды, и столы имъ не по карману, они вѣнчаются въ тихомолку и тѣмъ избѣгаютъ расходовъ. Случается иногда, что всѣ расчеты относительно богатой невѣсты распадаются прахомъ по совершенно не зависящимъ отъ сторонъ обстоятельствамъ; напр., только что выѣхали со двора, а навстрѣчу попалась собака, приходится сватовщику возвращаться домой я сообщить домашнимъ: «не добрая встрѣча — собака попалась, не пойду сватать, такая же злая сноха будетъ, не надо ее». Зато попадись навстрѣчу свинья — лучшаго и желать не надо.

Жизнь молодыхъ въ первый годъ идетъ обыденнымъ порядкомъ и въ ней только и выдаются то, что въ первый годъ ни молодой, ни молодушка не говѣютъ и не ходятъ ни къ кому на похороны. Въ сборное воскресенье всѣ молодушки прїезжаютъ въ церковь и здѣсь встречаются съ своими подруженьками. Поехѣ обѣдни всѣ онѣ выходятъ на паперть, тутъ повѣствуютъ о своихъ горяхъ и злоключеніяхъ и притомъ, конечно, ревутъ. Пермяки говорятъ про нихъ: поѣхава «сковородники» продавать (губы при плаче слегка отвисаютъ).

Церковь пермяки посвящаютъ неохотно; но стоять кому-нибудь заболѣть или слегка прихворнуть, и они, боись смерти безъ покаянія, шлютъ за попомъ. Встрѣтить мужика или бабу, соборованныхъ пять-шесть разъ, вовсе неудивительно; скорѣе трудно найти пожилого человѣка еще ни разу не соборованаго.

Трудно больного кладутъ подъ образа и еще живого начинаютъ оплакивать. Пока скончавшагося обиываютъ бабы, мужики, родственники умершаго сколачиваютъ гробъ—самый грубый и по формѣ и по исполненію. Всѣ стружки и щепки, остающіеся отъ гроба, кладутъ въ него же. Одѣтаго въ чистое бѣлье покойника укладываютъ въ гробъ, закрываютъ плотно крышкой и ставятъ на нее кусокъ новаго холста. Затѣмъ гробъ выносится изъ избы и ставится на дровни, по возможности нигдѣ негодныя. Гробъ ставится на дровни во всякоѣ время года, т. е. въ лѣтомъ. Плотно привязавъ гробъ, чтобы онъ не упалъ, жена, мать и другіе родственники садятся на крышку гроба, захвативъ съ собой чепань и предварительно обернувъ его пояскомъ, какой носится у лаптей. Верхомъ на лошаденку загѣзаетъ возница и поѣздъ съ едва-едва остывшимъ покойникомъ тихо трогается въ село. Первому, кто попадается на встрѣчу, бросается взятый изъ дома чепань—«на поминъ души». Бѣда тому, кто, по незнанію этого обычая, не приметъ хлѣбъ. Такимъ пренебреженіемъ онъ тяжко оскорбляетъ душу умершаго и за такое оскорблѣніе иногда можетъ чувствительно поплатиться боками и во всякомъ случаѣ выслушать немало ругани. Бабы во всю дорогу навзрыдъ плачутъ и причитаютъ по умершему. Иногда и здѣсь, для большаго парада, приглашается вытчица. Вотъ нѣсколько образчиковъ завыванія по умершимъ.

Поднимайтесь, вѣтры буйные,
Со восточной со сторонушки,
Раздуньте-ка, вѣтры буйные,
Со губокой-то со могивушки
Мать сыру-землю.
Развойся ты, сыра-земля,
Развавмесь гробова доска
У моей-то родной матушки,
Распахнитесь, саваны бѣвые.
Ты востань-ко, востань,

Родимая моя матушка.
Отвори-ко очи ясныя,
Посмотри-ко на меня, моводешеньку,
Признай-ка меня, твоего дитятку,
Отверзи-ко уста свадкія,
Поговори-ка со мной рѣчь понятную.
Ты уважь мое сердечико,
Разспроси у меня моводешеньки
Про мое житѣе-бытье сиротское.
И т. дал.

Надъ усопшимъ ребенкомъ причитаютъ такъ.

Дитя мое, мивое,
Дитя мое сердечное,
Бѣвое лебедушка,
Ясень ты мой соконичекъ.
Куда ты взъетъ?
Мой соконичекъ.
Во вѣчныя твои свойства.

Оставляешь меня сиротой
Вѣчно о тебѣ горевать.
Оставай ты мнѣ на память
Твой хороший образъ
Ангелскаго лица,
Не могу я твой икъ заза-а-зыть.

Провожая свекра, причитаютъ такъ.

Богдарный ты мой батюшка,
Не во вору, не во времыячко
Оставлявъ насъ моводыхъ.
Какъ мы будемъ дома правити?
Кто насть будеть будить

По утру ранешенько?
Кто нахъ будеть работу сказывать?
Твой сынъ моводенекъ,
Я сама зевененка —
Остаюсь съ мавыми дѣткаа-а-замиини.

Надъ свекровкой поютъ слѣдующую характерную и полную житейскаго смысла и мудрости пѣсню. Въ этой пѣснѣ - причитаніи свекровкѣ, женшинѣ — какъ вездѣ — сурою, воздается должное за то, чѣмъ она дѣйствительно не могла не быть полезной своимъ невѣсткамъ.

Богдарная моя матушка,
Веикая моя надѣюшка!
Не во пору, не во времыячко
Подвомивись твои рѣзвыя ноженьки,
Повавивась твоя буйная говоушка,
Оцаи твои бѣзыя рученьки
И не будуть мнѣ помогати.
И пойду я на лѣтнюю работу,
Останю я своихъ мавыхъ дѣточекъ
Съ чужой-то свугои и замѣнушкой.

Не по моему дѣво дѣваютъ.
Возмутиться мое серче ретивое
И вспомниться bogдарная
Моя матушка.
При веикой моей заботушкѣ
Пріѣдемъ съ пой по вечеру позднеинко,
Повстрѣчаешь ты насть, наша матушка,
И все дѣо твое исправленное
Да и про насть ужинъ приготовъе-е-
сенный.

Интересны причины плача у работницы.

На кого ты меня оставива,
Ученица моя (учительница-настави-
тельница)!
Кто мнѣ дѣво прикажеть,
Учевича моя!
Ужъ и тыжъ меня любива,

Ученича моя!
И любива ты и бива,
Ученича моя!
Наставъяа на умъ-разумъ ты меня,
Ученича мооо-о-ояя!

Привезеннаго въ село покойника, первоначально останавливаютъ на улицѣ, неподалеку отъ церкви; кто-нибудь изъ домашнихъ идетъ къ отцу-батюшкѣ духовному и просить его прійти и отпѣть, причемъ вручаетъ ему плату, сообразную съ желаниями семьи, т. е. за простой отпѣвъ, или за отпѣвъ со звономъ при внесеніи въ церковь, или же за отпѣвъ съ полнымъ звономъ, т. е. со звономъ какъ при вносѣ, такъ и при выносѣ изъ церкви. Батюшка и члены причта въ облаченіи выходятъ къ поѣзду. Родня снимаетъ гробъ съ дровенъ, а если это не подъ силу, то прямо на дровняхъ, по совершении краткой литии, везеть покойника къ церковной паперти и оттуда вносить въ церковь. По отпѣвѣ покойника, подъ колокольный перезвонъ и въ сопровож-

деніи духовенства (а при неуплатѣ ему дохода, безъ всего этого) гробъ выносять изъ церкви въ кладбище. Могилы копаютъ весьма неглубокія. Какъ только по-койника выносятъ изъ церкви, причитанія возобновляются и наиболѣе сильно раздаются при опусканіи его въ могилу. Какъ только покойникъ закопанъ, слезы прекращаются и поѣзжане уѣжаютъ домой помянуть покойника. Торопятся пермяки съ погребеніемъ изъ-за боязни покойника. По вѣрованію ихъ, душа покойника гуляетъ по свѣту гораздо дольше, чѣмъ самъ онъ. Эта душа во всякое время «по звобѣ» можетъ напугать и причинить много зла еще не покинувшимъ юдолъ скорби обывателямъ. Она, т. е. душа, всегда однакоже старается быть поближе къ своему тѣлу и, къ тому же, она еще безглаза—придти ей отъ трупа назадъ, поэтому, гораздо труднѣе, чѣмъ тогда, когда трупъ по близости. Вотъ и рекомендуется, какъ самое лучшее средство, для тѣхъ, кто желаетъ во что бы то ни стало, какъ можно скорѣе избавиться отъ непрѣятностей, поскорѣе расстѣтиться съ тѣломъ покойника. Только эта боязнь, только это чувство самосохраненія заставляетъ пермяковъ продолжать разныя странности. Чтобы душа, по безглазости, не приняла дровни за тѣло и не возвратилась домой обратно, они еще и теперь очень часто оставляютъ дровни на кладбищѣ. Эти дровни или закапываются на половину въ могилу или просто оставляются на кладбищѣ. Однако же, въ посѣдѣніе случаѣ, чтобы покойникъ (вѣдь онъ могъ быть и колдунъ) не вернулся обратно, а колдуны могутъ не только вставать изъ могиль, но и совершать довольно-таки отдаленные прогулки, вывертываются оглобли и самыя дровни перевертываются вверхъ копыльями (полозьями), причемъ правило или носокъ дровней долженъ быть не по направлению дома, а отъ дома. Тогда, если бы покойнику вздумалось вылѣсти изъ могилы, онъ, если даже и сможетъ вставить оглобли или выкопать руками (работа не скорая) изъ могилы дровни, во первыхъ, по безглазости своей души, если и пойдетъ, такъ не въ сторону семействиковъ, а въ противоположную, не найти ихъ и, убѣдившись въ свою безсиліи, возвратится обратно; во вторыхъ, на означенная работы покойникъ положить такъ много времени, что до пѣтуховъ ему будетъ не доѣхать. Эта же болѣзнь—страхъ передъ умершимъ заставляетъ пермяковъ чтить и всячески ублажать память «миваго упокойничка». Какъ убѣждены пермяки, покойники могутъ, и не оставляя могилы, входить въ соглашеніе съ добрыми и злыми духами и, при посредствѣ ихъ, устроить какую-либо каверзу или упросить кого слѣдуетъ напомнить о своемъ загробномъ существованіи посредствомъ какой-нибудь болѣзни или несчастія по домашнему обиходу. Все это вмѣстѣ взятое заставляетъ пермяковъ заказывать, сверхъ обыденныхъ поминокъ, сорокоустъ (стоимостью отъ 15 до 20 р.). Кромѣ того и мужики, а ужъ особенно бабы зорко слѣдятъ за поминальными днями, и въ эти дни ни въ какомъ случаѣ не забудутъ послать

въ церковь свои поминальники. Поминая усопшаго (цѣна за поминанье на общей панихидѣ 3 — 5 коп., на обѣднѣ 15 — 20 коп.), въ церковь несутъ кто пирогъ, преимущественно рыбный, но случается и мясной, кто печеное яйцо, кто просто хлѣбъ или паренку (пареная рѣпа). Все принесенное кладется въ церкви передъ какимъ-нибудь особо чтимымъ образомъ. Но какъ принесеніе, такъ и положеніе явства является дѣломъ не такъ простымъ, какъ кажется. Поминальщики привозятъ или приходятъ иной разъ верстъ за двадцать, а то и дальше, да еще порой въ трескучій морозъ. Между тѣмъ, на прямой ихъ обязанности лежитъ принести явства горячими. Часто приходится наблюдать, какъ пришедшая имъ баба начинаетъ снимать съ себя сначала одну шубу, а потомъ другую; разстегиваетъ сарафанъ и изъ-за пазухи вытаскиваетъ толстыйшій платокъ, въ которомъ въ многочисленныхъ тряпцахъ находится завернутая снѣдь. Иная двѣ-три шаги не пожалѣть, чтобы доставить все какъ слѣдуетъ, т. е. горячимъ. Прежде чѣмъ положить принесенное на столъ, помѣщающійся у чтимыхъ образовъ, необходимо пирогъ или паренку разломить, а яйцо разбить и, слегка облупивъ, надломить его. При такого рода разламываніи зимой виденъ, даже на глазъ, паръ. Этотъ-то паръ и суть всего дѣла въ обрядѣ поминовенія. Сама снѣдь, во время литургіи (при большомъ выходѣ) или будетъ взята и съѣдена приносящими, или возьмется для той же надобности трапезникомъ (церковнымъ сторожемъ). Паръ же, идущій отъ принесенного, къ тому времени весь улетучится, и имъ-то и полакомится душа умершаго. Поминаемая душа, вѣрить пермякъ, всегда присутствуетъ тамъ, гдѣ ее поминаютъ, она только не видна для глазъ. Такъ какъ душа пермяка и всякаго другого есть паръ, то, исходя изъ этого основного начала, нельзя не прийти къ заключенію, что паръ не представляетъ ничего иного, кромѣ пара, и быть не можетъ. Вотъ гдѣ кроется весь смыслъ поминанія покойниковъ горячую ёдою. Пермяцкая душа, какъ и наша, въ теченіи 40 день не можетъ выбраться съ этого свѣта на тотъ: она все это время витаетъ по близости дома. Чтобы она не взошла въ домъ въ это время, пермяки напоминаютъ кого-нибудь изъ грамотной нижней братіи читать псалтирь. Въ 40 дней устраивается общий для всѣхъ родственниковъ поминальный обѣдъ, а по окончаніи его всѣ расходятся, выпуская прежде всего въ выходные двери кого-либо изъ ближайшихъ родственниковъ: послѣ умершаго мужчины — мужчину; послѣ умершей женщины — женщину. По убѣжденію пермяковъ, съ выходомъ этого лица выходить изъ дома, если только какъ-нибудь успѣла забраться, и душа умершаго. Ее провожаютъ точно также, какъ и покойника, съ причитаніями.

Пермякъ немало озабоченъ тѣмъ, какъ можно вылечиться отъ хворости безъ травъ и снадобій,—отъ тѣхъ болѣзней, что приключились съ глазу. Для

того чтобы не хворать ни самому, ни ребенку следует не показываться черному-черемухому (черному, красному, рыжему): это самый не надежный народъ. Впрочемъ, и противъ нихъ есть радикальнейшее средство: посыпьте на свою голову или на голову ребенка соли или попросите обрызгнуть съ уголька такъ, чтобы вы или ваше дитя испугались. Только эти средства и спасают отъ сглаза. Сыпать соль следует не только при встречѣ съ поминутыми и явно неблагонадежными лицами, но и тогда, когда вообще боишься сглазу. Захватили вашего жеребенка, позавидовали вашей кости, силѣ или родству и вы боитесь лишиться этихъ качествъ—самое лучшее немедленно посыпать голову солью. Когда, несмотря на мѣры предохранительные, заболеваютъ дѣти (ребята вообще легче всего поддаются урокамъ), прежде всего и, во всякомъ случаѣ раньше, чѣмъ обратиться къ доктору, следуетъ заговорить дитя. И что болѣе остается дѣлать пермяку въ такихъ случаяхъ? Доктора, даже фельдшера, прігласить нельзя—средствъ нѣть, да и дорогъ нѣть или онѣ дальня. Бываетъ и такъ: пріѣдетъ докторъ, пропишетъ лѣкарство; за нимъ надо долгоѣздить, а пріѣдешь въ больницу—его въ ней нѣть. Заклинатели—тѣ же вѣжливцы дѣйствуютъ по-просту. Вотъ обращикъ такого заговора. «Пресвятая Богородица, будь Ты къ намъ на помощь, на способъ раба (имя рекъ) отъ урока, переповока, отъ скородумныхъ и передумныхъ; отъ лѣвки довгововоскі; отъ бабы кручинововоскі; отъ мужика стригововоска; отъ всякаго человѣка: отъ темнокроваго, отъ краснокроваго, отъ смутнаго, отъ развутнаго и т. д. Утренняя заря—Дѣва Марія, вечерняя заря—Маремъяна, прійдите Вы къ намъ, въ нашу пользу, къ рабу мваденцу мвадому (имя рекъ)». При этомъ заговорщица (таковыми обыкновенно бываютъ женщины, а мужчины заговорами надъ маленькими не занимаются) береть въ руки вѣникъ (заговоры чаще всего проиходить въ жарко натопленной банѣ) и имъ, предварительно политымъ начертанной девять разъ ковшемъ водой, парить слаженного приговаривая: «Зевеная вичка, зевеная травичка, повезная, освященная святою росою, такъ же и рабъ мваденеть (имя рекъ) очищайся моими рѣчами». Стоить только послѣ этихъ словъ попарить ребенка, побрызгать его водой, раза два-три дунуть и... ребенокъ здоровъ. Всѣ заговоры кладутся какъ на маленькихъ, такъ на большихъ и на порченыхъ.

III.

Домоустройство. — Пища (брата, черниль, кумышка). — Социальное и семейное положение женщины.—Полеводство, коневодство, скотоводство, рыболовство и другие промыслы (охота, талисманъ, магнитъ). — Народное образование.

Еще недавно пермяки жили гораздо дружнѣе. Семьи по 30 и по 40 чел. были не въ рѣдкость лѣтъ 25 назадъ. Теперь этого уже, за самыми

рѣдкими исключеніями, нѣть. Говорить, въ то время пермяки жили богаче. Браки играютъ адѣль большую роль. Изслѣдованіе причинъ раздѣловъ убѣждаеть въ темъ, что они начинаются тотчасъ послѣ свадебъ. Вольная девушка, понавъ въ тяжелые тиски семейной жизни, всячески старается сбросить ихъ. Если ея мужъ дѣйствительно привязался къ ней, то при посредствѣ мужа, а если не такъ, то своею сварливостью она достигаетъ того, старшіе родственники говорятъ: «надо дѣлиться». Получивъ по рѣшенію ближайшаго схода усадьбу для нового дома и закупивъ потребное количество лѣса, приступаютъ къ постройкѣ дома. Дѣло постройки, какъ и всякое серьеziное, начинается молитвою. Молятся только семейщики у себя въ домѣ, а помолись идуть на работу—рубку стѣнъ. Первый ударъ по дереву принадлежитъ тому, для кого строится домъ. Щепа, отлетѣвшая отъ первого удара, берется ударившимъ и, до времени, хранится дома. Дальнѣйшая постройка происходитъ какъ веalъ: подкладываютъ фундаментъ и въ тоже время рубятъ срубы. Когда срублены срубы, ихъ начинаютъ кладь на мѣсто, причемъ, когда положенъ вѣнецъ, развязающійся съ поверхностью пола, работы простоянавливаются и назначается «окваль». Приглашаются священники, и послѣ молебна и освященія зданія всѣмъ участникамъ работы и приглашеннымъ предлагается угожденіе. При наложеніи на фундаментъ первого вѣнца, въ красномъ углу кладется домохозяиномъ, до этого времени тщательно сохраняемая имъ, первая щепа и колѣйка или больше, въ зависимости отъ богачества. Когда срубы выведены подъ потолокъ, наступаетъ самое важное дѣло въ постройкѣ: подъемъ матицы *). Заготовленное для матицы и надлежащимъ образомъ обдѣланное бревно подымается на мѣсто такимъ образомъ: сначала его слегка приподымаютъ по стѣнѣ, а затѣмъ къ срединѣ матицы лаптевыми опоясками привязываютъ завязанный въ бѣлый холстъ рыбный пирогъ (символъ будущаго довольства домохозяина); если ни у самихъ хозяевъ, ни у сосѣдей нѣть рыбы, то довольствуются и мяснымъ пирогомъ. Матицу осторожно, чтобы не смять и не раздавить пирогъ, вѣстѣ поднимаютъ кверху и кладутъ съ деньгами и шерстью, чтобы было довольство и скотъ въ домѣ водился, въ заблаговременно приготовленное гнѣздо. Всѣ молятся Богу; кто-нибудь изъ искусствниковъ идетъ на заработокъ за широгомъ, холстомъ и опоясками. Пирогъ достается такъ: кто-нибудь влѣзаетъ (безъ лѣсовъ и подставокъ по красному углу на самый верхъ его) и тамъ, помолись Богу, начинаетъ совершать слѣдующее путешествіе. Онъ идетъ по одному бревну по-солонъ до слѣдующаго угла, гдѣ такъ же молится; затѣмъ, тѣмъ же цорядкомъ въ тре-

* Матица—это бревно, которое проходитъ по срединѣ комнаты и на которомъ укрѣпляются потолковыя доски. Она должна быть очень крѣпкой, чтобы вынести не только давленіе этихъ досокъ и земли, насыпаемой въ ѿщицу отъ холода, но еще и служить связью между стѣнами.

жай уголь я оттуда къ красному же углу. На срединѣ дороги ему попадается матица — она идетъ по ней, снимаетъ пирогъ я, положивъ его на голову и все время придерживая его на ней лѣвой рукой, отправляется вновь къ красному углу. Здѣсь, закончивъ полный кругъ и все еще держа пирогъ на головѣ лѣвой рукой, она молится Богу, а послѣ этого снимаетъ пирогъ и слѣзаетъ внизъ по углу. Работа эта — доставанье пирога очень серьезна. Наградой за труды для ловкача служатъ: холстъ и отояски — покромки. Самый же пирогъ идетъ въ общий кругъ, т. е. дѣлится между всѣми работниками. Послѣ пользованія матицѣ никакихъ въ этотъ день работъ не бываетъ. Хозяинъ угощаетъ всѣхъ и самъ со всѣми угощается.

При разрѣшеніи вопроса о поселеніи хозяевъ въ новомъ домѣ необходимо считаться съ двумя обстоятельствами: и себя не обидѣть, и близкому человѣку порадѣть. Если, при переселеніи, у васъ будетъ затоплена печь раньше, чѣмъ у оставшихся, это хорошо: вы будете жить безбѣдно. Зато плохо бываетъ запоздавшимъ. Этотъ вопросъ вызываетъ много хлопотъ съ обѣихъ сторонъ и обыкновенно, разрѣшается такъ. Хозяйки обонхъ домовъ въ одинъ часъ заводятъ квашенки, каждая въ своей, такъ какъ печь имъ придется уже въ разныхъ печахъ, и, какъ только заведутъ, даютъ имъ подняться, «вздохнуть». Дѣло это происходитъ поздно вечеромъ. Ровно въ полночь новая домохозяйка беретъ свою квашенку, а впереди становится ея хозяинъ съ иконою, сзади кто-либо изъ домашнихъ съ чернымъ пѣтухомъ и таковою же курицей, а если есть еще кто изъ близкихъ, такъ тотъ беретъ съ собой кота (тоже желательнъ черный). Вся процессія движется въ путь. Вшедший въ новый домъ хозяинъ ставитъ въ передній уголъ икону и опрометью бросается открывать печную трубу; хозяйка такъ же поскорѣе ставитъ квашенку и начинаетъ разводить огонь. Все дѣло заключается въ томъ, чтобы затопить печь скорѣе. Кто раньше затопилъ, тотъ будетъ богаче и счастливѣе. Но тутъ-то и сказываются обоюдные хитрости домохозяевъ. Хватается одинъ изъ нихъ за вышки — не тутъ-то было: никакъ достать не можетъ. Да оно и не диво. Противникъ его еще утромъ вѣльѣ своему малолѣтнему сынишку незамѣтно прокрасться въ избу и положить вышки ушками книзу. Вотъ теперь и добывай ихъ, а квашенка подымается хорошо, только бы истощить печку и хлѣбы садить можно. При уходѣ въ новый домъ семья оставляетъ въ старомъ свои старые лапти для сусѣдки. Затѣмъ, приглашаетъ его идти съ собою: «сосѣдушко, братанушко, иди съ нами жить на новоселье». Въ новомъ домѣ открываютъ подполье, чтобы онъ могъ свободно пройти къ себѣ. Остающаяся семья, боясь, чтобы спорина въ хлѣбѣ и во всемъ другомъ не перенесла въ новый домъ, принимаетъ для этого свои предупредительныя мѣры: она надѣваетъ на себя шубы, предварительно вывернувъ ихъ наружу шерстью;

на руки одѣваютъ теплые шубинцы (рукавицы), а за голову шапку. Разряженная такимъ образомъ семья сидитъ на лавкахъ и не встаетъ съ нихъ, пока выселяющіеся не выселятся совсѣмъ. Новоселы, чтобы къ нимъ какъ-нибудь въ домъ не попала кикимора—отчаянная блудни, тошнить пачь оставшимися отъ постройки дома щепками. Когда щенки израсходуются, кикимора отойдетъ отъ дома и не будетъ нарушать спокойствія живущихъ.

Самыя избы и деревни ничѣмъ не отличаются отъ великорусскихъ; между бѣлыми язбами очень часто попадаются и черныя, курныя. Деревеньки чаще всего располагаются не на горѣ, а подъ горой, почему грязь въ деревняхъ, особенно весною и осенью, непролазная. Самая деревня расположена или просто нагромождена домами безъ всякаго порядка; никакихъ иныхъ соображеній, кроме своихъ собственныхъ, не признается. Окна у большинства избъ (въ глухихъ пермяцкихъ мѣстечкахъ) дѣлаются во дворъ, а не на улицу. Такое устройство удобно, конечно, въ хозяйственномъ отношеніи: хозяева во всякое время видятъ все, что творится на скотномъ дворѣ; за то въ избахъ очень мало свѣта, да и воздухъ, попадающий лѣтомъ въ избу, сильно насыщенъ ароматами скотного двора. Въ настоящее время въ оконные рамы почти вездѣ уже вставляются стекла, а все-таки еще попадаются окна не съ стеклами, а съ заслонками изъ бычьяго пузыря или бычьей брюшини («сырецъ»). Каждый хозяинъ обноситъ свою усадьбу плотнымъ заборомъ, а иногда и тынникомъ. Въ этомъ-то, скрытомъ отъ взоровъ, заплотѣ построенъ домъ, такъ что проѣзжій положительно не видитъ въ деревнѣ ни одного дома, а все только заборы, дѣлаемые иногда настолько высокими, что изъ-за нихъ не видно даже крыши. Крыши домовъ тесовая и этимъ пермяцкая деревня рѣзко отличается отъ великорусскихъ нерѣдко соломенными деревень. Только этимъ обстоятельствомъ можно объяснить малочисленность здѣсь деревенскихъ пожаровъ, несмотря на то, что сами пермяки крайне неаккуратны въ обращеніи съ огнемъ. Всѣ надворныя постройки также тесовые, равно какъ и масса гуменъ. Потолокъ, за самыми рѣдкими исключеніями, замѣняетъ собой крышу; входные двери до крайности узки и низки. Неподалеку отъ избы помѣщается баня, похожая болѣе на курятникъ или собачью конуру. Почти всѣ бани курныя, съ землянымъ поломъ. Внутри каменка и лавка для мытья; полки бываютъ рѣдко, да и помѣстить ихъ въ банѣ положительно некуда. Въ низкихъ банахъ мыться можно только сидя. Мыло и въ банѣ не употребляется и идетъ исключительно при стиркѣ бѣлья. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ моются особаго рода глиной («землянымъ мыломъ»).

Во многихъ деревушкахъ выстроены часовенки, по виду и по размѣрамъ, напоминающія небольшія церковки. Каждая деревня строить часовню въ честь своего собственного деревенского святого, и онѣ высоко чтутся пермяками. Въ дни чествованія именъ этихъ святыхъ здѣсь зачастую происходить вакханалии.

Всъмъ хозяйствомъ въ домѣ заправляеть на большай, если только она еще въ силахъ, а если нѣть, то старшай по ней невѣстка. Она готовить кушанья и питье; она же наряжаетъ на работу другихъ женщинъ.

Пермяки любять пойсть хорошо и разнообразно. Мясо-солонина и рыба, тоже соленая, какъ наиболѣе дешевая, въ рѣдкій день не появляются за столомъ мало-иальски сможнаго пермяка. Зато, если въ донѣ нѣть ничего, такъ пермякъ умѣеть изготавливать кушанья изъ ничего. Весною посыпаетъ всѣхъ бабъ и ребятъ въ паровое поле собирать пестики. Пестиками называется полевой хвоющъ; онъ выходитъ изъ земли, очень рано и собирать его надо въ самомъ раннемъ возрастѣ, пока онъ не размѣтился, не распушился; въ противномъ случаѣ онъ теряетъ свой вкусъ. Пестики ёдять въ яичницаѣ, въ широгахъ и отваренными въ круто-посоленной водѣ. Изъ травъ въ большемъ почетѣ такъ же пиканы. Это тѣ самые дудки, что растуть въ каждомъ огородѣ я на поляхъ и изъ которыхъ многіе изъ насъ въ дни юности прыскали водой. Изъ пиканъ приготовляютъ только два кушанья: варять въ водѣ и ёдять ихъ горячими, круто подсаливая, или квасить и ёдять холодными съ квасиной. Зашахъ у пикановъ неважный, и въ мѣстахъ не пермакихъ ихъ кладутъ въ кадки, изъ которыхъ берутъ воду для поливки огорода, такъ какъ настоящая на пиканахъ вода хорошо помогаетъ отъ блохъ, истребляющихъ капустную и другую росаду.

Такимъ образомъ, пермяки весной нуждаются, въ крайности, въ очень немногомъ. Зато въ дни довольства у нихъ достаточно всего изъ явствъ. На первомъ мѣстѣ здесь слѣдуетъ отмѣтить чисто пермяцкія—кушанье «пельняни» и питье—брагу.

Я поставилъ слово «пельняни» въ ковычкахъ не зря. До сихъ порь тысячи людей кушали и говорили про это кушанье, а название его перевирили самымъ разнообразнымъ образомъ. Такъ, Немировичъ-Данченко пишетъ въ своемъ сочиненіи «Кама и Ураль», 1890 г. стр. 505: «Твой гость. Назадъ поѣду, приверну.... Ужъ и пермянами я тебя тоды угощу». Совсѣмъ недавно въ газѣтѣ, издающейся въ Пермской губерніи, коренной корреспондентъ изъ г. Перми пишетъ такъ: «пермянами они называются потому, что придуманы пермяками». Никогда такъ ихъ не называли. Правда, кушанье это чисто пермяцкое, но ничего съ пермяками, точнѣе, съ ихъ именемъ, общаго не имѣеть. Слово «пермяне» не существуетъ, какъ это совершенно вѣрно разъяснилъ г. Роговъ, а есть слово «пельнянь», что по-руссски значить хлѣбное ухо (пель-ухо, наинь-хлѣбъ). Тѣ, кому приходилось кушать пельняни, знаютъ, что по формѣ своей они напоминаютъ ухо. Пельняни — традиціонное кушанье пермяковъ, и безъ него они дорогого гостя не встрѣтятъ и не проводятъ.

Кушанье это весьма распространено по Сибири, часто встречается и у насть русскихъ, только мы ъдимъ его совершеню не по-пермяцки. Пельняни дѣлаются рѣшительно изо всего: мяса, рабковъ, рыбы соленої и свѣжей, капусты, и проч. Способъ приготовленія ихъ чисто пермяцкій описанъ уже Роговымъ и я, пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что изданіе его теперь уже почти библіографическая рѣдкость, дѣлаю изъ него выдержку. «Пельняни дѣлаются изъ очень небольшихъ, круглыхъ, ячныхъ сочней и свиного, разведенаго водой, фарша. Сочней перегибается и защищается по краямъ. Получается пирожокъ, который съ прямого края выгибается дугой на большемъ пальцѣ, отъ чего первоначальная форма его—правильный полукругъ—измѣняется въ другую, схожую съ ухомъ человѣка. Для употребленія пельняни варятся въ водѣ». Въ одномъ только я не согласенъ съ почтеннымъ авторомъ. Онъ говорить: «ѣдятъ руками, безъ уксуса». Пельняни всегда и у всѣхъ єдять съ домашнимъ уксусомъ, приготавливаемымъ изъ-подъ пива. Въ болѣе зажиточныхъ домахъ въ уксусъ насыпаютъ, по вкусу, перецъ. Пельняни вкусное и сытое кушанье; они тѣмъ вкуснѣе, чѣмъ мельче изрублена заправка—фаршъ. Въ виду этого послѣдняго обстоятельства, даже лѣнивый пермякъ, какъ только дѣло доходитъ до рубки фарша, беретъ въ руки мясоное корыто и усердно рубить въ немъ до тѣхъ поръ, пока фаршъ не превратится въ совершенно однородную полужидкую, отъ разведенія его водой, массу.

Какъ нелегко пермяку обойтись безъ пельнянѣй, такъ же точно трудно ему обойтись и безъ браги. Первые составляютъ, конечно, роскошь, хотя капустные и не дорогую, а вторая уже замѣняетъ собою насущный хлѣбъ, и очень часто многія семьи въ недородѣ если не умираютъ съ голоду, такъ только благодаря ей. Вотъ какъ Роговъ описываетъ ея изготавленіе и потребленіе. «Обыкновенное питье пермяковъ составляетъ брага. Ненѣмѣніе браги—немалое несчастіе для пермяка. Лишившись возможности пить брагу, пермякъ впадаетъ въ состояніе, подобное тому, въ какомъ находится почитатель водки, когда не можетъ средствъ удовлетворить своей страсти. Брага приготавляется изъ «брожнаго солода», который дѣляется изъ одной части ржаного солода и шести частей овса, по вѣсу. Брага бываетъ жидкай и густая. Жидкая брага употребляется всегда холодная. Она замѣняетъ у пермяковъ русскій ржаной квасъ, почему и называется иначе квасиною (казерь-ырошь); получается она, когда насолоду (брожній заторъ) разводятъ болѣшимъ, противъ густой браги, количествомъ воды, или когда, послѣ полученія густой браги изъ насолоды, еще разводятъ ее водой во второй разъ. Первымъ способомъ приготавлиаютъ квасину бѣдилки, по ненѣмѣнію въ достаткѣ «брожнаго» (солода), послѣдніи—зажиточные. Густая брага составляетъ состояніе питье зажиточныхъ пермяковъ, дѣляется теплая и холодная; бываетъ тѣмъ гуще, чѣмъ богаче пермякъ. Она чрезвы-

чайно питательна: напившись густой браги, пермякъ ёсть очень мало хлѣба. Отъ прибавленія хмѣля или хлобка тѣста, замѣшанного на хлѣбномъ винѣ, брага получаетъ опьяняющее свойство, и въ этомъ видѣ особенно уважается пермяками. На густую брагу очень много тратится овса и ржи. Если брага должна быть холодная (водить), то, послѣ процѣживанья, сквасивъ ее нѣсколько, выносить лѣтомъ на ледникъ, зимой въ прохладное мѣсто, въ подполницу. Теплая брага (шонить ырошь) получается, если, послѣ приготовленія, ставить ее къ ночи на печь въ плотно завязанной корчагѣ; здѣсь она укинаеть и становится очень крѣпкою. Ее дѣлаютъ только къ праздникамъ, къ помочамъ, къ свадьбамъ, къ поимѣнкамъ, къ важнымъ, рабочимъ днямъ—всегда хмѣльную. Оставшаяся къ другому дню и выстуженная, теплая брага называется споремкой. Страстные любители теплой браги, мужчины и женщины, приготовляютъ ее, кроме праздниковъ, на всякий воскресный день: по утру на шесткѣ, во время топки печи, подогреваютъ брагу, и съ обѣда, который бываетъ въ 9 часовъ утра, распиваютъ ее до вечера. Конечный результатъ такого наслажденія—совершенное охмѣленіе. Иногда теплую брагу дѣлаютъ съ кононланой куглиной (шелухой сѣмянъ); такая брага очень хмѣльна, или, лучше, какъ выражаются пермяки, дурна, потому, что отъ нея, говорятъ они, «поди дурять». Она производить сильное головокруженіе. И холодную и теплую брагу пьютъ въ большемъ количествѣ, особенно въ мѣстные праздники—болѣе полуведра на человѣка въ день». Къ этому, съ своей стороны, могу добавить, что, по вѣнчаному своему виду, брага холодная напоминаетъ собою вѣщи кислые ши; она весьма пѣнина и въ лѣтніе жаркіе дни незамѣтна, такъ какъ не только утоляетъ жажду, но въ тоже самое время и кормить человѣка. Прѣтомъ своимъ она напоминаетъ ополоски, получаемыя при житьѣ чайного стакана, когда чай былъ налитъ съ молокомъ. Густота браги, хотя и зависѣть отъ бражного, но въ среднемъ всегда одинакова, и рѣдко бываетъ гуще пивнаго сусла. Холодная или, какъ здѣсь называются, «коведнія» брага замѣняетъ мнози не только питье, но и ёду. Я лично наблюдалъ недородъ; почти граничащий съ голодомъ и благополучно минувшій, лишь благодаря брагѣ. Нельзя сказать того же про особенную уважаемую теплую брагу; она замѣняетъ съ успѣхомъ водку, такъ какъ пермяки нынѣ изощрились и прибавляютъ въ нее при заквашиваніи водку, спиртъ и даже ромъ. И потому, что теплая брага пьется, рѣшительно во всякое время года, днія и ночи и рѣшительно всѣми и старыми, и малыми и грудными дѣтьми, то состояніе, въ какомъ обыденно находится пермякъ, нельзя не признать подупьянымъ. Такое состояніе не можетъ не отзываться на пермякахъ, и наружный видъ пермяка всегда какой-то тупой, апатичный. Бѣдные пермяки, ни имѣя возможности выпивать въ брагу, для большей ея хмѣльности, водку и спиртъ, все же хотятъ отчасти

достигаютъ большей ея хмѣльности опусканиемъ въ нее на время броженія горсточки изюма или агодъ изъ подъ домашней настойки.

Безъ браги и пельниной существованіе пермяка какъ будто немыслимо; почти въ той же мѣрѣ оно не мыслимо и безъ двухъ другихъ атрибутовъ пермяцкаго существованія: чернины и кумышки. Чернины, по-русски рыбный пирогъ, составляеть, во первыхъ, принадлежность каждого пермяка порядочнаго человѣка; во вторыхъ, оть составляеть неотъемлемую принадлежность и всякаго рода веселыхъ, серьезныхъ и печальныхъ торжествъ. Наконецъ, оть особенно вкусно пермяками готовится—это тоже немаловажно. Рыбный пирогъ приготовляется рѣшительно изъ всѣхъ видовъ рыбы, но чтобы пирогъ быть надлежаще вкусенъ, пермяки отнюдь не счишаютъ съ рыбы чешую и, кто, по не знанію и не разсмотрѣвъ этого обстоятельства, начнетъ жевать взятую рыбу, тотъ долго послѣ будетъ выплевывать рыбы чешуйки. Пирогъ готовится чаще всего въ черномъ или ячномъ тестѣ и рѣжется не кусками, а съ него снимается верхняя корка и рыба достается изъ полученнаго отверстія: такого рода рѣзкой достигается сохраненіе рассола.

У пермяковъ, какъ и вообще у русскихъ, усердно соблюдаются правило: «рыба плавала». Для того, чтобы она могла наслаждаться своей стихіей и въ загробной жизни, пермяки приготавливаютъ и шьютъ свою кумышку-своедѣлку. Кумышка это та же водка, но только неочищенная. Тѣмъ, кому извѣстенъ вредъ смущаго масла, легко сознаютъ, какой вредъ приносить эта кумышка, при ежедневномъ ея употребленіи. Крѣпостью своею кумышка мало отличается отъ обыкновенной водки, хотя некоторые мастера изготавливаютъ ее % на 60, а то и болѣе. Съ способомъ ея изготавленія ознакомиться не трудно (тѣмъ болѣе, что и припасовъ для ея изготавленія требуется немного, я всѣ они подъ рукой). Вотъ какъ готовится кумышка—шандара, или своедѣлка, или курытъ-ва (горькая водка). На пудъ рожаной муки и два фунта хорошаго хмеля берется такое количество воды, чтобы, при размѣшиваніи, получилась полужидкая масса. Эту массу на сутки ставить париться, заквашиваться въ печь въ большихъ корчагахъ. Заквашивание должно происходить въ вольномъ жару. Полученную на другіе сутки барду сливаютъ въ чугунные котлы, и эти котлы ставить на огонь, закрывъ верхъ ихъ деревянной крышкой. У одного изъ краевъ этой крышки сдѣлано круглое отверстіе, съ вершокъ въ диаметрѣ; въ это отверстіе вставляется медная или желѣзная трубка, согнутая на подобіе французской буквы S. Второй конецъ трубы вставляется въ глиняную корчагу, также закрытую деревянной крышкой съ отверстиемъ въ ней для трубы. Какъ корчага, такъ и трубка держатся или обложеннымъ холодными и мокрыми тряпками, или (если есть проточная вода) въ холодной водѣ. Благодаря такому несложному устройству прибора, пермяки выгоняютъ съ пуда муки одну четверть крѣпчайшей до 80% водки, такъ

называемой «съ носка», и столько же % въ 40—45. Такъ какъ свой хлѣбъ пермяки для себя на деньги не перекладываютъ, такъ какъ дрова еще, относительно говоря, недороги, то главную цѣну своеейки составляетъ хмель. Но и хмель недорогъ. Поэтому, кумышка, какъ выгодный, крѣпкій и быстро пурпурящій продуктъ, господствовала раньше, да иныче очень въ ходу. Съ поднятымъ цѣнѣ на вино, она играетъ прямо-таки выдающуюся роль. Всѣ кары за производство кумышики бессильны, такъ какъ пермяки исчислили математически, что выгоднѣе попадаться и варить кумышку, чѣмъ, не попадаясь, покупать вино въ лавкахъ.

За исключеніемъ вышеупомянутыхъ яствъ и пѣтїй у пермяковъ наблюдалась и вся та пища и питье, что имѣется и у насть, русскихъ. Но то, что пермякъ есть повседневно, русскіе ёдятъ лишь въ большие праздники. Въ этомъ да въ деревянныхъ крышахъ пермяки обогнали чась на-миого.

Кухонная посуда, употребляемая пермянками для изготоенія кушаній, почти ничтвъ не отличается отъ нашей и упомянуть разѣ только о плетенныхъ изъ иловыхъ вѣтвей корамикахъ, имѣющихъ видъ плоской шляпы. Въ нихъ скатанный хлѣбъ-тѣсто поднимается на печѣ и приобрѣтаетъ круглую и правильную форму. Сѣвка для маса имѣется, конечно, въ каждомъ домѣ, такъ какъ безъ нея нельзя приготовить пельменей.

Если мы всмотримся въ полуиракъ избушки, то замѣтимъ, что въ избѣ, кроме глинобитной печи, занившей чуть не третью избы, имѣются палаты, въ красномъ углу иконы, а по стѣнамъ лавки. Въ этой избѣ, пространствомъ до двухъ сажень въ квадратѣ, помѣщаются отъ двухъ до двадцати и болѣе человѣкъ. Здѣсь спать и ёдять все вмѣстѣ, все наружу.

Женщины у пермяковъ мало приносить дохода, кроме чисто семейнаго. Правда, они покоятъ мужьямъ въ отработкѣ полевыхъ работъ, но такъ неумѣло, что только дивиться стоять. Вотъ, напримѣръ, вышли люди на работу—на сѣнокость. Всюдѣ люди идутъ и косятъ, а какъ только коса притупилась—точить ее. Совсѣмъ не то здѣсь. Баба ложится на траву и ждетъ, когда къ ней подойдетъ ея благовѣрный или родственникъ, чтобы взять косу и наточить ее. Конечно все по дому исправляется женщиной, да только не-многое ей и исправлять-то. Все, что потребно для насыщенія, уже приготовлено ея мужемъ, отцемъ или братомъ; остается сострипать—это для женщины и нетрудно и необременительно. Изъ остальной женской работы на пермянкахъ, глачи, обр., лежитъ шитье и приготовленіе одежды. Для приготовленія ея обыкновенно засѣваются до пуда льна. Ленъ не полетѣ, а что уродилось, за то и Бога благодарятъ. Пермянки всецѣло живутъ на то, что или заработала мужъ, или на то, что безъ помощи мужа и ея уродилъ въ поляхъ и лѣсахъ самъ Господь Богъ. Въ свободное зимнее время какъ дѣвушки, такъ

и женщины ткуть домашний холстъ для себя и домашнихъ и—ужь совсѣмъ отъ нечего дѣлать—для продажи. Въ каждой волости найдется нѣсколько искусицъ по части тканья опонясокъ, и—далыше пермяки не пошли.

Пожалуй, не многимъ больше придется сказать я о пермякахъ, разъ коснешься ихняго только домашняго, а не полевого хозяйства. Все, что излагается сдѣлать пермяку въ домѣ, ограничивается мелкими домашними подѣлками и рубкой фарши для пельянинъ. Что же касается полевыхъ работъ, то пермякъ абсолютно земледѣлецъ: дѣлаетъ здесь, при своихъ скучныхъ средствахъ, не только необходимое, но и многое. Все, чѣмъ только существуетъ пермякъ, хлѣбъ: Его урожай—пермяцкое богатство, неурожай—пермяцкое несчастье, при крайней неприспособленности пермяковъ къ борѣбѣ съ нимъ. Никакой специальной работы у нихъ нѣть. Никакого ремесла у пермяковъ не имѣется уже потому, что и изучать-то его не у кого. Все, что только употребляется у пермяковъ, все покупное, все привезенное—до крестьянского извѣснаго гвоздя включительно. Своего ничего нѣть. Подковы, телѣжные хода и т. п., все приобрѣтено и приобрѣтается отъ вятскихъ кустарей за недешевую плату. Никто и никогда пермяковъ никакимъ ремесломъ не училъ, никакихъ ремесль ени до сего времени не знаютъ и безъ помощи, безъ указанія, никогда имъ не научатся.

Земледѣліе у пермяковъ находится почти въ первобытномъ состояніи, не смотря на то, что безъ земледѣльства пермякъ немыслимъ, и на это дѣло онъ не жалѣть ни труда, ни денегъ. Немало вредить сельскому хозяйству и полисе* пренебреженіе пермяка къ чужимъ интересамъ. Всѣ поля у пермяковъ, во изѣжаніе потравы ихъ скотомъ, огорожены. Иначе имъ поступить нельзя, такъ какъ даже до такой несложной мысли, какъ: не лучше ли и не выгоднѣе ли вмѣсто городьбы держать скотину при пастухахъ, они не додумались. Надо замѣтить, что изгороди городятся всѣми хозяевами извѣстнаго поля по расчету, кому сколько сажень приведется. Вотъ здѣсь-то и открывается просторъ для злоупотреблений и для доказательства пренебреженія пермяковъ къ чужимъ интересамъ. При недобросовѣтномъ отношеніи со стороны сосѣдей, мало-мальски злитечный человѣкъ, помимо общей изгороди, огораживаетъ свое поле еще и со всѣхъ другихъ сторонъ. Страшная черепашолосица, существующая у пермяковъ, дѣлаетъ то, что въ одной деревнѣ бываетъ отъ трехъ + четырехъ до семи-восьми полосъ и каждую полосу, во изѣжаніе потравъ, слѣдуетъ огордить. Когда вы проѣзжаете по Иавинскому краю, то видите сплошной переплетъ изгородей. Одинъ изъ пермяковъ вычислилъ, что всего въ одной только Юсевинской волости 2.500 тысячъ сажень изгороди. Считая стоимость изгороди только въ 80 коп. за полторы сажени, причемъ изгородь будетъ обыкновенной высоты въ 8 жердей, оказывается, что на городьбу полей въ этой волости затрачено немногого-немало, какъ 1.500,000 рублей. Принявъ во

внимание то обстоятельство, что изгородь держится не больше 10 лѣтъ, т. е. въ теченіе этого времени должна быть обновлена, приходится вывести такое заключеніе: Юсьвинская волость на городьбу подѣй ежегодно тратить 150.000 руб. и всестаки изъ-за потравъ сминаетъ плохой урожай. И едва ли стоимость изгороди не выше цѣнности земель этой волости. Тоже самое и въ другихъ волостяхъ, если только не въ высшей степени. Пермяки знаютъ, что неудобренная земля родить плохо, и они не жалѣютъ ни времени, ни труда на удобрение земли. Они усердно навозятъ землю, и рогатый скотъ держать почти для навоза. Они рубить въ болотахъ болотную кочку, сушать и пережигаютъ ее, удобрая земля такою перегорѣлой кочкой. Они удобряютъ землю всякимъ отбросомъ: пшеницей, костами и ночнымъ золотомъ. Словомъ, дѣлаютъ все, что только можно сдѣлать, а земля все родить плохо. А виновата-то всестаки не земля, и это знаютъ и сами пермяки; только иначе-то они относятъ не туда, куда слѣдуетъ. Они воображаютъ, что урожай стали плохи отъ того, что попы рѣдко служить молебны, что сами они, пермяки, согрѣшили. Между тѣмъ, у пермяковъ нѣть ни плуга, ни породочной бороны, ни пониманія, что не масса зеренъ родить хлѣбъ, а качеству зеренъ. Жалкій рабынъ замѣняетъ плугъ. Глубоко ли она входить въ землю. Онь только чешетъ ее, да и то неровно. На каждую десятину земли высѣвается масса сѣмянъ, а именно: отъ 10 до 12 пудовъ ржи, отъ 25 до 30 пудовъ овса, отъ 15 до 18 пудовъ ячменя; ишеплица же сѣвается, какъ и рожь. Громадность цифръ поразительна. Не всѣ сѣмена вводутъ, часть ихъ погибнетъ безъ выхода только потому, что сѣмена не были отсортированы и не могли бы, при иныхъ условіяхъ, быть посѣяны. Что подборъ зеренъ необходиимъ, это сознаютъ и пермяки; многое семей (женщины и старики) цѣлую зиму заняты выбираниемъ полновѣсныхъ зеренъ для предстоящаго весеннаго посѣвна. Молотьба производится въ гумнахъ на земланомъ теку.

Слѣдомъ за землепашествомъ у пермяковъ идетъ коневодство. Пермяковъ-бездонщиковъ крайне мало; зато такихъ, у кого имѣется нѣсколько взрослыхъ лошадей и нѣсколько подростковъ — и не оберешься. Впрочемъ, лошади — мелочь, худоба и полнѣйшая изнуренность. Скотъ содержится или на злакомъ сѣнѣ или на яровой соломѣ. Причиной тому служитъ слишкомъ малое количество сѣнокосныхъ угодий, съ одной стороны, и логоня пермяковъ за количествомъ, а не за качествомъ скота, съ другой. Притомъ, здѣсь желаютъ какъ можно скорѣе использовать работоспособность животнаго. Многіе хозяева держать по-многу лошадей только потому, что яровую солому дѣвать некуда, а на ней все же хоть и худенькая лошаденка вырастаетъ. Пока растетъ — навозиться и кой-что по домашнему обиходу дѣлать помогаетъ, а подросла, глянь — въ нужную пору ее и по-боку, ань подати-то уплачены, свадьба исправлена,

сына въ солдаты снарядили и много разныхъ другихъ удобствъ приносить личная ничего несоящая лошадь. Про удобный скотъ нельзя и говорить, разъ называешь его рогатымъ. Скотъ пермяковъ весь комолый. Говорить, что онъ смирилъ, и комолая скотина никого поранить не можетъ и поэтому безопаснѣе рогатой. Пермяки держать иногда до 12—15 коровъ и бычковъ съ подростками; разумѣется, это бываетъ въ годы урожайные и богатые яровой соломой. Молока мало употребляется въ пищу, оно квасится, съ него собирается сметана въ какую-либо посудину и, когда посудина полна, бьется масло. Сметана, за время ея сбиранія, отъ времени горкнетъ, плѣсневѣеть, и масло получается невкусное и горькое. Кроме того, я при большемъ количествѣ скота масла получаю такъ мало, что лучше говорить объ этомъ продуктѣ крестьянского хозяйства. Вѣдь крестьяне не держать пастуховъ при скотѣ, а оставляютъ его на волѣ и въ силу необходимости должны отпускать его въ лѣсъ. Придетъ корова домой, ее подоять. Нѣть—можеть быть завтра будетъ. Не пришла дни три, надо поискать—не равно на грѣхъ—звѣрь задавилъ. Чаще всего ее находятъ, затрачивая на поиски немало дорогого лѣтнаго времени; но и отъ найденой проку мало—молока уже нѣть. Зимою же бабы-пермяки доять неохотно, говоря, что отъ морозу руки трескаются. У пермяковъ находится въ изобилии и другой скотъ: овцы, свиньи, отчасти козы. Голодная скотина употребляетъ всѣ мѣры, чтобы удовлетворить чувство голода; она перепрыгиваетъ, разворачивается изгороди и идетъ въ хлѣбныя поля. Видя попрошѣ своихъ правъ, пермякъ не церемонится со скотомъ. Онъ хватаетъ топоръ или вилы и преспокойно бросаетъ первое или тычетъ вторымъ. А присмотритесь къ пермяку поближе, и вы увидите, что на самомъ дѣлѣ онъ любить скотъ, только ходить за нимъ не умѣть. Кроме скота, пермяки держать помногу птицы: курь, индошекъ, гусей, утокъ. Множество рѣчекъ, пересѣкающихъ пермяцкій край, даетъ удобства для вскармливанія гусей и утокъ. За ними только и призору надо, что зимой и ранней весной выпустить на волю. Дажѣ выросшую птицу пермякъ не умѣть использовать: онъ не несетъ ее на торжокъ, а кушаетъ самъ. Рыбчики употребляются каждымъ, кто только умѣть владѣть ружьемъ; продажа же ихъ ничтожна.

Вообще пермякъ не знаетъ, какъ использовать себя, не знаетъ онъ во многихъ еще мѣстахъ и соразмѣрности между трудомъ и деньгами, такъ какъ трудиться за деньги ему не приходилось.

Кроме хлѣбопашства и домашнихъ промысловъ, пермяки занимаются еще промыслами случайными: охотой, рыболовствомъ, пчеловодствомъ; кустарными: изготовлениемъ домашней деревянной посуды, мѣстныхъ полевыхъ орудій и т. п.

Вообще охотниковъ среди пермяковъ немного, да и до охотниковъ зрянь имъ далеко. Пермякъ-охотникъ стрѣляеть дичь (звѣря почти не бьеть,

за исключениемъ куницы и бѣлки) только въ томъ случаѣ, когда она сидѣть измѣстѣ, когда его ружье извѣрника донесеть дробь, т. е. сажень за 10—15 и когда дичь сидѣть не одна, а въ кучкѣ; несть остальныхъ въ розницу бѣть только рабка, да и то осеню, т. е. когда его легко сохранить до заморозковъ и предстоять возможность взять хорошую цѣну. Крупнаго звѣря пермякъ избѣгаетъ, онъ его боится.

Ни одинъ охотникъ не пойдетъ на охоту и до днѣсъ, разъ онъ не имѣть талисмана. Изъ талисмановъ охотничихъ укажу на одинъ. Документъ ниженаписанный и очень старъ, и очень испытанъ. Онъ взять можно отъ внука охотника, носившаго этотъ талисманъ. Дѣло въ томъ, что далеко не всѣ пермяки грамотны, а каждому изъ нихъ лестно имѣть заговоръ, поэтому неграмотные заставляютъ таковые списывать и носить записки у себя запазухой. Вотъ экземпляръ одного изъ такихъ «нощенныхъ» заговоровъ.

«Господи Иисусе христе Боже нашъ Помилуй насть.

Господи Боже благослови стану я рабъ божій благословесь, и пойду перекрестясь изъ избы во двѣри изъ воротъ воротами изъ заворъ заворы въ чистое поле восточную сторону подъ красное солнце подъ младъ мѣсяцъ подъ вечернія звѣзды утреннія плакати я рабъ божій и подъ утреннюю зорю и подъ вечернюю (имя рекъ) Медвеню росою умоюся утруся христовою целеною облекуся свѣтлымъ бѣльемъ подпояшусь, пойду я рабъ божій (имя рекъ) въ восточную сторону на святой океанъ море и на океанную сторону и на бѣлый островъ и на томъ Свѣтломъ Океанѣ морѣ и на сіонской горѣ и на бѣломъ островѣ стоять Святая Апостольская Церковь, стоять сырой дубъ на томъ сырому дубу Сидѣть двенадцать Апостоловъ, я рабъ божій (имя рекъ) прійду поклонюсь и иномолюсь отъ лица до земли, пойдите и молите вы къ самому Истинному Христу просите и молитвъ у самого у истиннаго Христа самъ истиный Христосъ. Отвориъ бы свою теплую пазуху и выпустилъ звѣрей шалучихъ заокованныхъ лисицъ черныхъ красныхъ и пурпурныхъ зайцевъ, черноухихъ кривоногихъ и косолапыхъ горностайлей, чернохвостыхъ рисей, коротколопыхъ росомагъ и широколопыхъ, пойду я рабъ божій (имя рекъ) во ту Святую Апостольскую Церковь и завижу напрестолѣ сидящихъ Святыхъ Апостоловъ Василия Великаго Михайла Архангела, Есенофона Изосима и Савватія и Кли蒙та Священномуученика и возьмите вы огненное оружіе и поѣзжайте на всѣ четыре Стороны на востокъ, западъ, полдень и на сѣверъ гоните и палите стреляйте всякихъ звѣрей волковъ серыхъ, лисицъ черныхъ, красныхъ и пурпурныхъ зайцевъ, черноухихъ и кривоногихъ и косолапыхъ горностайлей Чернохвостыхъ, рисей, Коротколопыхъ росомагъ Широколапыхъ, въ ночныхъ часахъ денныхъ и въ полуночныхъ затри дѣвятье реками затри дѣвяти морями и затри девяти ловцами, хитрыхъ и мудрыхъ, изъ заозерь изъ подъ-

озеровъ изъ мелкихъ речекъ, изъ великихъ луговъ изъ чистаго поля, изъ темнаго лесу изъ подъ всякаго пня, изъ подъ колоды, изъ подъ подчища, изъ подъ вершины изъ подъ всякаго куста, изъ подъ всякаго дерева, изъ подлежащаго остохъя, изъ подъ сена, и они бы постарымъ тропамъ и поновимъ безъ детатки и безъ оглядка и безъ отвороту на мою лыжницу на мои лыжини къ моимъ ловушкамъ къ моимъ поставушкамъ, ко клещамъ, деревяннымъ жильнымъ и железнымъ поставушкамъ высокимъ и погребальнимъ глубокимъ избушкамъ теплымъ на мой путь и на моей лыжнице много ширеры и эдеры Сахарны шиты медвания ниши, и еще небываетъ милибы и елибы опасу не имели не зыку не крику ни треску ни моеге Стуку Грапосту, и я рабъ божій (Имя рѣкъ) прійду поклонюсь и помолюсь отъ лица до земли Пресвятой Матери Божіей Покрову Богородицѣ во еси ты Матерь Божія Покровъ богородица какъ же ты стерегла и берегла Самаго Іисуса Христа Царя небеснаго крыла и укрывала своими ризами не-тленными и пеленами Господними отъ всякихъ людей отъ страшныхъ и отъ не-попутныхъ злыхъ отъ пона отъ попады, отъ Діакона, Діаконицы, отъ Дьячка отъ Дьячицы отъ пономаря отъ пономарицы, отъ сутулова, Горбатова, отъ шицива, Килеватова отъ двоеротыхъ безъ зубовъ, отъ простоволоса, отъ женскаго белаго полу, отъ красныхъ волосовъ, отъ черныхъ и отъ Черемыхъ волосовъ, отъ рыжихъ и отъ белыхъ, отъ вдовы самокрутки отъ колдуна отъ колдуны, отъ блядуна отъ блядуни отъ вѣція вѣціи, отъ Старца отъ Старицы отъ мельника отъ мельничихъ и отъ дѣвки простоволоски и отъ своей радости, и на пече сидящаго изъ окна глядящаго и вскось зашлоть смотрящаго и на путь сидящаго и въ выѣты буйные холедные и совѣхъ Четырехъ сторонъ съ востоку и съ западу съ полдня и съвѣру прійдите воз-мите отъ злыхъ Человѣковъ все злые дѣла поганые не давъ сок.
(два совершиенно истерпяся слова) нанавистами, возьмите и понесите зальса темные и зареки быстрые и за болота сыпучие и на четыре грязи топучие въ тутъ таковыхъ поразите и тутъ затощите и назадъ не носите и въ младѣ мѣсяцѣ и на ущербъ и на исходѣ будьте мои слова божественные тверды и крепки и Лепки, Тверже камня и востраго ножа булатнова въ томъ словѣ ключъ и замокъ во сходную пятницу отдаваемые и до представлія свѣта и которые мои словеса божественные забылись не помянуль сноудна мастеръ недо-училь или самъ позабыль которы, прійдите пріймите пособить и помогите мнѣ рабу божію (имя рѣкъ) на мои пути и на мою лыжницу всякихъ звѣрей при-ведите и все мои словеса божественные заедино слово и все мои зубы за-единъ зубъ и тѣмъ моимъ словамъ божественный ключъ въ небо, а замокъ въ море подъ бѣльми алатыревыми камнемъ, еще я рабъ божій (имя рѣкъ) прійду поклонюсь и помолюсь отъ лица до земли Василю Великому, Михайлу Архангелу, поставьте огненный столбъ отъ земли и до небеси въ кругъ моихъ

ловушекъ и вкругъ моихъ поставушекъ чтобы волхвамъ восхитительныи колду-
намъ колдунницамъ блядунамъ и блядуницамъ неюхитити и не помудрить еще
я рабъ божій (имя рѣкъ) прійду поклонюсь и помолюсь отъ лица до земли
Якову Спутнику какъ же ты Яковъ Спутникъ стоишь при пути и при дорогѣ
указываешь путь и дорогу всякому человѣку и такъ же ты Спутникъ Яковъ,
стой при пути и при дорогѣ указывай Путь и дорогу на мою лѣжницу въ
ночныхъ часахъ въ денныхъ и въ полуночныхъ часахъ о ресывать свѣта, и
допредставлениія свѣта и во вѣки вѣковъ Аминь». Подобные талисманы из-
ходятъ у очень многихъ охотниковъ.

Кромѣ заговоровъ, почти у каждого охотника имѣется «магнитъ». Магнитъ вообще играетъ въ пермяцкой жизни большую роль. Свойство магнита,
по мнѣнию пермяка, распространяется на притягиваніе къ владѣльцу магнита
рѣшительно всего. Взять магнитъ на охоту, онъ и будетъ тянуть звѣря и
птицу; подвѣсить его къ продольнику или крюку и онъ будетъ притягивать
налимонъ и другую рыбу. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда лѣвушки относятся
къ какому-нибудь местному Донъ-Жуану неособенно благосклонно, то и тутъ
магнитъ оказывается незамѣннымъ: онъ окончательно привораживаетъ дѣвицу.
«Магниты» расходятся въ нашихъ мѣстахъ въ слишкомъ большемъ количествѣ.

Кромѣ вышеуказанныхъ способовъ ловли звѣрей и птицъ, среди пермяковъ
существуетъ еще рядъ различныхъ ловушекъ, въ которыхъ заставляютъ
звѣря къ птицу. Всѣ эти ловушки-поставушки самаго примитивнаго устройства и
не разъ были описаны.

Шкурки звѣрей всегда поступаютъ на продажу. Торгъ ими происходитъ
въ с. Ервинскомъ 17 марта. Скупщики такъ монополизировали скучку шкурекъ,
что продажа ихъ приносить только разочарованіе охотникамъ и большие барышы
покупателямъ. Лучшая куница рѣдко продается дороже 3 – 3 руб. 50 коп.,
а такъ какъ пермяки въ прѣности звѣрей никакого толку, не имѣть, то
самые цѣнныя шкурки покупаются отъ охотниковъ совсѣмъ за безѣмокъ.
Такъ, чернобурая лисица, прекраснаго качества и весьма крупная, была куп-
лена купцемъ-миллионеромъ, изъ жалости къ охотнику, всего за 40 коп.
Такие случаи неединичны. Они-то глав. обр. и составляютъ причину упадка
охотничьяго промысла.

Рыболовныи проиы слои занимаются не только сами пермяки, но
и пермянки и ихъ дѣти. Рыба составляетъ одно изъ наиболѣе любимыхъ кушаний
пермяковъ, а потому и страсть ихъ къ рыболовству естественна. Естественно также,
что это любимое кушанье никогда почти не поступаетъ въ продажу, а идетъ
въ чернини (рыбные пироги). Рыба ловится или неводами (этотъ родъ ловли
мало употребителенъ, въ виду дороговизны снаряда и засоренности рѣкъ, по-
чему снасти рвутся слишкомъ скоро), или сакомъ (наметомъ), или просто бред-

никами изъ сѣти или двухъ трехъ кусковъ самаго рѣдкаго домашняго холста. Такой бредникъ называется «недотка». Недотка самый вдовредный снарядъ. Изъ мелкой рыбы варится уха или готовятся рыбные пироги и рыбные семянки (рыба жарится съ яицами или съ картофелемъ). Часть этой же рыбешки идетъ въ юду и прямо сырью. Сильно нажимая пальцами на тѣло рыбешки, пермяки проводятъ пальцами отъ головы до хвоста ея и выдавливаютъ изъ рыбки ея внутренности, а затѣмъ кушаютъ ее. Крупную рыбу—лещей и налиновъ, язей и щукъ и т. п. ловятъ или удами, или на крюки, а осенью и весной въ запоры. Запоры состоятъ изъ слѣдующаго. Теченіе рѣки заграждается по ширинѣ рядомъ колъевъ, которые впереплетаются ивовыми прутьями, причемъ, приблизительно черезъ сажень, между колъями оставляютъ не зашатенное пространство, въ которое и вставляютъ на дниныхъ жердяхъ морды (плетенный изъ ивы конусообразныя корзинки). Такія загражденія перекрываютъ здѣсь всѣ рѣки. Рыбѣ волей-неволей приходится лѣзть въ эти корзинки и становиться добычей человѣка. Особенно много вреда приносить эти запоры весной, когда во время половодья рыба усердно оставляетъ на прутьяхъ запора свою икру. Какъ только вода начинаетъ спадать, икра сохнетъ или понадаетъ въ клювъ птицы. Вообще я долженъ сказать, рыба истребляется пермяками неизвѣроятно въ ея становится съ каждымъ годомъ все меньше и меньше. Кроме лѣтней ловли, кой-кто занимается и зимней, но та ведется и въ маломъ размѣрѣ, въ только запорами. О зимней ловлѣ рыбы другими снастями, пермяки, къ величайшему счастью рыбь, понятія не вѣють.

Для болѣе успѣшнаго хода ловли рыбы употребляется магнитъ и всякия рода заговоры. Рыбная ловля, разумѣется, находится въ полной зависимости отъ добрыхъ отношеній къ водяному, а потому для успѣха ловли необходимо постараться заблаговременно расположить его въ свою пользу, т. е. подарить его чѣмъ-нибудь. Въ противномъ же случаѣ, водяной не только не дастъ рыбы, но можетъ устроить непріятности и самому рыболову: вытолкнуть его изъ лодки, а то и утопить.

Изъ домашнихъ ремесль и издѣлій приносятъ пермякамъ пользу: кузнечное, до нѣкоторой степени плотничное и гончарное, а пермякамъ выдѣлка домашняго холста и другой домашней одежды.

Вообще кузнецово у пермяковъ мало; работы ихъ ограничиваются только ковкою лошадей, свариваниемъ поломанныхъ частей и—только. Съ увѣренностью можно сказать одно: гвозди, подковы, косы, телѣжные хода, серны и т. д. все это привозится изъ Вятской губерніи, несмотря на то, что материалъ въ сырьемъ видѣ идетъ зачастую изъ Пермской же губерніи. Удивляться здѣсь не приходится. Откуда можетъ научиться пермякъ разнаго рода мастерствамъ, когда среди пермяковъ нѣть ни одного ремесленнаго училища. Самъ по себѣ пермяки люди переничи-

вые, люди способные. Намъ извѣстны такіе изъ нихъ, которые, кончивъ только мѣстную земскую школу, собственнымъ трудомъ дошли до того, что устроили въ своихъ хибаркахъ электрическое освѣщеніе. Устройство разнаго рода сельскохозяйственныхъ орудій по моделямъ тоже совсѣмъ не рѣдкость. Обыкновенная глиняная посуда стала изготавляться на весь Ивченскій край всего пять-шесть лѣтъ, да и то благодаря сообразительности крестьянъ Юсьвинской волости, а до этого времени каждую зиму прѣѣзжали изъ Вятки кустари-крестьяне и снабжали десятки тысячъ народа этимъ товаромъ, являющимся предметомъ первѣйшей необходимости. Излѣїя изъ дерева не идутъ дальше кадокъ, корыть, лодокъ и т. п. Что касается даже ложкарного промысла, и тотъ отсутствуетъ, такъ какъ токарныхъ станковъ у пермяковъ не имѣется. Недалеко отъ своихъ мужей ушли и пермянки. Обыкновенная женская работа: приготовленіе къ пряжѣ льна, пряденіе его и тканье холста тѣ же, что и у насъ на всей Руси, и среди пермянокъ попадаются искусницы въ тканѣ. Самый узоръ рисунковъ и нестрѣ, и не оригиналъ. Трудно сказать, что у пермяковъ есть свои узоры, свой вкусъ.

Кромѣ домашнихъ промысловъ и работъ, пермяки каждую зиму отправляются еще въ отхожіе промыслы: на рудники, заводы, рубку дровъ и въ лѣса и т. п. Выходъ на эти работы для пермяка неизбѣжень, такъ какъ подати и другія повинности имъ уплачиваются исключительно этими зароботками. Самыя трудныя, но и самыя надежныя работы рудничныя. Здѣсь пермяковъ подряжаютъ на выработку или вывозку извѣстного числа пудовъ подрядчики изъ своей же браты-крестьянъ. Тѣ, хотя и выжимаютъ все, что можно, но все же разсчитываютъ сполна, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, къ нимъ на слѣдующій годъ никто не пойдетъ. Зато совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ представляются работы на разнаго рода заводы, которыхъ сдаются по подряду или по сдѣлкѣ самихъ заводоуправленій. Здѣсь пермяку приходится жутко. Богатѣйшіе заводовладѣльцы ранней осенью посыпаютъ къ пермякамъ своихъ довѣренныхъ предложеніемъ записаться на какую-либо работу и взять въ число ся затоокъ. Осень—самое хлѣбное, но и самое безденежное время для пермяка. Хлѣбъ еще необмолоченъ, да еще и не выяснилось, въ какой цѣнѣ будетъ, а старшина и староста уже требуютъ подати и недоимки. Дающій деньги обѣщаетъ всякия блага. Если рабочіе придутъ рано, до вскрытия рѣки, говорить нанимающимся на сплавные работы: «мы дадимъ хлѣба и работу на берегу». «Иди пилить лѣсъ на дрова—предлагаютъ другому; онъ уже давно въ бунтахъ на берегу Камы лежитъ». И идутъ, приходятъ, дѣйствительно рѣка еще не вскрылась. Работы и хлѣба нѣтъ. И ждутъ пермяки и день, и два, и недѣли, иной разъ выжидаютъ мѣсяцъ. Совсѣмъ они исхарчатся; все, что было на себѣ, проѣдятъ; иные, имѣющіе дома сотни пудовъ хлѣба, идутъ, прижатые голodomъ,

просить «Христа-ради» и, наконец, не вытерпевь, сбъгаютъ съ работы. Тотъ, кто подрядился на распиловку, пришелъ и видитъ, что лѣсъ совсѣмъ не въ бунтахъ, а лежитъ въ самой рѣкѣ въ плотахъ.—«Какъ такъ, давайте его на берегъ, намъ пилить надо».—«Да еще рабочихъ нѣть, подождите—скоро придуть». Ждуть и эти рабочіе и, затѣмъ, такъ же бѣгутъ домой. Дома ихъ уже ждетъ начальство, требуетъ деньги въ подать, высылаетъ на работы, по требованію огорченаго уѣзгомъ рабочихъ завода. Не ограничивалась этимъ, тѣ же заводы предъявляютъ къ пермякамъ еще иски о возмѣщении убытковъ, послѣдовавшихъ отъ неотработки, а выданныя на руки сбѣжавшимъ рабочимъ деньги удерживаютъ со всей артели, при окончательномъ разсчетѣ. Что касается систематического обсчета рабочихъ, то о немъ можно было бы написать цѣлые книги. Тамъ, гдѣ разсчеты ведутся на чистоту, пермяку въ рудникахъ приходится крайне тяжело отъ положенія работъ. Промозглый, до нельзя сырой воздухъ, сквозной вѣтеръ, кромѣщая тьма, вода зачастую выше щиколдки,—все это ведетъ къ массовымъ заболѣваніямъ сыпнымъ тифомъ. Совместное житѣе въ душныхъ, вонючихъ казармахъ заставляетъ перемогающихся пермяковъ снабжать схваченной ими болѣзнью и своихъ прибывающихъ вновь сотоварищѣй. Тифозныя вспышки, ежегодно повторяющіяся среди пермяковъ, всегда совпадаютъ съ праздникомъ Рожд. Хр. и великимъ постомъ—временемъ возврата народа изъ рудниковъ: въ первый разъ—для взноса податей, а второй по случаю окончанія работъ. Тифъ это грозный бичъ пермяцкаго народа; здѣсь онъ никогда не переводится. Правда, онъ у насть не такъ страшенъ, смертность, относительно говоря, незначительна, но ущербъ отъ тифа не ограничивается только смертью. Эта болѣзнь надолго лишаетъ и больного, и его семью, всѣдствіе изоляціи, возможности добывать сторонніе заработки и сильно и надолго подрываетъ силы самого больного. На самыхъ работахъ пермякъ заслужилъ почетную репутацію хорошаго и выносливаго работника. Для пермяка нѣть ничего грязнаго, нѣть ничего не подходящаго. Разъ работа, по его мнѣнію, выгодна, онъ идетъ на нее безъ разговоровъ. Въ своей домашней, не рабочей жизни пермякъ, напротивъ, крайне лѣнивъ. «Успѣю» вотъ слово, которое можетъ быть девизомъ пермяка. Только нужда заставляетъ его бросить брагу и, одѣвшись въ шабурь, выйти изъ избы. И взявшиясь за дѣло, онъ не старается закончить его. Не хватило, напримѣръ, дровъ и приходится мужику бѣхать за ними въ лѣсъ. Онъ везетъ домой цѣлую лѣсину, отрубаетъ отъ нея кусокъ, рубить дровъ на истоплю и уходить домой. Завтра, утромъ, онъ пойдетъ снова нарубить на новую истоплю: «на седне кватить».

При всемъ этомъ пермякъ очень любознательнъ и охотно готовъ поучиться уму-разуму. Вы не найдете ни одной школы или школки въ селахъ и деревняхъ съ пермяцкимъ населеніемъ, которая бы не переполнена уч-

никами. Даже девочек учить охотно и если учить меньше, чѣмъ мальчиковъ, такъ потому, что, по мнѣнию пермяковъ, въ женскихъ школахъ учить немногому и не преподаютъ того, что составляется для девочекъ самое главное—рукодѣлій. Въ школахъ же рукодѣлію не учить за отсутствіемъ средствъ. Рассматривая типъ народной школы, я долженъ сказать, что въ церковныхъ школахъ по первоначалу дѣтей начинали отдавать охотнѣе, но, затѣмъ, довѣріе къ нимъ было подорвано и, вѣроятно, на-долго. Теперь въ эти школы отдаютъ малышей или непринятыхъ за неимѣніе вакансій въ земскія школы. Пермяки говорятъ, что въ церковныхъ школахъ учить плохо. Почему плохо учить—этого они не знаютъ. По моему мнѣнию, первое и главное затрудненіе—это неимѣніе у этихъ школъ материальныхъ средствъ; второе—неимѣніе подходящихъ учителей и завѣдывающихъ этими школами. Конечно, у пермяковъ, какъ и вездѣ, таковыми значатся священники. Понятно, грамотѣ можетъ учить только грамотный человѣкъ, а между тѣмъ практика показываетъ намъ и совершенно обратные факты. Случай доставилъ мнѣ возможность познакомиться съ грамотностью одного изъ завѣдывающихъ школою. Я привожу рукопись вту словно. Прочтите ее и скажите, правъ или нѣть пермякъ, когда онъ говоритъ: «швоко попы учать». Вѣдь многаго ученія, при такомъ руководителѣ, и ждать нельзя. Вотъ документъ:

В. П. И.

14 Ноября.

Михаило Архангельской Церкви свя- Въ Архангельское волостное Пров-
щеника I—на III—ва отношеніе леніс.

14 Ноября 1890 г. № 16-мъ.

Совѣтъ Братства Св. Стефана постановили Журналъ своесть отъ 14 Марта 1890 г. За № 2-мъ заботясь опросвѣщеніи религіозно-нравственной жизни народа, открыли Пермской Губерніи при каждомъ приходѣ школы Грамотности и зыскавшая причины нехожденіе мальчиковъ въ школу, нашли Припятсвія таковы, 1-е осень дождливая, грязь, холодъ, 2-е, Зимой морозъ, выгуга, 3-е, весною разлитіе рекъ, а бѣдный людъ не можетъ здѣлать мальчику теплой одежды отъ чего мальчики болѣе хвораютъ тифозной горячкой, посему всѣ органы вынесли заключеніе и обратились за разрѣшеніемъ Его Преосвященству Преосвященнѣйшему Епископу Владиміру Пермскому и Соликамскому Каковый Журналъ Утвердилъ: Со-Указаниемъ мѣстностей, напримеръ моемъ приходѣ назначило открыть, въ деревнѣ Нижней-Лопевѣ, просить общества пособіе для школы, 1-е сторожа, 2 отопленіе, 3-е Учителю жалованье за труды, какое-либо Вознагражденіе.

По сему Всепокорнѣйше прошу Архангельское волостное Провленіе предложить на сходѣ обществу что бы они неоставили безнѣманія, выбрали сторожа, доли отопленіе, и денежное пособіе Учителю за труды. О Чемъ покорнѣйше

прошу Ар. волостное провление почтить меня Формально Увѣдомить. Михаило-Архангельской-церкви подписанъ: Священникъ I—въ III—въ.

Ни одна буква въ этомъ документѣ ни прибавлена, ни убрана. Священникъ III—въ завѣдывалъ и училъ ребять или, какъ онъ говорилъ, былъ «преподавателемъ русской граматики» болѣе пяти лѣтъ. Чему выучились у него ребята, какъ пишутъ они — я не знаю. Настоящій фактъ слишкомъ неединичный; въ противномъ случаѣ, я не обратилъ бы на него вниманія. Конечно, въ значительно болѣе мягкой формѣ, но почти тоже приходится изрѣдка наблюдать и въ земскихъ пермяцкихъ школахъ. Учителя тамъ пишутъ грамотно, но поведеніе ихъ ниже всякой критики. Повторяю, и теперь при подобныхъ учителяхъ учащихся больше, чѣмъ мѣстъ въ школахъ, особенно тамъ, где учителя стоять на высотѣ своего положенія; такихъ, само собой разумѣется, тоже достаточно, даже больше. Большинство выучившихся пермяковъ идутъ въ учителя, въ писаря, лѣсные сторожа и т. п. должности, навсегда порывая свою связь съ землей. Это крайне прискорбное явленіе нельзя ничѣмъ другимъ объяснить, какъ тѣмъ, что школа даетъ пока пермякамъ только кое-какія знанія, но не учитъ пермяка ни кустарнымъ промысламъ, ни сельскому хозяйству. Въ послѣднемъ, правда, нынче сдѣлана слабая поштка: открыта сельскохозяйственная школа и опытно-показательное поле, но дѣло какъ въ той, такъ и въ другомъ ведется настолько неосновательно, что крестьянѣ рѣшительно ничего не теряютъ, игнорируя ихъ.

Для спасенія себя отъ полнаго обезлѣсенія, пермяки принимаютъ средства, къ сожалѣнію, неудачныя по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ. Когда лѣсь почти исчезъ, пермяки сознали его пользу. Правда, они и теперь истребляютъ его всѣми мѣрами, но уже не у себя, а у владѣльцевъ лѣсныхъ дачъ и, въ тоже время, стараются развести свой лѣсъ взамѣнъ вырубленнаго. Такъ, въ то время, когда еще не было и рѣчи о посадкѣ деревъ (зеленыхъ праздникахъ), пермяки уже садили деревья для пробы. А между тѣмъ, едва вышелъ законъ о выдачѣ премій за лѣсоразведеніе, какъ пермяки уже получили отказъ отъ премирующаго такие труды министерства, отказъ на просьбу не о выдачѣ медали или денегъ, а сѣмянъ. А вѣдь, пермяки хотѣли заставить немногого-немало почти двѣ тысячи десятинъ!

IV.

Васильевъ день.—Крещенскій праздникъ.—Масляница.—Великій четвергъ.—Семикъ.—Широкія и узкія субботы.—Первый громъ.—Петровъ день.—Марія Голіндуха.—Праздникъ Флора и Лавра (скотъяго бога; обряды жертвоприношений; хожденіе въ воду; лошадиная гоньба).—Частные деревенскіе праздники.—Ярмарки.—Воровство; конокрадство.—Рождественскіе святки и игры на нихъ.—Посидѣнки или супрядки.—Зимняя помочи.

Пермякъ веселится по поводу церковныхъ празднествъ, а равно и тогда, когда онъ веселится самостоительно, потому что желаетъ повеселиться. Вообще праздничныхъ дней у пермяковъ достаточно. Общий ихъ типъ почти одинъ и тотъ же. Сначала бываетъ богоомолье, хотя распятіе бражки и кумышки до молебна не только не воспрещается, но даже считается до нѣкоторой степени бонтонностью, такъ какъ доступно только тѣмъ, кто въ состояніи, напившись до молебна, принять поповъ и всю уйму народа, что придется въ избу слѣдомъ за ними и не оставить этой избы до тѣхъ поръ, пока темная ночь не принудить и самыхъ выносливыхъ вспомнить о снѣ.

Первое января, какъ первый день нового года, почти неизвѣстенъ пермякамъ, а чтится ими и называется Васильевыи днѣмъ. Празднованіе этого дня начинается съ утра. Какъ только всѣ въ домѣ поднялись, домохозяинъ приглашаетъ семью помолиться. Вся семья, включая и работниковъ, становится у образовъ и втечение времени отъ четверти часа до получаса усердно молится, причемъ тѣ, кто не знаютъ никакихъ молитвъ, только и дѣлаютъ, что твердятъ съ глубокими вздохами: «Осподи Сусе, Осподи Сусе». По окончаніи молитвы хозяинъ направляется къ печкѣ, где заботливой рукой хозяйки еще съ вечера приготовлена теплая бражка. Выпивъ кружку браги, хозяинъ наливаетъ другую и подносить ее старѣйшему члену семьи, затѣмъ слѣдующему, пока не перебереть всѣхъ. Тоже самое продолжаются въ слѣдъ за хозяиномъ, по старшинству, и другіе члены семьи. Повторяю, празднованіе начинается рано, чаще еще до свѣту, съ такимъ разсчетомъ, чтобы питье браги у себя въ домѣ было закончено до разсвѣта, такъ какъ съ первыми лучами солнца мужчины уже направляются въ гости къ сосѣдямъ, где и продолжаютъ пить брагу до тѣхъ поръ, пока не слянутъ. Въ состояніи охмѣленія пермяки становятся крайне буйными и раздражительными; пустить въ это время въ ходъ ножъ, топоръ и, въ особенности, свое любимое национальное оружіе «стяжекъ» (обломокъ жерди) или просто палку—ничего не стоить. Рѣдкій праздникъ обходится безъ крупныхъ дракъ; что же касается мелкихъ ссоръ, то таковыя на праздникахъ положительно обязательны. Женщины ведутъ

себя нѣсколько сдержаннѣе. Онѣ начинаютъ ходьбу по гостямъ только съ полудня, хотя къ вечеру и онѣ становятся въ большинствѣ слушающими. Въ первый день праздника (всѣ праздники продолжаются по нѣсколько дней) приготовляется часамъ къ 8—9 утра завтракъ, а къ 12—1 дня обѣдъ или полдникъ. Часамъ къ 8 вечера приготовляется паужинъ, а затѣмъ всѣ ложатся спать, чтобы на завтра проснуться снова часа въ два утра и приняться за бражку. На второй и послѣдующіе дни столовъ, т. е. угощенія яствами для постороннихъ не дѣлается. Въ ночь на Васильевъ вечеръ девушки пермянки бѣгаютъ на улицу погадать о своей судьбѣ, о грядущемъ счастьи и несчастьи. Обряды гаданья обще-русскіе и поэтому описывать ихъ излишне.

Въ Крещеніе кой-кто и теперь, несмотря на зимнюю стужу, разъ только онѣ рядился (маскировался), купается въ проруби и тѣмъ очищаетъ себя отъ грѣха. Рядомъ за толпой молящихся помѣщаются лошади, которымъ такъ же, какъ и людямъ, дается крещенская вода — лучшее средство отъ всякаго рода болѣзней. Попоивъ лошадей, пермяки гоняютъ ихъ, чтобы вся вода вошла въ нутро лошади и, такъ обр., на животное оказала бы наибольшее влияніе.

Послѣ Крещенія вплоть до масляницы у пермяковъ нѣть особенно чтиыхъ дней; зато масляница «празднуется» всѣми, и каждый, у кого только есть хоть какая-либо физическая возможность, не преминеть возвратиться домой къ этому празднику, хотя бы работалъ на выгодной работе и за нѣсколько сотъ верстъ. Во все время масляницы пекутся рыбные пироги, готовятся различные пострипушки и всѣ семейщики ходятъ съ ранняго утра и до поздняго вечера полуспящими. Никакихъ работъ въ эти дни нѣть. Всѣ кутятъ, кто только можетъ и какъ кто можетъ. Любовебильные отцы и матери пютъ даже дѣтей, не исключая и грудныхъ, теплою бражкой. Нѣкоторые затѣйники устраиваютъ масляничный поѣздъ. Устройство его нехитро: въ маленькия дровни, на которыхъ брошены ворохъ соломы, запрягаются одна или двѣ лошади; на дровни садится масляница (одѣтый въ шубу на выворотъ и въ женское платье мужикъ, у плеча его метла). Лошади обильно изукрашены соломой. Если на одной изъ лошадей посаженъ, также съ вывороченной на изнанку шубой, мальчуганъ, то и у него на спинѣ и на головѣ болтаются пучки соломы. Для ребята и дѣвицъ въ каждой деревушкѣ, какъ бы она ни была мала, устраивается горка «катушка». Официально празднованіе масляницы кончается въ воскресенье, хотя первый день великаго поста у пермяковъ составляетъ продолженіе масляной, но при постномъ столѣ; только со вторника, а иные и со среды кончаютъ гульбу. Можно положительно сказать, что масляница — самый разорительный для пермяковъ праздникъ и на немъ пропивается все, что у кого припасено или осталось отъ зимнихъ стороннихъ заработковъ.

Слѣдующимъ за маслиницей праздникомъ является Великій четвергъ. Праздникъ этотъ отличается нѣкоторыми особенностями. Всегда рано встающіе пермяки, въ этотъ день стараются встать возможно раньше. Они вѣрять, что все вышеописанное только тогда исполнится, когда будетъ выполнено до восхода солнца. Проснувшись пермякъ, вставъ на ноги, тотчасъ же хватается за ружье, разъ онъ охотникъ, и бѣжитъ съ нимъ въ поле, стараясь вернуться не съ пустыми руками, а хотя бы съ застрѣленной вороной или воробьемъ. Рыбакъ бѣжитъ къ рѣчкѣ, сталкивается тамъ на снѣгъ свою лодку, кладеть въ нее свои рыболовныя снасти и, взявъ въ руки весла, дѣласть видъ, что плыветъ. Плотникъ идетъ въ лѣсъ и вырубаетъ тамъ хотя бы лычинку. Разумѣется, всякому пріятно принести что-нибудь домой, т. е. птицу, рыбу и т. п., но иногда это не удается, тогда возвращающейся дѣласть видъ, что путешествіе его было вполнѣ удачно, что ему что-то попало и онъ несетъ добычу. Каждый пермякъ, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ, старается приберечь къ этому дню сколько, нибудь мѣдаковъ и, считая ихъ, говорить: «разы!.. два!.. три!.. у-у, какъ много!» Ни одна пермянка не оставитъ въ этотъ знаменательный день пустою свою печь; каждая изъ нихъ старается изо всѣхъ силъ поставить въ нее какъ можно больше кушаний; ставить по нѣсколько корчагъ съ пивомъ, брагой и проч. Какъ только женщина проснулась, она тотчасъ же накрываетъ столъ скатертью и ставить на него хлѣбъ, соль и кувшинъ браги. Боже упаси, не накрыть стола—весь годъ придется жить въ проголодь. Накрывъ столъ, женщина открываетъ дымное окошко (отверстіе въ стѣнѣ для выпуска дыма при топкѣ печи въ курныхъ избахъ) и въ него кличетъ соответственными кличками скотъ и другую живность до птицъ включительно. Тамъ, где устроены настоящія печи, то же самое хозяйка кричитъ въ печную трубу. Благодаря такимъ мѣрамъ, пермякъ увѣренъ, что и скотъ, и птица втеченіе всего года будутъ находиться и въ цѣлости, и въ сохранности. Слѣдно управлявшися по хозяйству, пермянки садятся за шитье или пряжу, причемъ всѣми силами стараются сработать какъ можно больше до солнцевосхода. Мужчины кромѣ всего выше сказанного осматриваютъ амбары и другія мѣста складовъ хлѣба. Дома пермяковъ къ этому дню слегка прибираются и на полѣ избы накладываются вѣти можжевельника. Вечеромъ, наканунѣ праздника, дѣвушки поютъ пѣсни, не имѣющія, впрочемъ, никакого отношенія къ тѣмъ особымъ обычаямъ, что сопровождаютъ этотъ праздникъ. Вакханалия, пѣсни, плясъ и глубокая вѣра пермяковъ въ чертовщину особенно становятся дикими, когда принимаешь во вниманіе благоговѣйный трепетъ истинныхъ христіанъ, ожидающихъ наступления Страстей Господнихъ.

Не меньшимъ уваженіемъ и приготовленіями къ встрѣчѣ сопровождается и «семикъ». Ровно черезъ семь недѣль послѣ Великаго четверга въ четвергъ же

начинается празднование семика. Въ этотъ день, только разъ за весь годъ, души всѣхъ умершихъ, по вѣрованію пермяковъ, получаютъ отъ Господа однодневный отпускъ на землю, гдѣ и присутствуютъ при трапезѣ своихъ родственниковъ, которая совершается послѣдними въ домахъ и на могилахъ. Трапезуютъ веселыми и нарядными, чтобы не обезпокоить душу, а то она можетъ еще, занѣтивъ какіе-нибудь безпорядки, разсердиться, наслать какую-нибудь болѣзнь и тогда предстоять, кромѣ боли физической, еще и материальные расходы: надо будетъ вязать червѣшвань и справлять экстраординарныя поминки. Души покойниковъ не только присутствуютъ при трапезѣ своихъ живыхъ родственниковъ, но пить и ёдятъ. Къ празднованію семика начинаютъ готовиться заблаговременно. Такъ, уже за недѣлю ловятъ рыбу, колютъ барановъ и разную домашнюю птицу. Всю домашнюю посуду тащатъ мыть какъ можно чище на ближайшую рѣчку, чтобы въ самый семикъ покойники не осудили женщинъ за нечистоплотность. За недѣлю же начинается и кумышко-и-пивоварене, а передъ семикомъ изготавливается въ изобиліи и теплая бражка. Въ самый семикъ бабамъ не до сна: имъ въ этотъ день предстоитъ слишкомъ много работы, поэтому почти не встрѣтишь такой избы, гдѣ бы уже съ полуночи не топилась печь. Съ этого ранняго времени уже страшатся пельмени, туфочки (колобки, приготовляемые изъ творожнаго сыра или изъ ячной муки), олады, блины, шаньги, рыбные селянки и рыбные пироги, жарятся бараны, куры и иная птица, красятся, по пасхальному, яйца. Только что покончивъ со страшней, хозяинки все изготовленное ставятъ на столъ, а передъ иконой затепливаютъ восковую свѣтчу и вся семья молится Богу. Затѣмъ, домохозяинъ приказываетъ отодвинуть столъ отъ лавки и поставить еще лавку по другую сторону стола. Скамья эта ставится не очень близко отъ стола для того, чтобы усопшимъ можно было совершенно свободно помѣститься у стола со всѣмъ ихъ скарбомъ, иногда очень многочисленнымъ. Скарбъ этотъ заключается у покойниковъ въ тѣхъ вещахъ, которыхъ они покрали на этомъ свѣтѣ, будучи живыми: съ этими краденными вещами покойникамъ сужденоноситься вѣчно. Когда все, что приказываетъ хозяинъ, сдѣлано, хозяинъ и хозяйка обираются къ столу, низко кланяются и говорятъ: «вошьмы» (кушайте). Простоявъ не менѣе получаса у стола, дышащаго кушаньями, которыхъ, къ тому же заранѣе надломлены для болѣе свободнаго выхода пара, служащаго, какъ уже было говорено, единственной пищей мертвыхъ душъ,— за тотъ же столъ садятся и всѣ живые. Основательно закусивъ обильной страшней, вся семья отправляется въ церковь, а оттуда на кладбище, захвативъ съ собой и на кладбище разной страшни, пива, браги и водки. Причёмъ, чтобы кушанья можно было доставить горячими, ихъ тщательно завертываютъ теплыми тряпками и одеждой. Пришедшие накрываютъ могилу скатертью

и, ломая широги пополамъ, разбивая и расколупывая яйца, ставяще все на скатертьку, равно какъ и напитки, послѣ чего женщины начинаютъ свои прчитанія. Прчитаютъ женщины каждая на свой ладъ, причемъ жалуются умершими на тѣ горя и обиды, что имъ, по ихъ мнѣнію, приходится переносить отъ свекра, мужа, мачихи, снохи или братьевъ и т. д. Прчитанія произносятся зачастую въ присутствіи противной стороны и, по возвращеніи прчитавшихъ домой, служатъ порою поводомъ къ дальнѣйшимъ ссорамъ. Вотъ обращеніе прчитанія надъ могилой матери дѣвушки, жалующейся покойницѣ на свое плохое житѣе отъ злой начихи.

Мамъ иней тэ, матушка,
А мыля тэ кувинъ,
Да мэнэ колинъ
Енисвэ на грѣхъ,
Да отерсывэ на смѣхъ.
Сякай роботасэ ме кѣра
И быдэнся унаджикъ уджа,
А мачикавысь все мэнэ видэ.
Сусѣдась ме ветва,
Да гортэ вѣкта,
Сыя и сыпонда мѣнэ видэ
И сяко мэнэ шувась.
И пондасть ювасны:
«Кычэ нэ тэ б... ветвинъ»...
А ачись куйвэ кылжъ дѣчка-а-а....

Маменька ты, матушка,
А зачѣмъ ты умерла,
Да меня оставила
Богу на грѣхъ,
Да людямъ на смѣхъ.
Всякую работу я дѣлаю
И всѣхъ больше работаю,
А мачиха все меня ругаетъ.
Въсосѣди я схожу,
Да домой возвращусь,
Она и за это меня ругаетъ
И всяко меня назоветъ.
И начнетъ спрашивать:
«Куда ты б... ходила».
А сана лежить (на постели) какъ
свинья-я-я...

Легко себѣ представить, что будетъ у пермяка дома, если захвораетъ мачиха. Вѣдь въ этомъ случаѣ болѣзнь напущена матерью недовольной, а такъ какъ лѣченіе всякой болѣзни бывать пермяцкую семью по карману, то и неудовольствіе будетъ не единоличное, а всей семьи. Если въ семье все обстоять благополучно, то прчитаніе сводится къ сожалѣніямъ по поводу того, что извѣстный обрядъ или дѣло за смертью покойного (ница) приходится сдѣлать уже не ему. Такъ, мать плачетъ надъ сыномъ и говорить, что корить ее подъ старость, а когда она умреть, то закрыть ея глаза ему не придется. Жена оплакиваетъ мужа въ виду того, что теперь ее и ея малыхъ дѣтушекъ уже не призрѣть ему, мужу, а если ихъ обидятъ, то и не защитить. Окончившее церковную службу духовенство совершаєтъ въ это время надъ могилами усопшихъ, по приглашенію родныхъ, панихиды или литіи. Позади священниковъ идутъ люди, которымъ передается (чаще всего самими

священниками) кое-что изъ разставленного на могилахъ: рыбный пирогъ, селянка, блины и т. п. По уходѣ духовенства, начинается обрядъ настоящаго поминанія, тризна. Какъ мужики, такъ и бабы приглашаются и родныхъ, и знакомыхъ помянуть покойныхъ, кто чѣмъ можетъ. Пермякъ вообще никогда не отказывающійся отъ угощенія, въ данномъ случаѣ даже торопится исполнить просьбу приглашающихъ, чтобы тѣ не могли какъ-нибудь увидѣть въ его промедлѣніи желанія оскорбить память усопшихъ. Каждый пришедшій пробуетъ по немногу всего приготовленного, откладывая хоть нѣсколько крошекъ на могилу умершаго и, выливая на нее хоть по капелькѣ язъ питья. Забыть про голодъ покойника никто не рѣшается, мало ли чего онъ можетъ надѣлать. Если известно кушанье или питье, которымъ покойный (ая) отдавалъ особенное предпочтеніе, то ихъ откладываютъ (выливаютъ) побольше: пусть не жалуется на жадность живыхъ. Когда помянуты всѣ родные и знакомые, свои и сосѣдки, поминальщики съ раскраснѣвшимися лицами, подъ шумный говоръ, а иной разъ и подъ звуки разухабистой пѣсни, отправляются по домамъ, гдѣ продолжаютъ поминать дорогихъ покойниковъ, вспоминая обѣ ихъ былыхъ добрыхъ качествахъ, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока ноги не откажутся служить, а языкъ ворочаться. Не въ рѣдкость и такие случаи, когда чтущій покойника переусердствуетъ еще на кладбищѣ и, забывая свой обычный передъ этимъ мѣстомъ страхъ, преспокойно ложится спать на немъ, причемъ могила почитаемаго родственника становится изголовьемъ. Насколько пѣсни возвращающихся съ кладбища поминальщиковъ не сходятся съ только что совершеннымъ обрядомъ, указываютъ записанныя именно при возвращеніи поминальщиковъ съ семика пѣсни, сопровождаемыя пляской и звуками гармоніи, въ родѣ слѣдующей:

Ахъ ты, звирь ли, мой звиричокъ,
Ясной соковочокъ.
Расповадився звиричокъ
За ягодку ричьку;
Што за ягодку за ричьку—
Къ Аинушкѣ сестричкѣ.
Аинушка сестричка
По саду гулява,
Калину ломава.
Я калинушку ломава
Дружка поджидала.
Приходи ко мнѣ звиричокъ
Во времѧ ты въ гости,
Когда батюшка дома пьету,

Матушка въ гостякъ,
Мивы братцы за стрѣльбою,
Мивы сестры за гульбою,
Мои сношки говубушки—
Они за роботой.
Только я, мвада мваденька,
Одна остававась,
Со звирикомъ лежала,
На правой ручкѣ держала,
Лѣвой обнимала.
Лѣвой ручкой обнимала,
Къ серчу прижимава.
Я къ сердечку прижимава,
Крѣпко чевовала.

Почти въ томъ же духѣ проводятся и другие поминальные дни, число которыхъ значительно, хотя, должно замѣтить, празднованіе большинства остальныхъ поминальныхъ дней, сводится лишь къ подачѣ тѣхъ или иныхъ даровъ въ церковь и къ служению, а у бѣдныхъ—къ поминанію покойныхъ.

Наибольшою популярностью пользуются изъ этихъ скорбныхъ дней широкія субботы: три субботы передъ Дмитріевской, празднуемой въ ближайшую къ 26 октября субботу. Субботы эти называются широкими въ отличие отъ остальныхъ субботъ, въ которыхъ также происходит поминаніе и которыхъ называются узкими. Разница между этими субботами, главн. обр., заключается въ количествѣ поминаемыхъ. Въ узкія субботы поминаются ближайшіе родственники или недавно скончавшіеся дальние, а въ широкія поминаются рѣшительно всѣ, кто когда-либо состоялъ въ родствѣ и еще не исчезъ изъ памяти поминальщиковъ. Обрядъ поминовенія родни въ Родительскую субботу и иные поминальные празднуемые, вѣрнѣ, чтимые дни происходить у пермяковъ такъ же, какъ и въ широкія субботы.

Вскорѣ послѣ семика пермякамъ приходится считаться съ первымъ громомъ. Это также дѣло не изъ послѣднихъ и требуетъ нѣкотораго знанія. Вообще грома и громоверща Илью—пророка у настѣ въ достаточной степени побаиваются. Хотя самое небо, по вѣрованіямъ пермяковъ, находится въ непосредственномъ владѣніи Бога, такъ, напримѣръ: Онь небо и запираеть, и оттыкаеть, прямымъ слѣдствіемъ чего бываетъ засуха и дождь, но, тѣмъ не менѣе, Илья пророку небо отдано для прогулокъ, отъ чего бываетъ громъ и градъ. Особенно благоговѣйно встрѣчается здѣсь первый весенний громъ. Происходить это отъ того, что пермяки боятся, какъ бы ихъ желанія и надежды не разбились объ этотъ громъ. Противъ грома нѣть ни одного заговора или наговора; точно также нѣть ни заговоровъ, ни наговоровъ и противъ вѣтровъ. Громовой заговоръ, какъ видно изъ послѣдующихъ строкъ, совсѣмъ не отъ грома. «Стану я рабъ Божій (имя рекъ) благословесь и перекрестясь. Умываюсь чистою водою, утираюсь и обтираюсь бѣлымъ полотенцемъ выйду я на чистое поле, увидѣль я тучу и морокъ, какъ на небеса поднимаются и Оноки, и Меланіи, святую русскую землю очищають, нечистаго духа и непріятную силу, какъ Илья пророкъ, скорный помощникъ, какъ онъ грязнулъ и хрюснулъ, всѣ разсыпались и песокъ разсыпался, какъ зеленая вичка день и ночь дрожить, такъ же и отъ меня раба Божія (имя рекъ) всѣ люди боялись бы и дрожали, какъ царь царица пружаснулись, такъ чтобы и люди пружасались, и, душа моя у меня, слово мое—громъ, и, я же тутъ хочу заговориться, на всѣ четыре стороны, и Бѣло-каменной стѣной и булатнымъ тыномъ отъ сырой-мати земли до небеси, по шистику и по кристику и по ангелу, сѣкуть и рубять, а до меня до раба человѣка не допускается, будьте мои словеса крѣпки и лѣпки

тверже камня и остраго булатного ножа, полно-полновицю, крутоверховы, противъ слова стой и противъ зuba и тридцать три слова, чтобы были на зубахъ, и каждый часъ и каждую минуту мои словеса, чтобы были все полны, что прочитала (аль)». Заговоръ этотъ называется громовымъ потому, во первыхъ, что въ немъ упоминается о громѣ, а во вторыхъ, потому, что онъ начнетъ дѣйствовать, т. е. держать всѣхъ въ страхѣ только съ тѣхъ поръ, какъ будетъ прочтены при первомъ весеннемъ громѣ. Если громовой заговоръ исполненъ, а заговорившаго все-таки никто не боится, это значитъ: или первый громъ былъ раньше и заговаривающимъ пропущенъ, или же, что прежде чѣмъ заговаривающій успѣлъ окончить свой заговоръ, кто-нибудь его уже уредилъ имъ и получилъ себѣ просимое. Только разъ въ годъ, только на одинъ годъ, только одинъ человѣкъ можетъ получить просимое въ громовомъ заговорѣ.

Говоря о громѣ нельзя не сказать нѣсколько словъ о кой-какихъ растяранныхъ громовержцемъ предметахъ, тѣмъ болѣе что часть ихъ находятся у пермяковъ. Будучи сами прекрасными наездниками, пермяки и Илью пророка представляютъ себѣ ъездящимъ по небу не иначе, какъ на верховой лошадкѣ. По повѣрю пермяковъ, лошадь эта была въ полной верховой упряжкѣ, но (времени точно никто не знаетъ) обронилъ Илья пророкъ сѣдло съ своей лошадки и оно пало въ Архангельской волости, гдѣ и лежитъ до сихъ поръ. Заинтересованный разсказомъ, я осматривалъ сѣдло и нашелъ слѣдующее. На краю села находится небольшая деревянная оградка, внутри ея столбикъ съ иконой, какихъ немало встречается на перекресткахъ дорогъ, и передъ нимъ огромный камень, вѣсомъ приблизительно въ 70 пудовъ. Форма этого камня, дѣйствительно, слегка напоминаетъ собой очертанія грубаго сѣдла. Въ настоящее время я не могу сказать, что представляется изъ себя этотъ камень. Вѣроятно, осколокъ метеора. Въ этомъ мнѣніи утверждаетъ меня то обстоятельство, что въ предѣлахъ Ошибской волости (въ 20 в. по прямому направлению) на одномъ изъ полей находится такой же камень, причемъ народная молва прямо говоритъ, что онъ упалъ съ неба, что подъ нимъ зарытъ очень большой и цѣнныій кладъ. Дѣйствительно, камень этотъ точно такого же строенія, какъ и Архангельский, только значительно больше послѣдняго.

Свойство молниѣ быть чаще всего въ хвойный лѣсъ известно пермякамъ, но они уѣбрены, что молнией Господь Богъ преслѣдуєтъ всегда нечистую силу (діавола), послѣдній же, укрываясь отъ гнѣва Божьяго, естественно, спѣшитъ укрыться въ лѣстной чащѣ, гдѣ разглядѣть его уже становится дѣломъ хитрѣмъ. Хотя громъ и убиваетъ людей, но только не дѣвушекъ: «Илья Пророкъ съ земли дѣвокъ не воруетъ». Еслибы отъ громового удара что-либо загорѣлось, то такой пожаръ можно тушить не водой, а молокомъ и брагой.

Въ Петровъ день, а также въ послѣднее воскресеніе передъ Покровомъ Пресвятой Богородицы (1 октября) на Марію-Голиудуху пермяки приносятъ въ мѣстныя часовни: бараны ноги и головы — въ первый праздникъ; курицъ и разную другую птицу (колотую) — въ послѣдній. Святые Петръ и Павелъ, равно «Егорій Краброй» считаются покровителями животныхъ; отсюда происходить обрядъ принесенія имъ въ жертву животныхъ. Около Петровокъ зачастую начинаютъ теряться молодые барашки то отъ хвори, то отъ деревенскихъ собакъ и отъ острыхъ зубовъ «сѣраго» пріятеля, дѣткамъ котораго тоже вѣдь надо кормиться. Тогда-то перепуганные хозяйки и даютъ торжественное обѣщаніе привести апостоламъ одну или двѣ бараны ноги или голову, чтобы только они сохранили ихъ скотинку. То, что случается съ мелкимъ скотомъ лѣтомъ, тоже повторяется съ молодою птицей осенью. И ястребъ, и злой человѣкъ, и хворь все преслѣдуетъ выводокъ, какъ же тутъ за сохраненіе ихъ не пожертвуешь Маріи-Голиудухѣ — «куриному богу» (точнѣ: штичьему). Дѣйствительно, въ часовняхъ, гдѣ только празднуютъ эти праздники, приносятся бараны ноги, головы и птица въ избыткѣ. Все принесенное послѣ молебновъ поступаетъ въ пользу духовенства и употребляется таковыми для собственныхъ нуждъ или продается имъ же, въ засоленомъ видѣ, бѣдной паству по схожей ценѣ.

Изъ осеннихъ праздниковъ необходимо отмѣтить праздникъ Флора и Лавра, — «скотьяго бога». Этотъ праздникъ занимаетъ первенствующее значеніе между всѣми праздниками остальныхъ покровителей животныхъ. Онъ празднуется въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но глав. обр. въ д. Кочѣ, Чердынского, и въ д. Бутылевой, Соликамского уѣзда. Съ прошлаго года власть не духовная, а административная запретила празднованіе въ Кочѣ. Праздникъ перенесли въ ближайшую деревеньку Соликамского уѣзда. Впрочемъ, такія запрещенія въ мѣстахъ, переполненныхъ старовѣрами, даже и небезопасны. — «Идите къ намъ, молитесь, какъ мы молимся, и приносите жертвы, кому хотите». Вѣдь, вотъ что говорятъ старцы, а лѣсовъ у нихъ такъ много, и пермяку, чтобы выполнить все то, что выполнялъ онъ самъ и его дѣды и прадѣды, переходъ изъ церкви православной въ старовѣрье становится даже заманчивымъ. — «Мы, если перейдешь къ намъ, ни за крестины, ни за свадьбу ничего не требуемъ». Къ кому будетъ лежать сердце? Нѣть, средство для борьбы съ празднествами въ честь скотьяго бога едвали выбрано удачное. Болѣе всего свѣтомъ церковнаго и школьнаго ученія надо бороться съ такими явленіями, какъ нижеописываемое. Память Флора и Лавра чествуется церквию 18 августа, но у пермяковъ сборы къ этому празднику начинаются еще задолго, а у иныхъ чуть не зацѣлый годъ. Дѣло въ томъ, что когда болѣеть какая-либо скотина, пермяки, прося покровителя животныхъ о выздоровленіи ея, даютъ обѣть принести часть

ея или часть другой скотины, если больная не съедобна, или, если скотина небольшая, привести ее на веревочке к святому вместо живой. Есть и такие поклонники, что общаются в жертву и очень больших животных, например, трех-четырех львов. Такие жертвователи проживают недалеко за иного десятков верст от часовни, где празднуется память святых и поэтому отправляться им к празднику приходится задолго. К этому же времени со всех сторон отправляются к празднику и нищие, как професионалы, так и любители, в чаяниях хорошей подачки. Особенно иного народа стекалось в д. Коць. В ночь на праздник то тут, то там зажигаются большие костры, фантастически освещающие группы народа, и тут же стоящий скот. Шум от говора, блеяния и мычания скота, кой-где от песен и пьяной ругани стоит всю ночь. С наступлением же ночи начинается обряд жертвоприношения животных. Всех животных колют около самой часовни, причем шкуры заколотых остаются в пользу часовни, а часть мяса идет на угощение богомольцев. Некоторые богатые люди, взамен мяса и шкуры, платят соответственную сумму денег. Самое важное, таким образом, не жертва мяса, а факт «заклания» и принесение за это заклание хотя бы денег в доход часовни. Особо приставленные лица колют приведенный скот и слить за исполнением обряда жертвования. Доходность от такого празднования весьма велика. Так, например, в Коцу приводили иногда до 50 штук быков и множество баранов. В жертву можно приносить не каждую скотину, а только «невинную» и, притом, мужского пола. Розыгнаное и пожертвованное в пользу богомольцев мясо варится в нарочно для этого устроенных котлах неподалеку же от часовни. В варево идут глав. обр. ноги и головы. Поставленное варево и мясо из него раздаются особыми сторожами; народ рвется к котлам, чтобы получить хоть кусочек мяса, служащего воронью средством против всяких скотских болезней. Давка, шум и драка, приправляемые крупною бранью, не перестают все время вокруг часовни. С раннего утра приходят священники и начинается служение молебнов. В некоторых местах, например в д. Бутылевой, Юсьвинской волости, к этому времени заливаются высокой плотиной мимо протекающую речку и в образовавшемся так обр. пруде, подъ пенье духовенства, богомольцы становятся в воду—иные по колено, иные на колени, иные заходить в воду по пояс и выше—как кто общался святому. Все это происходит в Пермской губернии 18 августа, т. е. в то время, когда недалеко уже бывают заморозки. Стоянье в воде продолжается не минуту или две, а все время совершения молебна, да еще и в простого, а с водосвящением. Много ревиатизмов, много тифа и всякой простуды уносится от праздников святым, признаваемым пермяками за покровителей животных. Нам лично приходи-

лось видеть немало народа, стоявшего въ студеной водѣ по горло. Какъ только оканчивается молебствіе, священники идутъ между выстроенными въ два ряда лошадьми и окропляютъ ихъ святой водой. Въ д. Бутылевой эта ширинга простиралась въ длину, по крайней мѣрѣ, на полверсты. Затѣмъ, всѣ лошадевладѣльцы начинаютъ гоньбу по близлежащему полю, стараясь вогнать лошадь въ путь—признакъ всосанія воды въ кровь лошади. Разумѣется, наряду съ этимъ фигурируетъ и желаніе хвастнуть лошадью, чтобы въ первой же ярмаркѣ продать ее возможно дороже. Послѣднее обстоятельство часто бываетъ причиной нежданно-негаданной смерти спортсмена. Въ узкомъ мѣстѣ отчаянная гоньба становится особенно опасной и, вслѣдствіе столкновеній и другихъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, иного отуманиенныхъ кумышкою и брагою головъ закончило свой жизненный путь преждевременно. Почти также празднуется этотъ праздникъ и въ другихъ пермяцкихъ поселкахъ.

Это празднованіе, впрочемъ только въ слишкомъ слабой степени, напоминаетъ празднованіе св. Георгія Побѣдоносца (такое празднованіе нынѣ уже выходитъ изъ моды, но раньше было повсемѣстно), когда также выгоняли скотъ, крошили его святой водой и, радуясь открывшемуся дешевому способу кориленія скота на подножномъ корму, народъ пѣлъ и ликовалъ.

Въ промежутокъ времени между праздникомъ «скотяго бога» и праздниками святокъ проходить слишкомъ много времени, чтобы гдѣ-нибудь и какъ-нибудь не отпраздновать праздника. Не знаемъ, гдѣ найдется больше частныхъ «деревенскихъ» праздниковъ, какъ у пермяковъ. Построена у насъ часовня въ честь Егорья,—празднують его и на зимняго, и на весняго; построена на «Микову милостиваго»,—празднують его и весной, и зимой и т. д. Къ каждому празднику читающіе его готовятся заблаговременно. Но еще болѣе благовременными считаются себѣ люди, непричастные къ празднику: уже задолго до праздниковъ начинаютъ они поговаривать о днѣ грядущемъ, и съ ранняго утра толпы народа тѣснятся около каждой избы въ чаяніи получить кружку браги, а не то и кумышки. Во время часовенныхъ праздниковъ къ приходу духовенства какъ хозяева, такъ и хозяйки нерѣдко бываются сильно пьяны, но все же каждый изъ нихъ требуетъ отъ священниковъ, чтобы они служили у него отдельный молебень. Большинство священниковъ этому подчиняются, и нововведенія молодыхъ батюшекъ, уходящихъ изъ такихъ домовъ, встрѣчаются съ негодованіемъ.

Нельзя не отмѣтить и религиозности пермяка. Войдите вы въ его домъ: въ немъ передъ каждой иконой теплится зажженная восковая свѣчка; столъ покрытъ свѣжей скатертью, на немъ разставлены яства и питья.

Почти также непріглядно проходить и многочисленныя здѣсь яриарки, чаще всего пріурочиваемыя къ часовеннымъ или перковымъ праздникамъ. Разнообразиемъ тутъ является только кражи, та кража, о которой человѣкъ, не

не знающій быта пермяковъ, не можетъ составить себѣ понятія о ней. Крадутъ всѣ, крадутъ все, что имъ попадаю подъ руку. Попалась живая курица—хватай ее, а перья еще у живой можно ощипать по дорогѣ. Многіе для кражи отправляются изъ Соликамскаго уѣзда въ Кунгурскій и другіе. Кажется нигдѣ воровство такъ не развито, и не можетъ быть такъ развито, какъ у пермяковъ. Главная причина та, что воровство за порокъ не признается. Правда, Богъ воровства не долюбливаетъ. Но, вѣдь, не такая ужъ страшная кара полагается, чтобы бояться воровства. Самое большое наказаніе—это тасканіе покойныхъ съ собой всего, что онъ успѣлъ наворовать за земную жизнь, слѣд., чтобы воровство было полезное, а ответственность возможно легче, слѣдуя воровать только вещи негромоздскія, тогда ихъ и на томъ свѣтѣ носить будеть нетрудно, въ особенности же при сознаніи того, что и за сомиковымъ столомъ для помѣщенія ихъ досстанеть мѣста и онъ мирной трапезѣ не помѣшаютъ. Къ воровству же вещей негромоздскихъ располагасть удобство скрывать ихъ и, въ большинствѣ случаевъ, сравнительно высокая ихъ цѣнность по сравненію съ вещами громоздкими, встрѣчающимися въ крестьянскомъ обиходѣ. Конокрадство, этотъ страшнѣйший бичъ каждого крестьянина, свилъ въ пермяцкомъ краѣ прочное гнѣздо, причемъ къ особенно наглымъ ворамъ адѣсь нитаютъ нечто въ родѣ уваженія и даже благоговѣнія. Звѣрскія расправы, производимыя надъ этими любителями чужой собственности почти повсемѣстно, здѣсь рѣдки. Впрочемъ, разъ пермяка вывели изъ терпѣнія, онъ не прочь примѣнить къ конокраду не кару, не истязаніе, а мѣру исправительную: отхлестать его кнутовищемъ. Пермяки удостовѣряютъ, что мѣра эта радикальна, т. е. что послѣ ея примѣненія виновный не станетъ больше воровать. Въ данномъ случаѣ пермяки безусловно правы: наказанный такъ обр. конокрадъ заканчиваетъ на третій-четвертый день послѣ приема порки свою жизнь въ ужасныхъ мученіяхъ.

Изъ числа остальныхъ особо чтимыхъ празднествъ нельзя не отмѣтить дни святочные (предъ-рождественскіе); самое же Рождество Хр. равно какъ и Пасха, здѣсь не читаются и за праздники не признаются. Не признаются здѣсь также за праздники и большинство праздниковъ православныхъ, напримѣръ: Благовѣщеніе, Вербное воскресеніе и многіе другіе. Въ недѣлю передъ Рождествомъ Хр. молодежью устраиваются различныя игры, въ большей части напоминающія наши русскіе хороводы. Игры эти имѣютъ мѣсто лишь на святочкахъ, поэтому они выдѣляются здѣсь изъ общаго круга игръ и пѣсенъ. Какъ святочныя, такъ и всѣ другія пермяцкія игры, въ общемъ, сводятся къ пѣнію, хожденію подъ это пѣніе молодежи кругомъ, и къ исполненію всего того, о чемъ поется въ пѣснѣ.

Крѣнъ мой, крѣнъ,
Садовой мой крѣнъ.

Кто тебъя сѣяу?
Кто полевау?

Меня съяу Иванъ,
Поливау Сидиванъ.
Сидиванова жена
Крѣль укаживава.
Дѣвка по саду гулява,
Буйну говору чесава.
И сама при косѣ приговаривава:
Ты рости, рости коса
До шевкова пояса,
До сырой земли,
Чтобы люди гледѣли—
Завидовали.

Что завидовали
Сподзавидовали.
Опшю ъкали бояре
Изъ нова города,
Да завидѣли дѣвичу:
Дѣвка моетча да румянитча.
«Безъ тово дѣвка баска
(Безъ того короша).
Безъ того короша,
Не бѣлится, душа,
Не румяниться, душа,
Душа будь короша».

Когда поется эта пѣсня, всѣ дѣвушки встаютъ стаей къ дверямъ и берутся руками за дверную скобку, кавалеры же разсаживаются по лавкамъ. Какъ только пѣсня оканчивается, одинъ изъ кавалеровъ встаетъ, подходить къ играющимъ дѣвушкамъ и просить у нихъ позволенія выдернуть на свой пай «крѣновинку». Дѣвушки наперерывъ спрашиваютъ парня: на что ему хрѣнъ и высказываютъ свои, порой довольно таки циничныя догадки. Парень же отвѣтываетъ, что хрѣнъ ему нуженъ для продажи проѣзжему купцу. Повѣривъ на слово говорящему, дѣвушки позволяютъ ему выдернуть одну хрѣновинку, что тотъ и исполняетъ, причемъ выдергивается почти всегда свою временную подругу жизни, съ которой отправляется на лавку. Тутъ онъ усаживается самъ, а дѣвушку садить къ себѣ на колѣни. Пѣсня начинается съизнова, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ играющія дѣвушки не разсѣдутся на когѣ-нихъ своихъ благодѣтелей. Послѣ же этого двѣ какихъ-нибудь дѣвушки идутъ на средину избы, обходить сидящихъ и спрашиваютъ: «слатокъ ли крѣнь?» Отвѣтъ отъ всѣхъ получается одинъ и тотъ же: «горькой». Тогда дѣвушки говорятъ: «а коли горекъ, то можно и крѣнь подсластить, подбавить сахару», причемъ цѣлуютъ другъ друга. Тотчасъ же цѣлуются и сидящія парочки, и дѣвушки сходять съ колѣнъ парней, чѣмъ заканчиваютъ эту игру, если парни не требуютъ повторенія пѣсни.

Либединъ мой, либединъ, либедушка бѣвая. И. т. д.; конецъ пѣсни:

Пошелъ мой—отъ лебединъ,
Во три торга торговать.
Во три торга торговать,
Закупочки закупать.
Дорогу покупку,
Шовкову плетку.

Отворите ворота,
Пропустите лебедьда.
Здраствуй, жонушка,
Здраствуй, лебедушка!
Я принесъ тебѣ гостинечъ—
Шовкову плетку.

Погледите люди,
Жена-то мужа любить,
Погледите добры,
Жена-то мужа добрить.

Къ людамъ кодить пличкомъ,
Ко мнѣ, радость, личикомъ.
Лебединъ мой, лебединъ,
Лебедушка бѣвая.

При пѣніи пѣсни «Лебединъ мой, лебединъ» дѣвушки и парни становятся кругомъ и ходятъ въ ту или другую сторону (хороводъ водять), причемъ одна изъ дѣвушекъ становится въ самый кругъ. При пѣніи словъ «отворяйте ворота», кругъ разрывается пополамъ и въ него входить одинъ изъ парней, неся съ собой что-нибудь завернутое въ свертокъ и изображающее юбку. Свертокъ этотъ онъ подаетъ дѣвушкѣ, но та отвертывается отъ подарка и бросаетъ его на полъ; парень выходитъ изъ круга и входить вновь въ него при повтореніи тѣхъ же словъ «отворите ворота», причемъ приносить съ собой и подаетъ дѣвушкѣ взятую у кого-либо изъ играющихъ шаль или простой головной платокъ. Дѣвушка встрѣчаетъ парня еще суровѣе, она сердито смотритъ на него и бросаетъ подарокъ ему прямо въ лицо. Парень еще разъ выходитъ изъ круга, для того чтобы вновь возвратиться въ него уже съ плеткою, при словахъ: «здравствуй, женушка! Увидѣвъ въ рукахъ парня плетку, дѣвушка сразу измѣняетъ суровое выраженіе лица на привѣтливую улыбку и низко ему кланяется. Парень же слегка стегаетъ дѣвушку плеткой, а при концѣ пѣсни цѣлуетъ ее. Этакъ заканчивается игра.

Святочныхъ гаданий и пѣсень у пермяковъ немного; тѣ и другія сводятся къ одному: придется или нѣть дѣвушкѣ выйти замужъ въ наступающемъ промежговѣнныи. Выйти замужъ—это мечта пермянки. Хоть и плохо, можетъ быть, ей будетъ въ новомъ домѣ, но все же впереди ее ждетъ свой собственный кусокъ хлѣба; дома же, особенно при машихъ, дѣвушкѣ живется очень жутко: пѣбоя и попреки, да тяжелая, иной разъ совсѣмъ непосильная, работа. Гадая о замужествѣ, дѣвушка отнюдь не идеализируетъ его и спокойно ищетъ:

Отдалишь мы красну дѣвку
Замужъ за Ивана.
У Ивана въ саду яма,

За все будетъ пьяна.
У Пилипа въ саду лица,
За все будетъ блата.

Пермячки любятъ повеселиться и въ простое будничное время. Въ будни дни они веселятся уже нѣсколько по другому. Будничное веселье проходить на вечеринкахъ—посидѣнкахъ, т. наз. «супрядкахъ», когда подъ видомъ приденія льна сходятся дѣвушки, а также подростки одной или и сосѣдней деревни къ кому-нибудь въ одну изъ до крайности маленькихъ тѣсныхъ балъ поработать-позубоскалить; туда же, конечно, иногда заходить и молодые парни. Всѣ посиденки начинаются съ сумерекъ и продолжаются до поздней ночи, а иногда и раннаго утра. На супрядкахъ поются пѣсни и играются различными играми.

Точно также поютъ и веселятся дѣвушки на зимнихъ помочахъ. Зимнія помочи устраиваются людьми болѣе или менѣе зажиточными и изрѣдка духовенствомъ. Словомъ, устраиваются тѣми, кто не въ состояніи собственными силами справиться съ пряденемъ льна. Пришедшия на помочь дѣвицы собственно говоря, во время самой «помочи», никакой помощи хозяевамъ-устроителямъ ея не оказываютъ, а только пить да єдять въ изобиліи приготовленныя яства и пирія, пляшутъ да поютъ. Но зато, уходя съ помочи, они получаютъ, каждая на свой пай, известную часть кудели, которую должны расчесать, вычистить въ пинки и представить, затѣмъ, хозяевамъ помочи. Если прикинуть все, что истрачивается хозяиномъ на помочь и что стоить дѣйствительная работа, то, конечно, становится жаль дѣвушекъ-помочанъ, отдающихъ свой трудъ ни за гропть. Но если принять во вниманіе, что такія помочи, дѣйствительно, веселы, то станетъ понятнымъ, почему молодежь поступается горбомъ. Не приглашаляемые сюда парни бродятъ по близости дома съ помочью и расчеты ихъ иногда оправдываются. Нѣтъ-нѣтъ, ктонибудь изъ участницъ помочи исчезнетъ съ нея преждевременно. Вотъ на этихъ-то супрядкахъ и помочахъ и «созрѣваютъ», по выражению пермяковъ, ихъ дочери. Дѣвушки невинныя считаются ими еще не созрѣвшими; о замужествѣ ихъ до периода созрѣванія думать рано—такая дѣвушка, несмотря на свои годы, считается ребенкомъ.

V.

Пѣсни.—Сказки (Кривая Лягра, Лѣнивая жена, Сказка про медведя, Иванушка-дурачекъ, Глупые люди и Молодая старуха).—Присказки.—Пословицы.

Пермяцкая народная поэзія крайне бѣдна. Она представляетъ плохую передѣлку заимствованныхъ великорусскихъ пѣсень. На пермяцкомъ языке имѣется лишь нѣсколько пѣсень. Народныхъ музыкальныхъ инструментовъ (нынѣ въ ходу только гармонія) у пермяковъ также нѣть.

Тороканъ тѣ, тороканъ,

Тороканъ абу-ованъ.

Шелье пыранъ-чувиены,

Горвѣ каланъ-бокъ сѣтъ.

Тороканъ абу-ованъ.

Чалайдъ, пѣтамъ да мунамъ,

Еръ гагэрсъ гагергамъ,

Нѣганука-сэ кутамъ.

Ванька посѣдзе пырамъ,

Сурсэ, брагасэ ювамъ,

Юми письня висъставамъ.

Тараканъ ты, тараканъ,

Тараканъ не живучай.

Въ щель залѣзешь—тычуть,

На печь поднимешься — бокъ ожжешь.

Тараканъ не живучай.

Ребята, выйдемъ да пойдемъ,

Около поля покружимся,

Нѣгануху поймаемъ.

На Ванькино крыльце зайдемъ;

Пива, браги попьемъ,

Пермяцкую пѣсню скажемъ.

Ишишо суръ ектэ,
Ишишо брага ектэ.
Учитикъ Иванокъ
Сэтэнтъ-же бергавэ,
Кыдзь гора кай вебавэ
Мэдэ окавны мёнэ.
Чёлядь, пётамъ да мунамъ
Ыджитъ туй кузасъ.
Мие вэрарь пырамъ,
Вэрарь ошь сеясь;
Мие кэзвасъ каямъ
Кэзвасъ уръ шурасъ.
Тороканъ тэ, тороканъ,
Тороканъ абу-ованъ.

Ой-ну, да ой-ну, да ой-нушки,
Прикатили горьюшки!
Кыдзь ме юнда овнытэ?
Ой-вунсэ джендэтнытэ,
Ой-вунсэ джендэтнытэ,
Гажа-эсэ нүүнэсэ,
Гажа-эсэ нүүнэсэ,
Мича-эсэ ой-эсэ!

Басэкъ вывка
Волькыть юра,
Кузъ чикися,
Гэрдъ ленточка,
Джёнить голя,
Гэрдъ ериэса,
Вээзъ дубаса,
Гэрдъ залона,
Чечкомъ чувки,
Дорэмъ чарки.

Боба тэ, боба,
Сыра тэ зобра,
Кычё боба вётвий?
Чужей гуввэ вётви.

Еще пиво плашеть,
Еще брага плашеть.
Маленький Иванъ
Тутъ же вертится,
Какъ пынчая птичка летаетъ,
Хочетъ поцеловать меня.
Ребята, выйдемъ да пойдемъ
По большой дорогѣ.
Мы въ лѣсь войдемъ—
Въ лѣсу медведь съѣсть;
Мы на елку влѣземъ—
На елкѣ быка загрызть.
Тараканъ ты, тараканъ,
Тараканъ не живучій.

Ой-ну, да ой-ну, да ой-нушки,
Пришли горести!
Какъ я буду жить-то?
Ночи и дни коротать,
Ночи и дни коротать,
Веселые дни,
Веселые дни,
Ясные ночи!

Красивая девушка
Съ гладкой головой,
Съ длинной косой,
Съ красной ленточкой,
Съ короткой шеей,
Въ красной рубашкѣ,
Въ синемъ дубасѣ,
Въ красномъ передникѣ,
Въ бѣлыхъ чулкахъ,
Въ подкованныхъ башмакахъ.

Заяцъ ты, заяцъ,
Сероватый ты,
Куда заяцъ ходилъ?
Въ чужой погребъ ходилъ.

«Мый боба сёинъ?
Виэнъ нянь сен.
Мёнымъ колинъ-я?
Коли тай, коли.
Кычэ шуктынъ?
Джоджъ-поин шуктын
Джоджъ-понась абу.

Ширъ настьтэ сёисъ.
Кытэнъ ширысъ?
Муз пырисъ.
Кытэнъ мусъ?
Бийэнъ (соччэмъ).
Кытэнъ бысь?
Ваэнъ кусэмъ.

Что заяцъ ёль?
Масло съ хлбомъ ёль.
Мнв оставилъ ли?
Оставилъ, оставилъ.
Куда положилъ?
Подъ печь (на концы выходящие
изъ-подъ глиняной печи) полу-
жиль (русского термина нѣть) и нѣть.
Мышь должно быть съла.
Гдѣ мышь?
Въ землю вошла.
Гдѣ земля?
Огнемъ сожжена.
Гдѣ огонь?
Водой загасился.

Эти гѣсни распѣваются на вечеринкахъ (супрядкахъ) или при играхъ круговыхъ, на какой-либо полянкѣ.

Пермяки большіе любители сказокъ. Сказокъ у нихъ много, но почти все они представляютъ пересказъ великорусскихъ. Здѣсь приведены только наиболѣе оригинальные сказки. Сказокъ на пермяцкомъ языке совсѣмъ нѣть.

Кривая лутра (кривая вѣдьма).

Жиль-быль мужикъ. Семы у него не было. Задумалъ онъ жениться. Женился, да жена-то попала ему кривая и весьма лѣнивая. Заставлять онъ ее работать, а она ни съ мѣста, и звать мужа не хочетъ. Ни обѣда ей не состряпаетъ, ни одежды не сдѣластъ, а такъ живеть даромъ. Разъ какъ-то и говорить мужикъ: ты бы, жена, хоть прыла.—Ладно, отвѣчаетъ жена, стану прасть; только сходи въ лѣсъ, да изготовь мнѣ мотовило.—Обрадовался мужикъ, что жена работать захотѣла, живо пошелъ въ лѣсъ. Только жена—откуда и прыть у нея тутъ взялась—опередила мужика, обѣжала его другой дорогой и притандалась за деревомъ. Мужикъ пришелъ въ лѣсъ, выбралъ лѣсину и сталъ ее рубить, да едва успѣль раза два по дереву ударить, какъ жена его жалобнымъ такимъ голосомъ заплакала: «чули-вли, чули-вли, чули-вли мои, не сѣки, мужикъ, мотовило—жена умретъ».—Услыхаль мужикъ плачь и задумался: «это, видно, какая-то птица поетъ; нѣть, не стану дѣлать мотовило; жена теперь у меня стала бойкая—за работу хотеть приняться; жаль будетъ, если испретъ».—Мужикъ бросилъ работу и пошелъ домой ни съ чѣмъ. А жена

давно его опередила, идеть изъ дома къ мужику на встрѣчу и спрашиваетъ:— что, хозяинъ, сдѣлать мотовило?— Хотѣль, хозяйка, сдѣлать, да какая-то птица сказала, что помрешь, если я его сдѣлаю, а мнѣ тебя жаль.— Охъ, хозяинъ, не слушай ее, а завтра поди и сдѣтай.— На другой день мужикъ снова пошелъ въ лѣсъ, а баба опять тоже сдѣлала: забѣжала впередъ, притаилась за деревомъ и мужика дожидается. Только началь мужикъ топоромъ стучать, а она ужъ плачетъ жалобно: «чули-вли, чули-вли, чули-вли мои, не сѣки, мужикъ, мотовило—жена умреть».— Мужикъ снова задумался дѣлать или не дѣлать мотовило. Нѣть не стану дѣлать, вонь у меня какая бойкая жена и смерти не боится, такъ работать хочетъ; жаль ея будетъ, коли помретъ. Вернулся мужикъ домой ни съ чѣмъ, а жена, обѣжала его, выходить изъ лѣсу и по вчерашнему спрашиваетъ:— что, хозяинъ, сдѣлать мотовило?— Хотѣль, хозяйка, сдѣлать, да онѣтъ вчерашняя птица сказала, что ты помрешь, если я его сдѣлаю, а мнѣ тебя жаль.— Охъ, хозяинъ, не слушай ее, а завтра поди и сдѣтай. На другой день мужикъ опять пошелъ въ лѣсъ, а жена ужъ давно тамъ. Только мужикъ за работу, а она и плачетъ такъ жалобно: «чули-вли, чули-вли, чули-вли мои, не сѣки, мужикъ, мотовило—жена умреть». Задумался нашъ мужикъ, что ему дѣлать, а потомъ и рѣшилъ: будь, что будетъ, а жаль жену изобидѣть; вонь какъ она работать хочетъ, по третій день его посыпаетъ.— Мужикъ сталъ рубить мотовило. Долго баба плакала напрасно, высѣкъ мужикъ мотовило, обдѣлалъ его и идетъ домой, а жена давно уже домой пришла и выходить къ мужику на встрѣчу:— что, хозяинъ, сдѣлать мотовило?— Принесъ, хозяйка, принесъ; теперь пряди.— Взяла баба мотовило, а прѣсть ей больно не охота. Всегда думала, думала, да и нарядила нитокъ, намотала на мотовило пасмы съ двѣ примѣрно, взяла большую кадцу, положила туда кудели и поставила ее у порога передъ дверями; потомъ сняла съ мотовила нитки, да растянула ихъ поверхъ кудели. Пришелъ домой мужъ, и вотъ прѣя ему говорить:— смотри, хозяинъ, собаки въ домъ не впускатъ, а не то перепрыгнетъ она черезъ кадцу и изъ нитокъ снова куделя станетъ. А вѣдь я вонь сколько нарядила—жалко будетъ.— Сискнуль мужикъ, что хитрить его баба. Онъ видѣтъ, что нарядено мало, и впустилъ въ избу собаку. Прыгнула собака черезъ кадку, зацѣпилась въ ниткахъ, да и стащила ихъ на полъ. Кричать его баба:— охъ, хозяинъ, что ты надѣялъ! Говорила я тебѣ: не пускай собаки, а теперь вотъ видишь, что изъ нитокъ стало.— Думалъ, думалъ мужикъ, что съ бабой сдѣлать, и не придумалъ ничего другого, какъ спросить ее:— вотъ, хозяйка, идеть праздникъ большой—Пасха Христова. Всѣ люди снарядные (нарядные) будутъ, а я въ чѣмъ въ церковь пойду?— Молчи, хозяинъ, одежду я тебѣ изложу, снаряжу тебя побасеѣ (по красивѣе) другихъ.— Наканунѣ праздника, взяла баба и

заколола курицу; перья съ нея ощипала; потомъ пошла въ лѣсъ и насбирала тамъ сѣры съ деревьевъ. Пришла домой, велѣла мужику раздѣтися, обвязала его съ ногъ до головы сѣрой и обсыпала его куриными перьями, да такъ и послала въ церковь. Пришелъ мужикъ въ церковь, а тамъ народу много-прѣмного. Всѣ на него дивуются, всѣ его боятся; всѣ съ него глазъ не сводятъ: кто это пришелъ? кто это такой? Такъ всѣ шептали другъ-другу, но узнать его такъ-таки никто не могъ. Допрѣдь того, какъ теперь, и въ церквяхъ порядка было немного. Въ сутолокѣ кто-то толкнулъ, по нечаянности, мужика, а онъ-то отъ толчка и насунулся, на грѣхъ, на свѣтчу. Какъ только огонь коснулся перьевъ, тѣ вспыхнули. Загорѣлся мужикъ съ головы до ногъ. Жгетъ его огонь, давай-ка онъ бѣжать домой. Прибѣжалъ и говорить женѣ: —ахъ, ты, такая-сикая, что со мною наробыла (сдѣлала)! Погляди-ко на меня, вѣдь я нагой прибѣжалъ и всѣ мени такими видѣли. —Шибко разсердился за это мужикъ на свою лѣнившую бабу и задумалъ ее какъ-нибудь извести. Вотъ идеть онъ какъ-то къ рѣчкѣ и сдѣлалъ черезъ нее два перехода: одинъ изъ хорошихъ досокъ, а другой изъ гнилыхъ. Привель онъ свою бабу къ гнилымъ доскамъ и говорить: «смотри, баба, по этому переходу не ходи, не скачи; пойдешь — худо тебѣ будетъ». А надо сказать, что Лютра (такъ прозвали жену мужика) всегда дѣлала ему на перекоръ; и теперь на слова мужа она перечила: «а вотъ пойду, эле-люкъ пойду, вотъ пойду, эле-люкъ пойду». Она побѣжала по доскамъ, да только не успѣла добѣжать до середины перехода, какъ доски подъ ней подломились и она упала въ воду. Только мужикъ ее и видѣлъ. Пришелъ мужикъ домой; вошелъ въ избу и видѣть пусто въ избѣ; жалко стало ему своей бабы. Что сдѣлать, какъ достать ее изъ воды, чтобы привести домой. Вотъ сдѣлалъ онъ веревку, привязалъ къ ней зыбку, пошелъ съ снарядомъ къ рѣчкѣ и пустилъ въ нее зыбку. Потянулась зыбка обратно и слышитъ, что-то попало. Ну, думаетъ мужикъ, вытащи назадъ свою бабу и уведу ее домой, станемъ опять вмѣстѣ жить-поживать. Ташить онъ, ташить, глядь — вмѣсто его бабы попала ему въ зыбку нечистая сила — кикимора. Мужикъ сталъ было опускать ее обратно въ воду, да нѣть: кикимора схватилась за него крѣпко-прекрѣпко и говорить: «батюшка, спаси меня отъ кривой Лютры. Попала она въ наше царство и житъя отъ нея намъ не стало. Спаси меня, вынь изъ воды и за это я тебѣ добро сдѣлаю. Съ этихъ поръ я стану забиваться въ богатые дома; буду тамъ всячески пакостить вездѣ, гдѣ только можно, а ты будешь меня выживать, за это деньги получать и скоро разбогатѣшь. Только одно запомни: какъ придется меня выгонять, ты войди въ домъ и крикни: «я въ домъ, кикимора изъ дому вонъ! Я тотчасъ же убѣгу». Видѣть мужикъ, — плохо ему приходится; крѣпко схватила его кикимора; вѣроятно, жутко ей пришлось отъ кривой Лютры. Мужикъ вытащилъ изъ воды

кикимору, и та сейчас же пошла гулять по бѣлому свѣту. Она забилась въ одинъ богатый домъ и стала тамъ пакостить въ чашки и въ ложки, а затѣмъ бить посуду и все, что попадало ей подъ руку. Не рады стали ей въ домѣ и начали искать такого человѣка, который бы вывелъ ее изъ дома. Услыхаль про это мужикъ, пришелъ и похвалялся: « я могу кикимору выгнать ». Сталы мужику кланяться: выгони кикимору. Онъ согласился выгнать кикимору и выговорилъ себѣ въ награду сто рублей. Взошелъ въ домъ и крикнулъ: « я въ домъ, кикимора изъ дома вонь »! Кикимора сейчас же уѣжала изъ дома, но по дорогѣ она все же шепнула мужику, куда она опять идти хочетъ. Угостили мужика, дали ему сто рублей и просто не знали, какъ благодарить его за такую его услугу. Кикимора, между тѣмъ, нолзала въ домъ болѣе богатый и опять стала пакостить, да еще хуже, чѣмъ раньше. Такъ она изѣждалась (издѣвалась), что хозяевамъ ни пить, ни ъесть нельзя было—не покойное житѣе стало. Вотъ, прослышиавъ о мужикѣ, хозяева стали просить его выгнать кикимору и тоже пообѣщали ему сто рублей. Мужикъ радъ былъ деньгами, пришелъ въ домъ, да опять такимъ же образомъ выгналъ кикимору. Получилъ онъ денежки и идетъ домой, а кикимора бѣжитъ рядомъ и шепчетъ ему: « смотри, не пытайся меня больше гнать, а не то я тебя сѣмъ »! Чтò дѣлать мужику, опять его просить выгнать кикимору изъ дома самаго первого богатѣя. Всѣ знаютъ, что кромѣ мужика никто выгнать кикимору не можетъ. Долго онъ отговаривался, все боялся загубить свою жизнь, да все же соблазнился двумя стами рублей и пошелъ. « Будь, что будетъ, думаетъ, пойду ». Только что взошелъ мужикъ въ двери, а кикимора на него со всѣхъ ногъ такъ и накинулась, да такая презлюющая. Она закричала: « а, ты опять пришелъ. Я тебѣ развѣ не говорила, чтобъ ты не ходилъ. Теперь я тебя сѣмъ ». Весьма испугался мужикъ, не знаетъ, что сказать, да вдругъ пало ему на умъ: « что ты, матушка, говорить онъ, вѣдь я пришелъ не гнать тебя, а сказать, что Лютра изъ воды вышла, тебя и меня ящеть сѣсть ». Быстро вылетѣла кикимора изъ дома, да прямо къ рѣчкѣ—только брызги поднялись. Тѣмъ все дѣло кончилось; мужикъ избавился отъ лѣнивой и упрамой жены и разбогатѣлъ.

Лѣнивая жена.

Мужикъ задумалъ жениться. Что жъ, дѣло ладное. И женился. Сталы молодые житѣй-поживать и хозяйничать. Насѣялъ мужикъ хлѣба много-премного, а дѣлать работу было некому. Вотъ онъ говорить женѣ: « давай, хозяйка, сваримъ пива да браги, доспѣемъ (устроимъ) помочь ». Хозяйка сварила ему пиво, да на грѣхъ оно очень хорошее удалось, а хозяйка до страсти любила хорошее

пиво. Воть она и говорить: — хозяинъ, на что намъ помочь дѣлать; я одна управлюсь съ дѣломъ. Только мѣсто покажи. — Ладно, сказалъ мужикъ, и пошелъ показывать бабѣ, гдѣ ихъ поля. Утромъ чуть свѣть баба налила себѣ полный туесъ (берестяное ведерко) пива и позвала мужа жать. Пришли на хлѣбныя полосы, баба сразу нажала три спона ржи. Дѣву дался мужикъ, хвалить жену: — да ты у меня баба бойкая, одна все выжнешь! — Выжну, никого не зови, говорить баба. — Оставилъ мужикъ бабу на полѣ жать рожь, а самъ пошелъ на другое поле хлѣбъ сѣять. Увидала баба, что осталась одна, взяла буракъ, и давай изъ него пиво пить. Выпила все пиво заразъ и захмѣльла. Она положила два спона подъ себя, а третій подъ голову, легла и уснула. Проснувшись, она глядѣть, уже ночь на дворѣ, испугалась, стала охать: «экая бѣда, экая бѣда, что я надѣлала, что мнѣ хозяинъ скажеть!» Побѣжало домой, а мужъ-то ужъ дома дожидается и вотъ спрашиваетъ ее: — что, хозяйка, много нажала? — Полоску всю, слава Богу, выжала, отвѣчаетъ заспиха. — На другое утро мужикъ повелъ свою бабу на другое поле (по новости, баба еще не знала своихъ полосъ). Пошла баба, съ собой все же захватила новый буракъ пива. Какъ мужикъ ушелъ, она наспилась и проспала до полночи. Пришла домой и снова сообщила мужу, что всю полосу выжала. Хвалить ее мужикъ и вѣрить, что на самомъ дѣлѣ выжаты лѣвѣ полосы. Пошли на третій день на новое, третью поле, мужикъ оставилъ свою бабу одну, а самъ ушелъ сѣять. Выжала баба три спона, выпила пива, охмѣльла и на спонахъ уснула. Сѣяль мужикъ и думаетъ: «дай-ка пойду я, да посмотрю на хозяйку». Пришелъ мужикъ, видѣть — она спить. Сталь онъ ее трасти, а она не просыпается. Осердился мужикъ и думаетъ: «ладно, ты меня обманула, такъ и я надѣль тобой шутку устрою». Пошелъ онъ домой, взялъ ведро дегтя и принесъ его на поле. Мужикъ затѣмъ схватилъ бабу, поставилъ ее внизъ головой и выкупалъ ее въ дегтѣ. Такъ какъ она и послѣ этого не проснулась, то онъ оставилъ ее на полѣ. Проснулась баба, когда ужъ стало совсѣмъ темно. Хватила она себя за голову, хватила за бока и заревѣла: «вотъ бѣда, что это? кто это сдѣлалъ надо мною такую шутку? да ужъ я ли это? Нѣть, это не я — Марфида (Марфа). Пойду домой, спрошу у хозяина: дома ли Марфида? Если она дома, такъ это не я; нѣть ея дома, такъ это я — Марфида». Баба приходить домой, стучить подъ окномъ и кричить: — хозяинъ, Марфида-то дома? — Дома, отвѣчаетъ. — Экая бѣда, видно, я не Марфида. Нѣть, думаетъ она, спрошу еще разъ: — дома ли Марфида? — Дома, дома, брагу цѣлить, быль отвѣтъ. — Что я теперь стану дѣлать, стала вздыхать баба, кто я такая, ничего мнѣ не остается, какъ идти, куда глаза глядятъ! — Идеть баба, подходитъ къ лѣсу, а тамъ у елки сидѣть разбойники. Подѣжало къ нимъ баба и просить: «примите меня къ себѣ». Увидали ее разбойники и испугались:

ночью ужь очень она была страшна и—давай бѣжать, а она за ними. Бѣжали они, бѣжали, глядять не отстаетъ отъ нихъ чудище, все по-бабьему кричить. Вотъ остановились они и спрашиваютъ его: «кто ты? Иди съ нами, только не кричи». Разбойники повели съ собою Марфиду, привели къ богатому мужику и уговорились воровать у него рѣпу. Подошли они къ имъ, где была рѣпа, и говорятъ Марфидѣ: «полѣзай въ яму, выбрасывай рѣпу въ кучи—круинную на печенки, мелкую на паренки, а среднюю такъ ъесть». Лѣзетъ баба въ яму, выбрасываетъ изъ нея рѣпу, да сама во все горло кричитъ: «эту на пе-е-че-он-ки, эту на па-аре-енки, эту та-акъ ъесть»! Не кричи ты, убѣждаютъ ее разбойники, а она даже пуще стала выкрикивать. Убѣжали разбойники, видять, что ихъ поймаютъ, а бабу оставили въ ямѣ. И хорошо они сдѣлали. Проснулись хозяева, пришли къ ямѣ и сильно избили бабу. Ревѣла, ревѣла баба, пошла снова по дорогѣ и опять нашла въ лѣсу тѣхъ же разбойниковъ. Не могли тѣ отъ нея отвязаться, взяли ее снова съ собою. Дошли до другого богатаго мужика. Подняли уголь у амбара и говорятъ бабѣ: «полѣзай въ амбаръ; тамъ есть лень чесанный и нечесанный. Чесанный-то отбирай, да намъ бросай, а не-чесаннаго намъ не надо. Только смотри не кричи». Залѣзла баба въ амбаръ, отбираетъ лень, а сама опять во все горло кричитъ: «этотъ лень че-е-еса-ано-о-й, этотъ не-оче-е-са-ан-ны-ый»! Услыхали разбойники, что идутъ хозяева и убѣжали, а бабу оставили въ амбарѣ. Били хозяева бабу, сильно били, чуть до смерти не убили, отнустили чуть живою. Бѣла, какъ ревѣла баба и поллелась, куда глаза глядѣть. Пришла въ лѣсъ и набрела опять на тѣхъ же разбойниковъ. Увидала ихъ баба и давай на нихъ что есть мочи кричать: «ахъ вы, такіе-сякіе, зачѣмъ вы меня одну оставили! Меня всю избили». Не рады ей стали разбойники и давай ее ругать: «будь ты проклята, да на что ты къ намъ привязалась, да на что ты за нами идешь!» Они рѣшили отвязаться отъ нея. «Пойдемъ, говорятъ они ей, къ попу на островъ, тамъ у него рѣна посѣяна». Бабѣ давно хотѣлось есть и она на это съ радостью согласилась. Черезъ рѣку отъ поповскаго дома былъ островъ. Разбойники устроили къ острову переходъ изъ гнилыхъ досокъ, перебѣхали сами съ бабой на лодкѣ и говорятъ ей: «рви, баба, на островѣ рѣпу, а за это мы принесемъ тебѣ мяса». Они уѣхали на другую сторону, а баба принялась рѣпу рвать и что есть мочи кричать: «вотъ и рѣ-ѣпа, вотъ и рѣ-ѣпа-а!» Услыхали ея крикъ попъ и попадья и побѣжали на островъ по переходу, да не успѣли они дойти до половины, какъ увидала ихъ баба и, думая, что это разбойники, закричала: «мясо-то не-е-се-ете-е?» Какъ услыхали это попъ и попадья, испугались и бросились обратно, а переходъ-то подъ ними подломился, они упали въ воду. Баба, какъ была, такъ и осталась, да говорить и теперь она еще сидѣть на островѣ.

Сказка про медведя.

Жили-были старикъ и старуха; у нихъ были три дочери. Вотъ старикъ говорить старухѣ: «я пойду въ лѣсъ дрова рубить и по дорогѣ набросаю стружекъ до того мѣста, гдѣ стану рубить, а ты испеки блины и пошли ихъ съ дочерью—она по стружкамъ найдеть меня». Идетъ старикъ лѣсомъ, да стружки бросаетъ, а медвѣдь сидитъ за кустомъ и видить это. Медвѣдь стружки сталь подбирать и бросать по дорогѣ же, да только не по той, по которой старикъ шелъ, а по дорогѣ, ведущей къ избѣ въ берлогу. Старикъ идетъ ничего не подозрѣвая. Старуха затопила печь, испекла блины и вѣлѣла старшей дочери отнести ихъ. Пошла дѣвица по дорогѣ и по стружкамъ дошла до избы, а въ ней—видить — вмѣсто отца медвѣдь сидитъ. Весьма испугалась дѣвица, стоять и молчать, а медвѣдь говорить ей:—останься, дѣвушка, у меня, будь моей хозяйкой.—Нѣть, не останусь.—А, не останешься, такъ я тебя сѣль!—Сѣль медвѣдь дѣвушку, а кости выбросаю на полати. Ждалъ старикъ въ лѣсу блиновъ до самаго вечера и пошелъ домой. Тутъ онъ кинулъся на старуху, сталь съ ней ругаться и бить, приговаривая: «старая карга, не обманывай, носи мнѣ блины!» На другой день старикъ опять пошелъ въ лѣсъ и наказалъ старухѣ послать ему блиновъ, по той же примѣтѣ. Медвѣдь ужъ давно его караулилъ и снова собралъ и разложилъ стружки по своему. Старуха вѣлѣла второй своей дочери снести отцу блины. Пошла дѣвушка съ блинами и дошла до медвѣжьей избы. Зашла въ нее, а медвѣдь сидитъ на лавкѣ и говорить: «дѣвушка, останься у меня, будь моей хозяйствкой». Со страху она и слова вымолвить не смогла и побѣжала. Медвѣдь догналъ ее, схватилъ, сѣль и кости на полатибросаю. Долго ждалъ старикъ блиновъ и, не дождавшись ихъ, пошелъ домой. Онъ опять сталь бить и ругать старуху. Старуха отпиралась, что старика не обманывала и блины посылала, старикъ все таки не вѣрилъ. На третій день старикъ строго-на-строго наказалъ послать ему въ лѣсъ блиновъ. «Не пошлиши, старуха, прибавиль онъ, я убью тебя». Отправляется нашъ старикъ опять въ лѣсъ и стружки, по пути, бросаетъ, а медвѣдь идетъ сзади его и стружки перебрасываетъ на свою дорогу. Старуха еще до пѣтуховъ встала и все блины печеть. Напекла и велитъ младшей дочери снести ихъ отцу. Идетъ дѣвушка отъ стружечки къ стружечкѣ и дошла до медвѣжьей избы. Только въ избу вошла, а медвѣдь и испрашивавшъ свою гостью: «будешь, дѣвушка, моей хозяйствкой, такъ останься у меня?» Испугалась дѣвушка.—Хорошо, говорить, останусь.—Ладно, отвѣчаетъ медвѣдь, а то я сѣль бы тебя.—Дѣвушка осталась жить у медвѣдя, стала хозяйствничать и кормить его сладко-пресладко.

Медвѣдь какъ-то ушелъ въ лѣсъ и что-то на-долго. Долго ждала его наша дѣвушка и думаетъ: «ну-ка, погляжу я, что у него гдѣ лежитъ». Пошла она въ амбаръ—хлѣба полно. Заглянула въ другой: всякое добро, да все шелковое; заглянула въ третій, а тамъ—золота до самаго потолка. Амбary-то у медвѣдя все пребольшіе, только рядомъ стоялъ малый чуланчикъ, а въ немъ находились двѣ склянки—одна съ живой, а другая съ мертвой водой. Много дивовалась дѣвушка и пошла потомъ рыться по избѣ. Все переглядѣла, залѣзла подъ конецъ и на полати. Какъ увидала тамъ чело вѣчны кости, такъ и заревѣла: «вѣдь, эти кости, должно быть, моихъ сестеръ!» Взяла она эти кости, сбѣгала въ чуланчикъ за живой и мертвой водой и стала поливать ихъ. Полила на кости сначала мертвой водой—онъ срослись, а какъ полила живой воды—появилось на нихъ тѣло. Тогда она не пожалѣла воды живой и всю ее вылила на покойницъ. Сестры ожили. Послѣ разлуки на радостяхъ онъ стали цѣловаться и обниматься. Затѣмъ, онъ принялъся судить—рядить, какъ имъ избавиться отъ медвѣдя. Вотъ младшая сестра говорить: «я вѣсь, сестры, домой отправлю, только теперь, до поры-до времени, спрячьтесь». Только что спрятались сестры, какъ медвѣдь пришелъ изъ лѣсу. Дѣвушка накормила его и, укладывая спать, говорить ему:—что же это, хозяинъ, долго ли мы будемъ такъ жить? Вѣдь надо же тебѣ съ моими стариками, съ отцемъ-матерью, помириться!—Ну, такъ что, мириться, такъ мириться.—Такъ вотъ что, продолжала дѣвушка: я завтра, пока ты будешь въ лѣсу, напеку пироговъ да шанегъ, а придешь изъ лѣсу и наѣшься, пироги и шанги унеси въ гостинецъ отпу.—Согласился медвѣдь, и когда на другой день онъ пошелъ въ лѣсъ, дѣвушка отыскала пребольшой пестерь (корзинку), выгребла изъ амбара весь хлѣбъ, ссыпала его въ пестерь, да туда же посадила старшую сестру, самый же пестерь туго-на-туго перевязала веревкой. Пришелъ медвѣдь, наѣлся, схватилъ пестерь къ себѣ на спину и пошелъ, только успѣла дѣвушка сказать ему: «смотри, дорогой пироги не ъшь—я полѣзу на крышу и буду гладѣть». Медвѣдь бѣжалъ лѣсомъ, пріутомился и говорить: «уфъ, какъ я усталъ. Сись-ка на пенекъ, сись-ко пирожокъ!» Дѣвушка въ пестерь заплакала и молвила: «вижу, вижу... не садись на пенекъ, не ъшь пирожокъ!».—Вотъ бѣда, подумалъ медвѣдь, какъ это она такъ далеко видить меня». Вѣдь я ужъ сколько верстъ лѣсомъ прошелъ. Побѣжалъ онъ дальше. Добѣжалъ до стариковской избушки и—хресь въ ворота! Ворота отворились, а собаки накинулись на него, да какъ принялись за его пятки, такъ медвѣдь и про пестерь забылъ, давай бѣжать. Приѣжалъ домой, отдувается и говоритъ: «охъ, какія у васъ собаки злющія, всѣ пятки мнѣ искусили!» Дѣвушка въ оправданіе возразила: «не повѣрю я тебѣ, ни въ жизнь не повѣрю, у насъ собаки смиренныя, обманываешь ты, коли говоришь, что онъ

злющія. Ступай-ка завтра, да поклонись отцу-матери, а я напеку блиновъ я шанегъ». На другой день медвѣдь пошель въ лѣсъ; дѣвица напекла пироговъ, сложила въ большой пестерь все золото изъ амбара, посадила туда же вторую сестру и уговорила медвѣдя нести пестерь отцу, для мировой. Напися, наѣлся медвѣдь, схватилъ пестерь и побѣжалъ къ старикамъ. Скоро онъ усталъ и думаетъ: «смѣсь-ка на пенекъ, сѣйсь-ко пирожокъ». А дѣвушка изъ пестеря кричитъ: «вижу, вижу... не садись на пенекъ, не ѿши пирожокъ!» Побѣжалъ медвѣдь дальше; бѣжитъ да ворчитъ: «вотъ бѣда, и отдохнуть нельзя; какъ это она видить меня, вѣдь я далеко ушелъ». Прибѣжалъ къ воротамъ старицкой избушки и опять—хресь въ ворота! Собаки пуще вчерашняго кинулась на него. Схватили за его кожу у голяшекъ, да почти до самыхъ пять ее спустили. Освирѣгъ медвѣдь, бросилъ на дворъ пестерь, а самъ домой бѣжать. Домой прибѣжалъ злющий, весь въ крови. Вошелъ въ избу и кричитъ: «смотри-ка, что со мной ваши собаки сдѣлали, а ты все не вѣришь! Не пойду больше ни за что». Дѣвушка обласкала и урезонила его. Помирися съ нею медвѣдь и пообѣщалъ завтра еще разъ, да только въ самый послѣдній, сходить къ старикамъ на поклонъ. Дѣвушкѣ только этого и надобно было. На утро она проводила медвѣдя въ лѣсъ, напекла пироговъ; со всѣхъ ногъ бѣгаетъ-суетится. Она нашла самый большой пестерь, сложила въ него все шелковые, а поверхъ его пироги, да еще и для себя тѣста оставила. Приходитъ медвѣдь изъ лѣсу домой, давай дѣвушка угощать его, да такъ сладко и такъ много, что онъ едва могъ дышать.—Ну, не хотѣль я больше идти къ старикамъ, молвилъ медвѣдь, да седни ты меня очень уважила, сладко накормила, и я уважу тебя въ послѣдній разъ: схожу къ старикамъ съ поклономъ.—Иди съ Богомъ, больше тебя посылатъ я не стану; въ сѣняхъ возьми пестерь и неси его, а я пойду на крышу смотрѣть на тебя.—Дѣвушка быстро побѣжала на крышу, захвативъ съ собой деревянную ступу. Ступу же загодя обрядила въ свое платье и верхушку повязала своимъ платкомъ. Ступу она поставила на крышу, а сама скорѣе сѣжала внизъ, залѣзла въ пестерь, завязалась изнутри и—сидѣть. Медвѣдь схватилъ пестерь, бросилъ его къ себѣ на спину и подумалъ: «что она тутъ наложила,—ровно камни». Медвѣдь бѣжитъ да кряхтитъ и скоро присталь. Онъ опять захотѣль присесть на пенекъ, сѣсть пирожокъ. Но дѣвушка сейчасъ такъ жалобно завопила изъ пестеря:—вижу, вижу... не садись на пенекъ, не ѿши пирожекъ!—Экая бѣда, какъ она меня видить. Ну, да ладно, донесу, вѣдь уже въ послѣдній разъ.—Едва добѣжалъ медвѣдь до воротъ и—хреснуль воротами. Собакъ на него выбѣжало еще больше, еще алѣ. Какъ вѣспились онъ въ медвѣдя, изорвали у него въ куски все ляжки; едва онъ отбился, бросилъ пестерь и побѣжалъ домой безъ оглядки. Медвѣдь бѣжитъ да рявкаетъ: «погоди ты у меня,

дамъ я тебѣ почувствовать, какъ поправлюсь! Подбѣжалъ медвѣдь къ избушкѣ и кричить: «слѣзай съ крыши, да отпирай двери! Слышишь, слѣзай!» Молчать ступа, молчить да на одномъ мѣстѣ стоять. Севѣтъ освирѣлъ медвѣдь, полѣзъ ва крышу, да какъ бракнетъ по ступѣ ланой, та съ крыши о земль грохнулась и въ мелкія щепы раскололась. Тутъ только медвѣдь дегадался, что дѣвушка его обманула. Заревѣлъ тутъ медвѣдь свирѣпый воемъ. Онъ бросился затѣмъ къ амбарамъ—вездѣ пусто. Видѣть—его въ конецъ разорили. Долго и сильно ревѣлъ онъ, а все же къ старику и старухѣ больше не пошелъ. Больно ужъ его собаки проняли.

Иванушка-дурачокъ.

Жили-были три брата; двое умныхъ, а третій былъ у нихъ Иванъ-дуракъ. Вотъ задумали умные братья жениться и послали дурака на мельницу, чтобы солоду смолоть и къ свадѣбѣ пива наварить. Смолотъ дуракъ солодъ, идетъ съ нимъ домой, да на бѣду захотѣлось ему пить. Неподалеку была рѣчка. Подошелъ Иванъ къ рѣчкѣ, высыпалъ въ нее солодъ, наился и приходить домой къ братьямъ. Гдѣ солодъ? спрашиваютъ его братья. Разсказали имъ Иванъ, куда хмѣль дѣвалъ. Ругали его братья, да что съ дурака возьмешь. Снова они послали Ивана, чтобы онъ для нихъ хоть хмѣлю купилъ на базарѣ. Пошелъ Иванъ за хмѣлемъ, купилъ его, взвалилъ къ себѣ на плечи и несетъ. Шумитъ хмѣль за плечами, а Ивану покажись, что хмѣль ругаетъ его: «Иванъ-дуракъ, Иванъ-дуракъ!» Разсердился Иванъ: «иши тоже всякая дрань ругается!» И онъ выпустилъ хмѣль по вѣтру. Пришелъ домой и рассказалъ братьямъ, за что онъ на хмѣль разсердился. Ругали его братья, ругали, сходили сами за солодомъ и за хмѣлемъ и заварили пиво. Затѣмъ братья куда-то отлучились изъ избы, а Ивана оставили дома. Вотъ Иванъ выпилъ пиво на полъ, принесъ сельницу (корыто, въ которомъ сѣютъ муку и катаютъ хлѣбы), поставилъ ее на полъ, взялъ въ руки хлѣбную лопату, сѣлъ въ сельницу и давай по избѣ плавать. Вернулись братья и увидѣли, что Иванъ сдѣлалъ съ ихъ добромъ. Они ругали его и придумали, что для того, чтобы имъ отъ Ивана-дурака отвязаться, надо имъ уѣхать отъ него, а не то все равно онъ разорить ихъ. Вотъ они сложили въ мѣшки все свое имущество и стали выжидать время, когда Иванъ уйдетъ. Иванъ подкараулилъ, какъ братья имущество складывали, и залѣзъ въ одинъ изъ мѣшковъ. Видѣть братья—нѣть дурака. Они взвалили мѣшки къ себѣ на спинны и понесли. Вотъ шли они, шли, дошли до избушки и вздунали въ ней отдохнуть. Взошли въ избушку, развязали мѣшки, а Иванъ-дуракъ тутъ: выскочилъ оттуда и закричалъ: «братья, и я съ вами!» Братья разсердились на Ивана, и

просто не знали, какъ отъ него отдѣлаться. Въ наказаніе братья велѣли ему нести дверь, что была отнята ими отъ избушки. Пошли братья дальше. Идутъ они, несуть мѣшкы, идеть и Иванъ-дуракъ и несетъ пребольшую дверь. Долго ли-коротко ли дошли братья до лѣса и вдругъ слышать—скачутъ разбойники. Что имъ дѣлать. Погѣли братья на дерево и мѣшкы съ собой захватили; полѣзъ за ними и Иванъ-дуракъ и дверь свою туда же затащилъ. Разбойники, какъ на грѣхъ, остановились подъ тѣмъ же деревомъ. Сидѣть разбойники подъ деревомъ и варить капу. Иванъ-дуракъ все держитъ свою дверь; наконецъ, утомился и говоритъ братьямъ:—ой, братья, не могу двери удержать. — Молчи, дуракъ—они вразуillaли его—попадешься ты и мы тогда изъ-за тебя прошадемъ.—Посидѣль, посидѣль Иванъ, и опять говорить:—братья, у меня брюхо болить, усидѣть не могу.—Молчи дуракъ—снова они твердили ему—попадешься разбойникамъ, и мы изъ-за тебя прошадемъ.—Терпѣль Иванъ, терпѣль, да вдругъ грохнулся съ дверью на землю и крикнулъ. Разбойники, кто куда, всѣ со страху поразбѣжались. Только одинъ изъ нихъ до того испугался, что съ мѣста сойти не могъ. Иванъ подбѣжалъ къ нему, выхватилъ у него изъ-за пояса ножъ и обрѣзаль имъ у разбойника языка. Пустился разбойникъ догонять своихъ товарищай. Онъ кричить имъ въ догонку: «стойте, братья, одинъ талалалекъ, одинъ талалалекъ!» Безъ языка не могъ онъ крикнуть имъ: «одинъ человѣкъ». Разбойники, услыхавъ его, подумали, что онъ кричить про «сто человѣкъ, сто человѣкъ» и стали убѣгать еще скорѣе. Разбойники бѣжали, бѣжали, да наконецъ одушились. «Стой, братцы,—раздался голосъ—кажется, вѣдь кто-то кричитъ: одинъ человѣкъ, одинъ человѣкъ». Остановились они и видѣть: бѣжитъ къ нимъ ихъ товарищъ; лицо у него все какъ есть въ крови. Подбѣжалъ онъ близко—видѣть разбойники, что онъ безъ языка. Выспросили у него, какъ было дѣло, и повернули назадъ: да гдѣ тебѣ...

Иванъ-дуракъ вмѣстѣ съ братьями забрали все имущество разбойниковъ и ушелъ изъ лѣсу. Онъ пришелъ домой и стала жить да поживать.

Глупые люди.

Жили-были старикъ и старуха; у нихъ былъ сынъ Иванушка. Вогъ пришло время, когда надо отдавать Иванушку въ солдаты, а идти ему въ солдатчину—смерть не охота. Онъ постоянно прятался то въ хлѣвъ, то на гумно, то на полати, то—куда попало, чтобы только его не схватили и не отправили на военную службу. Стала однажды старуха топить печку и уронила съ шестка ѿщепокъ, а ѿщепокъ былъ большой. Глядѣла, глядѣла старуха—да какъ зареветь. Услышалъ старикъ, что реветь его старуха, пришелъ въ избу

и спрашивается:—о чём ты, старуха, плачешь?—Охъ, старики, не знаешь ты моего горя. Какъ мнѣ не реветь. Пособи ты моему горю. Слушай, что я тебѣ расскажу. Стала я топить печку, уронила ощепокъ па щестокъ, а съ щестка на полъ. Тутъ мнѣ пало въ голову: какъ бы нашть Иванушка да былъ женатой, да кабы у него былъ ребеночекъ и сидѣлъ бы онъ тутъ на задавочкѣ; ощепокъ палъ бы на него; такъ бы тутъ его и прихлопнуло. Чтобы я тогда стала дѣлать-то?—А вѣдь ты, старуха, права. Давай-ка я пособлю тебѣ реветь.—Оба и забазанили. Услыхалъ ихъ ревъ Иванушка и думаетъ: «вотъ бѣла, видно, за мной пришли; пойду, отворю немножко дверь, погляжу; вѣдь, не вдругъ же схватятъ». Подошелъ къ дверямъ, маленько пріотворилъ, видѣть: никого нѣть, кроме старика и старухи. Зашелъ въ избу и распросилъ, о чёмъ они ревутъ. Они рассказали ему. Посмотрѣлъ на нихъ Иванушка, плонулъ на земль и сказалъ: «тыфу, вы, шальные, испужали меня до смерти; пойду я, куда глаза глядятъ; если найду дичье, да дурнѣе васъ, ворочусь тогда къ вамъ, а не найду---не видать вамъ меня болѣе». Ушелъ. Только его и видѣли старики со старухою.

Долго ли, коротко ли шелъ Иванъ, да дошелъ до избы. Заходить въ избу, а въ ней тоже живеть старики со старухой; они ёдять кисель и молокомъ захлебываются. Хлѣбнуть ложку киселя и бѣжать въ клитъ молокомъ захлебнуться. Глядѣть, глядѣть на нихъ Иванъ и говорить:—не дѣло вы дѣлаете. Дайте мнѣ сто рублей и я научу васъ, какъ надо ѿсть.—Возмы, батюшка, съ радостью дадимъ, только научи, а то мы каждый разъ ёдимъ до пристатку, зачастую и набѣстъся не можемъ.—Пошелъ Иванъ въ клитъ, принесъ горшокъ съ молокомъ, поставилъ кисель и молоко на столъ, посадилъ за столъ старика и старуху, самъ тутъ же сѣлъ и давай кисель упсыывать. Всѣ такъ набѣлись, что бока прочь. Отдали старики Ивану сто рублей деньгами, да еще спасибо ему сказали. Пошелъ онъ дальше.

Дошелъ Иванъ опять до избы. Заходить въ нее, а въ избѣ такой дымъ, что глядѣть нельзя; хозяева бѣгаютъ по избѣ съ рѣшетами въ рукахъ и дымъ изъ избы выносить. Гладить, глядѣть Иванъ и говорить: «кабы вы дали мнѣ сто рублей, такъ этакъ бы не бѣгали; я бы вамъ все устроилъ». Начали хозяева просить Иванушку сдѣлать ить по своему; дали ему сто рублей, только бы напредъ не бѣгать; напоили и накормили его и всѣмъ надѣлили. Иванъ взялъ топоръ и прорубилъ у самаго потолка дырку; дыму сразу не стало и всѣ остались довольны его выдумкой.

Идѣть Иванъ съ денежками дальше, дошелъ до богатаго дома; въ домѣ томъ жилъ важный баринъ, а около барскаго дома гуляла свинья. Вотъ схватилъ Иванъ свинью за шею и началъ ее душить. Свинья завизжала. Услыхалъ баринъ свиной визгъ и закричалъ своимъ слугамъ: «бѣгите скорѣе, узнайте, о

чемъ моя свинья пищать». Увидаль Иванъ слугъ и сталъ около свиньи похаживать и кланяться ей, приговаривая: «свиньюшка пестра, моему сыну крестна, пожалуй ко мнѣ въ гости». Слуги, спросили Ивана, что онъ свинъ наговариваетъ. Иванъ въ отвѣтъ имъ: «да вотъ зову ее въ гости, къ крестнику на свадьбу — въ свахи, да не идеть, говорить не въ чемъ». Слуги рассказали объ этомъ барину, а тотъ велѣлъ дать свинъ хорошее шелковое платье. Снарядили свинью въ это платье, но оно оказалось ей тѣсно. Свинья опять заверещала: ви-и-и-и, ви-и-и-и! — Чего ей еще надо, кричигъ баринъ. — Да вотъ, говорить Иванъ, идти не можетъ, болыно толста, лошадей проситъ. — Дать ей пару самыхъ лучшихъ лошадей, распорядился баринъ. — Вывели что ни на есть пригожихъ лошадей. Иванъ все не уходитъ отсюда. Все вокругъ дома ходить, свинъ кланяется и ее подтыкиваетъ, а той это не любо, она визжитъ: ви-и-и-и, ви-я-и-и! Наскучило барину слушать эту шумъ, и онъ опять закричилъ: — чего ей еще надо? — Да вотъ, говорить Иванъ, просить она барскаго благословенія на дорогу и денегъ сколько-нибудь. — Дать ей двѣстѣ рублей и пускай убирается. Иванъ радъ-радехонекъ: забралъ все, что дали свинъ, сѣль на лошадей и рѣшилъ: «идти маѣ-ка теперь къ отцу, къ матери. Есть на свѣтѣ люди еще глупѣе, еще дурнѣе ихъ». Какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ — онъ воротился домой. И живутъ теперь все они вмѣстѣ, да поживаются и добра наживаются.

Молодая старуха.

Старикъ-иней тэ, старикъ-иней. Кувинъ тай, кувинъ, колинъ тай менэ, колинъ. А ме кыдзъ мэдэчча, кыкъ-дта ернесь пасытава чѣчкомъ, сизимъ-ота лубасъ вэзъ пасытава, сѣра чувкиевъ кэмава, да сѣдъ чарки кэмава, шутемъ-куязъ котэрта, кэзъ увтасъ сутышта, кыдзъ шутнѣвта, моводяжысь ме дынэ вѣктасэ; ме этъ кокэсъ мыччишта, мэдъ кокэсъ мыччишта-иція чайтэны нывка, а то инька.

Свободный переводъ. Эхъ, старикъ ты мой, старикъ, напрасно ты умеръ и меня оставилъ. Возьму-ка я стиаряжусь: одѣну рубаху въ двѣ полосы, а синій дубасъ въ семь полосъ, на перекосъ шен надѣну платокъ, а на ноги пестрые чулки и черные башмаки. Да какъ побѣгу я по шутму, какъ подъ елочку-то встану, изъ подъ нея какъ свисну — молодяжки-то (молодые ребята) ко мнѣ и прибѣгутъ. Я имъ какъ покажу одну ногу, какъ покажу другую, такъ они и подумають, что я — дѣвка, а не баба.

Эта побасеночка единственная, какую я могъ достать на пермяцкомъ языкѣ. Такихъ побасенокъ есть, конечно, много, но все онѣ черезчуръ свободны и, поэтому, для печати не пригодны.

Далѣе слѣдуютъ двѣ пріскажки, почти всегда употребляемыя не передъ сказками, какъ это дѣлается у насъ, напримѣръ: «по усамъ текло», а послѣ сказокъ. Пріскажки говорятся однѣ сказочниками, а другія сказочницами. Вотъ какъ заканчиваетъ свои слова балагурь-сказочникъ: «И я тутъ былъ, медь и пиво пилъ, по усамъ бѣжало, а въ рогъ не попадало. Дали мнѣ штаны полосами, кафтанъ да колпакъ и стали въ двери толкать. Я выскочилъ и побѣжалъ, а тутъ лѣтать птицы, кричать: «штаны полосами, штаны полосами!» А я думаю: въ штанахъ-то поросята, въ штанахъ-то поросята. Бѣгу дальше, а птицы лѣтать и кричать: «синь да хорошъ, синь да хорошъ!» А мнѣ слышится: скинь да положь, скинь да положь. Вотъ сбросилъ я съ себя штаны, снялъ кафтанъ, положилъ ихъ подъ кокору, да и теперь знаю подъ которую». Такъ заканчиваетъ мужчина, а женщина варируетъ тоже въ нѣсколько иномъ видѣ: «И я тутъ была, пиво-медь пила. Дали мнѣ синий дубасъ, рубаху полосату; дали шлыкъ. Я въ подворотню—швыркъ. За воротами дали лошадку ледянную, плетку свиранную, а седѣльце гороховое. Вхала, вхала, увидала пожаръ. Поставила лошадку съ сѣдломъ и съ плеткой къ огороду. Вотъ на пожарѣ мнѣ кричать: «рубаха полосата, рубаха полосата!» А я думаю: въ рубахѣ-то поросята, въ рубахѣ-то поросята. Кричать въ двугорядѣ: «дубасъ синь, да хорошъ; дубасъ синь, да хорошъ!» А я думаю: дубасъ скинь, да положь; дубасъ скинь, да положь. Рубаху я бросила, дубасъ скинула и побѣжала. Побѣжала къ лошадкѣ, а она-то и разстаяла. Посмотрѣла на плетку, ее-то воробы расклевали, а гороховое сѣдло вороны на гнѣздо утащили. Такъ я не причемъ осталась».

Въ такомъ же духѣ можно найти нѣсколько другихъ пріскажокъ. Въ общемъ, все онѣ похожи другъ на друга.

У всѣхъ народовъ пословицы представляютъ житейскую мудрость, облеченнуя въ форму остроумія, а загадки—житейское остроуміе въ формѣ иносказательной. Трудно найти народъ, не имѣюшій на своемъ языкѣ ничего такого, что бы можно было назвать остроумнымъ. Но еще труднѣе, порой, разобраться въ плодахъ житейского остроумія.

Послѣ тщательнѣйшаго разбора такого этнографического материала представляется возможнымъ изъ пермѧцкихъ пословицъ, поговорокъ и загадокъ выбрать только нижеслѣдующія.

Изъ пословицъ большею частью великорусскихъ (характерно, впрочемъ, перековерканныхъ):

Будливой коровѣ Бокъ рога не даетъ.

Сытный говодново не разумѣть.

Дальше повожишь—ближе возьмешь.

Старая собака не ваетъ на пустое деревево.

Кривое деревево не спрямишь, звово чевовѣка не выучишь.

Звому чевовѣку кошкой въ гваза не скочишь.
Колды сокъ падаетъ, толды и сочись.
Колды кишить, толды и вари.
Скоро идешь, ближе будешь; тише идешь, дальше будешь.
Пвоко лежить, брюко болить.
Пвоко не квади, вора въ грѣкъ не вводи.
Съ вовками жить—по вовчы выть.
Рыба ишшотъ, гдѣ гвубже, а чевовѣкъ—гдѣ вучше.
Осеню по полю кодить—пирогомъ кормить, весной по полю кодить—
стягомъ бить.
У говоднаго клѣбъ на памети.
Береженова Бекъ бережеть.
Нѣть женика—не пойдешь за быка.
Не смійся горокъ надъ бобами, самъ наваляешша подъ ногами.
Не смійся горокъ—не бѣлѣе зубовъ.
На чужи сани не садись.
Не знаешь броду, не суйся въ воду.
Два медвѣдя въ одной бервогѣ не уживутца.
Изъ загадокъ:
И ночь и день старый чевовѣкъ мясо крошить (лучина горитъ).
Воробей бѣжитъ, кровью... испражняется (лучина горитъ).
Чтѣ въ избѣ красиво? (образъ).
Чтѣ на спичку не повѣсишь? (яичо).
Чтѣ къ стѣнѣ не привалишь? (дорогу).
Сидить баба на яру, рониши перина дыру (ковшъ надъ мельничнымъ жерновомъ).
Двѣ сестры однимъ поясомъ подпоясались (колья въ изгорода).
Чотыре брата однимъ пваткомъ покрылись (столъ).
Гнѣздо повное заперто бѣзыкъ куричъ (зубы).
На краю повки медвѣдя кувакъ (солонка).
По стѣнѣ ремень растянулся (мохъ въ пазахъ бревенъ).
На уличѣ рогато, въ избѣ безрого (уголь).
Заплотъ разломашь, квадешь, квадешь, не можежъ сквастъ (щепанная лучина).
На старушкѣ-то спотѣу, да на дѣвку захотѣу, а на дѣвкѣ-то озябъ, да
на старушку-то назадъ (печь и полати).
Еслибы не дѣдушковъ шунтиюкъ, то бы заросла у бабушки шунтя-мунтя
(замокъ).

VI.

Лече́ниe пермяко́въ.—Народныe сна́добы.—Заговоры.—Цы́лебная си́ла бани.—Зубная бол. — Лече́ниe больного въ избяной печи.—Средство «очиститься отъ суда».—Стрижка ногтей.—Поди́нь басомъ дѣтей.—Муравьиный насто́й.—Земляное масло.—Отрубленный палецъ.—Болезнь — обезвоженіе и лече́ниe еи (мыльная вода посль покойника).—Вытравле́ниe плода (сна́добы, механические пріе́мы, спорынья, разминание живота).—Резунъ трава (вспомог. средство для воровъ).—Средства для защи́ты отъ воровъ (челпанъ, пла́кунъ).—Затворъ колдуна.—Состяза́ниe колдуно́въ.—Текстъ заговоровъ.—Примѣты.

Какъ только въ пермяцкой семье кто-нибудь заболѣлъ, ему для исцѣления даютъ то или другое изъ всѣхъ лѣчебныхъ народныхъ сна́добий или же зовутъ захаря-вѣжливца. Сна́добы, какъ даваемыя самими домохозяевами, такъ и вѣжливцами, имѣютъ въ массѣ случаевъ рѣшающее значеніе. Оно и неудивительно. Вѣдь иной разъ даютъ напр. сулemu и мышлякъ въ большихъ дозахъ: всѣ измѣренія производятся на глазомѣръ.

Кромѣ лѣчебныхъ сна́добий, у пермяковъ имѣется множество заговоровъ. Вотъ нѣсколько наиболѣе употребительныхъ изъ нихъ. Когда пермяку случится порѣваться или наколоться до крови, то ему рекомендуется слѣдующій заговоръ «крови»: «Въ роту не вода, въ роту не капли, какъ земля крѣпится, небо вертится, такъ же крѣпись кровь отъ раба человѣка (имя рѣкѣ). Стоноись, крѣпись, становись, крѣпись. Человѣкъ изъ будатнаго камня, а кровь будь крѣпче будатнаго камня. Аминь на аминь, какъ мать поставила, такъ же будь по старому». Еслибы, этотъ заговоръ, паче чаянія, не помогъ, а скорѣе повредилъ, то имѣется слѣдующій и уже самовѣртишій: «Шла баба по рѣчкѣ, вела быка по ниткѣ. Нитка порвалася—кровь пролилася. Стану я на камень, кровь моя не канетъ. Кровь закрѣплюсь, будь моя молитва крѣпка и лѣпка. Ключъ мої становися. Аминь». При посредствѣ заговора можно избавиться и отъ такой болѣзни, какъ кила. Вотъ заговоръ противъ нея. «Отъ раба человѣка (имя рѣкѣ), отъ бѣла тѣла третье сердце, третья кровь. Какъ Илья провокъ милостивый громомъ гремитъ, огнемъ палитъ—по землѣ очищаетъ, также очисти нечистый духъ—нечисту силу болѣзни съ громомъ огненнымъ. Отъ 77 жилъ, отъ 77 костей, отъ 77 суставовъ. Сторонись, крѣпись; становись, крѣпись, какъ мать поставила, такъ же будь по старому. По всѣмъ тѣламъ, по всѣмъ жиламъ, по всѣмъ внутрамъ, по всѣмъ ребрамъ, по всѣмъ суставамъ, отпускаемы крѣпкія слова, крѣпкіе заговоры, Божественные слова, Божественные заговоры; нечистый духъ, нечистая сила—въ болѣзняхъ хитрость-мудрость и какъ росла-выросла, также сохни высыхай. Вода мутна, вода копна, вода пробѣгшая, какъ вода проходитъ по рѣкѣ, также проходи нечистый духъ, непріятна сила».

Всѣ заговоры и наговоры главн. обр. продѣлываются въ бавяхъ. Въ цѣлебную силу бани пермяки вѣрять слѣпо и, быть можетъ, благодаря этому безуокоризненно гигиеническому средству, они еще не все вымерли. Заболѣвать малютка и бабушка живо истопить баню, куда тащить его. Тамъ, разогрѣвъ вѣничекъ, она парить дитя, приговаривая одинъ изъ урочныхъ заговоровъ: «Господи благослови. Дай Господи здоровья всѣмъ младенцамъ. Баенька, матушка девяностолѣтенка. Кто разхитилъ и разшипалъ и сучья и вершины, тотъ моего младенца сохрани и избавь отъ чернаго глаза, отъ бѣлынь глазъ, отъ рыжаго человѣка, отъ худой думы». Не остается бабушка безмолвной и въ то время, когда распариваетъ вѣникъ. Она наговариваетъ на воду: «Господи благослови. Баинька, матушка (батюшкa), Соломія бабушка и теплая парушка; парила, гладила, отъ грѣховъ очистила». Кончая заговоръ, та же бабушка приговариваетъ: «Дай, Господи, тебѣ (имя рѣкъ) доброго зодоровья. Всѣ болѣзни оступитесь въ темные лѣса, на высокія кочки, възыбучія болота, къ старому хозяину. Избави тебя Господи, отъ всякихъ болѣзней и отъ колотья и отъ горячки и отъ шепоты-ломоты; не болите не ломите семидесять семь суставовъ и семьдесятъ семь жилья». Вѣрять и въ такой урочный заговоръ: «Сердце не радуйся, глаза не глядись. Ты меня не бойсь. Отъ бѣло-глазаго, черно-глазаго и синеглазаго, отъ уроковъ, отъ пороковъ, отъ женскаго полу, отъ маленькихъ ребятъ, отъ долговолосыхъ, отъ русыхъ, отъ бѣлыхъ и отъ всего; будь моя молитва аминь».

Зубную боль лѣчать слѣд. заговоромъ, обращеннымъ къ Антипѣ—зубному цѣлителю. «Стану я рабъ Божій человѣкъ (имя рѣкъ). да перекрещуся, обуюся, да еще перекрещуся, умоюся со святой водой—ключевой; оботруся въ полотенце бѣлое и Господу Богу помолюся. Пресвятой мати Богородицѣ—Антипѣ преподобному. Одѣнуся, да еще переодѣнуся; выйду я за двери и выйду я за ворота подъ частыя звѣзды, подъ красно солнце и подъ свѣтлый мѣсяцъ; пойду я въ восточную сторону. Въ восточной сторонѣ есть океанъ море; на океанѣ морѣ есть островъ; на островѣ стоять соборная церква. Въ соборной церкви есть Мать Пресвятая Богородица—Антипа преподобный. Я къ ней пришелъ съ добрыми дѣлами и заповѣдями. Я вамъ покорюся и помолюся: какъ у дерева сухъ сохнетъ и посыхаетъ, также чтобы сухъ и посыхалъ зубной червь. Пойди за темные лѣса—на сырья болота. Какъ запираются райскія двери на 12 замковъ, на 12 дверей, также остановитесь мои слова крѣпкія—костныя и крѣпче булата. Щука въ морѣ, ключ—замокъ ворту. Во имя Отца и Сына и святаго Духа Аминь». Так. обр. при посредствѣ подобнаго рода заговоровъ пермяки исцѣляются отъ постигающихъ ихъ болѣзней путемъ, такъ сказать, гипнотическимъ—путемъ вѣры въ лѣчебную силу извѣстнаго проходимца. Когда сила эта оказывается недѣйствительною,

здѣшніе доморощенные лѣкаря и лѣкарки обращаются къ другимъ средствамъ. Напримѣрь, одного изъ крестьянъ лѣчили отъ ревматизма тѣмъ, что запарили больного въ избяной печкѣ до смерти. Въ печку, къ тому, была поставлена корчага костей ради получения изъ нихъ костяного дегтя. Лѣкарка, въ оправданіе неуспѣха лѣченія, положительно ссыпалась на то, что больной, выходя изъ печи, переступалъ ногами не «благословесь», почему нечистый духъ «напустился» на него снова, а такъ какъ молитва дѣвы разсердила этого нечестиваго духа, то онъ и набросился на мужика съ болѣшимъ ожесточеніемъ. Врагъ отбилъ у него ральникъ (ляжку—бедро) и напустилъ на него хворость, твердила лѣкарка.

Чтобы очиститься отъ суда надо только завести: библію, черную магію и перевернуть ихъ на другую сторону. Будто бы очень помогаетъ и разжеванный печенный хлѣбъ; его только слѣдуетъ посолить возможно круче и держать въ рукѣ или за пазухой. Само собой разумѣется, средство будеть действительныѣ, если тотъ же хлѣбъ заговорять. Во всякомъ случаѣ, каждому, кто идетъ въ судъ, необходимо знать, что въ порогъ присутственнаго мѣста слѣдуетъ шпуть три раза. И вообще во всемъ жизненномъ обиходѣ надо знать подходящіе способы. Напримѣрь, стричь ногти можно, по съ тѣмъ, что ихъ необходимо прятать за собственную пазуху, такъ какъ они пригодятся каждому при подъемѣ на райскую гору.

Пермяки вѣрять въ силу бѣса, что онъ будто бы можетъ обмѣнить у нихъ ребенка. Противъ этого придуманы особыя мѣры. Здѣсь известенъ такой случай. Ребенокъ, родившійся здоровымъ, захворалъ, значитъ бѣсъ подмѣнилъ ребенка болѣымъ (собственно чертенкомъ). И вотъ бабушки голого ребенка положили на лавку, покрыли его корытомъ и, затѣмъ, стали рубить сѣчками по дну корыта. Потомъ онъ переложили ребенка въ люльку и ушли изъ хаты, будучи уверены, что въ ихъ отсутствіи бѣсъ возьметъ обратно своего бѣсенка и возвратить похищенаго ребенка: ни одинъ бѣсъ не позволяетъ жить своему «рубленому ребенку», такъ какъ такой ребенокъ не только не принесетъ бѣсу никакой пользы, а даже можетъ повредить общему бѣсовскому дѣлу. Бываетъ иногда, что бѣсъ, возвративъ ребенка, потомъ умретъ его. Чтобы не произошло послѣдняго, надо ребенка на другой день заговорить. Въ описываемомъ случаѣ ребенокъ началъ поправляться. Когда спасенный, такъ обр., ребенокъ выростаетъ, онъ можетъ стать знаменитымъ колдуномъ, такъ какъ хорошо извѣстенъ чорту. Изрѣдка, при подмѣнѣ ребенка бѣсомъ, послѣдняго заставляютъ совершить размѣнъ, причемъ засаживаются дитя часа на два-на три въ печку. Если послѣ этой операциіи ребенокъ умираетъ, значитъ это было не человѣческое дитя, а самый настоящій чертенокъ и жалѣть обѣ немъ

грѣхъ. Куда въ этихъ случаяхъ дѣвается настоящее дитя, пермяки объяснять не могутъ.

При наружныхъ, отчасти и внутреннихъ болѣзняхъ пермяки охотно употребляютъ и уравиний настой. Онъ изготавляется такъ: берется обыкновенная тонкогорная стеклянная бутылка, внутреннія стѣнки которой обмазываются чѣмъ-нибудь съѣдочнымъ. Затѣмъ, бутылка эта вкладывается въ муравейникъ такъ, чтобы горлышко ея приходилось на уровне самаго муравейника. Потревоженные муравьи начинаютъ сновать по своей кучѣ, падаютъ и залѣзаютъ въ бутылку, а колдунъ терпѣливо ждетъ, пока ихъ не наѣзтъ туда столько, сколько ему надо. Бутылку несуть домой, наливаютъ въ нее немного водки и ставятъ на теплую печь. Здѣсь бутылка остается до тѣхъ поръ, пока всѣ муравьи отъ дѣйствія тепла и вина не разойдутся (не разложатся). Приготовленный такъ обр. настой идетъ на излѣченіе многихъ болѣзней: ревматизма и водянки, въ особенности. Пермяки еще ищутъ въ муравейникахъ муравьевое масло, какъ излѣчивающее многія болѣзни, но что-то не слышно ни одного колдуна, у которого бы оно было.

Отъ многихъ болѣзней — убѣждены пермяки — помогаетъ также земляное масло. Достать его терпѣливому человѣку труда не представляется. Въ каждомъ лѣсу растетъ немало грибовъ съ шляпкой, опрокинутой не книзу, а къ верху, т. е. воронкообразныхъ. Въ чашечкѣ такихъ грибовъ находится слизь. Вотъ эта-то слизь и есть земляное масло — «му-ви».

Лѣчить человѣка, помочь ему, считается у пермяковъ дѣломъ благоугоднымъ и поэтому противъ всякой болѣзни только стоитъ слово сказать, какъ насовѣтуютъ вамъ массу самыхъ разнообразныхъ и, будто бы, самыхъ радикально дѣйствующихъ средствъ. Чѣмъ средство Ѣдкостнѣе, чѣмъ отъ него сильнѣе достается человѣку, тѣмъ оно излюбленнѣе. Выносливость пермяковъ относительно боли физической прямо-таки поразительна. Сильно болѣть, напр., у крестьянина зубъ. И вотъ большими кузнецкими желѣзными щипцами надобѣдливый зубъ больнымъ собственноручно такъ стиснуть, что не только зубъ, но даже десна расплющилась. «Свѣту не взвидѣль» операторъ, но боль перенесъ и на операцию рѣшился. Такое же пренебреженіе къ физическимъ страданіямъ замѣчается и при разнаго рода пораненіяхъ, перубахъ и т. п. несчастьяхъ. Если случается пермяку отрубить себѣ палецъ, то таковой, по его мнѣнію, слѣдуетъ сохранить, а отнюдь не бросать. Палецъ этотъ пригоденъ для пермяка въ тѣхъ случаяхъ, когда ему придется что-либо украсть или онъ задумаетъ ограбить кого-нибудь. Имѣя такой палецъ, можно идти въ любой домъ. Положивъ его, а не то и мертвую руку, на окно дома и бери себѣ, что нравится: никто этого не услышитъ и не увидитъ. При этомъ надо имѣть въ виду еще одно обстоятельство: такой палецъ или руку надо заговорить.

Среди пермяковъ часто встрѣчается какая-то болѣзнь, выраженіемъ которой является обезноженіе. Многіе изъ пермяковъ увѣряютъ, что оно происходитъ отъ колдовства. «Только выпилъ рюмку водки отъ такого-то, какъ хватило меня за ноги, такъ съ тѣхъ поръ все хуже и хуже», слышится иногда ропотъ пермяка. Обезноженіе доводить пермяка до такого состоянія, что онъ можетъ передвигаться только на четверенкахъ, волоча за собою совершенно неподвижныя отъ колънъ ноги. Иной разъказываетъ, что обезноженіе случилось у него отъ средствъ и разныхъ лѣкарствъ, приготовленныхъ имъ самимъ (иногда и колдунами) и принятыхъ передъ солдатчиной, для избавленія отъ нея. Такимъ средствомъ считается, между прочимъ, вода, разведенная мыломъ, которымъ обмывали покойника. Пермяки увѣряютъ, что человѣкъ, выпившій такого снадобья, чернѣтъ, сохнетъ и становится неспособнымъ къ военной службѣ. Чтобы было не слишкомъ противно принимать такую воду, предварительно надо напиться до совершенного опьяненія. А то недугъ обезноженія приписываютъ излишнему употреблению браги. Вѣдь въ нее для большой хмѣльности нерѣдко кладутъ такія снадобья, какъ коканъ (чемерицу), листовой табакъ и др.

Отъ болѣзни этой, какъ и отъ многихъ другихъ не лѣчатся, да и вообще, хотя къ докторамъ иногда обращаются, имъ, въ тоже время, не вѣрять. Ни одинъ пермякъ не скажетъ доктору причинъ заболѣванія, не откроетъ ему своего житья-бытья. Угадаетъ докторъ — хорошо; значить, онъ дѣльный, понимающій человѣкъ; не угадаетъ, значитъ, онъ самъ ничего не знаетъ, а только народъ морочить. Пермяки цѣнятъ доктора гд. обр. за то, что онъ умѣеть помочь бабамъ во время родовъ лучше, чѣмъ бабушка, и еще за операциі. Что же касается всего другого, такъ тутъ познанія докторовъ—разсуждаютъ пермяки—слабы, напр. докторамъ даже кикиморы не выгнать, а это сдѣласть у насъ каждый колдунъ. Такое докторское незнаніе явно обличаетъ въ нихъ незнакомство ихъ съ нечистой силой, а не зная ея, развѣ же можно, по мнѣнію пермяка, братись за лѣченіе народа.

При страшной нравственной распущенности пермяцкаго населенія чувство стыдливости однажды развито у пермяцкихъ дѣвушекъ. Это, въ данномъ случаѣ, ложное чувство заставляетъ ихъ пользоваться только любовью и избѣгать долга, съ нею сопряженного—беременности. Среди общей массы пермянокъ дѣла о вытравленіи плода ничтожны, но способы, нерѣдко примѣняемые для этого разнообразны. Вытравливаніе плода чаще всего производится бабушками-повитушками и преимущественно у первозабеременныхъ, такъ какъ повторно забеременные, боясь суда и поступившіяся уже разъ чувствомъ стыда, а также ближе познакомившись съ чувствомъ материнства, рѣдко прибѣгаютъ къ этому средству. Вытравливаніе производится двумя способами: при посредствѣ приема снадобій и при посредствѣ способовъ механическихъ. Къ первымъ необходимо

отнести: порохъ я селитру. Какъ первый, такъ и вторая употребляются въ видѣ растворовъ и пьются въ винѣ. Абортъ слѣдуетъ вскорѣ за приемомъ, но всегда сопровождается обильнымъ кровотечениемъ, влекущимъ за собою въ весьма многихъ случаяхъ смерть матери, иногда же потеря крови лишь весьма обезсиливаетъ мать. Оба эти средства популярны и употребляются не только дѣвушками, но и тѣми бабами, которымъ надоѣло рожать. Въ почетѣ также спорыния. Ее бѣдѣть прямо въ зернѣ или же толкнуть и пить въ видѣ порошка. Въ послѣднемъ случаѣ чаще всего ее пьютъ въ брагѣ. Немало лицъ совершаютъ абортъ при помощи особой травы, называемой у пермяковъ «выживательницей брюха». Къ числу способовъ механическихъ нельзя не отнести разминаніе живота. Оно причиняетъ беременной страшный страданія и, въ большинствѣ случаевъ, влечетъ за собой смерть не только ребенка, но и матери. Установить фактъ вытравливанія, пока, возможно лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда беременница осталась жива; иначе—лишь констатировать причину смерти, такъ какъ никто изъ дѣвушекъ и женщинъ не скажетъ про свое лѣченіе никому изъ родни изъ чувства стыдливости или по чувству страха: «а вдругъ выздоровѣю, да меня за это на судъ потащатъ и дома-то за хлопоты поколотятъ».

Въ травахъ пермяки ищутъ помощи не только отъ болѣзней, но и отъ разныхъ другихъ бѣдъ, которыхъ приключаются какъ у скота, такъ и по «домашности». Къ числу послѣдняго рода бѣдъ надо отнести крайне распространенную у пермяковъ жажду поживиться на чужой счетъ. Если у кого-нибудь зудъ въ рукахъ развелся на столько сильно, что—крѣпись не крѣпись—воровать все же надо, тогда остается достать «рѣзунъ траву». Эта трава будто бы обладаетъ даромъ открывать всѣ замки и двери. Обладателю ея не страшны никакія крѣпи. Нѣкоторыя трудности представляютъ умѣніе различать среди другихъ травъ эту дотолѣ невидѣянную траву. Достать ее можно только слѣд. способомъ. Ищущій траву находить въ лѣсу дупло, въ которомъ у дятлей выведены дѣти, и, спрятавшись не по-далеку, ждетъ, когда улетитъ дятликъ за кормомъ для лѣтей. Какъ только онъ это замѣтилъ, поскорѣе лѣзетъ къ дырѣ, ведущей въ дупло, загоняетъ въ нее деревянный гвоздь, слѣзаетъ съ дерева и прячется на прежнее мѣсто. Вскорѣ съ кормомъ для ребятъ прилетитъ самка; увидавъ, что входъ закрытъ, она поспѣшно улетитъ куда-то и, затѣмъ, возвращается съ травкой во рту. Какъ только приложитъ она эту травку, гвоздь выпадаетъ. Тогда дятль травку эту, какъ ненужную, выбросить на волю. Вотъ тутъ-то и нельзя зѣвать: кто найдетъ ее—тому счастье: ни одинъ замокъ не остановить его, ни одинъ цѣши не удержать. Конечно, въ лѣсу травъ много, можетъ быть, дастяется и не та, что «рѣзуномъ» прозывается, но первые же опыты обнаружатъ подлинность этой травы. Если вору замки не только не поддаются, но онъ бываетъ даже пойманъ, значитъ, у него припасенье не «рѣзунъ».

Извѣстны средства, употребляемыя въ защиту отъ всячески исхищренныхъ воровъ. Воть одно изъ, будтобы, вѣрѣйшихъ. При похоронахъ сопровождающіе ихъ берутъ съ собой «челпантъ», который бросается первому встрѣчному. Если пермяку счастье поблагопріятствовало и ему члпантъ достался, то долженъ скорѣе взять его, откусить только одинъ разъ и принести его домой. При этомъ необходимо, однако же, хранить полнѣйшее молчаніе. Кто бы ни встрѣтился и чтобы ни случилось—ни слова, ни звука. Хозяйка такого пермяка должна разрѣзать члпантъ на кусочки и высушить ихъ на сухари. Стоитъ мѣшечкъ съ этими сухарями повѣсить подъ крышей дома и ни одинъ воръ не обокрадетъ его. Какъ только войдетъ воръ, хоть бы и съ «рѣзуномъ травой», такъ у него руки опустятся. Воръ сейчасъ же пойметъ, что это мѣсто отъ воровства свято и уйдетъ, ничего не тронувъ. Иначе, хозяева проснутся во-время и наловятъ вора.

Послѣ «рѣзуна» одною изъ наиболѣе употребительныхъ травъ считается трава «илакунъ». Она растетъ въ прудахъ и озерахъ. Найти плакунъ можно только случайно. Одинъ изъ колдуновъ нашелъ траву, рыбачничая въ заводскомъ пруду. Закинулъ разъ-другой мережу и вытащилъ, вѣсто рыбы, лошадиный черепъ; изъ этого черепа, во всѣ стороны, словно свѣчки восковыя, тянулись какія-то штуки. Рыбакъ разбилъ черепъ и нашелъ въ немъ корень травы «плакуна». Мужичекъ, добывшій плакунъ, употребляетъ эту траву противъ колдуновъ, которые, поэтому, боятся его, какъ черта, а также для изгѣченія отъ цѣлаго ряда болѣзней. Плакунъ обыкновенно вшивается въ ладонку, вмѣстѣ съ воскомъ, ладономъ, при самыхъ завѣтныхъ напечтываніяхъ. Самая ладонка привѣшивается къ обыкновенному тѣльному кресту. Околдовать владѣтеля такой ладонки не можетъ ни одинъ самохитрѣйшій колдунъ. Никакой злодѣй не страшень никому подъ защитой ладонки: она охранитъ и сбережетъ его ото всего злого. Кроме того «илакунъ» можетъ быть употребленъ для «затвора колдуна». Стоитъ, въ данномъ случаѣ, владѣльцу талисмана, какъ только прошелъ черезъ двери въ его избу подозрительный человѣкъ, потихоньку снять ладонку вмѣстѣ съ тѣльнымъ крестомъ и обыкновенный хлѣбный ножъ воткнуть въ дверной косякъ, а на него повѣсить ладонку и крестъ: ни за что колдуну не выйти въ двери. Весь онъ тогда во власти обладателя «плакуна». Пойдеть такой человѣкъ къ дверямъ, а тамъ «плакунъ» не пускаетъ его, и вотъ начнетъ его всячески корчить, по полу бросать до тѣхъ поръ, пока владѣлецъ «плакуна» не скажется нахъ колдуномъ и не сниметъ свой талисманъ. Разумѣется, за это съ колдуномъ можно выговорить сороковку-другую. Если же иной утверждаетъ, что онъ колдунъ, а между тѣмъ, несмотря на повышенную ладонку, изъ дому выйдетъ, то, значитъ, онъ вовсе не колдунъ, а простой обманщикъ, какихъ развелось теперь не мало.

Колдовство—дѣло не простое и имъ сразу не овладѣешь. Для этого кол-

дуну надо многое узнать и перенести. Настоящий колдунъ, или «матка», по мнѣнию пермяковъ, только тотъ, кто прошелъ сквозь пасть «лягуша-матка». Сама лягуша-матка выходить изъ воды не зря, а только по вызову старого колдуна. Старого и заправского колдуна лягуша-матка всегда слушается, и стоитъ ей назначить баню, въ которую ей надо явиться, она непремѣнно придетъ туда. Ровно въ полночь двери, назначенной для встречи лягушки, бани открываются и въ нихъ появляется преогромныйша лагушечья пасть. Въ эту пасть колдунъ долженъ войти и сквозь нее пройти, если онъ хочетъ стать заправскимъ колдуномъ. Лягуша-матка тоже не проста. Желая испытать твердость новичка, она отступаетъ къ самой каменкѣ: вѣзь-ка, моль, такъ выльешь въ каменку. Только особенно сильные духомъ проходятъ сквозь пасть лягуша-матки, причемъ прошедши и становящіеся съ этихъ поръ настоящими колдунами, иногда, какъ они утверждаютъ, проходить такъ, что никогда за лягушину утробу не зацепляются — такие, конечно, чутятся больше. Говорять, что и послѣ лягушечьей пасти надо испытать кой-что, напр., залѣзть въ воду и выйти изъ нея сухимъ. Въ данномъ случаѣ колдуну идти на встречу колючие ерши, громадныя коровы водяного (не дойныхъ). Всѣ они стараются по силѣ возможности вредить колдуну. Но тотъ, кто пройдетъ воду, можетъ смѣло идти въ водяные разбойники — грабить суда и проч. Вообще, кто прошелъ воду, тотъ приобрѣаетъ рѣдкій даръ сокращенія дорогъ; ему можно идти и по водѣ. Теперь тѣ же ерши и коровы поддержать его, какъ одного изъ своихъ начальниковъ.

Въ пермяцкомъ краѣ нерѣдко можно слышать фразу: онъ захворалъ оттого, что перешелъ по дорогѣ въ то время, какъ состязался въ силѣ (въ знаніи) колдованиемъ съ такимъ-то (кѣръ этшасиса тѣдисъезъ). Фраза эта подтверждаетъ, что и сами колдуны признаютъ себя неравносильными, и слабѣйшие отчаянно боятся сильнѣйшихъ. Пермяку надо быть слишкомъ самоувѣреннымъ, чтобы вызвать какого-нибудь известнаго вѣдуна на состязаніе. Самое состязаніе состоится изъ членія разнаго рода заговоровъ, бросанія прутья въ друга зажженными спичками, въ маханіи кисетами съ громовою стрѣлою и, чаще всего, заканчивается свирѣпой потасовкой, послѣ которой побѣдитель, тяжело отдуваясь, садится на лавку и шлетъ оттуда ругань, а поколоченный спѣшитъ удалиться домой.

Мыѣ удалось выманить у одного изъ колдуновъ-побѣдителей тетрадку съ тѣми заговорами, при посредствѣ которыхъ онъ одержалъ верхъ надъ своимъ соперникомъ. Тетрадка состояла изъ слѣд. заговоровъ, будто бы, отврашающихъ разныя бѣды и напасти. Отъ лихорадки. «Встану я, рабъ Божій (имя рѣкъ), благословясь, пойду перекрестясь изъ двери въ двери, изъ воротъ въ вороты, путемъ дорогой къ синему Окіану-Морю. У этого Окіана-моря стоять дерево Карколистъ; на этомъ деревѣ Карколистъ висятъ: Козыма

и Демьянъ, Лука и Павель, великие помощники. Прибѣгаю къ вамъ рабъ Божій (имя рѣкъ). Прошу великие помощники Кузьма и Демьянъ, Лука и Павель, сказать мнѣ: для чего же выходять изъ моря-Окiana Женщины простоволосыя, для чего онѣ по миру ходятъ, отбиваются отъ сна, отъ ъды, сосутъ кровь, тянуть жилы, какъ червь точить чернную печень, плями пилить желтныя кости и составы. Здѣсь вамъ не житъе—не жилище, не прокладище; вступайте вы болота, Глубокие озера, за быстрыя рѣки и тем(н)ыя боры: тамъ для васъ кровати поставлены тесовые, перины пуховые, подушки перяные; тамъ яства сахарная, напитки медовая, тамъ будетъ вамъ жите-жилище, прокладище по сей часъ, по сей день, слово мое раба Божьяго (имя рѣкъ) крѣпко, крѣпко». «Отъ звижу (отъ звѣиха). Во имя отца и сына и Святаго духа... здѣсь недѣль на синему Морю лежить камень бѣлый, на бѣлому камени кто седить, высажаѣ, изъ животой кости цвѣли выкликая: жвотая кость левовъ духъ: якъ у льву духъ не держится, то щобъ такъ у животой кости раба Божьяго (имя рѣкъ) звижъ не держався. Миколаю угоднику, корый скорый помощнику, Месяцу ясному, князю прекрасному, стаи меня у помошь, у первой разъ, у другой разъ, у третій разъ. Аминь». «Отъ пушокъ стрѣль, ядеръ, и пулекъ и всякаого оружія и побоища. Взидіе на гору Господню Господа Нашего Іисуса Христа—со мною, рабомъ божіимъ (имя рѣкъ), и и святого Пророка Претечи и крестителя Господня Иоанна, молитвами святаго Николая Чудотворца, заступить меня, отъ стрѣль и пушекъ: и пушечныхъ ядеръ: стойте и не ходите ко мнѣ рабу божію (имя рѣкъ) и моихъ товарищовъ въ заговоренномъ оружіи—пятисотъ трицать человѣкъ: Молитвами святыхъ Апостоловъ и Молитвами святыхъ отецъ запрещаю вамъ, стрѣлкамъ и пищальнымъ пулькамъ и пушечнымъ ядрамъ и всякому оружію я, рабъ божій (имя рѣкъ), и моихъ товарищовъ пятисотъ трицать человѣкъ всѣмъ святымъ Молитвами и Апостолами, Архангелами и Ангелами, Михаиломъ, и Гавріломъ, и со всею Небесною силою, и со всѣми преподобными Отцами, и святыми-священномучениками, которыя за Христа Кровь свою проливали, святый Тихонъ..., всякаго супостата; святіе четыре Апостола Иоаннь, Матвѣй, Марко, Лука, помолится за меня Господу богу раба божьяго (имя рѣкъ), и моихъ товарищовъ въ заговоренномъ оружіи пятисотъ трицать человѣкъ. Слава воима Господне, Господа Нашего Іисуса Христа. Повергни Господь вороговъ Моихъ и супостатовъ въ Окіанъ въ Море и подъ бѣлый камень и каково въ замкахъ Сидѣти крѣпко, таково было бы слово Христово крѣпко на рабѣ божемъ (имя рѣкъ), и моихъ товарищовъ въ заговоренномъ оружіи пятисотъ трицать человѣкъ: коли эти мои нед(р)уги изо дна моря ключи достанутъ, тогда меня раба божьяго (имя рѣкъ) и моихъ товарищовъ въ заговоренномъ оружіи не образить никакимъ ратнымъ оружьемъ: како не выходитъ, также съ также стрѣлкамъ и пищальнымъ пулькамъ, замыкаю своя приго-

воренные слова замкомъ, а ключь кидаю въ окіанъ море, подъ горючъ камень Алатырь, а какъ морю не высыпать, и меня не видать, ключей не доставать, такъ меня пушкамъ не убивать, до моего живота, имъ по конецъ вѣка недоставать». «Противъ ружья стрѣлка идущаго напротивъ или сзади. Нужно сказать ему про себя: это идеть не стрѣлецъ съ ружьемъ, а попъ съ требникомъ; онъ идеть не птицъ стрѣлять, а молитву давать». «Противъ Меча и Сабельныхъ ударовъ. Кованъ еси братъ. Самъ еси оловянъ, а сердце твое вошанное, ноги тво каменные отъ земли до небесъ, не укуси меня песть, отъ ай, оба ема отъ земли кому смотрю ты очима своего брата, тогда убийтса твое серце Моихъ очей усмотренія.. «На желѣзо, укладъ, сталь, мѣдь. Мать сыра земля, ты мать всякому железу, а ты железо поди въ свою Матерь землю, а ты древо поди въ свою Матерь древо, а вы перья подите во свою Мать птицу, а птица полети въ небо, а клей побѣги въ рыбу, а ты рыба поплыви и море, а мнѣ бы рабу (имя рекъ) было просторно по всей землѣ. Железо, укладъ, сталь, Мѣдь, на меня не ходите, воротитесь ушами и боками какъ мятелица не можетъ прямо летѣть, и ко всякому дереву блиско приставать, такъ бы всѣмъ ни можно ни прямо ни тяжело падать на меня и моего коня, и приставать ко мнѣ и моему коню какъ у мельницы жернова верятса, такъ бы железо, укладъ, сталь и медь вѣртелись бы кругомъ меня и въ меня не падали, а тѣло бы мое было отъ васъ не окроинлено, душа не осквернена. А будь мой приговоръ крѣпокъ и долгъ». «Отъ пищалей, стрѣль и кулачныхъ бойцовъ. За дальними горами есть окіанъ море желѣзное, на томъ морѣ есть столбъ мѣдный, на томъ столбѣ мѣдномъ есть пастухъ чугунный, а стоять, стоять отъ земли до неба, отъ востока до запада, завѣшаетъ и заповѣдаетъ тотъ пастухъ своимъ дѣтямъ, железу, укладу, булату красному и синему, стали, меду, проволоки, свинцу, олову, серебру, золоту, каменямъ, пищалямъ и стрѣлкамъ, борцамъ и кулачнымъ бойцамъ большой завѣтъ: подите, вы железо каменя и свинецъ въ свою мать землю отъ раба (имя рекъ), а дерево къ берегу, а перья птицу, а птица въ небо, а клей въ рыбу, а рыба въ море скройтесь отъ раба (имя рекъ). А велить онъ ножу, топору, рогатинѣ, конжалу, пищалямъ, стрѣламъ, борцамъ, кулачнымъ бойцамъ быть тихими и смирными. А велить онъ не давать выстреливать на меня всякому ратоборцу изъ пищали, а велить схватить у луковъ тивы и бросить стрѣлы на землю. А будетъ мое тѣло крѣпче камня, твердеѣ булату, плате и колпакъ крѣпче панцыря и калчуги. Замыкаю свои слова замками бросаю ключи подъ бѣль горючъ камень Алатырь. А какъ подъ замкомъ смычи крѣпки, такъ мои слова крѣпки». «Противъ пищалей стрѣль и всякаго оружія. Есть море желѣзное на томъ морѣ камень Алатырь, на этомъ камнѣ сидѣтъ мужъ желѣзный царь, высота сго отъ земли до небеси, заповѣдастъ своимъ желѣз-

нымъ поехомъ на всѣ четыре стороны отъ востока до запада, отъ юга до сѣвѣра, стоять подпершись, заказываетъ своимъ дѣтямъ, укладу ли красному и желѣзному каменному и простому и проволокѣ-желѣзу литому, стали и мѣди красной и зеленої, свинцу и олову, чугуну и серебру и ядрамъ подите вы ядра, пушечныи ядрамъ не находить, ... пусть же идуть мимо меня. Я рабъ божій (имя рѣкы), и моихъ товарищовъ въ заговорномъ оружіи пятьсотъ тридцать человѣкъ, всегда, и нынѣ и Присно и во вѣки вѣковъ Аминь». «Противъ войска. Господи. Оружіе на діавола.—Крестъ Твой дахъ ели намъ трепещеть бо и трасется не Могій взарати на силу его, Яко Мертвый возставляютъ и смерть упразни, сево рады кляненса Кресту Твоему».

Въ каждомъ изъ этихъ заговоровъ есть своя особенность и общая черта имъ та, что составленіе ихъ восходитъ ко временамъ сравнительно давнимъ и что всѣ они точно носятъ на себѣ какіе-то слѣды масонства. На это наводятъ слова: мастеръ, карколистъ, алатыревый камень и др.

Разумѣется, роль колдуновъ съ ихъ заговорами гораздо обширнѣе задачъ, направленныхъ на спасеніе и исцѣленіе человѣка. Все, что мы видимъ въ подлунной, все это, въ нѣкоторой степени, подчинено колдуну. Нѣть вещи или предмета, которые бы онъ не могъ испортить или исправить. Например: въ досадѣ исправной печкѣ сталь появляться безпорядокъ, она дымитъ. И вотъ надо прочесть этотъ маленький заговоръ и печь исправится. «Какъ птица вылетаетъ по воздуху, также вылетай и нечистый духъ, непріятна сила, болѣнь хитрость-мудрость, по указанному мѣсту; изъ 120 древъ, 120 лѣсницъ и какъ вода-матушка по рѣкѣ проходить, также проходи нечистый духъ, нешріятная сила, хитрость-мудрость, по указанному мѣсту». Или: заболѣла лошадь «ногтемъ» (колики) и самое лучшее прочитать надъ нею заговоръ есть «ногтя»: «Отъ скотинушки, отъ животинушки, отъ ногтя, отъ коня отъ Егоревскаго, Егорій храбрый, Егорій милостивый, возьми ты желѣзное копье; желѣзныи копьемъ тычъ, тычъ и подтыкивай изъ ушей, изъ ноздрей, изъ коны отъ печени, отъ почечной, отъ жилы, отъ хвостовой, отъ мозговой, отъ стоячаго, отъ лежачаго и отъ внутренней крестовой, отъ катучаго; вода мутна, вода капна, вода пробѣжная, какъ вода-матушка по рѣкѣ проходить, также проходи нечистый духъ, нечистая сила, болѣнь хитрость-мудрость-ноготь». Или, далѣе, холмогорка перестала давать молоко. Надо попробовать прочесть надъ ней нижеслѣд. слова: «Отъ скотинушки, отъ животинушки, отъ одиношерстой, двоешерстой, троешерстой. Отъ коровушки, отъ матушки, отъ святолѣсьевской, отъ была тѣла, отъ третьяго сердца, третьей крови, какъ Илья пророкъ милостивый, Петръ и Павель Верховные Апостолы,—громомъ гремитъ, огнемъ палитъ, громомъ очищенный, также очисти нечистую силу, нечистый духъ громомъ огненный, отъ 77 живъ, отъ 77 костей, отъ 77 суставовъ. Счунись, крѣпнись, стано-

вись, по всемъ тѣламъ, по всемъ жиламъ, по всемъ внутрамъ, по всемъ ребрамъ, по всемъ суставамъ отпущаемъ крѣпкія слова, крѣпкіе заговоры, Божественные слова, Божественные заговоры. Нечистый духъ, непріятная сила, болѣзнь хитрость-мудрость, какъ съ благо лебедя вода скатывается, также скатывайся хитрость-мудрость нечистаго духа. Непріятная сила болѣзнь хитрость-мудрость отъ 77 жилья, 77 костей, отъ 77 суставовъ, ступись, крѣпись, становись, какъ мать поставила, также будь по старому. Болѣзнь хитрость-мудрость, нечистый духъ, непріятная сила, уходи къ старому хозяину, старой хозяйкѣ. По вѣтру пришла, такъ поди по вѣтру, на пустыя мѣста, за темные лѣса, на болотныя мѣста, на зыбучія болота, куда люди не попадаютъ и какъ вода-матушка по рѣкѣ проходить, также проходи нечистый духъ, непріятная сила, болѣзнь хитрость-мудрость. Аминь на Аминь».

Влияне и значение всякихъ заговоровъ держатся въ здѣшнемъ краѣ на томъ, что пермякъ весьма суевѣренъ. Онъ вѣритъ, напр., что если захворалъ вечеромъ—помрешь, утромъ—выздоровѣешь. Захворалъ въ Благовѣщенскій день—умрешь, а въ другой какой—выздоровѣешь, а не помрешь. Если ребенокъ рождается въ ущербъ—помретъ, а при нарожденіи луны—жить будетъ, и т. п.

Здѣсь приводятся иѣкоторыя изъ примѣтъ.

Лошадь коштомъ бѣть—къ ведру, ногами переступаетъ—къ дождю.

Собака траву єсть, а кошка блюетъ—къ дождю.

Лучина при горѣніи трещитъ—къ морозу; большой нагаръ на ней—къ теплу.

Лучина сильно дымить—къ снѣгу.

Вороны и гуси купаются—къ дождю.

Гусь на одной ногѣ стоитъ—къ морозу.

Кошка царапается—къ сильному вѣтру съ сѣвера; спить и прятеть морду—къ холodu, а поднимаетъ ее вверхъ—къ теплу.

Стоять морозъ и начинаетъ пощелкивать—къ теплу.

Ворона кричить на полдень—къ теплу, а на сѣверъ—къ холоду.

Солнце встаетъ и первые лучи бросаетъ на лѣсъ—къ дождю.

Рыба кровяниста—къ дождю.

Солнце прячется за тучи или галки летаютъ стаями или ласточки рѣютъ—къ дождю.

Курица носомъ о земль стучитъ—къ дождю, а порхается—къ дождю или къ выюгѣ.

Ночь на Васильевъ день (1 января) звѣздная—малина уродится.

Ночь на сорокъ мучениковъ или въ этотъ день дождь или снѣгъ—будетъ много грибовъ и ловъ рыбы будетъ хороши.

Холодъ въ расцвѣтъ черемухи—много ягодъ и лѣто хорошее.

Рябина много—лѣто будетъ дождливое.

Сильный первый громъ—хорошій урожай, нѣть—плохой.

Недѣля передъ Свѣтлымъ Воскресеніемъ съ сѣвернымъ нѣтромъ—урожай, нѣть—будеть плохо.

Много ягодъ на ели (почекъ)—урожай льна.

Иней на бабье лѣто (1 сентября)—хлѣбъ замерзнетъ.

Бабье лѣто хорошее и теплое—осень сухая.

Работать въ Благовѣщеніе—быть несчастью.

Курица клокчетъ утромъ—къ несчастью; того же жди, когда она кричитъ, садясь на насѣсть.

Весь листъ по осени съ березъ опалъ—годъ тяжелый; если нѣть—легкий.

Деньги въ землю прятать—къ потерѣ.

Встрѣтить, при путешествіи, кого-нибудь съ деньгами, пересѣкающимъ дорогу—потерять деньги.

Утирать руки мышкомъ—быть ногтоду.

Встать утромъ и сразу не умыться—насморкъ получить.

Отдать въ люди парное молоко—испортить его у коровы.

Дать хлѣбъ взаймы до солнца—обѣднѣть.

Первая встрѣча не мужикъ, а баба или дѣвка—не къ добру.

Первая встрѣча свинья или возъ съ хлѣбомъ—къ добру; попъ—плохо.

Гдѣ въ Благовѣщеніевъ день тучи идутъ—быть на томъ мѣстѣ граду.

Встать на мѣсто, гдѣ баба ухватомъ поверглась—восиду (мучительная болѣзнь) получить.

Если изъ этого малаго перечня примѣтъ исключить примѣты метеорологическая и сельскохозяйственная, то на долю пермяцкой мудрости останется совсѣмъ немного.

Неудивительно, что среди столь суевѣрныхъ и довѣрчивыхъ пермяковъ можетъ поселиться, подъ видомъ лѣшаго, отъявленный мошенникъ, съ безумною наглостью обирающій народъ (напр., известенъ фактъ появленія въ 80 гг. прошлаго вѣка Чердынского крестьянина).

VII.

Исторический эпизодъ (1860 г.) изъ жизни инвенскихъ крестьянъ.—Манифестъ 19 февраля 1861 г.—Ликование крестьянъ по этому поводу.—Составъ служащихъ въ управлениі имѣніями гр. Строгановыхъ.—Причины, вызвавшія недоразумѣнія и волненія крестьянъ.—Умиротвореніе волненій и стоимость ихъ.

19 февраля 1861 года, по могучему слову Царя-Освободителя, вышли изъ крѣпостной зависимости и крестьяне Инвенского края. Радость ихъ была неописуема. Впрочемъ, должно замѣтить, что этимъ крѣпостнымъ крестьянамъ жилось у послѣдней вѣкъ влаждлици, графини Н. П. Строгановой, весьма хорошо. Это была въ высшей степени гуманная, добрая и умная женщина, и память о ней до сихъ порь чтится пермяками. Высочайший манифестъ былъ объявленъ крестьянамъ Инвенского края въ мартѣ мѣсяцѣ приставомъ Юдинымъ, въ присутствіи управлявшаго Инвенскимъ окружнымъ правленіемъ В. Ф. Гилева. Въ частности, въ с. Егвинскомъ объявление произошло 14 марта, въ 5 ч. вечера. Послѣ прочтенія манифеста слышались въ народѣ возгласы: «наконецъ-то, теперь мы—царские». Народъ устраивалъ шумные овации приставу и управляющему. Словомъ, звяя свободы засвѣтилась такъ ярко, была привѣтствована такъ радостно, что никому и въ голову не приходило, что можетъ вскорѣ грянуть буря и разразиться волненіемъ тѣхъ крестьянъ, которые такъ недавно привѣтствовали, въ лицѣ управляющаго, свою добрую помѣщицу ¹.

Виновниками описываемыхъ волненій были не инвенские крестьяне, понесшіе за нихъ тажкую кару, а служащіе въ управлениі имѣніями гр. Строгановой. Масса служащихъ, въ большинствѣ состоящая изъ завзятыхъ полу-грамотныхъ крѣпостниковъ, не только не могла примириться съ выходомъ Инвенскихъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, но положительно противилась всякому акту, которымъ робкое, въ то время, волостное начальство заявляло о своей законной самостоятельности. «Приказчики» (нѣчто въ родѣ управляющихъ меньшаго ранга) положительно не признавали за освобожденными крестьянами права жить такъ, какъ имъ хотѣлось, а требовали, чтобы они жили такъ, какъ велить имъ они—приказчики. Нѣкоторое представление о заносчивости этихъ господъ—уже не говоря про отношенія ихъ къ крестьянамъ—въ сношеніяхъ съ новымъ волостнымъ управлениемъ даетъ официальный отзывъ

¹ Я прочелъ немало документовъ, относящихся до настоящаго события и находящихся въ волостныхъ правленияхъ, куда поступали все дѣла бывшихъ «земскихъ управлений». Кроме того, мне удалось разыскать кой-кого изъ очевидцевъ и кой-кого изъ лицъ потерпѣвшихъ. Такъ образовался главнѣйший материалъ нижеиздѣланнаго описания.

одного изъ приказчиковъ (Егвинского) Ф. Дружинина, написанный уже послѣ усмиренія волненія и послѣ того, какъ дѣйствія ихъ были въ нѣкоторыхъ частяхъ признаны неправильными и покойной владѣлицей. Между прочимъ, онъ писалъ 12 сент. 1861 г. въ Егвинское волостное правленіе. «Поступивъ на службу въ с. Егвинское Приказчикомъ, я не ожидалъ вольнодумства скрытаго здѣсь, что вскорѣ разкрылось явно, и, я думаю извѣстно Начальство принялшему въ волости, болѣе того нынѣ волостному писарю. При открытии волости я замѣчаю, что крестьяне, можетъ быть отъ малаго образованія, безъ сомнѣнія говорю, что и отъ даннаго имъ направленія, совершенно отчуждены въ знаніи помѣщичьяго Управлѣнія; вслѣдствіе чего опредѣленный отъ помѣщика приказчикъ не знаетъ, къ кому онъ долженъ обращаться съ законными требованіями, ибо обѣ избранныхъ Сельскихъ Старостахъ мнѣ не дано знать и, вѣроятно, Волостное Правленіе не считаетъ это нужнымъ; я же состоя въ обязанности знать Сельскихъ Старость, находясь надо помнить на основаніи положенія Главы 6, § 148, 149 и 150 Волостному Правленію прошу объявить мнѣ имена избранныхъ старость, съ показаніемъ въ какихъ деревняхъ они живутъ. а вмѣсто съ тѣмъ не угодно-ли будеть имъ приказать явиться ко мнѣ для объявленія имъ, ихъ обязанностей къ Помѣщику, но если имъ будеть трудно меня извѣстить, въ какіе дни и часы собираются Старосты въ Волостное Правленіе, потому какъ прежній порядокъ явки, въ ожиданіи исправности, уже Волостныи Правленіемъ измѣненъ. О распоряженіи Волостнаго Правленія ожидаю на сѣмъ же увѣдомленія».

Вмѣсто того, чтобы пичѣть не раздражать сельское населеніе, помѣщичье управлѣніе, не желая тратить ни одной копѣйки болѣе противъ того, чтѣ тратилось при прежніхъ крѣпостническихъ условіяхъ, заставило сельское начальство сбратъ сельскіе сходы для найма рабочихъ па сплавку весеннаго «усолскаго» каравана. Крестьяне, исключительно существовавши на разныхъ работахъ у гр. Строгановой, тотчасъ же собрались на сходы и готовы были подрядиться. Приказчикъ Купресской волости, вмѣсто того, чтобы предложить сходу наяться на работы, вмѣсто того, чтобы спросить уже некрѣпостныхъ крестьянъ о платѣ за добровольные труды, объявилъ прибывшимъ на сходъ крестьянамъ, что они обязаны къ явкѣ на караванный сплавъ по примѣру прежніхъ лѣтъ и съ платой за сплавъ по усмотрѣнію управлѣнія. Такого издѣвателства надъ своей, только что загоравшейся, свободой крестьяне не стерпѣли.

Вотъ что произошло на другой день въ Архангельской волости, отстоящей въ 35 в. отъ Купресской. Спустя двѣ или три недѣли по объявленіи воли—рассказывалъ мнѣ очевидецъ событий—согласно распоряженію управляющаго Ивенскимъ округомъ, къ намъ прѣхалъ членъ правленія Дм. Н. Медвѣдевъ.

Это былъ хороший человѣкъ и мужики любили его. На 10 марта, по просьбѣ его, у насть въ селѣ былъ назначенъ сходъ. Сходъ собрался большой. Прибывшій на сходъ Медвѣдевъ заявилъ сходу: не жластъ ли кто записаться на караванныя работы на прежніхъ основаніяхъ. Крестьяне начали волноваться и вышли изъ зданія волостного правленія, намѣреваясь разойтись по домамъ и тѣмъ выразить свое несогласіе ча подчиненіе себѣ условіямъ, существовавшимъ при крѣпостномъ правѣ. Стоило Медвѣдеву только спросить: «какова же ваша цѣна, братцы?» и никакого волненія не возникло бы, тѣмъ болѣе, что и цѣну-то крестьяне запросили бы едвали большую. Но управление не спрашивало, а требовало записи только на прежніхъ условіяхъ.

На бѣду архангельцевъ, къ зданію ихъ волостного правленія подѣхалъ богатый купророскій крестьянинъ Ф. А. Мингалевъ, который сообщилъ крестьянамъ, что у нихъ, купроросцевъ, вчера напомнили на караванъ, но что они не только не пошли, а даже поколотили приказчика, и что и они, архангельцы, будуть умны, если послѣдуютъ примѣру купроросцевъ. Искра попала въ пороховую бочку. Крестьяне тотчасъ же стали заходить въ волостное правленіе и говорить возбужденію. Кто-то изъ доброжелателей Медвѣдева посовѣтывалъ ему уйти и туть, вмѣстѣ съ приказчикомъ, успѣль ульзнутъ въ окно; пищикъ же И. З. Лунеговъ не успѣлъ воспользоваться такимъ благимъ совѣтомъ. Крестьяне поймали его за волосы, смяли подъ себя и учинили падъ нимъ экзекуцію. Озвѣрѣвшій народъ бросился догонять какъ-то вырвавшагося отъ толпы Лунегова; онъ успѣль добрѣжать до своего дома, заперъ его и, схвативъ ружье, заявилъ крестьянамъ, что станеть стрѣлять въ каждого, кто не послушается его и подойдетъ къ дверямъ. Между крестьянами нашлось нѣсколько благомыслящихъ, которые сказали: «стой, братцы, теперь онъ послѣ порки озвѣрѣль; пожалуй и стрѣлить!» Ихъ послушались. Тѣмъ не менѣе въ томъ же волостномъ были выдраны тѣ изъ крестьянъ, которые считались «заединщиками помѣщицы».

Не прошло и полусутокъ, какъ въ Егвѣ, въ Кудымкорѣ и дальние знали о всемъ, что произошло въ Купроросѣ и въ Архангельскѣ. «Какъ насть, царскихъ, опять подъ помѣщицу!.. всюду раздавалось изъ крестьянскихъ усть. Но и туть не опомнились управляющіе Иввенского округа. Чрезъ два дня тѣ же лица прибыли въ с. Егву для найма рабочихъ на караванъ не по ихъ волѣ, а по неволѣ. Эти лица попали какъ разъ туда, гдѣ сельчане, въ силу необъяснимыхъ причинъ, были наиболѣе озлоблены на помѣщицѣ управление. На Егвинскій сходъ собирались уже не одни егвицы, но и крестьяне окрестныхъ волостей. Все предвѣщало грозу. Послѣ приказанія представителей управления идти на караванъ по прежнімъ основаніямъ сначала проявилось полное безмолвіе, а затѣмъ, вскорѣ кто-то изъ громадной толпы крикнулъ: «бей ихъ! Глухо

пронесся въ сосредоточенной толпѣ этотъ зловѣшій кличъ, и еще не успѣли вспомощьтися строгановскіе служащіе, какъ толпа надвинулась на нихъ... Произошло то, чего никакъ нельзя ни предвидѣть, чего, вмѣстѣ съ тѣмъ, уже нельзя ничѣмъ предотвратить и что, въ тоже время, представляетъ самое ужасное при народномъ возмущеніи: стихія разыгралась!.. Чѣмъ именно произошло въ Егозѣ, этого инѣ, несмотря на мои распросы, такъ и не удалось точно узнать. Оно и немудрено. Это было нѣчто стихійное. Обезумѣвшіе и очесточившіе крестьяне «точками» своихъ противниковъ ногами. Было немало раненыхъ; у одного изъ строгановскихъ служащихъ оказалось содранной кожа почти со всей головы. Встрѣченное такимъ протестомъ крестьянъ приглашеніе идти на караванныя работы управлениемъ гр. Строгановой было принято за возмущеніе противъ нея. Эти крестьянскія волненія стали известны подъ излишне громкимъ пазваніемъ «караваннаго бунта». Но сама графиня ни о нихъ, ни о способахъ ихъ усмиренія ничего не знала, а какъ только узнала, приняла сторону крестьянъ. Нѣть ни одного документа, свидѣтельствующаго о томъ, что мѣстная администрація присутствовала на мѣстѣ происшествія я заранѣе предотвращала возможность какихъ-либо усложненій. Все ограничилось одною перепискою.

Въ тоже время у инженерныхъ крестьянъ происходили уже болѣе крупныя событія. Управление грозило:—по нашему будетъ.—Мы чарскіе! кричали крестьяне, не пойдемъ не по волѣ.—Издѣявшимся ранѣе надъ сельчанами приказчикамъ и всѣмъ, кѣмъ тѣ были недовольны, жить не стало: ихъ били и ругали, а особенно сѣкли. Перепадало даже яищикамъ, когда они собирались везти управителей или какія-либо «грамоты» въ г. Пермь. Центральное управление въ то время было сосредоточено въ с. Кудымкорѣ. За разъясненіемъ тревожныхъ вопросовъ я пошли туда крестьяне. Огромная кудымкорская площадь быстро была запружена народомъ. «Дай манифестъ, читай грамоту!» кричала собравшаяся толпа. Власти уступали ей и читали манифестъ. Чтеніе его сопровождалось криками «ура», но какъ только читающій доходилъ до словъ «временно-обязанные», такъ тотчасъ же въ отвѣтъ ему неслось: «нѣть, врешь, мы—чарскіе!» Слово «чарскіе» было роковымъ: при произнесеніи его народъ шалѣлъ. Духовенство выходило съ иконами на площадь и служило молебны. Изъ среды грамотѣвъ толпой было выбрано нѣсколько почетнѣйшихъ, которыхъ посадили на оградѣ мѣстной церкви. Обязанность ихъ заключалась въ безпрерывномъ чтеніи манифеста, причемъ они, во избѣженіе неудовольствія со стороны слушателей, слова «временно-обязанные» пропускали. Чтеніе грамоты сопровождалось громкими «ура» и крикомъ: «мы—чарскіе!» Слухъ объ искаженіи манифеста пропускомъ цитированныхъ словъ дошелъ до графскаго управления, и вотъ, подъ давленіемъ его, приставъ Юдинъ (человѣкъ, по словамъ очевидцевъ, вообще добрый) задумалъ прочесть полный манифестъ. Едва

кончилось чтение, какъ многолюдная толпа, закричала: «бей его!» Только стѣны крахнули, — такъ наперла толпа на крѣпкій заборъ. Точно вихрь пронесся надъ этимъ мѣстомъ и отъ забора ничего не осталось. Приставъ успѣлъ спастись. Нарадившись въ рясу священника, онъ незамѣтно прошелъ изъ дома среди той толпы, которая такъ гибѣла и счастно требовала битья его.

Кстати о рясѣ. Ей одной обязано большинство Строгановскихъ служащихъ тѣмъ, что избавились отъ немалыхъ бѣдъ. Въ Егвѣ, Юсьѣ, въ Кудымкорѣ и въ др. мѣстахъ приказчики и ихъ присные спасались, какъ это теперь всѣмъ известно, лишь благодаря тому, что они свой костюмъ замѣнили одеждой духовенства. Къ этому послѣднему народъ въ то время относился благосклонно. «Тоже за волю выши!» такъ говорили крестьяне про священниковъ. Если принять зависимость духовенства отъ помѣщика, это пермскіе размышленія глубоко правдиво. Когда въ с. Егвѣ происходило волненіе крестьянъ, мѣстный священникъ задумалъ было къ немъ выйти съ крестомъ для возстановленія порядка. «Домой, домой, убѣсь!..» ревѣли волновавшіеся. Къ счастью, онъ уступилъ угрозамъ толпы и тѣмъ далъ возможность, впослѣдствіи, многимъ счастись въ юрѣйской одеждѣ отъ народной ярости.

Отовсюду въ с. Кудымкорѣ стали стекаться домохозяева, чтобы спасти себя отъ произвола Строгановскихъ управителей. Изъ завода Кувы (почти русскаго) управляющими были вытребованы вооруженные люди для защиты какъ его, такъ и имущества управления. Всѣ служащіе въ немъ скрылись въ каменномъ домѣ управления. Всѣмъ имъ приходилось жить впроголодь, если изъ дома не доставляли обѣда, а доставлять его было не безопасно. Среди собравшихся крестьянъ появлялись люди, понимавшие ненормальность положеній и соѣтствовавшіе толпѣ бросить всякия затѣи и просить о признаніи своихъ правъ по новому закону (напр., В. П. Вилесовъ), но такимъ соѣтникамъ приходилось плохо отъ взбѣсившейся толпы: они должны были убѣгать подъ охрану Строгановскихъ пещалей. Были и такие увѣщатели, которые, признавая требование Строгановскихъ приказчиковъ незаконными, убѣждали крестьянъ не поднимать волненія, а лишь нравственnoю силою, т. е. личнымъ пеповиновеніемъ не исполнять произвольныхъ требованій крѣпостническихъ управиль (напр., М. П. Вилесовъ). Послѣднімъ попало нѣсколько позднѣ, по усмирѣніи волненія: такихъ ссылали путемъ административнымъ.

Вотъ при какихъ условіяхъ произошелъ первый взрывъ негодованія крестьянъ на крѣпостническій произволъ алчныхъ приказчиковъ добрѣйшей графини— владѣлицы. Въ сущности, ничего незначащіе отдѣльные факты такъ быстро выросли въ грозное событие, что для подавленія крестьянскаго волненія уже не хватало мѣстныхъ наличныхъ силъ. Между тѣмъ, изъ Перми никто не прѣѣхалъ, чтобы на мѣстѣ ознакомиться съ положеніемъ дѣла. Пермская адмі-

нистрація, получивъ увѣдомленіе о крестьянскихъ беспорядкахъ въ Иваненскомъ краѣ, отправила за 200 в. для усмиренія волновавшихся роту мѣстнаго гарнизона и, вслѣдъ за нею, въ самомъ непродолжительномъ времени, двѣ сотни казаковъ, донесши о происшедшемъ высшему начальству. Послѣднее, съ своей стороны, туда же послало флигель-адъютанта, кн. Багратиона. Войска взошли прежде всего въ с. Кудымкорь для спасенія блокированнаго управлѣнія. Впрочемъ, всѣ служащіе въ немъ были цѣлы, и лишь никто изъ нихъ не смѣлъ показываться изъ дома. Затѣмъ, военный отрядъ отправился для усмиренія волновавшихся крестьянъ въ с. Егву.

Егвинскіе крестьяне простодушно привѣтствовали солдатъ, мирно любовались на ихъ до сихъ поръ не виданные здѣсь мундиры и на ихъ мѣрную ходьбу. Отрядъ пришелъ поздно, вечеромъ, но распоряженіе о томъ, что егвинцамъ надо собраться на другой день на церковную площадь рано, утромъ, успѣло распространиться слишкомъ скоро, и утро озарило площадь, усѣянную народомъ. Изъ крестьянъ окрестныхъ волостей здѣсь были всѣ, кто только могъ попасть тѣшимъ. Они ждали и жаждали услыхать отъ царевыхъ слугъ истинный манифестъ, призывающій ихъ, какъ и солдатъ, не временно-обязанными, а «царскими»; всѣ жаждали посмотреть на еще никогда не виданныхъ въ этой мѣстности царскихъ слугъ. Раннее весеннее утро было прекрасно. Тишина царила полнѣйшая. Вотъ послышался тяжелый шагъ военныхъ, а черезъ нѣсколько минутъ они пришли па площадь. Мы—рассказываетъ очевидецъ событий—тоже стоимъ не подалеку. Вотъ вышелъ одинъ изъ приказчиковъ и читаетъ манифестъ. Мы шапки сняли. Вотъ, думаемъ, настоящій-то привезли, только вдругъ слышимъ за мѣсто «царскіе», читаются: «временно-обязанные». Ну, мы, значитъ, и закричали: «чарскіе, чарскіе, не котимъ подъ помѣщика!» Въ тѣ поры вышелъ ахвичерь и что-то гаркнулъ. Сейчасъ это барабанщики засигрели. Никогда мы этой музыки допрежь того не слыхали и давай подходить поближе—всякому послушать хотѣлось. Поиграла на барабанахъ, ахвичерь опять что-то гаркнулъ, опять засиграла на барабанахъ, мы еще поближе подвинулись. Снова остановилась музыка, а потомъ она засиграла въ третій разъ. Вышелъ опять начальникъ и что-то крикнулъ солдатамъ. Вотъ четверо изъ нихъ вышли впередъ и стрѣльнули въ насъ, да только стрѣляли-то нарочно кверху, чтобы кого не задѣть. Видимъ мы, что насъ только попутчать пришли и кричимъ: «чарскіе, не котимъ подъ помѣщика!» А солдаты да какъ стрѣльнуть снова, такъ мы тутъ ужъ видимъ, что дѣло-то плохо—троихъ сразу на мѣстѣ положили, да кой-кто еще благимъ матомъ закричалъ: «батюшки, убили, батюшки, убили!» Давайка мы тогда бѣжать.

Вотъ какъ передаетъ одинъ изъ потерпѣвшихъ о подавленіи крестьянскаго волненія воинской силой. Очевидно, несчастная стрѣльба была вызвана тѣмъ, что

пермяцкие крестьяне не поняли, что продолжали солдаты, так какъ всѣ команды и оклики офицера были произнесены по-русски, а не по-пермяцки. Желание крестьянъ послушать военную музыку обошлось имъ недешево! Убиты были трое и оказалось нѣсколько человѣкъ раненыхъ. Даже первые выстрѣлы чуть было не натворили бѣды, такъ какъ одна изъ пущенныхъ вверхъ пуль залетѣла на кладбище, где въ это время отпѣвали покойника и пробила подрясникъ у діакона. Залпъ, данный солдатами, отрезвилъ народъ. Даже завзятые крикуны вѣсили въ домахъ.

Но это смиреніе волновавшихся крестьянъ уже не спасло ихъ отъ тѣжелой расправы. Пріѣхали казаки, прибыль кн. Багратіонъ и начался судъ «о сопротивлѣніи воинской командѣ». Плети и казачьи нагайки засвистѣли въ воздухъ... Приставъ, какъ-то пріѣхавъ въ Егву уже по осени, высыпалъ болѣе 30 человѣкъ, причемъ давалъ по 60—150 розогъ на человѣка. Нѣсколькихъ крикуновъ заковали въ кандалы и сослали въ Сибирь. Казаки были разставлены по всѣмъ окрестнымъ селамъ и безпрестанно разѣзжали по нимъ, внося въ деревенскую жизнь трепетъ, разирать и всякое безобразіе. Кн. Багратіонъ пробылъ здѣсь очень короткое время, лишь поговорилъ съ крестьянами на площадяхъ Кудымкора и Купроса и отбылъ. Памятникомъ пребыванія его здѣсь остается бумажка о томъ, гдѣ онъ обѣдалъ и на сколькихъ тройкахъ проѣзжалъ.

Казаки простояли у инвенскихъ крестьянъ долго—19 мѣсяцевъ и стоили имъ много денегъ. Конечно, самыи военный постой обошелся бы гораздо дешевле, еслибы и тутъ не было проявлено великое хищничество какъ со стороны волостныхъ главарей, такъ и медкихъ служащихъ въ Строгановскихъ избѣньяхъ. Изъ документовъ, относящихся къ дѣламъ о содержаніи здѣсь военного отряда, видно, что суточное довольствіе, кромѣ квартиръ, обходилось (40 лѣтъ тому назадъ!): каждого солдата въ 30—35 коп., офицера—въ 50 коп., а офицера, командовавшаго ротой—даже въ 1 р. 50 коп. Одно только Строгановское управление истратило и, затѣмъ, судебнымъ порядкомъ взыскало съ волновавшихся крестьянъ 10.686 р. 61 коп. Къ этому слѣдуетъ еще причислить сумму въ 1.422 р. 28 коп., истраченную Егвинской волостью, и не мало денегъ, истраченныхъ другими волостями. Въ общемъ итогѣ, вся денежная потеря крестьянъ волновавшихся мѣстностей Инвенья, навѣрное, исчисляется тысячу въ 18. А потраченного напрасно работаго времени и не счѣсть.

Для характеристики тогдашняго времени и нравовъ любопытно указать, куда и на что расходовались тѣ деньги, что потомъ были взысканы съ крестьянъ. «Выдано писарю А. Стародумову за пріемъ суд. слѣдователя съ двумя писарями, 12 декабря, три р.». «Выдано сидѣльцу Могильникову за вино и рыбу 27 р. 9 к. Отдано повѣренному Ягубову за вино 25 р. На водку Кудымкорскимъ

казакамъ 24 к. На покупку 1 $\frac{1}{2}$ ведра вина для солдатъ 7 р. 50 к. Куплено для солдатъ вина изъ Егвинскаго пивнаго дома на 2 р. 40 к. На покупку вина для солдатъ 5 р. Сидѣльцу Могильникову за вино для солдатъ 9 руб. Вина куплено 1 $\frac{1}{2}$ ведра (за тоже количество въ первый разъ взято только 7 р. 50 к.). «Заплачено за пріемъ г. пристава, письмоводителей, полицейскаго и казаковъ 20 р. пищiku Богулкину». Этому же пищiku выдано за содержаніе солдатъ: 4 июня 30 р.; 17 июня—50 р.; 12 сентября—35 р.; 28 сентября—9 р. 20 к. Всего Богулкину уплачено: 144 р. 20 к. Другому пищiku Соловьеву на тотъ же предметъ выдано 56 р. А всего только имъ двоимъ 200 р. Самымъ старшимъ и почетнымъ въ волости лицомъ въ то время былъ, конечно, приказчикъ; на его обязанности лежала пріемъ почетныхъ гостей. Какъ видно изъ документовъ, онъ кормилъ своихъ невольныхъ гостей очень щедро. Вотъ его счеты.

9 мая приказчику на пріемъ чиновниковъ выдано 40 р.; 15—ему же—6 р. Приказчику Дружинину за солдатъ—25 р.; 10-го мая приказчику Дружинину за цвѣточный чай—4 р.; 17-го ему же на пріемъ чиновниковъ—10 р.; 23-го на пріемъ чиновниковъ ему же—5 р.; 24-го ему же на покупки для чиновниковъ—8 р. 55 к.; 31-го ему же на пріемъ чиновниковъ—5 р. Июнь: 5-го ему же за солдатъ—20 р.; 7-го ему же за чиновниковъ и солдатъ—135 р.; еще шесть—6 р. Июль: 23-го приказчику Ф. Дружинину по возвращеніи на лицо—25 руб. Здѣсь кто-то сдѣлалъ приписку такого рода: «пойдуть къ содержанію войска». Августа 22-го съ записи приказчику Федору Дружинину къ возвращенію 27 р. 55 коп. Всего же получено Дружининымъ 313 р. 10 коп. Кроме уплаты этимъ главнымъ лицамъ за содержаніе войскъ, израсходовано за квартиры: 646 р. 54 к., каковы деньги выданы крестьянамъ с. Егвинскаго. Въ общемъ, квартирное довольствіе войскъ обошлось свыше тысячи рублей. Причемъ къ этому еще надо добавить сумму въ 528 р. 70 коп., истраченную на покупку для солдатъ 44-хъ быковъ и коровъ.

Вся суть, весь смыслъ приведенныхъ здѣсь цифръ заключается въ томъ, что онъ относится лишь къ тѣмъ немногимъ солдатамъ, что жили въ одной Егвинской волости. Посмотримъ же, сколько ихъ было и долго ли они тутъ стояли. Въ Инвенскомъ краѣ стояло отъ 8—20 чел. втеченіе 19 мѣсяцевъ. Всего на всѣго сначала прибыло для усмиренія двѣ сотни, но вскорѣ онъ были отозваны обратно. Если предположимъ, что на с. Егву втеченіе всѣхъ 19 мѣс. приходилась половина солдатъ—а ихъ было меныше—то окажется, что въ ней проживало только 10 чел. Слѣд. оказывается: на квартиру для нихъ—10 тратилось свыше 50 р. въ годъ на человѣка; каждый изъ нихъ съѣлъ только однихъ быковъ по 4,4 штуки. Понятно, при такомъ количествѣ мяса потребовалось

и соответственное количество вина, а именно на каждого по 7 р. 60 к. Что касается чиновниковъ, то, такъ какъ ихъ было только трое-четверо, и прѣзжали они на день, много на два, судя по счету расходовъ на нихъ, здесь цифры еще любопытнѣе. Какъ на самомъ дѣлѣ они могли вмѣстить въ себя то, что нынѣ подавалось угощавшими ихъ! Въ Кудымкорской волости, вырочемъ, сохранился счетъ (ниже приводится буквально) одного изъ приказчиковъ, Ив. Некипѣлова, который провѣрилъ офицеръ и снабдилъ своими замѣтками, очевидно, будучи немало возмущенъ наглостью грабителя-приказчика¹.

Еще также любопытный документъ того же приказчика: «Счетъ по приему разныхъ лицъ въ квартире Кудымкорского приказчика въ мартѣ, апрѣль и маѣтъ мѣсяцахъ 1861 года.

1. Отевского приказчика Кирничева за 14 дней, по 60 коп. въ каждый—8 р. 40 к.

2. Офицеровъ, прибывшихъ изъ г. Перми съ военной командой: 1-го за 12 и 2-хъ за четверы сутки, всего за 20 сутокъ, по 1 р. 50 к.—30 р.

3. Соликамскаго Стражчаго г. Руднева съ 8 апрѣля по 8 мая и съ 15 по 21 маѣтъ, всего за 36 дней, по 1 р. 60 коп.—54 р. 60 к.

¹ Складаніе о количествѣ припасовъ закупленныхъ и употребленныхъ для содержанія офицеровъ съ 12 по 28 Апрѣля 1861 года:

	Руб.	Коп.	Замѣтки офицера:
Муки ржаной	5 п.	2	получено и есть.
Крупчатки	2 п.	4	15 е. на пасху солдатамъ
Говядины	2 п.	4	возвращено 22 фунт.
Свѣчъ сальныхъ	14 е.	1	получ. 6 е.
Масла: скоромнаго	14 е.	2	получ. 8 е. изъ нихъ 3 е.
			на пасху солдатамъ.
» постнаго	4½	—	получ. 1 фунт.
Просы	3 е.	—	
Лукъ	1 реш.	—	получ.
Капусты	1 в.	—	получена гнилая.
Картофели	3	—	получ. 1¼ ведра замер- зашей.
Чай	2 е.	3	получ. 1 фунтъ дряннаго и потому купленъ свой.
Сахару	32 е.	10	получ. 15½ фунт.
Гусей для жаркова	2	—	получены, — соленые.
Яицъ	160	—	30 штукъ получены, ос- тальные солдатамъ.
Рыбы судачины	3 е.	—	не было.
Рису	10 е.	1	получ. 6½ фун.
Варенья банку въ 1 е.	—	—	
получ. И фун.	2 е.	—	я не знаю почему раз- рѣшенію покупалось все это.
Изюму	1 е.	—	
Миндалью	получ. 1 . . .	2 ш.	
Татаренъ	—	—	
Курица	получ.. . . .	1	не было.
Ноги скотские	2	—	
Поросенокъ для хомоднаго	1	—	не было.
Телятины	14 е.	—	получ. 12 е.
Свеклы	17 ш.	—	получ.
Почки	—	—	не было.
Грецкій христальная	—	—	
Итого		38	24

4. Письмоводителя его за 36 дней, по 1 р. 50 коп.—54 р.
5. Старшаго васедателя Соликамского земского суда г. Сизикова за 5 дней, по 1 р. 50 коп.—7 р. 50 коп.
6. Исправника Пейкера, приставовъ Юдина и Ромодина, казаковъ и разсѣльныхъ (послѣдніи, очевидно, тоже недакалась водка и проч.), во время производства втчение двухъ недѣль въ квартирѣ приказчика допросовъ отъ арестантовъ,—20 р.»

Слѣдуетъ замѣтить, что плата за полное мѣсячное содержаніе одного лица нынѣ, спустя 40 лѣть, въ нашихъ мѣстахъ не превышаетъ 10—11 р. Слѣд сколько лишнихъ денегъ пришлось сельскому населенію заплатить за алчность помѣщичьихъ служекъ!

Въ указанныхъ счетахъ не помѣщены огромныя суммы денегъ, истраченныя на подводную повинность, на протори и убытки по содержанію военно-судной комиссіи, и деньги, взысканныя съ крестьянъ за содержаніе и отправку арестантовъ. Арестантовъ только изъ одной Егвинской волости было отправлено въ тюрьму (отъ 2—6 мѣсяцевъ) 35 чел.; изъ нихъ одинъ на полтора года. Ихъ немало доставили и другія волости. У крестьянъ много имущества, скотъ и почти всѣ деньги ушли въ уплату постоя и за судъ. А ушли казаки слѣдомъ за ними, въ добавокъ ко всему, ушли еще бабы и дѣвки.

Какъ только было замирено крестьянское волненіе, тотчасъ же, по распоряженію управления, стали записывать крестьянъ на караванъ. Однако, между усмиренными пермяками оказалось много такихъ, которые бѣжали и отъ свободы, и отъ своихъ домовъ, чтобы только быть подальше отъ каравана и караванныхъ работъ. Караванные приказчики и вся, иже ихъ стоящая, челядь въ волю издѣвались надъ растерявшиимися крестьянами. Сбѣжавшіе съ работы явились въ Кудымкоръ къ управляющему, съ заявлениемъ о причинѣ ихъ побѣга. «Уйти насъ вынудилъ — жаловались матерѣвшіеся на работахъ крестьяне — караванный Орѣшниковъ не платежомъ намъ харчевыхъ за простойные дни». Были и такие крестьяне, которыхъ уже сами владѣльцы, подыскивавшіе къ тому времени новыхъ и болѣе дешевыхъ рабочихъ, несмотря на заключенное условіе, не приняли на работы, отговариваясь тѣмъ, что нашлись люди подешевле. Пришлось такимъ, исхарчившимъ свои послѣднія на дорогу деньги, бѣднякамъ возвращаться домой, питаясь Христовымъ именемъ. Караванные приказчики, совсѣмъ забывши, потребовали было, чтобы волости, взамѣнъ самовольно ушедшихъ крестьянъ-рабочихъ, выслали новыхъ, хотя бы и незапороженныхъ на караваны. Но такой произволъ приказчиковъ остановило само инвенское управление. Бумагой своей въ Юсьвинскую Земскую, отъ 6 мая 1861 г., оно дало знать: «Въ Высочайше утвержденныхъ правилахъ о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости,

въ З пунктѣ 2 статьи воспрещена отдача крестьянъ и дворовыхъ людей владельцами постороннимъ лицамъ въ услуженіе или въ работы, потому Ивенское Правленіе вѣ имѣть права избрать людей Ивенского Округа и отправить насильственно на караванъ. Поэтому изъ крестьянъ с. Юсьвинскаго избирать людей не нужно, а отправить только тѣхъ, которые обязались поступить на караванъ, согласно заключеннаго ими условія». Къ этому необходимо добавить, что еще до В. манифеста часть людей, какъ крѣпостныхъ, Строгановыми была отдана кн. Голицыну. Управлѣніе его имѣніями также требовало высылки силою крестьянъ на работы, причемъ требовало замѣнить не идущихъ крестьянъ первыми попавшимися изъ нихъ.

Послѣ унитраторенія ивенскаго края г. Гилевъ былъ разжалованъ изъ управляющихъ въ члены управлѣнія—случай въ имѣніяхъ Строгановыхъ рѣдкій, если не единственный.

Слѣдомъ за этими тяжелымъ для ивенскихъ крестьянъ годомъ пошелъ рядъ лѣтъ еще труднѣйшихъ—рядъ неурожаевъ. Между тѣмъ, натуральная повинности, переведенная на деньги, сразу подняли подати крестьянъ съ 2 р. 70 к. до 11 р. 52 к., причемъ имѣть во взносѣ податей не давалось ни малѣйшаго послабленія... Вскорѣ, однако, послѣ замиренія волненія крестьянъ честные и добрые люди изъ Строгановскихъ служащихъ, каковыхъ всегда бывало немало, поняли ошибки, допущенные при недавно возникшихъ недоразумѣніяхъ крестьянъ съ помѣщицами управлѣніемъ, пришли на помощь этимъ крестьянамъ. Такъ, главноуправляющій пермскимъ имѣніемъ гр. Строгановой, П. С. Шаринъ, въ виду высокаго оброка крестьянъ, сложилъ своею личною властью по 1 р. 57¹/₂ коп. съ души, а также сложилъ со счетовъ и всю недопику ихъ съ 1861 г. по 1 января 1867 года. Только благодаря такой огромной помощи Шарина, народъ пермскій сохранилъ свою жизнеспособность и могъ пріяться за улучшеніе своего хозяйственнаго быта.

Вс. Яновичъ.

С. Юсьва,
Соликамск. утада.

Нѣкоторыя черты изъ исторической и психической жизни вотяковъ *.

(Историко-этнографический очеркъ)

О вотякахъ написано довольно много: имются изслѣдованія этнографическая и историческая. Но мало такихъ работъ (или вовсе ихъ нѣть), гдѣ бы проведена была сравнительная точка зреія на вотяковъ и съсѣднихъ имъ восточныхъ фянновъ: пермяковъ, зырянъ и друг. Сравненіе быта и религіозныхъ—языческихъ пережитковъ можетъ повести къ возсозданию древнепермскаго периода, когда вотяки, зыряне и пермяки составляли одинъ народъ, а языки ихъ одинъ праримскій языкъ. Такого рода работы должны иметь значеніе для исторіи культуры Россіи. Въ изслѣдованіяхъ о вотякахъ также сравнительно мало обращается вниманія на связь географическихъ и историческихъ условій съ психикой инородцевъ. Я желалъ, поэтому, въ настоящей маленькой статьѣ сдѣлать опытъ: впервыхъ, восстановить хотя бы нѣкоторыя черты древнепермскаго периода жизни вотяковъ; во вторыхъ, попытаться провести параллель между исторіей вотского народа и исихическими особенностями его. По этой причинѣ статья раздѣлена на двѣ части: 1) на древній периодъ жизни вотяковъ и 2) на исторический и новый. Въ концѣ помѣщено приложеніе съ нѣкоторыми данными, доказывающими тѣ или другія положенія о вотскомъ народѣ **.

* Читано въ Отдѣленіи Этнографіи Имп. Русскаго Географическаго Общества 14 декабря 1902 года.

** Изслѣдованія о вотскомъ народѣ:

1) Историко-этнографический очеркъ вотяковъ. И. Н. Смирнова. Эта книга отличается полнотою и всесторонностью изслѣдованія исторіи и быта вотяковъ. Она заключаетъ въ себѣ и тщательное описание сактовъ и возможно-общіе выводы этнографического и исторического характера.

2) Гавриловъ. Сказки, поговорки и пѣсни вотяковъ (произведенія народной словесности, обряды и поговорки вотяковъ). 1880. Эта книга лучшая по части народной поэзіи вотского народа.

3) Вотяки Казанской губ. Д. Островскаго. Казань. 1873. Сочиненіе, заключающее въ себѣ кроме историческихъ данныхъ вѣрную характеристику вотяковъ.

4) Антропологический очеркъ вотяковъ. Малиева. Съ приложеніемъ отчетливыхъ антропологическихъ таблицъ.

I.

До XI или даже до X вѣка вотяки жили на большихъ пространствахъ, покрытыхъ дремучими лѣсами, въ области Вятки и Ветлуги, а зыряне—ихъ однодолгеменники, по течению Сысолы и Вычегды. То было время, когда языки: вотскій, зырянскій и пермскій составляли одинъ языкъ восточныхъ финновъ. Судя по тому, что и теперь еще типъ физическій и психическій вотяка весьма напоминаетъ зырянина, и на основаніи сходства пережитковъ языческой старины нужно думать, что эти племена были сходны не только по языку, но и по характеру, по своимъ нравамъ и обычаямъ. Поэтому, восстановляя бытъ древнихъ вотяковъ, мы воспроизводимъ жизнь древнихъ восточныхъ финновъ пермской группы.

Какова же была ихъ культура материальная и духовная, какой физическій типъ, какой характеръ народа, предка современныхъ вотяковъ, зырянъ, пермяковъ? Четыре источника ведутъ настъ къ познанію этой культуры: 1) филологический анализъ культурныхъ словъ въ языкахъ пермскомъ, вотскомъ и зырянскомъ; 2) этнографія теперешнихъ ногуловъ, остыаковъ, самоѣдовъ; 3) жилища, вообще бытъ зырянъ, вотяковъ и финновъ въ Сѣв. Финляндіи и Лапландіи; 4) языческие пережитки въ сказкахъ, суевѣрныхъ рассказахъ, моленіяхъ ино-родцевъ. Теперь мы займемся разборомъ двухъ послѣднихъ группъ.

Изучая нынѣшнюю жизнь вотяка, его бытъ, его жилище, мы невольно поражаемся устройствомъ его избы. Изба вотяка—это исторія вотского народа.

5) Исследованія Верещагина: Вотяки Сосновского края и др. отличаются полнотою и детальностью описанія жизни вотяковъ. Особенно цѣнны данные о Воршудѣ, домашнемъ бытѣ вотяковъ, и вообще о мифологии этого народа, его свадебныхъ обрядахъ и т. д.

6) Бытъ вотяковъ Сарапульского уѣзда. Кошурниковъ. Казань. 1880. Въ этой книгѣ, между прочимъ, имѣется интересная характеристика дѣтей вотяковъ школьнаго возраста. Обращено въ ней внимание на охоту вотяка, на его смѣлость и ловкость въ этомъ дѣлѣ.

7) Новая сдѣлкія по доисторической археологии Вятского края. А. Спицына. 1887.

8) Die Woljaken, eine ethnologische Studie von Mux Buch. Stuttgart. 1882.

9) Библиографическая замѣтка Потанина по поводу этой книги.

10) Замѣтка о пермскихъ древностяхъ. Ешевского.

11) Евангелие отъ Матея на вотскомъ языке.

12) Грамматика вотская. 1775. Изд. Академіи Наукъ.

13) Исторія Вятки. Вештомова. Каз. Вѣсти. 1827.

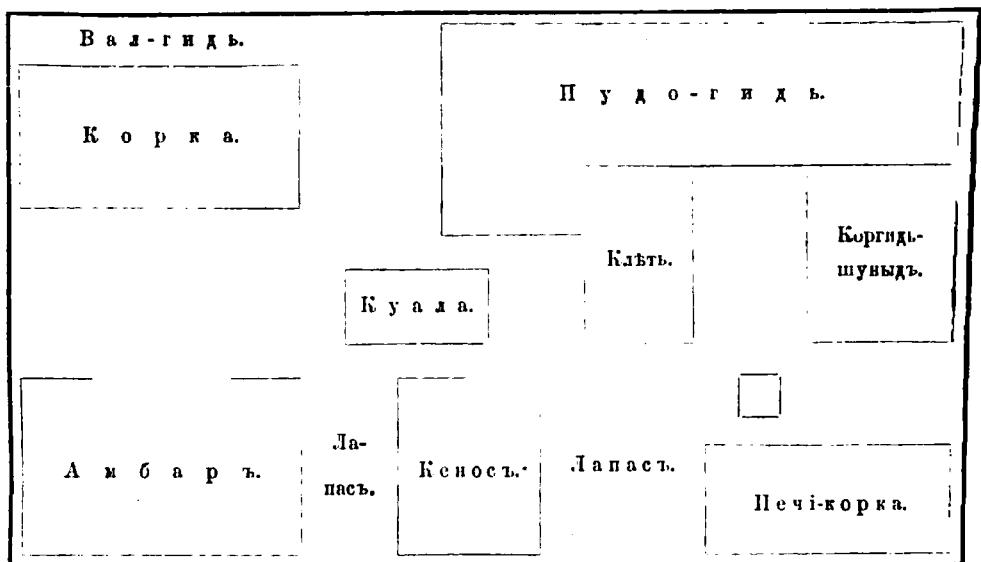
14) А. Фуксъ. О вотякахъ. 1839.

15) Осокинъ. 1856.

16) Шестаковъ. Вѣсти. Геогр. Общества 1859. II, 73.

17) Бехтеревъ. Вѣстникъ Европы. 1880.

18) Первухинъ. 1888—1889. Весьма цѣнныя факты и соображенія.

Вы видите передъ собою огромный дворъ, устланный кампями и наполненный разнаго рода постройками. Названія послѣднихъ одни финскія, другія татарскія. Корка—домъ, печі-корка (малая изба), вал-гидъ (копюшня), пудогидъ (хлѣбъ), куала (священная часть избы)—финскія слова; кавка—дворъ, мунчо—баня, амбаръ—учегъ, сендыра—полати, кѣбеть—лавка и т. д.—татарскія.

Куала—священная часть двора. Это, какъ можно доказать, жилище доисторическихъ финновъ, печі-корка—изба послѣдующаго времени, явившаяся послѣ знакомства вотяковъ съ тюрками и russkими. Она походитъ па черныя избы зырянъ въ глухихъ мѣстахъ; корка—домъ; это большая жилая изба—наслѣдіе болгарской культуры, принесенной вотякамъ татарами.

Для васъ въ данномъ случаѣ слушать интереснѣе всего куала, какъ остатокъ древней финской коты (черемисской куды).

Куала имѣть стѣны изъ бревенъ, крышу изъ досокъ, въ ней неѣть ни пола, ни потолка; внутри ея устроена каменка изъ песчаниковъ, подъ ней котелъ, прикрытленный къ шесту, въ сторонѣ столъ (джекъ), на нарѣ коробочка съ вѣтками, а въ ней Воршуд—богъ счастья дома (въ приложении о Воршудѣ).

Куалу можно сопоставить съ зырянской охотничьей избушкой «пывсян» и съ сѣверо-финской или лапландской «котой». Эта постройка общефинская. Воршуд—идоль бога охраняющаго домъ, какъ это имѣть мѣсто у самоѣдовъ. Извѣстно, у парода что старо, то священно. Куала священна, потому что она старинна. Финская поговорка гласить: «древнѣйшей ловушкой было брюхо, древнѣйшей посудой горсть, древнѣйшимъ жильемъ «кота».

Всѣхъ земель старѣй болото;
Ива старшѣ всѣхъ деревьевъ;
Ели—первыя жилища,
Камни—первая посуда. (Калевала, III).

Въ такихъ жилищахъ— а кто ихъ не имѣлъ— прямо въ землѣ проводили дни свои вотяки, зыряне, пермяки, среди дремучихъ лѣсовъ, въ области Вычегды, Вятки, Вятлуги, Камы. Избушки ихъ были уединены. На лыжахъ зимой, верхомъ и въ лодкахъ лѣтомъ сносились они между собою. Эти древніе пермяки одѣвались зимой во всякаго рода шкуры, а лѣтомъ въ самотканые армяки и, вооруженные луками, все время проводили въ охотѣ на бѣлокъ, медвѣдей, лисицъ и т. п. Охотничы артели съ колдунами во главѣ бродили въ сосновыхъ дебряхъ по верховьямъ рѣкъ (эль и меръ— остатки общественныхъ союзовъ). Самобытныя названія домашнихъ животныхъ и нѣкоторыхъ простейшихъ орудій земледѣлія, а также названія злаковъ показываютъ, что до знакомства съ русскими они знали уже воздѣлываніе ячменя и занимались скотоводствомъ (лошади, олени, коровы, овцы).

Эти пароды, судя по всему (житіе св. Стефана Шермскаго, сложность теперешняго языческаго ихъ культа), тогда уже имѣли сложную теологію и миѳологію. У нихъ былъ Ихмаръ—богъ пеба (Ень), Мукулцинь—духъ земли (Кылысинь—апгель: Мате. 4, 11), му—земля, Шунды-мумы—мать солнца, Музьем-мумы—мать земли, Гудури-мумы—мать грома, Тыл-мурт и масса другихъ (Воршуд, Нюлэсмуртъ (лѣшій), Кукри-баба (јома) межа упие, Корка-мурт (домовой), Гонлыр-муртъ (въ конюшнѣ) и т. д. Судя по пережиткамъ, у зырянъ былъ еще сынъ солнца, луна—богъ скотоводъ; радуга, пьющая воду изъ рѣки. Калевала еще увеличиваетъ число боговъ-покровителей и зложелателей человѣка.

Лѣта дочь, жена блаженства,
Ты дочь юга, мать творенья,
Ты дочь елочекъ, хозяйка, и т. д.

Мъеликки— невѣста лѣса,
Таллерва—ты дѣва таль!
Ты сынъ таль, Нийрікки,
Ты сынъ лѣса въ еннѣ куртѣ.
Куйшана—ты царь дубравы,
Ты добраякъ сѣдобородый!
Псовъ своихъ держи покрѣпче.

Зырянскій лѣшій рисуется въ народномъ воображеніи тоже съ собакой и кричитъ: тѣт, тѣт!

Въ Калевалѣ же упоминается:

Мудрый старецъ Тапіолы,
Самъ хозяинъ на месолѣ...
... Дѣвы воздуха явились,
Дѣва мѣсяца, красотка,
И красавица дочь солнца...
Ато—этотъ царь потоковъ... (XLI).

Все это показываетъ, что столь обильные пережитки—свидѣтельство богатой древней миѳологии финновъ. Мало того, у нихъ была своя космогонія. Такъ, въ Калевалѣ говорится:

Утка, славная та птица,
Сносить яйца золотыя,
Шесть яицъ все золотыя,
А седьмое изъ жельза...

Изъ частей яйца произошли мать сыра земля, солнце свѣтлое и ясный мѣсяцъ, также звѣзды золотыя. По этой космогоніи выходитъ, что утка—мать солнца.

Интересно сопоставить это съ вотяцкимъ воззрѣніемъ, по которому утка является той птицей, которая приносить матери солнца молитвы людей объ исцѣленіи глазъ. Въ виду этого вотяки приносятъ въ жертву матери солнца утку (у остаковъ гусь—изображеніе бoga). Нужно думать поэтому, что у вотяковъ была та же космогонія.

Всѣмъ своимъ многочисленнымъ богамъ вотяки дѣлали идолы изъ бревенъ, корни при этомъ отрубали прочь и выдѣлывали такъ, что получали сходство съ человѣческой головой, а остальная часть бревна оставалась неотесанной (по крайней мѣрѣ до сихъ поръ такъ дѣлается у лопарей. Кастренъ). Въ лѣсахъ этимъ богамъ приносились жертвы при звукахъ кантере, теперешнихъ гусей.

У теперешнихъ вотяковъ существуетъ сложная регламентација относительно порядка жертвоприношениј (въ первый день овца, во 2-й гусь, въ 3-й жеребенокъ, въ 4-й теленокъ, затѣмъ быкъ). Трудно сказать, насколько это явление древнее. Что же касается того, что шкуры и кожа жертвенныхъ животныхъ развѣшивались на священныхъ деревьяхъ—объ этомъ говорится въ житии св. Стефана. У пермяковъ несомнѣнно были жрецы, которые, одѣтые въ бѣлые армяки, въ бѣлыхъ шапахъ, возсыпали молитвы своимъ богамъ, а толпа, внимая имъ, припадала къ землѣ и со стономъ просила объ урожаѣ, дождѣ и т. п.

Что языческая религія въ такомъ сложномъ видѣ есть явленіе древнее, можно доказать тѣмъ, что пережитки старинны у зырянъ, у вотяковъ, у фин-

новь поражаютъ насъ своимъ сходствомъ. Существуютъ такія параллели: у Финновъ—сынъ солнца, богъ огня, у зырянъ въ старыхъ сказкахъ упоминается сынъ солнца, выгоняющій радугу на водопой, у вотяковъ иать солнца любить утку, какъ жертву, въ Калевалѣ мать солнца—сама утка; радуга у зырянъ и у вотяковъ вуувиш—пьющая воду; Куйшана сѣдобородый съ собакой—онъ хозяинъ лѣса; лѣсной богъ у зырянъ тоже съ собакой и кличетъ свое тѣт, тѣт. Іумала-укко—главный богъ неба у Финновъ, Инмаръ у вотяковъ, Ень у зырянъ. Однообразіе корней свидѣтельствуетъ здѣсь объ одинаковости представлений божества, которое было олицетвореніемъ неба. Затѣмъ, сходство жертвоприношеній у зырянъ во времена Стефана Пермскаго (священное дерево, кумирицы, шкуры звѣрей, вывѣшенныя на деревьяхъ) и у теперешнихъ вотяковъ и черемисъ. Панесотники, упоминаемые у зырянъ и вотяковъ, говорить объ единствѣ религії, культа, общественного устройства. Вслѣдствіе этого мысль, сопоставляя религіозные остатки инородцевъ, невольно восходить къ ихъ прарелигії.

Далѣе, углубляясь въ прошлое, мы спросимъ себя, какой физическій типъ и характеръ отличали древняго пермяка?

Мы допускаемъ, что зыране, вотяки—одно племя. И это доказывается тѣмъ, что языки ихъ близки, какъ, напр., малорусскій къ великорусскому, что пережитки старины у нихъ одноименны и однообразны, что у нихъ физическій типъ одинъ и тотъ же въ нѣкоторыхъ особенностяхъ. Зыране и вотяки съ русыми волосами, съ рыжей бородкой, сѣрыми глазами, широкими скулами теперь встрѣчаются силошь и рядомъ; они коренасты и отважные охотники. Я видѣлъ много вотяковъ, прямо похожихъ на известныхъ мнѣ зырянъ и по виду, и по характеру. Допустивъ же, что зыране и вотяки—одно племя, мы должны думать, что зыране-охотники, живущіе въ глухихъ мѣстахъ у верховьевъ Вычегды и Сысолы или Пожога, болѣе или менѣе похожи на древнихъ пермяковъ—предковъ своихъ, потому что жизнь ихъ мало измѣнилась, и въ окружающей ихъ природѣ не произошло перемѣнъ. Ростъ они 164—168 сант., съ светлымъ цвѣтомъ волосъ и бороды (рыжебородые), имѣютъ сѣрые, немногого узкіе глаза, широкія скулы; они плечисты, коренасты, отважные въ лѣсной жизни и рѣчныхъ плаваніяхъ. Таковы были древніе пермяки, таковъ былъ ихъ физическій типъ..

То обстоятельство, что ростъ теперешнихъ вотяковъ 162—164 сант., что крѣпкихъ тѣлосложеній между ними 37%, среднихъ 57%, слабыхъ 6%, что много между ними больныхъ глазами, что они неуклюжи, большинство ихъ мало похожи на отважныхъ охотниковъ, это обстоятельство легко объяснимо историческими, географическими и культурными причинами, и является знаменательнымъ, показывая, какъ народъ можетъ ити вверхъ или внизъ, въ зависимости отъ историческихъ условій.

Въ психическомъ отношеніи древніе пермяки были люди настойчиваго характера, хотя у нихъ было мало иниціативы къ измѣненію своей жизни; они любили свою суровую, бѣдную природу, свои дремучіе лѣса, любили покой и однообразіе своей жизни. Они были колдуны, таинственно глядящіе на природу, вѣчно гадая. Охотники, жители верховьевъ рѣкъ, они были подозрительны другъ къ другу и родъ къ роду, хотя душа ихъ не была склонна къ войнамъ и расправамъ.

Какъ доказать такое положеніе?

Нельзя не согласиться съ той мыслью, что признаки, встрѣчающіеся у всѣхъ народовъ, завѣдоно принадлежащихъ къ одному племени, суть прочные свойства этого племени, этой расы, потому что только то, что мало измѣняется, встрѣчается у всѣхъ этихъ народовъ, живущихъ при разныхъ условіяхъ. Чѣмъ же неизмѣнно, то составляетъ свойство этой расы. Поэтому мы должны сравнить характеристики финскихъ племенъ: зап. финновъ, самоѣдовъ, зырянъ, вотяковъ и т. д.

Зап. финновъ такъ характеризуютъ: «Финны расположены по преимуществу къ земледѣлію и скотоводству; кажется, Провидѣніе для того и призвало ихъ на сѣверъ, чтобы они своей неутомимостью, терпѣніемъ, спокойнымъ, никогда неунывающимъ духомъ обработали пустыни Финляндіи, сѣв. Россіи и Скандинавіи. Финны любить эти занятія и свой маленькой мірокъ, въ которомъ онъ могъ бы дѣйствовать свободно и независимо... (непремѣнное условіе его благоденствія), поэтому онъ часто промѣниваетъ вполнѣ обеспеченную жизнь подъ управлениемъ другого человѣка на трудную и убогую въ пустынѣ. Промыслы противны нравамъ финновъ».

А самоѣдовъ описываютъ слѣдующими словами: «Самоѣды крайне осторожны, кротки и скрытны, недовѣрчивы, упрямы и настойчивы; рѣшаются не скоро, но, разъ рѣшившись, страшно упорны въ исполненіи предпринятаго; подобно лапландцамъ, своеуравнены и такъ лживы, что на нихъ нельзя положиться. Общая имъ всѣмъ черта—это мрачный взглядъ на жизнь и жизненные отношенія. Они равнодушны; изъ-за лѣни готовы переносить голодъ,ажду и всевозможныя лишенія».

О зырянахъ мы читаемъ, что они разсудительны, прямы, степенны, добродушны, честны и вѣрны, хитры, подозрительны и завистливы; они настойчивые, отважные охотники.

Вотяковъ разные авторы характеризуютъ, какъ наблюдательныхъ, легкоѣрныхъ, подозрительныхъ людей, прибавляя, что любознательность ихъ очень ограничена, что они лаконичны въ выраженіи своихъ мыслей и чувствъ (тоже и зыряне); далѣе говорять, что страхъ передъ начальствомъ одинъ изъ сильныхъ аффектовъ вотяка, что страхъ передъ судами доводить ихъ до самоубийства; вотяка

называютъ пѣжнымъ отцомъ, мягкимъ мужемъ, добрымъ родственникомъ; въ душѣ его лежитъ потребность мира и согласия; всѣ авторы согласны въ томъ, что вотякъ настойчивъ въ осуществлѣніи своей цѣли, что у него ограниченъ кругъ желаній, что страхъ передъ умершими составляетъ основу его морали, что онъ негостепріимъ къ чужимъ и т. п.

Если, изучая такія характеристики, мы будемъ отвлекать общія свойства финскихъ племенъ, то найдемъ, что настойчивость, упорство, подозрительность, угрюмость въ кругу чужихъ, добродушіе по отношенію къ близкимъ, нелюбовь къ торговымъ оборотамъ и промышленности, лаконичность въ выраженіи чувствъ и мыслей, бѣдность фантазіи, склонность къ миру, любовь къ суровой природѣ характеризуютъ эту расу. Общее и есть самое глубокое. Правда, эти свойства видоизмѣнялись у разныхъ племенъ, напр., вотякъ сталъ упорнымъ земледѣльцемъ, зырянинъ — охотникомъ и любителемъ дальнихъ странствованій, самодѣлка мрачна во взглядѣ на жизнь, фининъ молчаливъ и угрюмъ. Эти свойства — вариаціи основныхъ свойствъ прафинского племени.

Мы попытались возстановить въ блѣдныхъ чертахъ жизнь, религию, физический типъ и характеръ древнихъ пермяковъ. Они, одаренные большою любовью къ природѣ, создали довольно богатую миологію и теологію, и въ дремучихъ лѣсахъ, молясь своимъ богамъ, занимались охотой, любя независимость и отсутствие войны. Настойчивые въ предпринятіи, они не отличались однако предпримчивостью въ измѣненіи характера своей жизни. Гадая, чародѣйствуя, эти рыжебородые, коренастые пермяки съ луками въ рукахъ, въ бѣлыхъ кафтанахъ любили приносить богатыя жертвы лѣснымъ и другимъ богамъ. Они жили въ сосновыхъ избушкахъ или земляныхъ ямахъ, сообщаясь между собою лѣсными тропинками или по рѣкамъ въ лодкахъ. Они были здоровы и крѣпки и не страшились лѣсныхъ напастей. Выясненіе того, что изъ этого цѣльного, независимаго и отважнаго пермяка древнихъ временъ создало нынѣшняго трусливаго вотяка, надъ которымъ подтруниваютъ и смѣются его сосѣди, свои и чужие, — выясненіе того, что вытолкнуло его изъ дремучихъ лѣсовъ на малыя рѣчки и безлѣсныя пространства и изъ суроваго охотника сдѣлало робкаго земледѣльца, необходимо вводить насъ въ разсмотрѣніе тѣхъ историческихъ условій, въ какія поставленъ былъ вотякъ отъ XI-го в. до настоящихъ дней.

II.

При глубокихъ измѣненіяхъ въ психическомъ и физическомъ типѣ вотяка, разсмотрѣніе историческихъ условій его жизни укажетъ намъ, какія черты характера оказались устойчивыми, какія подверглись измѣненіямъ, иными словами мы узнаемъ, какія черты расовые, какія историческія и бытовыя.

Вотяковъ измѣнило то, что заставило ихъ перенестись на сотни верстъ отъ ихъ первоначального жилища, съ береговъ Вятки и Ветлуги на верховья Чепцы и Кильмезя, т. е. историческая событія, которая стѣснила ихъ на небольшую площадку земли и заставила перейти отъ охоты и скотоводства къ интенсивному земледѣлію, что уничтожило ихъ лѣса, унизило ихъ самихъ, давъ мѣсто обвиненію, что интеллектъ ихъ слабъ, чѣмъ у арійскихъ племенъ.

Припомніе факты, имѣющіе столь много результатовъ.

Отступая съ береговъ Оки передъ русскими колонистами, черемисы въ XI в. пришли въ Яранскій и Ветлужскій уѣзды и вытѣснили вотяковъ.

Въ XII и XIII в. черемисы шли впередъ, а вотяки отступали внизъ по Вяткѣ и Кильмезю. На берега Валы (притокъ Кильмезя) вотяки пришли одновременно съ черемисами. Легенда о Тутой и Янтамырѣ говоритъ, что возникъ споръ между черемисами и вотяками, кому оставаться тутъ жить. Споръ этотъ былъ рѣшенъ состязаніемъ между богатырями обѣихъ сторонъ. Нужно было перебросить кочку ногою за рѣку. Вотскій богатырь Тутой перебросилъ и черемисы отступили.

Въ то же время (съ XII-го в. и еще раньше) вотяки тѣснили были съ другой стороны. Русскіе съ сѣвера (съ рѣки Юга) наступали на нихъ, а послѣ основанія Хлынова стали оттеснять ихъ по р. Чепцѣ. Доказательствами этихъ положеній, кроме вотскихъ легендъ, являются вотскія названія селъ и деревень въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ теперь вотяки не живутъ. Эти названія встречаются по рѣкѣ Вяткѣ и западнымъ ея притокамъ до Ветлуги, а на сѣверѣ по Югу и Сысолѣ.

Постепенное отступленіе передъ сильными народами имѣло цѣлью сохранить свою самобытность подъ сѣнью дремучихъ лѣсовъ, у верховьевъ не судоходныхъ рѣкъ (оно же выражало, съ другой стороны, характеръ древнихъ пермяковъ — на любовь къ военнымъ предприятиямъ). Послѣдовательно оно имѣло, въ свою очередь, большія перемѣны въ характерѣ народа. Съ измѣненіемъ историческихъ и географическихъ факторовъ все должно было измѣниться вплоть до самыхъ глубокихъ свойствъ расы (настойчивость, склонность къ мирной жизни, поэзіи и религії).

Прежде всего народъ сталъ думать и чувствовать, что онъ слабъ въ сравненіи съ другими народами, что ему необходимо на жизненной аренѣ держаться положенія слабаго. Въ связи съ этимъ возрастили недовѣріе къ себѣ и подозрительность къ другому. Вотяки попали на малыя рѣчки, гдѣ не было возможности развиваться отважности и предпринимчивости; они были сбиты въ малыхъ по пространству лѣсахъ, гдѣ экстенсивное хозяйство (скотоводство и охота) должны были уступить интенсивному (земледѣлію). Настойчивость, упорство, поэзія природы —расовые свойства пермика — превратились въ любовь и

трудолюбіе земледѣльца, привязанного къ клочку земли и домашнему очагу, аль его священной куалѣ—первообразу избы вотяка съ богомъ Воршудомъ.

О трагедіи души, порожденной судьбы, ясно говорять историческая легенды вотского народа. Они повѣствуютъ о гибели вотскихъ богатырей и разрушениіи кумирницъ. Легенда о разрушениіи общественной куалы въ Вяткѣ разсказываетъ о томъ, какъ голубъ вылетѣлъ изъ куалы, приникъ къ русской церкви и умеръ, что предвѣщало обѣ исчезновенія языческой вѣры. Правда, пустымъ остается то мѣсто, где красовалась народная куала. Въ разсказѣ «Ватки и Калмезы» говорится, что на калмезовъ двинулось племя ватка. Одинъ калмезъ былъ убитъ на берегу рѣки, и мѣсто его убиенія до сихъ поръ почитается вотяками. Легенда о томъ, какъ Идна-батыръ хотѣлъ быть царемъ надъ вотяками, какъ бѣлый царь велѣлъ его преслѣдовать. Идна была охотникъ и погибъ подъ мостомъ на шѣгой лошади со словами: «пѣгая лошадь только тогда лошадь, когда уже идѣтъ другой». Богатырь Янтамыръ тоже напрасно боролся съ русскими; и онъ былъ изрубленъ саблями.

Жители Кузнецкаго прихода знаютъ, что въ ихъ мѣстности жили въ древнія времена вотяки, вытѣсненные отсюда черемисами. У вотяковъ былъ городъ, где царемъ былъ Ядыгаръ. Черемисы взяли этотъ городъ, и вотяки должны были отступить.

Такъ гибли одинъ за другимъ герои этого народа, а остальные отступали все въ худшія и тѣснѣйшія мѣста, подальше отъ враговъ.

Съ XV-го до конца XVII в. мы знаемъ новыхъ угнетателей вотяковъ: на территории вотского народа оказались арскіе князья и мурзы изъ татаръ: они даже подъ русской властью долгое время сохранили свою автономію—судили и взимали подати съ своихъ вотскихъ подданныхъ.

Начало движенія татаръ въ XIV в.шло изъ центровъ болгаръ Лайшевскаго и Спасскаго уѣзовъ. Что татары пришли на тѣ мѣста, где раньше жили вотяки, это показываютъ названія татарскія. Татары принесли нѣкоторую культуру вотякамъ (болгарскую), что видно изъ татарскихъ словъ, употребляющихся вотяками: *jurt* (домъ), *janak* (косякъ), *arbar* (дворъ), *munco* (баня) и т. д. или изъ соціальныхъ и юридическихъ понятій: *alrautjal* (господинъ), *buldant* (возмущаться), *mögelik* (владычество), *teksir* (изслѣдованіе) и т. д.

Татары измѣнили прежнюю хижину вотяка на большой дворъ съ избой, но душу ихъ сильно умалали, сдѣлали народъ трусливымъ, низкаго о себѣ мнѣнія, т. е. отняли у него сознаніе своего достоинства («Мы вотяки: намъ ничего!»), лишили всякой инициативы (особенно въ дѣлахъ торговыхъ).

Татары—народъ гордый, чванливый, презирающій. Простого, наивнаго вотяка овъ мало могъ научить хорошему. Какъ татары относились къ вотякамъ, видно изъ легендъ (изданныхъ г. Первухинымъ). Въ нихъ мы находимъ

преданіе о размѣрахъ той власти, какою пользовались татары надъ вотяками. Когда татаринъ садился на лошадь, вотякъ долженъ былъ становиться въ колѣни (на четвереньки). Ни одна девицка вотская не могла выйти замужъ, не пробывъ наложницей у татарина 4—5 дней.

Такимъ образомъ, народъ, угнетаемый со всѣхъ сторонъ, долженъ былъ замкнуться въ самого себя. Отрады для себя вотякъ искалъ въ поэзіи природы, въ языческой религії. Въ еловыхъ и липовыхъ рощахъ приносили вотяки свои жертвы Иниару, Мукулцину и другимъ богамъ, въ домашней куалѣ молились духу предковъ—Воршуду. Но жить своими мыслями и чувствами считается на землѣ роскошью, надо успѣть ее завоевать и защитить, иначе болѣе сильные люди не дадутъ ея или отнимутъ.

Начинается русское влияніе и, вмѣстѣ съ нимъ, покушеніе на народную религію вотяковъ. Епископъ Алексѣй первый обратилъ вниманіе на распространеніе христіанства между вотяками (1723 г.); при еп. Веніаминѣ (1739—1742) обращеніе вотяковъ сдѣлало уже значительные успѣхи. До чего тяжела была для нихъ перемѣна религії, показываетъ тотъ фактъ, что они въ числѣ 1357 душъ сѣѣвали изъ Глазовскаго уѣзда въ Бугульминскій, не желая креститься. Полтораста лѣтъ уже происходитъ борьба между христіанствомъ и язычествомъ, и однако послѣднее существуетъ. Не только существуетъ язычество, но имѣются язычники въ числѣ до 10000 человѣкъ. Эта борьба несомнѣнно одна изъ причинъ замыканія вотского народа въ тѣсный кругъ племенныхъ традицій и вѣрованій.

Уничтоженіе лѣсовъ, обмелѣніе рѣкъ, учащающіеся неурожая отъ засухи все болѣе и болѣе развиваются пессимизмъ въ душѣ вотяка, недовѣріе къ другимъ, болѣе сильнымъ народамъ, тоску по старымъ порядкамъ, тайную любовь къ языческой религії и т. д. По недовѣрчивости, замкнутости, преданности одному земледѣлію, вотякъ становится точно скалой. Въ борьбѣ за уѣждѣнія у вотяковъ прогрессировали настойчивость и природная поэзія въ ущербъ другимъ свойствамъ предпріимчивости и любознательности. Народъ сталъ консервативенъ, характеръ его окончательно утратилъ всякую гибкость, и это можетъ оказаться причиной погибели растущей съ каждымъ днемъ промышленной конкуренціи.

Затѣмъ попробуемъ отвѣтить на вопросъ, каково теперешнее этнологическое состояніе вотяковъ и какова ихъ психологія, какъ слѣдствіе исторіи и современного быта.

Теперешніе вотяки, въ числѣ 275 тысячъ, живутъ въ уѣздахъ: Глазовскомъ (102 т.), Слободскомъ, Малмыжскомъ, Сарапульскомъ, Елабужскомъ, Осинскомъ (Перм. губ. 2900 ч.), въ Мамадышскомъ и Казанскомъ, Казанской губ. (8200), въ Бирскомъ, Уфимск. губ.(1000) и въ Бугульминскомъ, Самарск. губ. (1300). Они живутъ на рѣчкахъ Тоймъ, Чепцѣ, Кильмезѣ и

т. д., — на рѣчкахъ, которыхъ высыхаютъ лѣтомъ. Хотя земля у нихъ просторнѣе, чѣмъ у сосѣдей (10 дес. на душу), но, конечно, нѣть старыхъ хѣсовъ, нѣть дичи для охоты, и ружье у вотяка ржавѣеть, а земледѣліе становится его единственнымъ занятіемъ. Вотяки — поэты-земледѣльцы. На горѣ полба, въ долинѣ огородъ, на склонахъ рожь, на холмистыхъ мѣстечкахъ пчельники. Ихъ дворы съ амбарами, сарайами, съ разнообразными отдѣленіями для лошадей, овецъ, коровъ, телятъ поражаютъ васъ своимъ порядкомъ, аккуратностью и чистотой. Изслѣдователи говорятъ, что изъ инородцевъ развѣ одни чувашіи могутъ поспорить съ вотяками въ отношеніи трудолюбія и стремленія къ сбереженію. Вотяки чрезвычайно аккуратно платятъ подати, недоимокъ за ними не бываетъ. Сбереженія свои они зарываютъ въ землю, какъ было въ старину.

Зато нѣть у вотяковъ никакихъ ремеселъ, никакихъ промысловъ, никакой торговли.

Чрезвычайное однообразіе типовъ, отсутствіе личной ініціативы поражаютъ наблюдателя, наводя его на печальные размышленія. Кенеш, мэр, эль — остатки старины — давять личность. Кенеш — общинный совѣтъ; полевыя работы производятся съ его разрѣшенія. Старики слѣдятъ за молодежью. Мэр — союзъ нѣсколькихъ деревень, связанныхъ общими жертвоприношеніями. Эль — остатокъ родовыхъ союзовъ теперь не имѣть реальнаго значенія.

Такъ или иначе у вотяковъ своя замкнутая жизнь съ ихъ религіозными обрядами, что держитъ ихъ въ сторонѣ отъ общаго потока жизни и дѣлаетъ ихъ народомъ отсталымъ.

Физическій типъ вотяковъ тоже отличается однообразіемъ. Ростомъ они ниже зырянъ, тѣмъ болѣе русскихъ, но голова вотяка, судя по антропометрическимъ измѣреніямъ, больше головы зырянина. Психологія его такова, что упрямство, пассивная настойчивость стали преобладающими свойствами его души. Глубоко храня свое, онъ не понимаетъ и не воспринимаетъ чужого, вслѣдствіе чего отсталъ и отъ татаръ, и отъ черемисъ, не говоря уже ^{о русскихъ.} Характеръ его тяжелъ, какъ его походка. Человѣкъ безъ гибкости, ^{безъ} усердія ^и въ домашнемъ быту, онъ займетъ въ іерархіи будущей общественной жизни низкое мѣсто, положеніе исполнителя, дѣйствующаго по извѣстной регламентациі. Пѣсни его тягучи, унылы, бѣдны образами.

Много мы ходили по темному лѣсу,
Но не нашли кнутовища,
И много и мало ходили,
Но не нашли лучше васъ.

Или:

Въ сосновомъ лѣсу есть ульи, вырубленные въ деревьяхъ.
Жена моя стара, сынъ мой молодъ,

Зятъя Амвросія одинъ писарь, а другой бурлакъ,
Тонкій холстъ не можетъ быть товаромъ.
Тетенька Гольжанъ ужъ не можетъ быть дѣвушкой.

Мало фантазіи, мало складу.

Отношение сосѣдей къ вотякамъ обидное сверху внизъ. Крещеный татаринъ слѣдующее разсказывалъ: «вотяки — народъ со слабыми глазами, глаза ихъ слабы отъ нечистой жизни да отъ порчи — у нихъ колдуны». «А, вотякъ!» такъ ругаются русскіе и татары. Крещеный татаринъ тутъ же сплетать вамъ разныя исторіи про вотяковъ. «Черезъ 9 или 12 лѣтъ — разсказываетъ онъ — вотяки приносятъ въ жертву человѣка; зеркало показываетъ имъ, кого нужно принести, когда чума проходитъ между ними, въ зеркаль показываетъ дьяволъ».

Древній пермякъ былъ не таковъ. Онъ былъ отваженъ, настойчивъ, но настойчивъ активно; онъ былъ если не оптимистъ, то и не пессимистъ; онъ любилъ бродить по лѣсамъ, былъ любознательнъ, внимателенъ къ чужому (что видимъ мы на зырянахъ и западныхъ финнахъ). Онъ былъ колдунъ, но онъ же былъ и пѣвецъ. Въ силу неблагопріято сложившихъ историческихъ условій жизни вотяка, онъ развили въ себѣ одно только свойство — упрямство, настойчивость; но не развились въ немъ ни гибкость ума, ни гибкость характера. Недовѣріе вотяка къ чужому человѣку весьма сильно; личности нѣть, есть только народъ.

Такова трагедія жизни вотскаго племени.

Приложение.

Названія сель и деревень въ тѣхъ избѣгностяхъ, гдѣ теперь вотяки не живутъ:		
Вотская пустошь		Водская дер.
Водское		Водская дер.
Вотиновцы		Орловскій уѣздъ.
Вотизовка		
Отицкая		
рѣка вотская		
	Вятскій уѣздъ.	
	Село Вотяки, Нолинскій уѣздъ.	
Водская		
Воткинская		Котельницкій уѣздъ.
Одиницы		
Вотинцы		
Водизовская пустошь		Слободенской
Лема - вотская		уѣздъ.
Одинерь (во) врагъ		
Одобеляръ (Яранскій)		
Одосола (Уржумскій).		

Названия селений, данные по личнымъ именамъ основателей:

Ворсегово,	Орловскій уѣздъ.	Ожеговка,	Слободскій уѣздъ.
Чежегово,		Пислегинская,	
Кутенегово,		Наринъ,	
Бомсалта (Нолинскій).		Пасеговка,	
Варсега,	Вятскій уѣздъ.	Цепеговка (Яранскій).	(Гондыр—медвѣдь)
Валезино,		Гудырево (Ботельницкій).	

Селения, названные по рѣкамъ, на берегахъ которыхъ они были основаны:

Укшурскій, Орловскій уѣздъ).	Букшоръ,
Шашуринъ,	(Слободской).
Иванъ—шуръ,	
Шунгушурскій,	Ботельницкій.
Шенешуръ,	
Ягменшуръ,	(Яранскій)
Макшуръ,	

Съ суф. вакъ. (устье рѣки):

Кликважъ,	Ботельницкій уѣздъ.	Арбажъ,	Яравскій уѣздъ.
Козловажъ,		Очекважъ,	
Арбажъ,		Васкважъ,	
Ацвежъ,		Чувачважъ,	
Аживжъ,		Щербажъ,	
Кузавожъ,	Уржумскій уѣздъ.	Ветважъ,	
Кыржавожъ,		Орважъ,	
Буевожъ,		Пиковижка,	
Пиговожка,		Нолважъ,	
		Коможважъ,	

Селения, названные вотяками по свойствамъ окружающей мѣстности:

Лыва,	Орловскій и Нолинскій уѣзды.
Лывинское,	
Сик (льсь),	Нолинскій, Вятскій, Уржумскій.
Сиковка,	

(Списокъ населенныхъ мѣстъ Вятской губерн. 1882 г.; также книга Смирнова о вотякахъ).

На границѣ Котельницкаго уѣзда съ Ветлужскимъ:

Селение Одошинуръ (Вот. номе)

Землешерь,
рѣка Варважъ.

(Списокъ населенныхъ мѣстъ Костромской губ. 1877).

Въ Никольскомъ уѣздѣ рѣки: Водка, Воча, Вочки, Ветяновская и Ветякова, деревня Ветяковская, д. Вочь; въ Устьысольскомъ уѣздѣ: селеніе Вотское, Вотча, Вочки, Воч, рѣки Ветинская и Воча. (Списокъ населен. мѣстъ Вологодской губ. 1866). Въ Яренскомъ уѣздѣ село Оть.

Названія татарскихъ селеній въ уѣздахъ Малмыжскомъ, Глазовскомъ, Слободскомъ, Сарапульскомъ, Елабужскомъ:

Петрошуръ,	Глазовский уѣздъ.	Вотскіе Юраши,	Елабужский уѣздъ.
Багашуръ,		Мукшуръ,	
Зяглудскій,		Гужношуръ,	
Гординскій,		Бобья-уча,	
Гурзяншурскій,		Жикья,	
Уксеншуръ,		Буружкыя,	
Чемешуръ,	Малмыжский уѣздъ.	Искала—Шуръ—Обдесъ,	
Борешуръ,		Урдесъ,	
Кибъя,		Лек—очмес—мувъя,	
Гужно—Шур—Кибъя,		Мувожи—пельга,	
Бадъя,		Мокъя,	
Гучим—бадъя,		Сед—очмес—пельга,	
Иж—бадъя (Сарапульскій).		В. Иже—бадъя,	
(Списокъ населен. мѣстъ Вятской губ. 1882).		Бусурманъ—можга,	
		Иваты—можга,	
		Чебер—шур,	
		Вашур,	
		Бытцимес,	
		Варза,	

Татары привнесли нѣкоторую культуру вотякамъ (болгарскую), что видно татарскихъ словъ, употребляющихся вотяками:

Jurt—домъ.
Janak — косякъ.
Arbar — дворъ.
Munco — баня.
Kibet — ханка.
Bakea — садъ.

Экономическая понятія:

Altin — золото.
Bai — богатый.
Gabrat — польза.
Pajda — прѣбыль.

Соціальныя и юридические понятія.

Alpauntjal — гоеподинъ.
Buldant — возмутиться.
Mörelik — владычество.
Teksir — наслѣдовать.
Tatiulal — мириться.
Kurlal — обвинять.
Ant — клятва.

Религіозныя:

Kargal — проклинать.
Tamuk — адъ.
Sölyk — грѣхъ.
Sadaka — милостыня.
Dünja — міръ.
Armak — рай.

О финской землянкѣ.

«Многіе рыси себѣ жилище въ землѣ, закрывая его сверху прутьями и жердями. Пола въ такихъ землянкахъ не было, для спанья на землю подстилали сѣно. Шеширы нагрѣвались при помощи «теплины», которая раскладывалась по срединѣ ямы..

Землянки вырывались обыкновенно на высокомъ мѣстѣ, гдѣ-нибудь на берегу рѣки, на пригоркѣ среди лѣса . . .» Добротворскій (Вѣстникъ Европы. 1883, III, 234).

Характеръ такихъ подземныхъ жилищъ сохранился у чермаковъ и теперь еще въ тѣхъ избушкахъ, какія устраиваются для лѣсованія. Остатки такихъ жилищъ въ видѣ ямы ввидѣ самъ г. Добротворскій на горномъ берегу р. Летьки.

К. Жаковъ.

ОТДЕЛЪ II.

Народныя преданія жителей Вологодской губерніи, Кадниковскаго уѣзда.

(Этнографический матеріалъ собранъ въ 1857 г.).

I, пословицы.—II, остроты.—III, загадки.—IV, байки.—V, прибаутки.—VI, причитанія.—VII, заговоры.—VIII, примѣты.—IX, толкованія сновъ.—X, разные обычай, средства и гаданія.—XI, наставленія на разные случаи и два сказания.—XII, пропѣвы.—XIII, стихи, которые поются нищими и слѣпыми.—XIV, свадебныя и XV, игровые пѣсни.

I. ПОСЛОВИЦЫ.

Уходили бурка крутыѣ горки, говорять о человѣкѣ, изнуренномъ печально вѣмъ работой.

Хвалдай продать, а хулой купить.

Бывъ конь, да Ѳиженъ, т. е. до старости дожилъ человѣкъ.

Всякой молодецъ на свой образецъ, т. е. всякий по своему дѣласть.

Наступай на горло, т. е. просить чего безъ стыда, или безотвязно и насильно.

Нахрапомъ—тоже.

Не торопись ись, не линись и роботать.

Онь хлѣпъ, а хлѣпъ ево Ѣсь, говорять о человѣкѣ, который и при хорошей пищи худѣеть.

Съ умопъ вездѣ человѣкъ, а безъ ума голова—цѣрепѣна.

Край, такъ писни пой; наплацессё, ковда шыть станёшъ, т. е. до дѣла не унывай; нагорюешься, когда дѣлать будешъ.

Прѣслица держься, какъ матушки: одинѣть какъ макушку, т. е. не линись прѣсть, такъ хорошо одѣнешься.

Не всѣмъ старцамъ въ игунахъ быть.

Бохъ да добрыѣ люди, т. е. помогутъ.

Больше брюха не сѣшъ.

Бей сороку и ворону, доберёссё и до яснова сокола, т. е. отъ худого человѣка дойдешь и до хорошаго.

Нѣ въ чору гость—хуже татарина.

Линь добра не лѣвасть.

И не великъ звѣрь, да лапись.

Въ тихихъ омутахъ и всѣ цѣртв ведущо, т. е. смиреные иногда хуже дѣлаютъ бойкихъ.

Не бойсё собаки, которая лаѣть, т. е. не опасайся человѣка, который дерекъ на слово.

Залитѣла ворона въ царскіѣ хоромы, говорять о худомъ человѣкѣ, попавшемъ въ хороший домъ.

Надоѣвъ, какъ горькая рѣтъка.

Ожжесё на ухъ, такъ цюнёшь и вѣ воду, т. е. пострадаешь отъ большаго, такъ и налаго становишь остерегаться.

Самъ бы ъзвъ, да деньги надо—такъ хвалить товаръ при продажѣ.

Уци, ковда лежать поперѣкъ лафки, а ушъ поздо упить, конда лежать вдоль шо лафкъ, т. е. учи маленькаго, а не взрослаго.

Пожалуй ты скажошь, на цѣй избѣ сорока.

Грѣхъ да бѣда па ково не жысѣть.

Боян в о цѣтырёхъ ногахъ да спотыкаетсѧ.

Ошыпки въ фальшу ве ставягъ.

На бѣднова Макара и шышки валятсѧ

Гдѣ тонко, тутъ и рѣтпѣ.

Мельникъ не бездѣльникъ.

Нѣмону—говбры, глухону—слушануё, а хромому—хольба.

Богу ту дать, такъ и въ окно пошлѣть.

Богъ не видимо дастъ.

Лахоѣ споро, не забудёшь скоро.

На дѣлѣ не обить, а послѣ дѣлѣ хоть исѣ возьми.

Бурицю сица не уцать, замѣчають тому, кто учить старше или умѣть себя.

Цитаетъ книгу, а видитъ фигу.

Дешевоѣ то наведётъ на дорогоѣ.

Съ прости жывуть годофъ по сту, а хитреці—жѣть до трицета, т. е. простый живеть долго, а хитрый—недолговѣченъ.

Съѣхались замѣшане въ одномъ отводу, говорять другъ другу съѣхавшися нѣтъномъ мѣстѣ.

Текъ-истекъ, т. е. пошелъ-а.

На цюжой (покупной) кормъ скотину не покупай.

Станёшь мотать, какъ не цено глотать.

Переть смертью не нажитцо, а переть празникомъ не нарботатцо.

Дорого, такъ не бери, а жалобы ве клади.

Кошка скребѣть, все—на свой хребѣть.

За вѣтропѣ въ полѣ ве угоняессѣ.

Вѣсъ—не попова душа.

Ушъ такая заѣдра нала, отвѣчаетъ поссорившися съ кѣмъ-нибудь спрашивало-щему его, т. е. не могъ воздержаться, или стерпѣть обиды.

Бакъ на барышыву, говорить о лѣниво вдущихъ па работу.

Вѣшъ не ѿшъ, а за вѣть поцѣтѣть, гонорять худо ядущому.

Вѣть не родимоѣ примию, т. е. можно и обойтись (безъ чего-нибудь).

Пуганая ворона въ куста боицо, т. е. много пострадавшій и налаго боится.

Своя рубашка близже къ тѣлу, т. е. сноя польза, или выгода наживе чужой.

Молодо-зѣлево, т. е. молодой человѣкъ не опытенъ.

Цѣной коня не купашъ т. е. не всегда дорогая лошадь—хорошая.

Стужа да пужа, иѣть ихъ хуже.

И на копѣйку украдёть, все дешевле купленова, т. е. и мало украдетъ, а всѣ-таки съ пользой.

Съ поклону голова не валятсѧ.

Богъ цѣлу строитъ.

За цѣмъ пойдёшь, то и найдёшъ.

Всякоѣ дѣло мастера боицо.

И худо пишу, да крѣвико вяжу.

Тише идёшь, дальше будёшь.

Нога ногу минуєсть, т. е. какъ-нибудь проживасть.

Промитѣе не бываєтъ вовно, т. е. что издержано, или опущено, того не воротишъ.

Скоро, такъ не споро.

Понъ запоёТЬ, а кузнецъ закуёТЬ.

Какъ сѣть сонца, т. е. нетерпѣнно ждать чего или кого.

Худыѣ писни лутше хорошихъ слѣсь, т. е. худое, или насильное веселье ^блучшее.

Не умѣшь шить золотомъ, такъ бей и мѣлотомъ, т. е. не умѣшь дѣлать хо-

рошаго, такъ дѣлай и тяжелое, или неприбыльное.

Отъ преслицы не будѣшь богата, а развѣ горбата.

Отошла коту масленница—прошло правильное житѣе.

Право крылышко отпало, т. е. доброго человѣка не стало у кого.

Нашому теленку да вовка сънись.

Торкъ да сѣтѧнѣ—любовной дѣло.

Торкъ-яма, стой прямо, т. е. торгуйся, а послѣ не пѣнай.

Исѣ пустой посуды не пытать, не ядѣть.

Какъ сухая треска, говорять о сухощавомъ человѣкѣ.

Сытова гости лекче потчывать.

Гиблъ жытѣе, а не гиблъ голова, говорить, напр., откупашійся отъ солдатства.

Бошки бранять, а вивѣскѣ ва вѣтки даютъ.

На большомъ разговорѣ не бесѣ промаха.

Навось у Бога крадѣть.

Манастырь любить докуду.

Богу нѣтъ, такъ цѣргу спѣсь, говорить о скупомъ, который теряетъ, напр., девыги.

Авось въ обѣ стороны незѣтъ.

Хто сѣтъ въ опригѣ, у тово овѣсть опрѣтъ.

Самъ холопъ, самъ и баринъ.

Хто хорошо говоритъ, тово не дарить, а хто и худо говоритъ, тово не бранить.

Всякая сѣпаль про себя симѣаетъ, т. е. всякий думаетъ о себѣ.

Изъ-за костра и щенка востра, т. е. съ силынѣ, или знающими человѣкомъ и худой дѣло дѣластъ.

Савасынъ не узнавъ своихъ хресянъ, говорить о человѣкѣ, не признавшемъ принадлежащаго ему.

И красно, да не лѣто, и добра, да не мать.

Одинъ въ полѣ не рапъ, т. е. при большой работѣ одинъ не много сдѣластъ.

Богатъ Божъ милосю, а государь—жалосю, говорить о человѣкѣ, который считается богатымъ, а на самомъ дѣлѣ не вмѣеть ничего.

У всякога попа свой уставъ, т. е. кто какъ дѣластъ.

Про свой домъ иди спрашивать къ сусѣду, про свою деревню—въ цюжую.

Ты свисувъ, а я и смысливъ, т. е. ты намекнуль, а я и поняль.

На смирнова нанесуть, а быстрой санью наскоцитъ.

Хвала въ оци, хужи порци.

Ежелибы цѣловѣкъ зналъ, то и не погибанъ.

Одинъ сынъ не сынъ, два сына—повсына, а три сына—цѣлой сынъ.

Задавъ цвѣрь на весь міръ.

Не хто пехавъ, самъ попавъ.

Споруйся до сѣть, а не бейся обѣ заклать.

Какъ съ мужомъ лать, такъ не надо въ клять.

Какъ зеть нать тѣщой раскураживѣй.

Материно молоко на рыхѣ не опсохло, т. е. еще молодъ.

Пиво не въ диво, лишь бы вино-то было.

Упранка девѣшку тербѣть.

Курдца не птица, а баба не цѣловѣкъ.

На що спѣсь, ковда гордось есъ.

Смотри въ оба, да береги лоба.

За немѣнѣемъ гербовой пиши и на простой.

Лѣнивая государыни.

Не хвались, а Богу молись.
Хвастливо слово гнило.
Умнова ищи въ кабакѣ, сильнова — въ тюрьмѣ, а дурака — на пеплѣ.
Денёшки даши, такъ будёть милы.
И не любо, да смійсё.
Въ цюжоё сдѣсь ве вкуписсё.
Глаза карие — люди бравые, глаза сѣрые — люди смѣльые.
Що написаво перонъ, то ве вырубиши и топоромъ.
Глѣ рука, тутъ и голова.
Всякова нѣта напашево съ лѣта.
Богъ не Микеша: иновна и потѣшыть.
Егорей съ водой, а Микома съ травой.
Варн, пока горечо.
Куй жељзо, пока не остыло.
До неба wysoko, а до царя далѣко.
Называютъ другомъ, а обираютъ врѣгомъ.
Посмотримъ ва бѣрду, не будеть ли близенъ, т. е. посмотримъ, какъ дѣло
войдётъ.
Огни масломъ ве затушашъ, т. е. сердцемъ сердца ве укротить.
Окуля Ули ве лутше.
Не есть туда громъ.
Цивъ цина почитаётъ.
Ровво посль молоцёнья, т. е. проголодался.
Удальство не доведётъ до добра.
И цѣренъ, да вѣревъ.
Руской цась тритцетъ со днёмъ.
Разговоръ лутче пытки, т. е. въ простомъ разговорѣ человѣкъ скорѣе выскажеть, чѣмъ — въ допросѣ.
Всякой самъ до себя добръ, т. е. кто хорошъ до людей, до того самого люди
хороши.
Хотъ ве богатъ, да тороватъ, т. е. хорошо угостить.
Не быть гостю приласенъ, а быть гостю рать.
На здоровую ногу храмлѣшъ, говорять богатому, который бѣднится.
И сыть, и пьянъ, и девёшки есь.
Съ осени богато не живи.
На тѣлѣ шовкъ, а въ брюхѣ щовкъ, т. е. одѣваются хорошо, а ъесть худо.
И виденъ, да незавиденъ.
Есть въ карманѣ, такъ и шалишъ.
На голодныё зубы, т. е. богатство къ бѣдности.
Пить пей, да ума ве пропой.
Царь — фторой бохъ.
Церть вогу переломить. Этимъ выражаютъ трудность пониманія или сдѣланія
чего-нибудь.
Нѣть ума, тацъ своюво не дашъ.
Слушай цюжыхъ умоффъ, тацъ науцать.
Бежъ видѣть, хто ково обилють.
Пропивсё, какъ допень, т. е. до-чиста.
Не отказная милостыня, т. е. никогда неотказывающій.
Побѣкъ не красѣвъ, тацъ здорофъ.
И умру, да ногой лягну, т. е. хоть и пострадаю, да въ самъ здѣлаю же зло.
Не умрай скорцись, т. е. ве уувывай слишкомъ.
Худыѣ дѣла ве доведутъ до добра.
На всякую рыбу ъдохъ есь, т. е. на всякую вещь найдется охотввкъ.
Ево же ве оплетёши, т. е. ве обманешь.

Деньги хоть не боясь, а повбога сесь.
Дорицёва до слёсть.
Бесь денёкъ и хорошой пьяница остановилъ.
Наша инвѣска все трескаётъ, т. е. мы все ъдимъ, или пьемъ.
Хороша милостинка во время.
Хорошо на расль, а послѣ золота не надо.
Бохъ и льсу не сровнявъ.
Старось не радость.
До старости дожить—не поле перетти.
Руской пьётъ и съ радости, и съ горя.
Шев потрёшь, такъ и пауциссё.
Хоть ве много видавъ, да много слыхавъ.
Море поть коровой, говорять женщины, которая доитъ корону.
Пьяницю въ рай посади, онъ въ тамъ вина запроситъ.
Попа бы и кормить этимъ съномъ—такъ хвалить свое съно продавецъ.
Цемъ испортиссё, твъмъ и лицись, т. е. отъ вина страдаешь, такъ онохмълься.
Хоть теперь и горько, да послѣ смиритца.
Миръ—золотая гора.
Брюхомъ изъ миру хлѣба не выносишъ.
Заваривъ кашу, такъ не жалъ масла. Это разумѣютъ и въ буквальномъ смыслѣ
и въ перевосномъ, т. е. затѣять дѣло, такъ не жалъ денегъ.
Не лошкой взеть, а ъдокомъ.
Хоть богать, да неденежень.
Святая душа за костыляхъ—такъ привѣтствуютъ пріателя.
Вонка ноги коринять.
Вовцин зубы, да лвей хвость, т. е. временемъ умѣеть и поговорить, а време-
немъ—и польстить на словахъ.
Хорошо довѣть, какъ корова стойть, т. е. хорошо дѣлать, какъ имѣешь власть,
или силу.
Охета пуще иеноли.
Хороша Аниушка, какъ хвалить баушка.
Одна голова не бѣда, а и бѣда, такъ одна.
Свои себаки грызуццо, а цюжая не суйсї.
Не бей по рожѣ себя дороже.
Въ міръ що въ морѣ.
Семью помсы, а съ неци не листъ.
Дорого евіцко ко Христову дню.
Семью помиръ, а однажды отрѣжъ.
И одинъ, да зорокъ, такъ ненадо и сорокъ (глазъ).
Не отъ тово обѣдѣши, що слатко пили, да или, а отъ тово, що лизанно роботали.
На обѣ кёрки, т. е. кась лучше нельзя.
Деньги и на камнѣ диру вортишъ.
Пока не грянетъ громъ, руской не перекреститъ.
Ржаная каша сама себя хвалить.
Сидень цѣрть, да воли нѣть.
Тепло, да не иѣтомъ.
Мацхах какъ земнѣе сочнышко, которое хоть и свитить, да негрѣть.
Большая вачашка иновда село, а иновда—сило.
Жывова не клади за мѣртвова.
Не полоса кормить, а загонъ.
Въ поле свезёшъ; такъ и исъ поля увезёшъ.
Гдѣ пирожокъ съ крупорой, тутъ и я съ рукой, гдѣ блины, тутъ и мы, а гдѣ
олады, тутъ и ладно.
Какъ около кисальной катцы, т. е. ходить.

На сколько пива, на столько и писень.
На сусль пива не гадають.
Кисель-розгоня, т. е. посльднее кушанье.
Нечево на зеркало п'ять, ковда рожа кривая.
Дитя не плачетъ, такъ и мать не разумѣтъ.
У семи нянекъ дитя всегда безъ гласъ.
Первый блинъ, да и комомъ.
Одинъ и у каши споръ.
Сърая кошка проскоцила, т. е. произошло неудовольствие.
Хотъ и кривая, да городовая.
Хотъ и шадровить, да издали красовить.
Краса приглядитъ, а умъ пригодитъ.
И спить, да зорю видить.
Не вирайтъ голодному, а вирайтъ похмѣльному, т. е. скорѣе займешь на опохмѣлье,
чѣмъ на хѣбъ.
Голодной у воды не сижывайтъ.
Не по-хорошу бываетъ мило.
Показалась ворона за яснова сокола.
Дорожнѣе люди довго не спятъ.
Съ бѣхты-барахты, т. е. не подумавши, мнѣ ни съ того, ни съ сего.
Велѣкъ выростъ, да ума не вынѣсъ.
Въ людяхъ-то Онаны, а дома-то не найдёшъ, т. е. въ людяхъ-то любить, а
дома — скучъ, или прячется.
Пѣршино дѣло и шерсты знать.
Велика Федора, да дура.
За моремъ куницы дешѣвы, да провося дорокъ.
Топорной работы.
Послѣ струга да топоромъ.
Перво-ѣсть готъ и не надо потацки давать (женѣ).
Казака можно узнать по идѣ: тихо ъѣсь, такъ не проворенъ и на роботу.
Шо бы одна нога тамъ, а другая здѣсь, т. е. какъ можно скорѣе.
Деньги не животъ: и голенѣкѣй наживѣтъ.
Рядись не торопись, а дѣлай хорошенѣкъ.
Вольному воля, ходицѣму—путь, а вертицему—кнутъ.
Себѣ на умъ.
Не стелько смертей, сколько скорбей.
Забудующе житѣ, т. е. какого лучше желать нельзѧ.
Нечево Бога гнивать.
Бога забывъ.
Не красна изба углами, а красна пирогами.
Опоздя въ малинникъ съ большой зобнѣй.
И жаль отца, да вести на повость.
Хотъ не складно, да жалобно.
Нашла коса за камень.
Безъ Ивана пива не выньшъ.
Рынка, да ряпки—потеряй деньки.
И близко локоть, да не укусишъ.
Съ возу упало, такъ говори, что пропало.
Привела нужа пить ись поганой лужы.
Не плюй въ колодецъ, придѣтъ напитъ.
Кинь колацъ на лѣсь, послѣ пойдёшъ, найдёшъ.
Молодосью не жить, а старосью не умирать.
И рубли да плачутъ, а и копѣйки, да скачатъ.
Дорогая кортома лутче дешевой купзи.

Дешово купишъ, домой не носишъ.
И не красиво, да скажошъ спасибо.
И пьянь да умёнъ, такъ два угодья въ нёмъ.
У бабы волосъ дюжокъ, да умъ коротокъ.
Мушъ да жена—одна сатана, т. е. одно и то же.
Не спрашивай старова, а спрашивай малова.
При худъ худо, а бесь худа еще хуже.
Цюжую куроцкую щыплю, а свою за крылышка держы.
Сибъ не досадиши, такъ и другу не угодиши.
Не бойсё просителя, а бойсё отвѣтчика.
Товаръ полюбитеца, и умъ отступитца.
И худъ, да свой.
Умирать збирайсё, а хлѣпъ сїй.
Що есть въ пеци, все на стовъ мѣди.
Мушъ привасѣть, такъ и жена привнесѣть.
Бакъ змѣю за пазухой.
Нужда скааеть, нужда плашоть, аужда писенъки поѣсть.
Цёрнова кобеля не промоишь до бѣла.
Всякому своимъ солоны, т. е. всякому свое хорошо.
На языкѣ медокъ, а на сердцѣ ледокъ.
Послѣ меня хоть трава не рости.
Бабы каютцо, а дѣфки за мушъ задятцо.
Хорошо дежёнь, да не ехедев.
Руской заднимъ умомъ крѣпокъ.
Не дальняя дорога уцѣть, а ближная.
Въ городѣ дешево не купиши, и дорого не тужиши.
Путь лѣжацей камень и вода не течётъ.
Спа и лежа спасенья не получиши.
Любишъ кататцо, люби и санки вододить.
Съ пеци бы упавъ, да и не ушыпсё.
На цюжой сарай вѣлами не указывай.
Хорошъ колацъ въ цюжыхъ рукахъ.
Въ цюжыхъ рукахъ и колацъ велись.
Съ кѣмъ кто не живѣть, тотъ тово и не знаѣть.
При пирѣ, при брашкѣ все друшки, а при горѣ кручинѣ вѣтъ никово.
Не носить плащенова, такъ не видать и алащенова.
Людимъ свать, такъ и намъ родня.
Охти мвѣ да тошнёшенья!
Бѣда денёшку родить.
Жевиссё, перемѣниссё.
Дасъ не дасъ, а въ лопъ не подасъ.
Обо пѣсъ и поминки все.
Тапъ да лапъ, да и клѣточка, т. е. не успѣшь бы приняться задѣло, да и скѣбы.
За цемъ пойдёшь, то и найдёшь.
Не горешишь,—остынишь.
Бережонова и Божъ бережотъ.
На огонь добра не натяжесё.
Нѣтъ Бога на вороту.
Тяжба ве денъги, потрава не хлѣпъ.
Не пой, не корми ворога сибъ не наживиши.
Хвативсё, какъ съ пеци свалившё.
Умираимъ, такъ горы сулимъ, а оживаимъ, такъ и пальцемъ пошевелить не хотимъ.
Въ одной порѣ не проживиши.

Не попъ уцить прихоть, а попа уцить прихоть.
Цымъ дальше нъ лѣсь, тѣмъ больше дрофъ.
Бакова матка, таковы и дѣтки.
У одново отца да не одинъ дѣтки.
Не все гонори, що знаѣшъ.
Еле луша нъ тѣмъ, т. е. до-нельзя пьянъ, или чуть живъ.
Знайсё, да ве обнимайсё.
Не смїсё, сестрица, сама нъ дѣвицахъ.
Не смїсё ноги свися, потбери, да говори.
Звать вѣльно, да итти не вѣльно.
По просту, по деревенски.
Высоко заѣжжаѣтъ.
На жену, да на лошать, да на лотку не надїсё.
Но одѣшкѣ тени и иошку.
Тоцно у Христа въ пазухѣ, т. е. тепло и хорошо.
Рать бы нъ рай, да грѣхи не пускаютъ.
Лукавой попуталь.
Не лѣхкая занесла.
Согрѣшили попы за наши грѣхъ.
Клинъ клиномъ и выгоняютъ.
Не то бѣда, що голова нала, а то бѣда, що въ карманѣ нѣть.
Хлѣбай щы съ грибами, а языки держы за зубами.
Врагу видѣво не жалай, какъ только сына вора, да дочь блѣсть.
Гдѣ ёсь, туть и каститъ.
Твердо ов-то, да и заперто.
Голому съ лежнѣмъ не собратцо.
Хоть не убѣдо, такъ улежно.
Тебя сважутъ, да и вамъ не утти.
Съ миру по ваткѣ, а голому рубашка.
Лето пропасиха, а зима прибериха.
Двухъ смертей не будетъ, одной не миноватъ, а въ раю не быватъ.
Голенькой охъ, а по голенькомъ Божъ.
И худъ, да свой гласть.
Цюжѣ руки и лежки, да не кѣ сердю.
И хутъ свой, да ве бѣй при инѣ.
Що лѣтомъ пропасѣшъ, то зимой и принесёшъ.
Съ осени рѣпка, а съ молоду дѣфка.
Худыхъ лѣвокъ не слыхано, а хорошихъ бабъ не видано.
Въ Офовихъ да въ рыжыхъ коняхъ товку не бываѣтъ.
Богатова съ хвасливымъ не распознаёшъ.
Вовкъ хватаетъ, а сыть не бываетъ.
Макарьевской нашой.
Сколько голоффъ, столько и умоффъ.
Егорей просить носъ сѣна, а Микола — конну.
Добро вспоминитцо, а зло не забудетцо.
Дуракоффъ не сіють, не орутъ, а сами родятца.
Махко стелѣтъ, да жоско снать.
Сиди у моря, да жди непогоды.
Око и видить, да зупъ не имѣть.
Покойника съ поноста не вороцѣютъ.
Госъ на дворъ, такъ и бѣда на дворъ.
Сытой голодному не варить.
Соленыя басни не кориатъ.
Пить до два — не видать добра.

И позадь, да въ томъ же стадѣ.
За вѣтромъ нѣ полѣ не угониссѣ.
Дальше мѣра — меныше горя.
Отольютъо медвѣдю коровы слёзы
Баково на дому, таково и самому.
По какой водѣ плыть, ту и воду пить.
Не съ вѣрой, а къ вѣрѣ.
Прозѣвашь, такъ и воду хлѣбаѣшь.
Наливай тѣща на гущу, зеть въ гости сулитцо.
Не шла, не Ѹхала, т. е. ни съ того, ни съ другого, иногда — такъ и быть.
Съ боку пріпѣка.
Не талѣ — не удалось.
Уговорись на берегу, да потомъ за рѣку.
Съ именемъ Иванъ, а безъ имени бовванъ.
Розѣйвѣ Трофимъ, не привавить ли дробинъ?
Дожыль до тюки: ни хлѣба, ни муки.
Не тѣсна изба углами, а тѣсна умами.
Вертигпо, какъ сорока — на колѣ.
Быть собака, да не въ той шерстѣ, т. е. данъ, да не тебѣ.
Какъ берѣсто на огнѣ.
Тесь любить цѣсь, а зеть любить взеть, а шуринъ только глазомъ щурить.
Далеко вулику до Петрова дна.
Мёртвой у воротъ не стоять, а свое не возьмѣть.
Шельма соль въ конецъ зорить, а батюшко винцо на ноги становить.
Видить, тикъ и бридитъ, т. е. знаетъ, что съ рукъ сойдетъ, такъ и шалитъ.
Походя спить.
На деньги нѣть заговинъ.
Шей да пори, такъ не будѣть простой поры.
Трёску боетцо, такъ и въ лѣсь не ходить.
Не пережывай постылова, возьметъ Божъ и милова.
Портной гадить, а утюкъ гладить.
Мать плацѣть точно рѣка лѣтцо, сестра плацѣть — ровно цистой дожыцѣть
идѣть, а жена плацѣть — ровно роса мочить.
Люблю друга, да не какъ себя.
Суди — богій не клади, т. е. не жалуйся.
Зѣ помѣз заткнѣть.
Нивѣскѣ на отмѣску.
Пыль въ глаза бросить.
Сколько не горевать, а хлѣба не миновать.
Сашъ съ усамъ, т. е. себѣ на умѣ, или за себя постоитъ.
Цюжой хлѣпъ поесть: нѣцю спать не даетъ.
Зажывѣ Сажынъ, и гласть не звать, т. е. хорошо стать жить.
День погулеѣть, такъ нидилю потерѣть, говорить о таленкѣ во время осен-
няго времени.
Цюжой хлѣпъ дорокъ укусомъ.
Какъ на гору поливаются.
Москва любить съ носка, а Пятеръ на цистаганъ.
Иже не ври же, ента не мѣшай.
Надо стрилить, да угодить.
Раннѣе тѣлѣтко, а познѣе єгнятко.
Не всякое слово въ строку.
И не наши сини подламываютъ, говорить крестьянская дѣвка въ оправданіе
своего распутства.
Первая цирка коломъ, а другая соколомъ.

Охотка не хлабай.
Знай смѣтку: не унирай скоршесь.
Всякой вляпшть, да не какъ скоморохъ.
Фу, ты гроша! говорять заносчивому.
Дай Божъ дитей, да какъ у людей.
Пились бы, да йлось, да работка на умъ не шла.
Къ руцкимъ кудельки.
Нацавъ гулеть, такъ не другой день тереть.
Послушай-ко, ребяна, що лѣсь говорить.
Ронно воду поливають.
Гулящему не оставлетцо.
Дѣло-то дѣлають съ начала, а не съ конца.
Проклявъ голову, т. е. до—нельзя вскучилъ.
Цѣловѣкъ какъ окропнѣть, такъ крипцѣ камня будѣть, а ожизнѣть, такъ жыже
воды будѣть.
Ношная деннию перекоуѣть, т. е. жена больше уговорить мужа, чѣмъ дру-
гой кто.
Потвише, Епїша, кади, да сватыхъ не опали, говорять вздорному, или начи-
нающему шумѣть.
Кому на комъ жевитцо, тотъ въ тово и родитцо.
У попа купи лошать, а у ямщика—шубу.
У ямщика не покупай лошади, а у попа—шубы.
Хто чень занимаетцо, у тово и нѣть тово; напр. у сапожника—хорошихъ са-
погонъ, у кузнеца топора.
У горячихъ щѣй, т. е. близко.
Бошетцы подарки, т. е. подарки не надолго.
Посердиссё, да не сверниссё.
Короткѣ кишкы, т. е. столько не будетъ.
Въ дошъ косить, а въ вѣдро грести.
Губа ве дура
Не иносить плацѣнова, такъ не звать и злацѣнова.
Въ перѣ, т. е. богатъ, или на славѣ.
Во всю ивановскую.
Нашъ Овтонъ не тужить опъ томъ.
Дольше обрать, такъ слаще обѣть, т. е. подольше попостишься, такъ получше
пойши.
У мужа жена всегда виновата.
Дѣлать не дѣлать, и отъ дѣла не бѣгать.
Довгѣ писня, т. е. долго.
На умъ-то петь и носемъ, т. е. то и се.
Два дурака въ однѣ ворота.
Какъ ва огнѣ горить, т. е. скоро.
Маленькая себацкя лаѣть, отъ большѣ слышыть, т. е. маленький говорить
то, что отъ большого слышить.
Цастой поѣзѣй красить, а рѣткой кормить.
Даровому коню нѣ зубы не смотрить, т. е. и отъ малаго дароваго нѣчего отка-
зываться.
Врѣть, какъ сивой меринъ.
Работа погана, да деньги цисты, говорять, напр. кожевники.
Двѣ бабы рынокъ, а три—ярмарка.
Горой стойти.
Набитая шельма, т. е. большой руки плаутъ.
Терпишь, терпишь, да и лопнѣшь.
Охота смѣртина, а добыща горккая.

Братъ любить сестру богатую, а мушъ — жену здоровую.

Дай Божъ хресьенину лошадь хорошую, а бабу — худую. Этакъ выражаютъ то, что для крестьянина лучше имѣть при худой женѣ хорошую лошадь, нежели — худую лошадь при хорошей женѣ.

II. О ст р о т ы.

Снизу подрубить, да сверху нарубить, да средину новую вставить, такъ славной (напр. авбаръ) будѣтъ.

Богатъ скотомъ: корова бурая, другая будѣтъ, третьяя есъ, цѣвертую сунуть тесь, пятая будѣтъ, шестую купить надо.

У савдата никовда не бываетъ падежу.

Золотые руцьки: въ три дни зобенько, а по три на деньгу.

На томъ свитъ угольемъ, т. е. заплатить.

Стали рожжыватцо: стало земли отъ смиянъ оставатцо.

Сыта кума, ковда гущи не ёсь.

Рожжымесъ, въ частухи наимесъ, такъ цѣлая деревня будѣтъ въ довгу.

Жыренъ, какъ заецъ, а бѣвъ, какъ уголёкъ.

Блудлифъ, какъ кошка, а труслифъ, какъ заецъ.

Въ два ножика водицы покроши.

Послѣднѣе кушанье — кресты.

Тебя и въ Питеръ въ трёхъ домахъ знаютъ: въ двухъ не живутъ, а въ третьемъ пугаётъ.

Въ иную шадрину совыншко не заглядывало.

Не успиотъ меня попотшывать, а я ушъ и не могу отговоритцо.

Въ руки стаканъ-отъ возьметъ, да потомъ ушъ отговариваетцо.

Шопылуй пробой, да и ступай домой.

На третьемъ словѣ — лысника, говорять лгуну.

Лутше кладутъ въ могилу.

Шапошное знакомство.

Молода: первая голова на плечахъ и кожа не вороть.

Дай рожыцы о святкахъ попугать. говорять безобразному.

Объидѣшъ и много подвотъ, какъ постоять, говорять хвастливому ъзоку.

Пирокъ съ аминемъ, т. е. простый.

Шовъ па даскъ, да и упавъ въ гресь.

Спорина въ щоки, говорить острякъ ялущему. Кумохъ въ зубы, отвѣчасть тотъ.

Зади-то блаженъ мушъ, а спереди вскую шаташася.

На томъ свитъ давно тебя съ фонаремъ ищутъ. говорить старому, или больному.

На томъ свитъ за тебя давно ушъ пакѣй глоуцуютъ.

Голоду и холоду анбары стоять, стужи и шужы грятки висать.

Цѣрть о крещенѣй приходивъ льду просить, да и тому отказанъ, говорить о скупомъ.

Вѣкъ на ево такой пошибоцки не бывало, говорить услыхавшій о смерти кого-нибудь.

Дарь божей, отвѣчасть пьющій худое пиво вопрошающему его о качествѣ его.

Стриженая дѣфка косы не заплетётъ, какъ я здѣлаю.

Безносой, говорить долгоносому, и наоборотъ: довгоносой — безносому.

Що рано? говорить дѣлающему что-нибудь поздно.

Самъ на здоровье! говорить хозяинъ недогадливому гостю, относя сѧ него стаканъ къ себѣ.

Отца да матери, отвѣчаютъ на вопросъ: кто онъ таковъ.

О сварѣбѣ женю.

Въ Ярославъ за писнями, отвѣчаютъ любопытному.
Кабы за петь вѣрь, такъ ве утти бы, говорить идущій заню босый.
Кабы до Питера, такъ не дотти бы, замѣчаетъ едва несущій что-нибудь.
Подарить ухавъ въ Парижъ, а оставсё братъ сво родной купиши, говорить
напрасливому просящему.

Гуси лягать, кричать бѣгущему зимой босому, чтобы онъ засмотрѣлся.
Що ты покраснѣвъ?—женитцо захотѣвъ. А що ты побѣднѣвъ?—жевзвес!
Зивисте уши, мущины: іѣвицы врутъ.
Ковда въ церкофь ви придѣть, всѣ поютъ: Христосъ воскресе, говорить о рѣдко
ходящемъ къ богослуженю.

Найдѣшь, такъ я укажу—гдѣ.
Вонъ, говорить, не указывая ищущему чего-нибудь.
Сороци не сороци, а быть рублю двадцети, говорить считающему алтынами.
Изъ отвода въ полѣ, { говорить худому стрѣльцу.
Въ овинъ головой, }
Но лей масла, безъ масла худо.
Два дни не ъѣши, а третей голодомъ.
Мухи меня не знали, а тараканы и не слыхали.
Нѣть дома—на пегѣ.
Роскатись полинница безъ дрофи.
Люблю тебя, какъ я у тебя; ношь на меня, какъ ты у меня.
Просинъ бы ты сибѣ у Бога цѣрдной смерти; или—деревяннова балахона
(гроба).

Вопроще: поѣму ты ходишъ босъ? отвѣтъ: даштей нѣть.

III. З а г а д к и.

Маленькой, горбатенькой всѣ полѣ опскакавъ, да всѣ загоны сосчитавъ (серпъ).
Идѣть свивья къ овину, на обѣхъ концахъ по рылу (почва).
Крукъ кургана, да крукъ кургана щовкали-щовкали, да и домой розопились
(молотятъ).
Цѣво нать собой не видишъ (роста своего).
Маленькой Ярофійко въ петелькѣ задавилъ (запандѣкъ).
Що въ избѣ за булыглазды (сучекъ).
Що въ избѣ за медвѣжей гласть (тоже).
Ѣду-Ѣду сїду нѣть, рѣжу-рѣжу крови нѣть (плить въ лодкѣ).
Цѣтыре цѣтырки, двѣ ропощырки, семой вертокъ (у коровы четыре титки, два
рога и хвостъ).
Мохнатко принѣсъ пузатка (изъ кудели простень).
День корпить и ноць корпить, только утро спить (заслонка у печи).
Не руки, ве покъ по стигъ повѣстѣ (солнышко).
Биситцѣ, боятастцѣ, всякъ къ нему прытыкаетцо (рукомойникъ).
Рукой до неба достану (т. е. до нѣба во рту).
Бакай въ цѣловѣкѣ сесь некрещеная кось (зубъ).
Цасы да расы, аздили въ поясахъ, самъ христосъ пеленою покрыть (комосы,
снопы и суслоны).
Бѣдной бросаѣтъ, а богатой потбираѣтъ (сопля).
Литѣвъ тень на Петрофъ день, сївъ тень на пень, ставъ тень плакать, волоса
взинуть, дуброва шумитъ (молотокъ, наковально и коса).
Скрыпить скрыпца, везутъ дѣвицу. Коваль, коваль! пусты нацѣвать, вѣдро—
такъ ноцкимъ нацю, а не вѣдро — такъ ницильку погошу (снопы и овянъ).
Стоять Трошка на одной ношкѣ, крошыть крошенину ни себѣ, ни другу (свитецъ).

Клюкъ-клюкованъ! повно за морѣ ходить, повно золото клаевать. — Мевци,
хокляцъ, и тибъ не миновать (клюка — помело).

Босо-лукаво, куды побѣжало? — Зелено-кудряво,—тебя стередди (косый огородъ
и озимъ).

Мидяно гувѣшко, овсяной ворошокъ (сковорода и блины).

На улицѣ киски, въ избѣ пояски (мохъ, снаружи не обсѣченый, а внутри
дома обсѣченный).

На морѣ на вѣтѣ два бога увеали, пришовъ снась, ткнувъ въ гласть (ушать
и водопойство).

Два быка бодуццо, въ одно мѣсто не сойдущо (нель и потолокъ).

Утка въ морѣ и хвостъ на волѣ (ковшъ, на краю кадки повѣшенный).

Два ворона лятать, одну голову идти (два бруса нѣ избѣ въ одно мѣсто
концами).

Въ лѣсѣ оно, съ лѣсомъ ровно и не видно ево (сердце въ деревѣ).

Въ лѣсѣ тата, на конюшиѣ взато, на колинаяѣ плацѣть (балалайка).

Дерну-подёрну Ярасиму по горло, по бѣлому суконцу, по бархатцу (серпъ).

Ни щелей, ни дверей, а повна цѣркофы людей (огурецъ, или тыква).

Вышла цѣётка въ семидесяти испоткахъ, витеръ подуетъ—и задница гола
(курица).

Цѣрофка, соловейкофка, никто её не гладить, сама глатка (яндо).

Маленькой попокъ сорокъ разокъ оболокъ (кочанъ).

Цѣво въ сундукѣ не запереть? (солнышка).

Цѣво въ руки не взять? (тѣнн).

Лежыть брусь во всю Русь, встанѣть, такъ до неба достанѣть, а ляжыть, такъ
всю Русь обойдѣть (большая дорога).

Два коньца и два кольца, о серѣткѣ гвось,—отгадывай небось (ножницы).

Цѣмъ болѣ и верцюсь, тѣмъ болѣ богатію и тѣмъ болѣ я товстію; какая это
цѣсь? отецѣво мнѣ лѣсъ (веретено).

Сѣцки сицѣть, деревяшка везёть (зубы и ложка).

Безъ рукъ, безъ ножъ богу молитцо (мотовило).

Пять-пять овцы стокъ подѣдаются, опять пять овцы труху обираютъ (десять
пальцевъ во время прѣжи).

На улицѣ колацій, а въ избѣ пирогомъ (собака).

Бѣжавъ мимо Поповскова, видавъ лѣмъ таковской: головы розбиты, брюхи рас-
пороты (разрѣзанные споны во время молоченья).

Помѣ полеванскоѣ, кони астраханскіѣ, самъ пастухъ, какъ красно совышико
(небо, звѣзды и мѣсяцъ).

Тоненъ-маленькоѣ, хто ево убеть, тотъ крофы свою прольётъ (комаръ, напив-
шійся человѣческой крови).

Въ камнѣ спавъ, по жалѣзу вставъ, по дереву пошовъ, какъ соконъ пролитѣвъ
(огонь).

Рыжко ржотъ и домой нейдѣть (жернова).

За лѣсконъ-лѣскомъ, за березницкимъ, рыжко ржотъ и домой нейдѣть (языкъ).

Бину я киткомъ, выростѣть клупкомъ поть зелёнымъ саткомъ (рѣпа).

Середи поля цистова стоять голенище съ дѣхтемъ; въ этомъ голенищѣ дѣготь
не дѣготь, и смерть не далѣко (вино).

Два стоять, да два лежать, пятой ходить, шестой водить (двери въ косахахъ).

Съ локотя мохнато, да съ локотя голо, да съ локотя въ гузно ушло (праслица
съ куделей во время прѣжи).

Стойть мужыкъ на берегу, сѣТЬ за рѣку (квасникъ).

У дѣвушки-спротки загорѣмосѣ въ сереткѣ, у доброва молотца покапало изъ
конца (самоваръ).

Два яблочки въ мошку, да моркофка на верху (два глаза, да ность).

Родили и моя въ каменной горѣ, крестили меня иъ огненной рицѣ, привезли

меня на торжыще, поставили къ устороньищу, пришла молода жева, побрякала залтыми перенёмы: ушь ты цяло милё моё, твои кости рассыпущё, овъ въ гропъ не кладущё, по тѣ люди веплакущё (горшокъ).

Що въ избѣ за тоныцкѣ? (голбедь въ избѣ).

Що въ избѣ за медвѣдья лана? (помело).

Идетъ свинъ есть Питера, вся истыкана (наперстокъ).

Въ полѣ въ ровѣ двѣнадцать сестръ, въ роговѣ четыре, во ржовѣ лвѣ (тетки: у свинъ 12-ть, у коровы 4-ре, у лошади 2).

Цево на крюцѣ не повисишъ? (яйца).

Що всего милѣс? (сонъ).

Взойду ли я за гой-гой-гой, взыграю ли я на рой-рой-рой, утѣшу я, утѣшу старца въ кильѣ, младенца въ эыпкѣ, старую старушку за зыбоцкѣй, красную дѣвицу за пелецкими (колокольный звонъ).

Вся шуба къ заплатахъ, а игла не бывала (пестрая корова).

Стойть въ полѣ древянское, на этомъ дрэвѣ семь угодѣй: первое угодѣ—въ избѣ обиходѣ, другое угодѣ—въ кругу вертицо, третье угодѣ—старому, да малому потѣшка, цѣвертое угодѣ—на цѣркву крыши, пятое угодѣ—по дорожкѣ слѣть, шестое угодѣ—во всю ноць свѣтъ, седое угодѣ—всему миру масло (береза, отъ которой голики для жетенія избѣ, веретено, вѣники, скала, лапти, лучина и деготь).

Стойть ва горѣ, а рубашка въ пазухѣ (свѣчка въ подсвѣчникѣ, свитильно въ свѣчѣ).

Стойть спась, пришовъ Микола и ткнувъ въ гласъ (ключъ въ замокъ).

Цево къ стѣнѣ не привалишъ? (дорога).

Цево на кровлю не закинёшъ (пера).

Роспехнѣ мохнушу, да суну голыша (въ шубовую рукавицу—руку).

Церьненѣ, маленькѣ весь краишъ поворотить (блока--человѣка).

Повно потисль гусей, лебедей (зубы во ртѣ).

Поть поломъ стойть, барови съ коломъ (кошка съ хвостомъ).

Благови меня, батюшко, серогарь, семотарь, промешъ ноги-те бубенъ, въ обѣ руки—по дудѣ (значить: благословясь сѣрой коровы, которая бывать хвостомъ, доить въ дойникъ).

Стойть въ полѣ Орина—ротъ розиня, три поля съѣла, ешо голодна (овинъ, на которомъ молотять изъ трехъ полей хлѣбъ).

IV. Б а й к и.

О, лю-лю-лю, мое дитятко!

Лю-лю-лю-лю (повторяется послѣ каждой строки).

Спи-тко, усни, да упокой тебя возьми.

Спи по ноцянъ, да рости по цасамъ.

Даемъ давай дѣвать, а ноцью—спать.

Тибѣ спать не писать, только гласка сажать.

Спи-ко подолѣ, такъ выростёшъ поболѣ.

Выростёшъ большої, станёшъ въ золотъ ходить.

Въ золотѣ ходить, чисто сѣребро носить.

Нянѣки и мамѣки кадейте дитя,

Сънныѣ дѣвушки прилюлькивайте.

Нянѣкамъ и мамѣкамъ я всѣмъ заплацю:

Сънныѣ-то дѣвушки по лентодѣкѣ,

Старымъ старушкамъ по завязоцкѣ.

Сонъ да урма поди къ дитятку въ глаза.

Сон-оть говорить: я дитя усыплю.
Дрёма говорит: я милова укреплю.
Сонъ ходицъ по снямъ, дрема по терему.
Ишутъ онъ да колыбелоцкы.
Гдѣ-то здись колыбелоцкы виейть?
Вснть колыбевка въ высокомъ терему.
Во высокомъ терему, да на клевовомъ оципу.
На серебрявыхъ на кольцахъ, на шовковомъ поясу.
Лежыть мой (имя рекъ) въ шытомъ бранномъ пологу.
Сонъ да покой дитя мило успокай.
Спи-ко, дѣвица, спи, красавица.
Спи, красавица, бесприданница.
Спи-ко маленькая, спи хорошенькая.
Спи хорошенькая, спи пригоженькая.
Спи въ камкѣ, пробудись въ тафтѣ.
Пробудись въ тафтѣ, въ аломъ бархатѣ.
Выростѣшь большая, станѣшь замушъ отдавать
(или ставѣшь батюшко жечь).
Ставѣшь замушъ отдавать, и поидѣшь пропивать.
Спи-тко, дитя, ты усн-тко, мило.

Котъ-котенай, приди (имя рекъ) показай!
Баю-бай-баю-бай (повторяется посль каждой строки).
Я тибѣ, коту, за работу заплаци.
Хліпци кусокъ, дамъ говедники другой.
Говедники другой, выбирай сибъ любой.
Що дорогой на кота нападала воркота.
На милова на дитя ваходила дромота.
У кота было кота, есь постельюшка мяиха.
У нашено (имя рекъ) помяхиѣ ево.
У кота было кота, есь головыѣ высоко.
У нашово у дитятка повыше ево.
У кота было кота, есь одвялецкѣ тепло.
У нашово у дитятка полулуче ево.
У кота было кота, есь кроватоцкя нова.
У нашено (имя рекъ) колыбевка хороша,
Вся раскрашевая, вся расписаная,
Стойки тѣщены, позолоцены.
У кота было кота, была мациха лиха.
Мациха лиха, коту ись не дала.
Котвѣ осердивсё, на пецьку ушовъ.
На пецьку ушовъ, трои ланти сплѣвъ
Сибъ въ женѣ, малымъ лѣтонькамъ
По миру ходить, кошеліи волоцить.
У нашнова у дитятка матушка добра
Малушка лобра: (имя рекъ) титецкы дала.
Титецкы дала и пожаловала:
Дитятко, покушай, милое посси,
Милое посси и побольше посси.

О, люлю, мое дитяtko!

Люлю, люлю (повторяется послѣ каждой строки).
Дитяtko, дитя маленькоѣ,
Маленькоѣ, крохотаиненъкоѣ,
Спи-тко, усни, упокой тебя възьми.
Свидюшка усви. моя свѣтлая поспи.
Спи-тко, усни, большой выросты.
Выростёшь великъ, станёшь въ золотѣ ходить,
Въ золотѣ ходить, чисто серебро носить.
Спи-тко, крошецька моя, спи-ко маленькая.
Умолѣнное мое, упрошеноѣ мое.
Упросила, умоляла я у истианова Христа.
Бохъ мнѣ тебя давъ, да Богородица дала,
Богородица дала, мнѣ пожаловала
Крошецьку мнѣ и малютоцьку.
Андили съ тобой, всѣ хранители съ тобой.
Всѣ хранители съ тобой, Спась, Микола бать тобой.
Спась, Микола въ голозвахъ, красна сила на грудяхъ
Михайло Архавьевъ да со ангелами,
Кузьма и Демьянъ со апостолами—
Онѣ тебя хранять, онѣ и милуютъ
Отъ болизвей, отъ скорбей, отъ тяжолыхъ болѣстей.
Сонъ да покой (имя рекъ) радосъ упокой.
Сонъ да врема потте (имя рекъ) въ глаза.
Сон-отъ съ дремой да роспоровались.
Сон-отъ говорить: я найду, усыплю.
Дрема-та говорить: я найду, удремлю.
Ходать онѣ по высоку терему,
Ищутъ онѣ колыбелоцьку:
Гдѣ-то же здись колыбелоцька виситъ?
Въ этой колыбевкѣ (имя рекъ) маленький лежитъ.
(Имя рекъ) спить ли не спить, побудить ево не смить.
Виситъ колыбевка во высокомъ терему,
Во высокомъ терему, въ шытомъ бранномъ пологу,
На серебряныхъ на кольцахъ, на клевовомъ оцапу,
На клевовомъ оцапу, на шовѣвомъ поясу.
Спи-тко, милый, да усни-тко, дорогой.
Спи, усни здорово, вставай веселѣ.
Вставай веселѣ, на улицѣ россѣвѣло.
На улицѣ россѣвѣло, на мы пойдёмъ на село.

О, люлю, мое дитяtko!

Люлю, люлю (поторяется послѣ каждой строки).
Спи-тко, усни, дитя материнно.
Спи-ко ты, дитяtko, съ Богомъ, со Христомъ.
Всѣ ластоцьки спать и касатоцьки спать.
Куницi спать и лисицы спать.
Соколы спать и соболи спать.
Нашому (имя рекъ) спать же везять.
Для цѣво за цѣмъ (имя рекъ) не спать.
Ластоцьки спать всѣ по гвѣздышкамъ,
Касатоцьки спать всѣ по кустицькамъ,

Лисицы спать вѣй по поткустицкамъ,
Куницы спать вѣй по вороцкамъ,
Соколы спать вѣй по гнѣзышкамъ,
Соболи спать, гдѣ имъ задумалось,
Маленькиѣ лѣтка въ колыбелоцкяхъ спать.
Спн-тко, (имя рекъ) и милашенка.
Спн-ко, робѣвокъ дорогой, ненаглядной, золотой.
Спн-тко подолъ. Выростѣшь поболъ.
Выростѣшь величъ, стануть дѣвушки любить,
Станутъ дѣвушки любить, станутъ молодушки хвалить,
Ставѣшъ въ школу ходить, ставѣшъ книшки учитъ.
Выущиссѣ въ книгѣ, ставѣтъ батюшко женить,
Ставѣшъ сватаццо къ нинѣстамъ, станѣшъ слыть жевхомъ.

О, лю-лю моѣ дѣтятко!

Баю-бай, баю-бай (повторяется послѣ каждой строки).

Баюшки убай, моѣ милѣ,
Котевъкя-котокъ, котя сиревъкѣ хвостокъ,
Хвостикъ сиревъкѣ, лапки биленькиѣ,
Лапки биленькиѣ, ушки цѣрненъкѣ.
Повадивсё котокъ ко вдовушкѣ въ погребокъ,
Ео вдовушкѣ въ погребокъ, по сметанку, по творокъ,
По сметанку, по творокъ, по преснѣ молоцкѣ,
По преснѣ молоцкѣ и по сыворотоцкю.
Увидали же кота красны дѣфки изъ окна,
Понимали же кота поперѣкъ жывота,
Ушибли же кота обѣ уговѣ головой.
Вотъ-те ва-тко же: котокъ за сметанку, за творокъ,
За сметанку, за творокъ, за пресное молоцкѣ,
За преснѣ молоцкѣ и за сыворотоцкю
Тутъ-то нашъ котъ и кончивъ жись.

V. П р и б а у т к и .

1. Расть какъ-то одинъ мужыцѣкъ спросивъ своею звакомова: «куды ты, братъ, такъ скоро идёшь?» — «Женитцѣ» — отвицѣтъ тотъ съ куражомъ. Цѣресь сколько-то времени втотъ звакомой опять вошавсё ему въ встрію, идѣть тихо и голову опустивъ.— «Що ты, братъ, такъ тихо плетёссё и повисивъ голову?» спрашивавтъ онъ ево.— «Женивсё» отвицѣтъ тотъ сквозь зубы.

2. Одній хресьевицъ сидѣло занемокъ; потходить къ нему сынъ ево и со слезами говорить ему:— какъ я, батюшко, безъ тебя стану жыть? Не знаю, какую роботу ковда дѣлать...—Ходи поцясце въ полѣ, да вставай повыше и гляди, що тамъ дѣлаютъ люди, то и ты дѣлай, бывть отвѣтъ опци.

3. Однажды сусѣтка приходитъ къ своей кумѣ, которая пекла блины; кума стала еї потшывать.. Сусѣткѣ болыно поглянулись блины и сильно хотѣлось поинь, а блины были тоненъкѣ, значитъ, она много могла съись ихъ, а съись много сусѣткѣ было стыдно. Какъ же дѣлу быть?.. Сусѣтка пошла на хитрости: мѣсто одново блина стала завѣртывать по три, и думала, що кума не видить этого; наконецъ, перекрестилась и сказала:— спасибо, кумушка, на трохъ блинкахъ —На здоровье, кумушка, трою по

три, отвяцла та.—А що ты, кумушка, десятова-то не съѣла! продовжала она, потому що сана была изъ лофихъ башъ и все видила.

4. Были два сусѣда; у одного жена была малевъкая и цѣрвенъкая, а у другого — женщина видная и бѣлан, какъ сѣкъ. Рась какъ-то сусѣтки порозмоввили меѣшъ себой, и послідня упрекнула первую въ томъ, що она и нала ростомъ, и цѣриа себой. На що та отвяцла: «и цѣренъ наѣтъ, да бояра наѣтъ, а и бѣвъ свѣкъ, да собаки настять, а и довга грятка, да винки висять, а и мала трупка, да золото вѣтъ».

5. «Богатова съ хвасливъ ве распознашъ», говорить пословица. А и хвастунъ иногда попадѣть за другова, що ве уступитъ. Однъ расхваставшъ, эдакъ жо, и обѣщавшъ большой стовъ укладъ билетиками. Довго слушали хвастуна я, наконецъ, одинъ, жалая перехвастать ево, сказавъ: «ты большой стовъ укладъ билетиками, а я на каждой твой билеткѣ положу по горстѣ золотыхъ».

6. Лягти муха изъ городу, ёй ва встріцу попадаѣтъ блоха вспрашываѣтъ:— откуды и куды ты, кумушка, лявшъ? — Изъ городу въ деревню, отвіцеѣтъ та; мнѣ лучше жыть въ деревнѣ; въ городу вѣ заперто, продовжаетъ она, нѣцѣво помысъ, а въ деревнѣ я у однихъ робетишокъ на рымъ наимсё, да и хѣйтъ бываетъ всегда на волѣ. — А мнѣ такъ лучше въ городѣ жыть—повишила блоха — въ деревнѣ мужыкъ вѣ на роботѣ, а ковда придетъ спать, то стукнетцо, какъ камень; тово и гляди, що раздаввтъ тебя за жоской постелѣ; въ городѣ я заберусь въ пуховикѣ и не думаю, що меня раздаввать; покусаю, що мнѣ попадѣтцо, да и спрециюсь онѣть въ пуховикѣ.

7. Сидѣла одна слѣпая старуха, да вдругъ що-то роскохоталась. Дити и спрашивають ёё: «що ты, матушка, такъ развеселилась?»—«Здумала о пріятвомъ прошлому», бывъ отвѣтъ старухи.

8. Бывъ одинъ знатокъ, которой хотъ ни шва не разумѣвъ, но всегда выдававъ себя за знатока. Вотъ однажды првходить къ нему баба и просить поворожить. Знатокъ пошовъ въ горивцю и ну тамъ зобать крупу, до коїй онъ бывъ большой охотникъ. Баба довго ждала ево на повитѣ и соскучилась, поцѣму просвла жеzu знатока сказать ему: вельзя ли поскорѣе? Жена кликнула знатока, и тогъ, глотая крупу, отвіцавъ, що бѣси смѣшались.—Послѣ втово еще больше стали говорить о знатокѣ въ ходить къ нему, какъ знающему съ нецистой силой.

9. Мужыкъ, собираясь рубить дрова, заставвѣтъ свою жену заварить завары, и ковда пошовъ въ лѣсъ, то взявъ только двѣ рогульки, въ хотъ жена давала ему больше, онъ не послушавъ ёё, сказафъ, що онъ до повдня и не подумаетъ ись. Но лішъ только отшовъ отъ дома версты двѣ, какъ ему захотѣлось помысъ, и двухъ рогулѣкъ какъ не бывало. Не успѣвъ товкомъ-то принестцо за дѣло, какъ ему опять захотѣлось помысъ, и онъ бросивъ свою работу, пошовъ домой и сказавъ женѣ: «навари еще ты у меня роботцему цѣловѣку завары, такъ я и тебя съ ней выкину за окно».

10. У одного мужыка жена не охоча была пресь. «Какъ бы, думаетъ мужыкъ, пріуцить жену къ преслицѣ». И вотъ однажды, ложась спать, замітилъ ей, що она больно холодна и що нельзя ёй такъ оставаться. На другой день жена такъ жарилась на пецѣ, що едва не испеклась, но мушъ сказавъ, що она еще холоднѣе прежнѣва. Вотъ какъ-то приходитъ къ нимъ сусѣтка съ новой преслицѣ, и хозейкѣ захотѣлось испроверять ёе. Въ тогъ день мушъ замітилъ женѣ, що она стала теплѣе,—жена подумала, що преслица лутше пецѣки грѣть ёё, націла побольше пресь, а мушъ всякую юпцъ говорить ёй, що она все стаѣтъ теплѣе а теплѣе; поцѣму жена по вецѣрамъ больше и больше стала пресь, и наконецъ стала усердной предеѣ.

11. Дотово слѣпая старуха все твердила, що рада смерти. Вотъ сынъ ёї однажды застріливъ ворову и положивъ ёї къ старухѣ на колінн. Та щупаѣтъ ёї руками и спрашываѣтъ, що это такоѣ? Сынъ отвѣцавъ ёй, що это смерть ёї. Тогда старуха ваяла съ обѣихъ сторонъ за свой подовъ, тиховѣкъ стала страсывать ворону и говоритъ: «кышъ на инвѣску, кышъ на вивѣску!»

12. Однъ парень здумавъ сходить въ Питеръ напитеритцѣ, какъ и друго. Вотъ взялъ пашпоргъ и все лѣто просидѣвъ въ конопленникѣ, осеню приходить домой. Мать спрашиваетъ у сына, чёмъ его покормить? — Давай ми штей маштей, отвицесть питеракъ. — Да я не разумю, дитятко, что это такое, мовила старуха. — Позвашему, щей, а по-питерски — штей маштей, важно замитанъ сынъ. Мать, лишь только встретилась со своими сусѣдками, тотчасъ забахвалила своимъ сыномъ и говорила: «ой, бабоньки, какъ у меня парень-ѣтъ напитеривс! Цисто не разумю, что онъ и баѣть-то».

13. До тово одва тёща жаловалась на своею зетя, что онъ не говорифъ. Вотъ зеть здумавъ потѣшить свою тѣщу. Гонять короффъ; зеть смотрить въ окошко и говорить: «ека, у васъ прощасъ короффъ-то; видно, медвить никовда у васъ ихъ не лиравъ». Потомъ помовицъ и опеть заговоривъ: «какъ у васъ дома-те стоять цасто! Видно, деревня-та давно не горала». Отъ такихъ разговорофъ зетя тещѣ стало не лехцѣ.

14. У старика была слѣпая старуха и такая злая, что онъ рѣшивсё збить еї клякъ-нибуль съ рукъ. Только убить онъ боявсё грѣха, а потону сваривъ змѣю и думавъ еї окормить жену. Вотъ и говорить: «старуха, ковда захощешъ поискъ, то хлѣбай уху, которая стоитъ на шескѣ». Послѣ старика старуха здумала умытцё, а воды не было. Шо же скѣмала? — Постой, говорить сама себѣ, старик-отъ наваривъ инѣ ухи, такъ я и ёй умоюсь. Какъ сказала, такъ и здѣмала. Какое же вышло цудо! У старухи слѣпоты какъ не бывало, и ковда старикъ, возвращаюсь домой, думавъ, что старуха ево лежить ушъ мёртвая, она встретила ево у дверей и благодарила, что онъ вылицивъ еї. Съ зредней старухой старику бѣдному стало еще хуже жить....

15. Идеть мужыкъ дорогой и видить, хто-то идѣть въ санихъ и сильно задумавсё... Мужыкъ смотрить на проѣждающёва и думаетъ, отъ цѣво онъ такъ пригрунивсё... «Съ холода-то бы сходить мнѣ, такъ мои бы игра-та и была», сказавъ тогъ про себя и поднявъ голову.

16. Какіе-то прохожіе пришли въ деревню, гдѣ жили старовѣры. Было лѣто, и имъ сильно хотѣлось напитатцо; но старовѣры, несмотря ни на какую ихную просьбу, не нацоили ихъ. Прохожихъ взяло горѣ, и одинъ изъ ихъ бросивъ въ колодецъ пустую табакерку. Извѣстно, какъ старовѣры не любятъ табаку, а потому, ковда увидали ее, то тотчасъ же завалили колодецъ, какъ поганой.

17. Другие, эдакъ же, прохожіе на смѣхъ оставили въ старовѣрской избѣ табакерку, только не съ табакомъ, а съ порохомъ. Старовѣры взели ее двумя павками и бросили въ пещью, которая товде топиласъ.. Порохъ спыхнулъ, а они, увидавъ это, сказали: «вшъ какое зельё, а еще нюхаютъ!»

18. Шли однажды руской и нѣмецъ. Нѣмецъ говорить рускому: «давай, неси мсна на сѣбѣ, пока я буду писни пить, а потомъ я понесу тебя, пока ты будёшь пить». Руской согласиасё, и нѣмецъ сѣвъ на его. Руской ушъ далеконъко несеть нѣмца, а тогъ все еще проклятой поесть; наконецъ-таки, концилась писня нѣмцева, и руской самъ сѣвъ на ево. Думаётъ, какую бы подольше спить писню, что бы отплатить нѣмцу. Вотъ и запѣвъ: о-о-о-о-о-о! Нѣмецъ ушъ едва ташты рускова, а руской все поеть одно и то же; наконецъ, вышовъ изъ терпинъ и спрашивается: — довга ли ешо, руской, у тебя писна? — Я еще нацяло только пропѣвъ, отвицавъ тогъ. Нѣмецъ вышовъ исъ сївъ и, не дожидаясь конца писни рускова, остановивсё и не понесть дальше.

19. Приходить баба на рынокъ, купить що-то нужно было. Торговой запросицъ съ еї сорокъ автынъ, а она посуивъ ему рупь дватцать копѣекъ. Торговой запишипросить сорокъ автынъ, а баба, — она не знала щытать автынами, — свое твердитъ: даетъ рупь дватцать копѣекъ, а не сорокъ автынъ. Наконецъ, вышла исъ терпинъ и говорить торговому: «хоть сороди не сороди, а быть рублю дватцети», и попала процы отъ лафки.

20. Одна мать послала доць свою по ножници, —здумала овецъ стрицъ. Дѣфка идѣть и говорить про себя: «ножници, ножници»; потомъ упала и заговорила: «долото, долото». Пришла, куды мать ее исѣмала, и вдругъ просить долота. Сираши-

ваютъ ее, на що вами долото-то?—Овесь долотить, отвицца она, почему тѣ и додадались, въ цемъ дѣло.

21. Ветарину, бають, бывало: какой-то зеть шовъ въ гостей отъ тѣщи и твердилъ про себя: «кисель, кисель», коимъ хотѣть дома похвастать. Дорогой забывъ о своёмъ лакомомъ кушаньи и бродить на дорогѣ въ греѣ. На ту пору идѣть баринъ и спрашиваѣтъ ево: «що ты, мужыцѣкъ, бродишъ по греѣ?—«Потерявъ», отвицеѣтъ зеть.—«Да гдѣ тибѣ натти, ковда ты измиявъ греѣ ту, какъ кисель», продовжаетъ баринъ.—«Нашевъ! закрыпавъ мужыкъ и побѣжалъ по дорогѣ.

22. У одного мужыка розыгравсѧ телёнокъ, такъ и скакѣтъ по избѣ. Хозенінъ довго глядѣвъ на телёнка и потомъ сквозь зубы сказавъ: «женинъ бы тебя, такъ пересталъ бы скакать-то».

23. Издавна рицъ ведѣтца, що скоріе вызовѣшъ на пирушку, цѣмъ на работу. Бають, однажды бутто бы хто-то пришовъ къ своему сусѣду и говорить ему: «Тить, пойдемъ молитить».—«Спина болитъ», отвицеѣтъ тотъ.—«Тить, пойдемъ пива пить».—«Оболокусь, да и новолокусь», скороговоркой мовивъ зговорцовой сусѣть.

24. Буттобы одинъ богатой старикъ такъ сказавъ своему сыну: «хлѣбай щы съ медомъ, а огородъ опушывай бобромъ, такъ станёшь жить богато». Сынъ, бутто бы, послѣ смерти отца своею такъ и дѣлавъ, пока бывъ въ состоянїи, т. е. пока капитавъ позволяять ему то: щы хлѣбай съ медомъ, а огородъ опушывай бобромъ. Только всякой рась бобровыѣ шкурки уносили у ево сусиды, и онъ за все доженъ бывъ опушывать огородъ новыми; и щы съ медомъ хлѣбавъ все какъ-то морщаась, не въ пріятвось. Вотъ онъ однажды здумавъ повѣдать свое горе блиской роднѣ и просивъ её помочь ему. Тотъ истековавъ ему совсѣмъ отца ево такъ: работай вселды дольше, такъ щы и покажутъ твѣ съ медомъ, а огороды попаще осматривай и вверхъ клади по ёлочки, такъ не станутъ пересъ ихъ люди лазить, и огородъ твой завседы будеть цѣвъ.

25. Дотоѣ у одного мужыка была такая здорная жена, що во всемъ любила перепѣтъ ему. Рась какъ-то овѣ говорить ей: «вонъ вто, жена, кажеццо, долото, подай-ко ево сюды». Жена стала утверждать, що это недолото, а ножницѣ, въ сколько мушъ ни споривъ съ ней, она все стояла на своёмъ. Наконецъ нушъ вышовъ и сѣ терпинья и до тово приколотвъ свою жену, що она лежала на полу и не могла ви встать, ни говорить. Мушъ подумавъ, що баба ево послѣ такихъ побоѣфъ ушъ, конечно, не станётъ больше съ имъ здорить, и снова сказавъ, що то было долото, а не ножницѣ. Жена же ево, какъ не могла уже басть, то пальцами своими показывала ему, какъ стригутъ.

26. Слыхавъ я бывальщицу: у старика была такая злая жена, що ему бѣдному жутко было жить съ нею, и онъ здумавъ, наконецъ, пережить ёй какъ-нибудь. Ложыццо однажды спать и говорить своей старухѣ: «взафтра, старуха, не пеки пирогофъ, не приноси ихъ ко мнѣ ва сѣнокосъ, а ковда пойдешъ цересь рѣку, то не кацейсё на лавѣ». Сказавъ, и уснувъ. А старуха рада слущѣю заѣвать зло мужу. Тотъ скоцила съ постели и давай творить пироги; по утру исчесла и понесла ихъ къ старику; но ковда переходила церезъ рѣку, то спомнила накасъ старика, и дакай сколько есъ моці трестись ва худой лавѣ. Лава обломилась и старуха потонула.

27. Въ одномъ мѣстѣ шили два портныѣ—положимъ хоть—Василей и Иванъ, а навѣсно, що портные любятъ посмѣццо. Однажды замтили онѣ, що у хозейки стойти на лафѣ квашня ве болно обиходная. Вотъ Василей и баетъ Ивану: «посмотрѣ-ко, квашня-та вѣть твѣстяная».—«Повио, отвицеѣтъ ему тотъ, деревянная, а не твѣстяная».—«Давай обѣ заклатъ!» говорить Василей. Въ это время хозейка стояла не далѣо отъ ихъ и мигаетъ тихонъко Ивану, щобы онъ биисѣ. Попали смотрѣть, и въ квашней на дѣй нашли сковороду, къ кої со всѣхъ нокъ бросилась хозейка и давай благодарить портныхъ за нахотку, а сама мешь тѣмъ говорила, що мушъ бывъ есъ за эту сковороду и що три года щытала єё украденой.

28. «Старикъ, «сказала однажды жена своему мужу, мнѣ що-то страшь захотѣлось бѣзъихъ пирогофъ».—«Да вѣть ты знаѣшъ, що у насъ не ва що купить

бѣлой мухи», отвѣтивъ мужыкъ.—«Да хоть бы ты укравъ єё у ково нибуть», продовжаетъ старуха.—«А що люди-те скажутъ, ковды увидаютъ у насъ бѣлыя пароги?»—«Объ этомъ не беспокойсѧ: я испеку, що у меня пахто не узнаётъ, що ись бѣлой мухи пароги», съ увереною въ себѣ занятія хозѣйка.

29. «Що это, баба, у тебя тамъ булькаетъ?» закрыпавъ однажды хосинъ своей женѣ. «Мезцій, муженёкъ», кротко отвѣтила жена, «корова въ третей рась кастагъ въ квасъ!»

30. Какой-то удалой, говорить, завѣвъ самоваръ, хоть и по миру ходивъ. Согрѣвъ ево и поставилъ на стовъ. Самоваръ такъ и шумитъ. Вдругъ исть-поть полатай выбѣгаѣтъ зобенька и що есть силы крицѣть: «ахъ, ты, красная рожа, нашлецъ! Забравшъ ѿна на стовъ, да и шумитъ на всю избу; я—притомъянная здѣшняя жительница, пото и кормлю хосина, да и тутъ завсегда стоя погть полатить. Вотъ нашлецъ! И съ этими словами зобенька вытолкала самоваръ изъ избы, а сама преважно забралась въ передній уговъ.

31. Маленькой паронь хѣбавъ однажды молоко и говорить своїй матери: «мама, въ нелокѣ-то киса и съ лапкамъ». Мать, не разобрафъ, що говорить сынъ ѿнъ, отвѣтила ему: «ну, ѿшо тутъ разбираѣтъ, що кисло и слатко, а хѣбавъ бы»... Парень помочивъ и снова сказавъ: «и хвостикъ, какъ налилокъ». Мать подошла посмотреть молока, и увидала въ немъ мышь.

32. Ковда одново мужыка стали опускать въ могилу, товда жена ево такъ и завыла горькимъ, такъ и бѣтцѣ... Сусидамъ стало жавко ѿнъ, и онъ наѣдли уговаривать ѿнъ: «вѣтъ слезамъ не воскресишъ ушъ мужа» и другої протцѣ басли ёй. На ѿшо она отвѣтила имъ: «я не о томъ плачу, що инѣ жаль мужа, а о томъ, щѣбы онъ не вставъ».

33. «Какъ будѣтъ инѣ и горѣ-то перенести», цисто говаривала одна жена, ласкаясь къ своему мужу. Но мушъ поцѣму-то худо виривъ! своїй женѣ, и рась захотѣвъ испытать ѿнъ. Вотъ притворивсѧ, бутто умеръ... Собрались сусиды, въ жена такъ и прицитатѣ... «Лутше бы, говорить, инѣ умереть, а не ему»... По утру встаетъ, нарепилась, какъ о празникѣ, и ну пеций блины; мешъ тѣмъ приходить къ ѿней другожекъ и она давай потчывать ево блиниами и виномъ. Мушъ лежить и жлѣть, що дальше будетъ. «Взявъ цѣрть мужа, не возьмётъ жену нужа», сказала подвеселившаяся жена своиму миляшу. Тутъ мушъ не вытерпѣвъ: соскочивъ съ лафки, схвативъ плать, и давай благодарить жену за вѣрность...

34. У мужыцьки была такая непослушная жена, що никогда сразу ево не слушала. «Какъ бы, думаѣтъ онъ, не уцѣйтъ жеву, щобы одново слова бояласъ». Вотъ однажды блудить кошка; мужыкъ крицѣть: «перестань, кошка, блудить! Смотри, другова слова не дожыдайсѧ!» И какъ кошка не переставала, то онъ, схвативъ ѿнъ за хвостъ, да и хлопъ о косякъ. Въ другой рась разбѣгавсѧ по избѣ телёнокъ. «Перестань, телёнокъ, скакать, говорить ему мужыкъ, смотри, другова слова не дожыдайсѧ». Какъ телёнокъ не отстававъ бѣгать, то мужыкъ, взявъ ношъ, да и зарѣзать ево. Послѣ этого, ѿшо напрокудила корова; мужыкъ и ёй сказавъ: «эй, корова, переставь прокудить! У мене, смотри, другова слова не дожыдайсѧ!» Но корова скоро опеть принялась за своє ремесло, и—мужыкъ заколовъ ѿнъ. На бѣду опеть заупремилась лопаденько-пaloшница. «Перестань, лопашть, упремитцо», ворцѣтъ мужыкъ, «смотри у мене другова слова не дожыдайсѧ!» И какъ она всѣ продовжала упремитцо, то мужыкъ зарѣзать и ѿнъ. Жена всѣ это видяла и... напугалась. Послѣ тово, що мушъ ни велитъ ёй здѣлать, лишь бы только сказавъ: «смотри, у мене другова слова не дожыдайсѧ!» и жена тотчасъ всѣ дѣлала.

35. Бывъ Пётръ, колацкіи пёкъ, да какъ-то безъ ужны спать и лѣжть; онъ вертитцо, а ему не спитцо. Какъ ставъ да поѣвъ, такъ ровно хто шубой одѣвъ.

36. Одна баба всѣ сваливала на кошку; кринку съ молокомъ прольётъ, или ѿнъ россыбѣтъ, или масла плошку прольётъ—всѣ переть мужомъ винила кошку. Вотъ мушъ и собравсѧ поуздѣтъ кошку. Взявъ ѿнъ и привязавъ къ женѣ на плеца, да и давай стегать... Кошка рвѣтцѣ, царапаѣтъ бабу, ревитъ, и баба, тоже, ревитъ... а

мужыкъ зналъ сибъ хлѣщоть кошку, да приговариваѣтъ, щобъ она вперѣть не каверзила... Що же вѣтъ?—кошка, послѣ тово, ницѣво не розбивала и не проливала.

37. Какъ не хитришь и не бойдись, а семи дѣвѣ вдругъ не здѣляешь. Одинъ мужыкъ засѣ ворцівъ на свою жену, що она подѣвгу ображаетцо. Вотъ жена однажды и говоритъ ему: «посмотрѣла бы я, ты скориѣ ли моево обредивсё?» Мужыка задѣло за жывоѣ, и онъ на другой же день вакшѣ за обрять, а жену вмѣсто себя послать вахать.—Нужно было инсить кашни, а муку надо еще молоть въ горновахъ; сверхъ тово, жена заказала еще ему стередцѣ отъ воронъ цыпльть, наметъ главы, щобъ вымазать въ неїѣ потъ, да—спахтать сметану. Какъ дѣлу быть?.. Мужыкъ вѣтъ какъ умудривсё: главу поставивъ въ корытѣ потъ ноги, а сметану привязавъ на спану въ горшкѣ, а цыпльть привязавъ къ ногамъ. Онъ думавъ, пока мелю муку, тей порой главу ту и стопцю, а сметана—ухащаетцо сама, а цыпльта, какъ имъ нельзя будѣть ототти отъ нево, будуть сохранны. Хорошо придумавъ, да на дѣлѣ-то вышло худо. Лишь только онъ оглянулся назатъ, какъ ворона погащала цыпленка. Мужыкъ бросивсё отыматъ, но едва только пошевеливсё, какъ запнувсё за корыто и удавъ; горшокъ со сметаной разбивсё, а ворона умертила свою добычу, да и онъ задаввѣ цыпленка. Послѣ тово, повно ворцѣти на свою жену, що она тихо и довго ображаетцо.

38. У одной маціхи были родной сынъ и два пасынка. Однажды подаѣтъ она пасынкамъ по пирогу, а своему сыну не дала никаколько. Потомъ сказала имъ: «видите, що я родному сыну не дала ницѣво, а вамъ—по пирогу,—такъ вы ушъ сами не забудьте ево: каждой удалите ему по половинкѣ».

39. Какой-то скупердай любивъ заставлять своихъ роботникаофъ переть каждой выть пять воду. Это онъ дѣлавъ для тово, щобъ онѣ, напившись, меньше йди. Роботники смѣкнули, въ цѣмъ дѣло, и одинъ изъ ихъ поудалѣе нарочно переть обѣломъ сказавъ при хозенінѣ: «дайте-ко мнѣ, браццы, побольше водицы, щобъ расправить на брюхѣ всѣ морщины, и больше пойсь. Послѣ тово, хозенку повно принуждать голодныхъ роботникаофъ пить воду».

40. До тово бывало, мужыкъ лежитъ на пецѣкѣ и слышитъ, що-то падаѣтъ и хлопаѣтъ. Было тѣмно, и въ избѣ никово не было,—мужыкъ сробѣвъ, не знать, какъ выбрацдо изъ избы... лежать бояцдо и бѣжать—тоже. Въ ободренѣѣ сибъ говорить; «цѣво боетцѣ въ своёмъ домѣ, Христосъ со мной», цѣтаетъ Богородицю... а самъ мешъ тѣмъ горопицдо надѣвать на ноги лапти и, опустесъ съ гопца, бросивсё со всѣхъ ногъ въ двери въ ихъ прѣтворивъ верёфкъ отъ лаптей, отъ цѣво упавъ и закрыцавъ во всѣ горло, какъ буттобы за нимъ хто гнаўсё. На крикъ прѣбѣгаѣтъ жена, входить въ избу, достаютъ огня, и оказалось, що хозенку испугала кашни, искъ которой падавъ на позъ ростворъ.

41. Одна маціха удобрилась до своихъ пасынкоофъ: имѣла имъ выхлебать всѣ щи въ какое-то заговинѣ; тѣ стала втоваривцацо, потому що ушъ были съты. «Не вамъ, такъ телятамъ выливать же будѣть», моввила пасынкамъ добрая маціха.

42. Дотово мужыкъ купивъ въ городѣ рукавицѣ и пошовъ домой; на дорогѣ вѣрсъ за трицѣть хвативсё ихъ, и не наполовъ, вѣтъ и давай втти назатъ въ горотъ, и спрашиваетъ у лавошика, у которова покупавъ: «ве оставилъ лв я у тебя рукавицѣ?» Тотъ отвѣчавъ, що нѣтъ. Какъ только поворотивсё онъ отъ лавошика, щобъ вытти изъ лафки, какъ тотъ увидавъ у его рукавицѣ за кушакомъ и totясь о томъ сказавъ мужыку. «Эка прѣци!» проворцавъ мужыкъ, и пошовъ обратно домой.

43. Одна дѣвка бѣгаѣтъ за воробьями. «По що ты гонесесѣ?» спрашиваютъ ёй. «Матушка сказала мнѣ, отвѣчала она, що если я десети воробьеффъ поимаю, то отдашь мене замушъ». «А много ли ихъ ты поимала?» опеть спросили ёй. «А ежели я тово поимаю, то останетцѣ только девять».

VI. Причитанье.

Благослови, Христостъ истинной, Мать Божія Богородица, заливать чиню воную, новую, немъвальную, на роду - то вонервые, на вѣку во послѣднѣй; що не клещики брякнули, не заноціки щѣвкали, не руками ударили, тутъ меня запроеватали; запоруцівъ же батюшко за поруки за крѣпкіе, призакрыла же матушка половину свѣту бѣлова, отказала мнѣ матушка отъ океншка переднѣва, посадила же матушка въ кутынѣ угевъ на лавоцкю, не вѣльна мнѣ матушка въ оконкѣ заглядывать, посалила голубушка меня на мѣсто унальноѣ, на то на круційноѣ. пересѣкла мнѣ матушка всѣ пути и дорожевъки, наказала голубушка: ты сиди, моё дитятко, широко не росхаживай, далеко не разглаздывай.

Осударони, свѣть, моя родимая матушка, моё красноѣ сонышко! я о ѡёмъ побью цѣломъ, опь ѿнъ я подокуцю, не оставь-ко ты, матушка, ты послушай, голубушка, моево докученьца, слезянова да горькова! Ты скажы-тко мнѣ, матушка, ѡёмъ таёбъ я досадила? — Я не сусѣкъ хлѣба выѣла, ве другой испротбрала, не къ подрушкамъ разносала. — Государь ты, мой милой братъ, любая винѣстушка и сестрица лебедушка! не отъ насъ ли, родимыѣ, всѣ огни разгоралисъ, всѣ клюї роскипалисъ въ эту пору да времецкю; що не мы ли, родимыѣ, на меня наговѣрили вы родиному батюшку и родимой-то матушкѣ; не отъ насъ ли, сердешныѣ, это дѣло затіялось?

(На другой день) Снять ли намъ потступитнѣё, смыть ли намъ подъявитнѣё ко Насбону ко городу, ко дѣвницю ко терему? — Ушь мы слышали иблоды на широкой за улицѣ, ушь какъ въ трёхъ-ту сторонушкахъ и повадно и весело, во цѣтвёртой сторонушкѣ ве повадно, не весело; тутъ кокуётъ кокушечка — наша подружка голубушка, сидить во горѣ, во круцій. Я возвьму двери за скобу, отворю двери на пяту, прікажы-ко, подруженьки, намъ кой ногой ступити. Ступинъ мы ногой правой. (Въ отвѣтъ) Вамъ добро итти, жаловать, моя подружки-голубушки, сусѣтки любовныѣ! Я прошу настъ, подруженьки, на нея ве осудѣть, що я не вышла, не встрѣтила сереть широкіѣ улицы на своёмъ широкомъ дворѣ, не взяла дверей за скобу, не отворила дверей на пяту, отошла вора, времецкю, призакрыла мнѣ матушка половину свѣту бѣлова, посадила же матушка на мѣсто унальноѣ, на то на круційноѣ; вамъ спасабо, подруженьки, мы пришли — не поцѣвѣнільсь ко мнѣ на горѣ, на круційну, со мнѣ горя помѣкти, пецай поизвѣсити; у меня горя, круційны побна буйная голова; я про всѣ-то подумаю, — голова съ плечъ покатиццо, призажмѣть ретивъ сердѣ.

Ушь я що засидѣласё, на ково заглядѣласё, не въ саду заглядѣласё, не на сать заглядѣласё, не на яблонь кужливую, не на грушу зелёную; засидѣласё иблода во сноўї свѣтлой снитицѣ, призаслушалася горькая у подружокъ-голубушкѣ; що сидѣть моя подруженьки веселы да и радошны; у ихъ буйныѣ головы больно глатко уцѣсаны; у ихъ косы-те русыѣ во узоры заплётаны, по конецъ-то ихъ русыхъ кось алы лентоцкіи вплётаны; говорить моя подруженьки про шытьецо да про браньцио, про менкоѣ рукодильцио, про гулянѣе красованыѣ; ушь какъ я про ся подумашо, про свою буйну голову, какъ моя буйна голова она не глатко уцѣсана, що моя коса русая не во узоры заплётана, по конецъ косы русыѣ ѡерна лентоцкія вплётана; мнѣ не що-то на умъ неайдѣть: не шытьецо-то, не браньцио, не менкоѣ рукодильцио; одна дума съ ума неайдѣть — дюжа дальняя сторона.

Государони, свѣть, моя подружка голубушка! имецкю твоє лёхкоѣ, величанѣе хорошоѣ! Назову ти по имені, избѣснѹю по избѣснѹ; ты (имя в величанье) подойди ко мѣ, потступи, какъ бѣла лебедь подліти; не бойсё, подруженьки, моево гора-

кру́ціны, какъ моё горё-кру́ціва не огонь да не пламъ не сожжетъ и не башить гробово платья цвѣтнова и лица тоже бывова; не подойдѣшь, и моя голубушка, я сама встану молоды изъ мѣста увалльона, иесь тебе ись кру́цінова. (Подходить и говорить) спомни, здумай, подруженьки, какъ съ тобой-то мы гуляли во лугахъ-то во збленыхъ, мы травы-то не смигали и цвѣточкофъ не срывали; какъ съ тобой красовались въ кареводахъ-то дѣвицыхъ; всѣ люди намъ дѣвались; это цы ходить дѣвицѣ, ревно родмы сестреницѣ, какъ ездово оца, матери.

Не хорошо, да не пріогоно мнѣ сидѣть да не плакати; всѣ люди повадиюще, всѣ подушки подумають, что у этиѣ дѣвицѣ пѣть ви горя, ни кру́ціны; какъ я сама про ся подумаю, про свою буйну голову, у меня горя, кру́ціны три поля изнасіны, тоской, пѣцальй герожены; у меня-то горюціхъ слёзы текутъ три рѣчнѣкъ быстрые, онѣ текутъ не перѣтекутъ, онѣ текутъ урываяющій, жовты пессоцки смигвающій, да всѣ меня избывающій да ись жытья-то ись дѣвицѧ; какъ я подумаю горькая про родимова батюшка и про родимую матушку, остающе родители онѣ старымъ-то старёшевки и худымъ-то худёшевки, шо не будёть же вѣ лѣго у менхъ у родителей на полоскѣ-то жнеюшки, на постаткѣ гребеюшки, во лугахъ—сѣнокосенки.

Я спала, просыпаласё, я ждала, дожидаласё батюшкова пробуждевица, матушкіна покликанвица; не могла я дождатисё, не могла догадѣтисё,—онѣ ходить легощенъкѣ, говорять-то тихошепѣкѣ, не звать меня-то жалюющій, не звать меня избывающій на цюжую на стѣрону; видно, я инь наскуцила; ушъ я встала ранёшевкѣ, умывалась блаженскѣ не водой и не съ мыломъ я своимъ горюцімъ слезамъ, я утиравласё горькую я своимъ тонкимъ рукафуйкомъ, я садиласё горькая я на мѣсто упальноё, погледѣла я горькая во всю свѣтлую свѣтилицу, всѣ свѣдѣть невесомлѣ, всѣ повися буйны головы; що промовивш извѣ батюшко мнѣ словецкѣ единой: нарижайсё-ко, дитятко во всю скругу добрую, добрую самолутшую; принесла же мнѣ матушка мнѣ моё платья цвѣтноё, наредили же горькую вдостальнѣ впослѣднїе во душахъ красныхъ дѣвицыхъ. Государь ты, мой батюшко! моя родимая матушка! дайте мнѣ бласловлевицѣ походить, покрасо-натисё вдостальнѣ, впослѣднїе во свой свѣтлой свѣтилицѣ во душахъ красныхъ дѣвицыхъ.—Вы ходите, рѣзы ноги, подо мной ве потгибающій; вы машыте, бѣлы руки, ко сердю ве прижимающій; ты волю, воля вольная; ты вѣгуй, вѣга вѣжная; кра-суйсё, моя красота; веселись буйна голова; радуйсё, ретиво сердѣ, покамѣсь-то я молоды во душахъ красныхъ дѣвицахъ, у родимова батюшка, у родимые матушки!—Тибѣ спасибо же, матушка, тибѣ на хлѣбъ на соль, на твоей добродителѣ! Зберегала ты, матушка, меня отъ вѣтра, отъ вихора, меня отъ цѣстова дожжыка и отъ красовиша совышика, не могла зберечїцъ меня отъ цюжы дальны стѣроны, отъ злодѣеки измѣнѣнци; на цюжой-то на стѣронѣ надо жить-то умлюющій, говорить розумлюющій; надо сердѣ покорціво, голова надо поклонціва, малому поклонитисё, старому покоритисё, надо назвать да извѣницить цюжова цюженина, удалова-то мѣлодца. На цюжой-то на стѣронѣ ростуть лиси вилївые, живутъ люди лукавые, проведутъ да и выведутъ, изъ ума вонъ повыведутъ онѣ меня молодёшевкю. Въ этомъ во темномъ лѣсу ходить медвѣдь со медвѣдцѣй: это—бохдано-ѣть батюшко, это—бохданая-то матушка.

(Сиротскія)

Призатихъ то на морѣ всѣ и гуси и лебеди; призамовленіе въ теремѣ всѣ и гости и гостійки и подушки-голубушки! Ушъ какъ мнѣ про послышалось, у оконшка пеструкалось, у воротъ поколотило, у колецкія побрякалось, у дверей помолитвились; що идѣть ко мнѣ, жалустъ мой родимо-ѣть батюшко, моя красноѣ совышико;

що весёлько изъ батюшко троицьце цвѣтноё, первоё—ежедѣнье, другоё—воскресеніе, третьё—подвигніе. Изъ бы не надо отъ батюшка троицьце платья цвѣтнова, только надо отъ батюшка благословленіе великоѣ съ цѣста серца да съ радости; изъ не въ садъ отъ садитися, поть винецъ становится; родительской благословленіице на водѣ не тошаще, на огнѣ не горящѣ, родительской благословленіице изъ дна моря вынесётъ; ушъ я—глупая, глупая! глупай, неразумная! съ глупа ума догодалася, своимъ цѣломъ добиралася, что отъ сухова отъ дѣрофца не ростѣть отростельницѣ; отъ цѣловѣка отъ мёртвона не живѣть благословленіице съ цѣста серца да съ радости,—мой родимо-ѣть батюшко моего лѣтъ спить въ сырой землѣ.

Государони свѣтъ мой, моя родимая матушка, ты моё красноб сонышко! Пойдёди ко мнѣ, погодуши, какъ бѣла лебедь пѣдли; не убейс же, матушка, моею горѣ-круїцѣ, какъ моё горѣ-круїцѣ не огонь да не полымя не ожжотъ и не опалить твоево платья цвѣтнова и язца тоже бѣлова; какъ моё горѣ-круїцѣ отъ меня не отважающе въ тѣбѣ ве приважающе; не подойдѣшъ, моя матушка, я сама встану горькая, горькая сиротявушка. (Мать подходить и обнимаетъ ее). Спомни, здумай-ко, на-тушка, какъ меня-то понёсила, хлѣба-соли лишилася; какъ меня-то породила, смертнымъ цѣсомъ кончилася, всѣмъ святымъ обѣщалася; какъ остались мы горькиѣ отъ родимова батюшка, ты кашала же, матушка, ты меня въ колыбелоцкѣ; говорила ты, матушка, со своимъ горюцімъ слезамъ: ты рости, моё дитятко, умвоѣ да разумноѣ, хорошая да пригожая! Ушъ я дамъ тибѣ, дитятко, до любви находитися, до воли нагулетися; заведу тибѣ, дитятко, по плечу платьё цвѣтноѣ, подъ язцѣ давью красоту. Обманула та, матушка, что меня горегорькою, ве дала ты мнѣ, матушка, со годамъ-то сверстatisя, изъ съ умомъ-то собрatisя, заведа ты мнѣ, матушка, не въ пору платье цвѣтноѣ, не во время давью красоту; и красоты не ваносилася, платьеца не нарижалася, не токма що ве наносилася, я за её не нагазялася; отдаёшь меня, матушка, безъ родимова батюшка молоду молодешенько и глупымъ-то глупешенько, несозрѣлую яготку, несоспѣлую травонько.

Вы раздайтесь-ко, всѣ гости, разодвиньтесь-ко, гостейки—гостенъкѣ—по праву руку, гостейки—по лѣву руку! Ушъ мнѣ дайте въ оци видѣти мнѣ родимую матушку!—Государони свѣтъ мой, моя родимая матушка! ты мнѣ дай благословленіице мнѣ походить да покрѣбати, поискать да попѣдати по прахѣтвымъ по мистицѣкамъ мнѣ родимова батюшка, моею красна совнышка.—Благослови. Христосъ истинной, Мать Божья Богородица! ужо встать было горькѣй мнѣ изъ мѣста упальнова, ись тово ись круїцїнова, иstattь на рѣзвыѣ ноженьки, на цюлоцкѣ бумагныѣ, на башманцы зелёнь-сафьянъ, на гнояя полуночноѣ; ты не гинись-ко, поленоцкѣ, не ломись, переводанька, що ве я тяжоло яду, тяжоло горѣ-круїцѣ, тоска-пецяль та великай. Вы раздайтесь-ко, всѣ гости, разодвиньтесь-ко, гостейки—гостенъкѣ—по праву руку, гостейки—по лѣву руку! Ушъ мнѣ дайтے-ко путь, дороженько единую человоцкѣ, не лежить ли мой батюшко на полатихъ тѣсу бѣлова? (Ищетъ). Тутъ то нѣть—не слуцилосе, нѣть родимово батюшка. Не лежить ли мой батюшко за пецькѣ валѣжною, не отжигаѣтъ ли батюшко своею серда ретивова? Тутъ-то нѣть—не слуцилосе моею родимово батюшка. Не лежить ли мой батюшко на скрыпушемъ на гѣвпцикѣ во скорбѣ во тяжоло? Тутъ-то нѣть—не слуцилосе, нѣть родимово батюшка. Не стойть ли мой батюшко у шестоцкѣ валѣжнова, потжафши бѣлы рудѣньки ко сердю ко ретивому; онъ не думаётъ ли думушку со родимой со матушкой про меня горе-горькою? Тутъ-то нѣть—не слуцилосе, нѣть родимово-батюшка. Стойть родимая матушка она одна однѣшенька, потжафши руки бѣлыѣ ко сердю ко ретивому, приклонила буйну голову ниже плечъ къ шонкову поясу, она думаётъ думушку единую да крѣпкую. Не лежить ли мой батюшко на брускатой на лавоцкѣ поть переднимъ окощецкѣмъ, поть иконамъ божественнымъ, прижафши руки бѣлыѣ ко своей ко

Бѣлой груди, не покрыть ли полотенецъ ёмъ? Тутъ-то иѣтъ—не слуцилосё, нѣтъ родимово батюшка. Не могла я увидѣти я родимова батюшка,—онъ давно ушъ на клѣтыщи.

(На могилѣ). Накатись туда грозная со всѣ цѣтыре стороны; потените буйвы вѣтры, вы ровесиго жвоты песка со могилы горбаты; роступись мать сыра земля; откроисё гробова доска, отмахнись полотенецъ ё, уроню горюю слезу, горькою да горѣю: ты пади, горюдї слеза, на сердцецъ ко батюшку; отожмитесь, бѣлы руки, отъ сердца отъ ретивова! Росспечтай-ко, батюшко, ты сков сахарны уста, розожми-ко ясны оци! Ушъ ты встань на рѣзы ноги; ты пойдѣмъ-ко, мой батюшко, ты во свой благодатной домъ ко родимой-то матушкѣ; ты возьми-ко, батюшко, икону божесвенную, ушъ вы дайте благословленыи со родимой-то матушкой, съ цѣста сердца да съ радости; инѣ зафтра о эту пору поранѣе малешенькѣ Ѳхать ко церкви божесвенной, ко звону колокольному, ко пиню ко церковному, ко вѣнцу ко злацѣному.—Но могла допроситисё благословленыя великова, вѣ могла добудитисё я родимова батюшка ото сна-то отъ крѣпкова, не отвигивъ мнѣ батюшка онъ словецкя единова, не поудивъ меня батюшко ко уму-то ко разуму, ушъ мнѣ какъ роставатисё со родимой со стбрапой, мнѣ какъ прививатисё ко цюжому цюженину, ко злодію измѣянщи.

(Когда пріѣдетъ поѣздъ)

Що не сивіе маревы поподъ лѣсу засинѣли, що не гуси, не лебеди цісто подѣ укрывали,—укрывали цісто подѣ людя незнамѣ, цюжы дальвій стбровы; що не вѣтры, не вихори воротѣцкя отвбралы, не шорозы крещенскіе подворотку вышыбали,—вышыбали подворотецкю цюжы люди незнамѣ, що наѣхали къ батюшку со шлондомъ да со грабежомъ, ополовить моево батюшка, пріограбить мою матушку, а меня во половъ възмутъ, увезутъ меня молоду ко церкви божесвенной, ко звону колокольному, ко пиню ко церковному; що поставить меня горюю на едину подноожицѣ, ушъ какъ вѣдѣть священвой попъ съ большой книгой—Евангельмъ; онъ перво-ѣть листъ възложыть—божѣ слово возговорить: вы снимайтс со дѣвиці вы фату коноватную! Онъ друго-ѣть листъ възложыть, онъ друго слово возговорить: вы снимайтс со дѣвиці вы верстенѣ злацѣно! Онъ трете-ѣть листъ възложыть, третѣ слово вымоввитъ: вы снимайтс со дѣвиці цѣсно дѣвицю-ту красоту!—Вы приведйтесь, подруженьки, за моей ставовой спиной; вы възьмите, подруженьки, мою дѣвицю-ту красоту; вы носите, подруженьки, вы еї зберегаюї, вы мева споминаюї; вы носите же красоту по годовымъ цѣснымъ празникамъ, по гулаѧмъ-красованьямъ!

Государь ты, мой батюшко, моя родимая матушка, ты всѣхъ гостей усаживай за столы бѣлодубовы, за скатерти браныѣ, за ъства сахарныѣ, за пять медяниѣ; ушъ ты всѣхъ гостей пѣтшывай, ушъ ты всѣмъ гостямъ кланейсё, одвово гости не усаживай, ты ево и не потчывай, ты свата передбеслава, ты възьми свата за воротъ, поведи свата за двери. Какъ ходивъ-то лесливой свать не путѣмъ, не дороженецкѣ, по коровыимъ троллиноцкимъ, по собацкимъ лазбѣдьцкимъ, вносишъ лесливой свать трои лапотки липовы, вспотїравъ жо лесливой свать онъ три ожога бѣнныѣ; колотивсе лесливой свать овь у нашова терема; первой рась поколотивсе,—высокъ теремъ пошативсе, другой рась поколотивсе,—вѣ окошка попадали, третїй рась поколотивсе—вѣ ворота отвбралъ; приходивъ жо лесливой свать ко родимому батюшку, обманувъ жо лесливой свать родимова батюшка и родимую матушку, нахвативъ жо лесливой свать онъ цюжова цюженина.—Ужо дай, Боже, снатушку ему

сокръ бы сыновей, пятьдесят ему дочерей! Сыновей-то не женивать, дочерей же выдавать. Ушь какъ свату-то юроду ему три цирры въ бороду, ему цѣтвортой шоть горлышко мѣсто краснова совыншка. Ужо дай, Боже, сватушку на дворѣ заблудитисё, ему стонбамъ помолитисё; ужо дай, Боже, сватушку ему на пецѣ заблудитисё, цѣресь напыльникъ свалитисё, ему но щахъ бы сваритисё.—Посади-ко ты, батюшко, ты свата перелеснива, ты не потшуй, не кланейсё; ты подай-ко же сватушку бесцѣримую лошечкю, огорѣлую короцкю.

VII. З а г о в о р ы.

(Снаидебные)

1) «Господи Иисусе Христе, Сыне Боже нашъ! помилуй насть—аминь. Во имя Отца и Сына и Св. Духа—аминь.

«Встану я рабъ Божій имя рекъ благословесь, умоюсь свѣжею водою, утруся тканымъ бѣлымъ полотенцемъ и пойду я рабъ Божій имя рекъ изъ двериши, съ двора норотами въ чистое поле и въ райскую сторону; и въ райской сторонѣ стоять златой престоль, на томъ на златомъ престолѣ сидить Сашъ Господь Саваоѳъ, Иисусъ Христостъ, Мати Божія Богородица со Ангелами и Архангелами и со всѣми вебесными кругомъ; я рабъ Божій имя рекъ зашель возмоляся и поклоняся: гой еси ты, Господь Саваоѳъ, Иисусъ Христостъ, Мати Божѧ Богородица! ты сотвориша Адама и Еву, Акима и Анну и меня раба божія имя рекъ и князя молодаго имя рекъ и княгиню молодую въя рекъ спустите и благословите,—Господь благословляеть, крестомъ ограждаеть, Богородица благословляеть, ризою прикрываетъ, на добрыя дѣла отряжаеть со мной съ работъ божіими, имя рекъ, трайдевитъ Апостоловъ съ вострыми коніями и съ золотыми ключами и подте ко мнѣ къ рабу божію имя рекъ на помощь и поставьте кругъ моево княжева полку тынъ железной, ограду каменную отъ земли до неба, сколь мой путь широкъ и дологъ, и покрой железной кровлей мѣдный веренъ железныя ворота и запри во всѣ трайдевять замковъ и трайдевять ключевъ и принесите передъ истиннаго Христа на престоль, и какъ этихъ ключевъ вѣ кому вѣ украѣнать: не сотовѣ, не дѣявому, не всѣмъ ихъ послужителемъ, изъ мѣста встать къ лавкѣ не примораживать, на полѣ встать полу не уранивать, въ дверяхъ не изпадчивать, на повитъ нынѣ повити не уранивать, по лѣстницѣ ити хѣстницы не разсыпывать, къ назыму саней не примораживать, завертокъ не обрывывать, и въ ворота медвѣдя не посаживать, у князя молодаго естества не увиживать, у княгини молодой естества не украдывать и остуды не дѣливать; и буди сей мой праговоръ тверже камени, железа и укладу крѣпкаго булату, востре меча самосѣку вѣкъ да по вѣкѣ отнынѣ и до иѣкѣ—аминь». (Наговаривается на носъ и привязывается къ лѣвой сторонѣ креста, а для пойманья—на соль, которую пьютъ они въ квасѣ).

2) «Поди сей уроки, пересуды мужескїй и женескїй, дѣвичїй красивый къ старому горбатому къ моему пордиму, кто мою охоту дыбучу-дыбучую хаѣть, портить, или думастъ,—потте къ тому человѣку; у того человѣка въ чистомъ полѣ въ широкомъ ровдольѣ столы изоставлены, скатерти дырчатыя, хѣбы ситије, питья медвѣдные разсыченые, а у меня раба божія имя рекъ, у князя молодаго имя рекъ и у княгини молодой имя рекъ пить, Ѣсть нечего, Ѣсть намъ каменное дресвяное, зобать намъ хвоя сухая, вѣкъ да по вѣкѣ, отнынѣ и до иѣкѣ—аминь, аминь, аминь». (Наговаривается на дресву, которая кладется въ сапоги молодого).

3) «Какъ сей мрежи никому не распутывать и не развязывать, такъ же бы у меня у раба божія имя рекъ князя молодаго и княгиню молодую не испарчивать не

на встречѣ, не на пострижѣ не колдуну, не колдунѣ, не волхуну, не волхунѣ, не сотонѣ, не дьяволу, не всемъ ихъ послужитеси вѣкъ да по вѣку, отыней и до вѣку—аминь». (Наговаривается на мерёжину, которая вместе пойса надѣвается на голое тѣло жениха).

О томъ, чтобы скотъ былъ сохраненъ во время лѣта и ходилъ домой.

1) «Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь.

Славу я рабъ божій имя рекъ благословесь со своимъ скотомъ съ именемъ крестьянскимъ животемъ со Власьевымъ родомъ и помолюсь и истинному Христу имене милости прощаю за скотъ за крестьянской животъ за все благословенное стадо за двоскопытое, за развошерсное, короны большия и малыя, за комоля и за рогатыя, у тѣхъ иного милости прощаю у Господа Бога у Спаса у истинного Иисуса Христа и пречистыя иеразгѣльвы Троицы, веденія Богородицы, Иоанна Предтечи, небесныхъ силъ, Михаила Архангела и Гавриила и святаго Ангела и хранителя душъ нашихъ, который посланъ призрати и присматривати во дни и въ нещи божію милостию и повелѣніемъ раба божія вми рекъ во всякомъ мѣстѣ въ при черномъ лѣсѣ и при темномъ болотѣ и при зыбучемъ болотѣ по всякъ день и по всякъ часъ во вѣки вѣковъ—аминь, отъ всякаго лахова алаго человѣка отъ колдуна и отъ колдуницы, отъ еретика и отъ еретицы, отъ пастуховъ и отъ половъ и отъ лыконоў и отъ грамотныхъ людей и отъ еретическихъ славъ сохрани Господи и помилуй, Санъ Господи помилуй, во имя Отца и Сына и Святаго Духа—аминь. Еще встану я рабъ божій имя рекъ благословесь и помолюсь паду въ подножіе со своимъ скотомъ—съ именемъ крестьянскимъ животомъ со Власьевымъ родомъ съ коровами и съ быками и съ теляцами и подтелками и порозами, со вселыми съ разношерстными: съ бѣлыми и бѣлопестрыми, съ красными и съ краснопестрыми, съ чёрными и съ чёрнопестрыми, съ бурыми и съ буропестрыми, съ сѣрыми и съ сиропестрыми въ чистое поле на зелевую траву въ темные лѣсы черезъ рѣки во всю подкотину по благословенію Господа Бога своего и Спаса нашего Иисуса Христа и въезрю я на небесную высоту въ помолюсь я рабъ божій имя рекъ Самому Господу Богу и Спасу нашему Иисусу Христу: сохрани, Господи, и помилуй, помолюсь Господу за себя раба божія имя рекъ и за скотъ за хозйской животъ за Власьевъ родъ въ сохрани, Господи, и помилуй отъ чернаго и отъ бураго и отъ ядовитаго въ отъ страшнаго медвѣда и отъ медвѣдини, и отъ всякаго звѣрившаго роду, отъ волка и отъ волчицы, отъ сѣрова и чернаго, отъ рыхкучихъ и отъ ядущихъ отъ волковъ и отъ волчицъ въ отъ бѣлыхъ рысей и отъ пестрыхъ и дурныхъ собакъ, отъ невидимыхъ ираговъ и отъ меденскихъ жень, отъ лѣшнихъ жень, отъ лѣшнихъ молодыхъ лѣтей и отъ водяныхъ чертей и отъ всякихъ вражія сѣти, отъ сотиновыхъ угедниковъ въ оборотней змѣянныхъ, медвѣдевыхъ, волковыхъ; сохрани, Господи, и помилуй милостию Свою Божію, помощникъ буди милостивъ и въ грѣху, сохрани и помилуй меня раба божія имя рекъ Своимъ Важимъ Духомъ Святымъ и закрой и защити и сохрани скота моего Власьева роду, каки и оберачивай при лѣсѣ лѣсомъ и камнемъ, при полѣ травою, при водѣ водою, при грязѣ грязью, не дай, Господи, на убіеніе, ни на сѣщеніе никакому звѣрю и лѣшому мужу и черту волчному, ви вору, ни тато, лихому разбойнику, сохрани, Господи, и во вѣки вѣковъ—аминь, а тебѣ, Господи, на свѣщи и просвиры. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа встану я рабъ божій имя рекъ благословесь, благословлюся у истинного Христа, помолюсь тебѣ Господу и Пресвятой Владычицѣ нашей Богородицѣ, пошли, Господи, ко мнѣ изъ помощи своихъ небесныхъ силъ Михаила и Гавриила Архангеловъ, Иоанна Предтечу, и имъ помолюсь, Николаю Чудотворцу въ трехъ святителяхъ Василию великому, Григорию Богослову, Иоанну Златоусту, Владиславу Севастинскому, Дмитрию Салунскому, сохраните и помилуйте меня раба божія имя рекъ и скота моего и поставьте, господа, около круга скота крестьянского живота Власьева роду и благословен-

наго стада отъ каменныхъ подонкы въ небесныи высоты тынъ железной, городъ каменной и деревянной своею божиою милостю и отъ всякихъ людей порченыхъ и отъ уроковъ, чтобы таконымъ злымъ невозможно не испортить, не изурочить ко имену Отца и Сына и Святаго Духа, а вы, господа Святые, сохраните и помилуйте отъ черныхъ звѣрей; медвѣдей и отъ медвѣдницъ, отъ волковъ и отъ волчицъ, отъ росомахъ и рысей и отъ лѣшнихъ и отъ водяныхъ чортей всякихъ нечистыхъ надвимыхъ и невидимыхъ враговъ по всяку день, по всяку часть, на молодомъ и ветхомъ кѣшиахъ и на меженыхъ дняхъ и во вѣки вѣковъ—аминь. Еще помолюся Господу Иисусу Христу Царю небесному подъ рѣку огненную около круга скота и огорода и меня раба божія имѧ рекъ отъ черныхъ звѣрей, медвѣдей и медвѣдницъ, волковъ и волчицъ и росомахъ, отъ рысей и отъ лѣшныхъ и отъ чортей водяныхъ всякихъ лукавыхъ невидимыхъ ираговъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа—аминь, по всяку день, по всяку часть и въ ночи на вечерней зорѣ и на утренней зорѣ; еще помолюся я рабъ божій имѧ рекъ Георгію Великомученику Страстотерпицу, оберегай, Господи, около круга скота и меня пастуха; оберегай, Господи, и оборонай, побѣди, какъ змѧ ты побѣдилъ, такъ ты побѣда и прогони отъ моей подскотини черныхъ звѣрей и бурыхъ налковъ и медвѣдей и медвѣдницъ и волчицъ рыскующихъ звѣрей и ресомахъ и дуриныхъ собакъ и лѣшнихъ и всякихъ невидимыхъ враговъ; отжени, Господи, Святынь сноимъ скіпетромъ по всяку день, по всяку часть, во дни и въ нощи и во вѣки вѣковъ—аминь. Еще помолюся тебѣ истинному Христу и Пресвятой Богородицѣ, первоверховнымъ Апостоламъ Петру и Павлу со своими рабскими ключами съ тридевятьми, я рабъ божій имѧ рекъ взмолюся вамъ: приведите и приклоните своею святою Божиою милостю повелѣніемъ Божіимъ скотомъ христіанскимъ животомъ со Власьевымъ родомъ двоекопытой и рогатой и комоловой и одношерсной и разношерсной какъ привезъ и приклонилъ все по земли, съ Востока и Запада, Севера сходятся вся мелкие и малые муравы къ своему царю Муравью, какъ забираются отъ темныхъ ночи и отъ сѣгу ить свои муравища отъ грому и отъ дождя, такъ бы ко мнѣ къ рабу божію имѧ рекъ скотъ; какъ онъ муравы зваютъ свои муравища и своего царя Муравья, забираютъ и скапливаютъ, такъ бы забирался скотъ ко мнѣ къ рабу божію имѧ рекъ твоимъ Святымъ Духомъ отъ грому и отъ дождя и отъ сѣгу и отъ темныхъ ночи въ одно мѣсто понельѣніемъ истинного Христа просвѣти: какъ солнце пойдетъ на западъ, такъ бы скотъ пошелъ въ одно мѣсто, и искъ твоимъ божіимъ новелѣніемъ по всяку день, по всяку часть, во вѣки вѣковъ—аминь. и такихъ моихъ словъ вѣтронъ не отнесло и не развеяло отнынѣ и до вѣка—аминь.—Святый Петръ и Павель! запирайте и заставайте святыни божіи рабскими ключами и отсыпайте на черное море на синее и опушайте ключи въ синее море, какъ тѣ слова наговаривать на шерсть я на воскъ, для того шерсть забраю во едино мѣсто, чтобы вмѣстъ скотъ по слуху ходили по земли въ одномъ мѣстѣ и были бы траву на земли другъ у друга изъ-подъ корыты, нарочно не расходились, не болели и не дрались бы, другъ друга любили бы, другъ друга лизали бы и спали бы вмѣстѣ со своимъ пастухомъ и отъ сонныхъ не отходили бы, другъ друга дожидались; есть и мнѣ и снать вмѣстѣ, послѣ полудня итти вмѣстѣ къ своимъ домамъ въ одну сторону, другъ бы отъ друга не оставались и лизкались бы и слушали бы голосу и гарку трубы мои и свисту и искъ моихъ словамъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа—аминь, ключи въ морѣ, изъ мора не добить и воды не выпить и не испортить и не изурочить, песку не вызвать, тутъ мои слова и ключи и замокъ во вѣки вѣковъ—аминь».

2) «Христосъ воскресе—аминь, во истину воскресе—аминь.

Какъ и судомъ Божиимъ поспѣваетъ на время рожь, жито въ овесь, такъ бы повелѣніемъ Божиимъ поспѣвалъ бы ко мнѣ рабу Божию имѧ рекъ скотъ по всяку день, по утру рано и по вечеру рано. Какъ солнце на западъ пойдетъ, такъ бы пошелъ скотъ домой начевать божиою милостю и повелѣніемъ Божиимъ—аминь. Еще я рабъ Божій имѧ рекъ тебѣ Господу Богу Иисусу Христу помолюся: какъ росоль бѣжать въ чирень, кипитъ и варится и соль ссыжается и готовится на время, такъ бы онъ коровы и шли и готовились за время въ одно мѣсто ко мнѣ къ рабу божію

и моя рекъ пастику готовынъ скоро повелѣніемъ Божіимъ на всякъ день, на всякъ часъ, на всякъ ивѣцъ на меженыхъ дняхъ во вѣки вѣковъ—аминь, до срочнаго дни—аминь. Еще тебѣ Господу Богу помолюся о томъ скотѣ о Власьевѣ родѣ: какъ древа растуть и цвѣтуть и спѣютъ ва время, такъ бы поспѣвалъ скотъ яровоопытой же мнѣ къ рабу божію имя рекъ пастику своему на показанное мнѣсто въ солнечные дни и въ дождевые, по всякъ ивѣцъ и на меженыхъ дняхъ во вѣки—аминь. Какъ у меня раба божія имя рекъ держатся глаза во мнѣ, душа въ чѣлѣ, языкъ и зубы въ головѣ моей, у меня раба божія имя рекъ пастиха такъ бы держался скотъ двоекопытной—коровы; какъ мнѣ языкъ служить, такъ бы меня раба божія имя рекъ скотъ слушать голоса и повелѣнія моего и трубы моей по всякий день, по всякий часъ, отнынѣ и до ивѣка, во вѣки—аминь, до срошона дня, во имя Отца и Сына въ Св. Духа—аминь.—Свѣть истинный—Христосъ! знолюся тебѣ и наду пленомъ иогъ твоихъ рабъ божій имя рекъ, помолюся: сохрани, много милости прошу о скотѣ миломъ крестянскомъ живетъ о Власьевѣ роду о коровахъ двоекопытныхъ и рогатыхъ и козомъхъ, о большихъ и малыхъ, всякихъ разношершныхъ. Какъ Агелы Христовы затрубить твоими Божіими повелѣніемъ въ трубы, и враги услышать, въ морѣ рыбы, въ лѣсахъ и въ рѣкахъ зѣбри и рыбы въ вси поднебесная и вся подсолнечная пойдутъ и понесутъ мертвя тѣла сколь скоро на страшное судище Христово, такъ же бы ко мнѣ къ рабу божію имя рекъ скота приведи, Господи, и приклони, помоль бы ко мнѣ къ рабу божію имя рекъ скотъ Власьевъ роль твою Божію повелѣніемъ по всякий день, по всякий часъ, по утру рано, ввечеру рано, слушали бы слова моего и повелѣніемъ Божіимъ на рогъ мой на трубу во вѣки—аминь. Еще помолюся тебѣ Господу я рабъ божій имя рекъ: ты сотворилъ по сырой землѣ бѣжать по рѣкамъ и урочищамъ вода въ синее море безотступно, такъ же бы коровы и быки и теляцы и подлелки бѣжали ко мнѣ къ рабу божію имя рекъ на мой голосъ, на мою трубу, на рогъ, явился домой начевать къ хозяевамъ своимъ по всякий день, по всякий часъ, также бы о пелудахъ въ одно мнѣсто спать къ пастику своему къ огню; какъ огонь въ огнѣ держится, такъ бы держались скотъ меня раба божія имя рекъ и другъ друга своей собрати; какъ воскъ и шерсть соединяются въ одно мнѣсто, также бы скотъ держался въ однѣмъ мнѣстѣ по всякий день, по всякий часъ, до страшнова дні твоимъ повелѣніемъ Божіимъ—аминь. Еще помолюся тебѣ Господу я рабъ божій имя рекъ тебѣ Господу Иисусу Христу: помилуй милостию Свою, Твоимъ Святымъ Духомъ! Какъ на праздникъ на благовѣщеніе день, на Христовъ день вдуть мужи и жены въ дѣвицы и молодые отромъ идуть въ Божію церковь отъ священника Христовы слова слушать и радуются тебѣ истинному Христу Сыну Божію, такъ бы радовался скотъ ко мнѣ рабу божію имя рекъ пастику твоимъ повелѣніемъ Божіимъ весь скотъ, великое стало обходное благословенное въ день солнечный и дождевой, въ день туманной склонился бы во единое мнѣсто Твоимъ Святымъ Духомъ во вѣки вѣковъ—аминь. Еще помолюся тебѣ истинному Царю небесному: какъ пчелы собираются въ одно мнѣсто и медъ во единое мнѣсто несуть въ держатся своего улья и собираются отъ погоды, молніи и дождя и отъ саѣгу и исакія Божія милости, такъ бы Твоимъ Святымъ Духомъ, повелѣніемъ Божіимъ собирался бы скотъ отъ дождя и грому и молніи во единое мнѣсто къ пастику своему и къ домамъ своимъ начевать къ хозяевамъ своимъ Твоимъ Божіимъ повелѣніемъ отнынѣ и до вѣка, вѣкъ вѣка. Аминь».

3) «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Встану я рабъ Божій имя рекъ благословясь, пойду перекрестясь изъ избы въ двери, изъ двора въ ворота въ чистое поле подъ восточную сторону, умоюсь я росою, утрусь зарю, одѣнуся небесами, подпояшуся облаками и взайду я въ небесный градъ Йерусалимъ, въ томъ градѣ стоять церкви Лахерская Божій Матере Богородицы, въ той церкви стоять огненный престолъ Господа Бога Саваофа и Сына Его превѣчнаго Господа нашего Иисуса Христа и Святаго Духа Утѣшителя, у того огненнаго престола предстоять небесные чины, Архистратиги Михаилъ и Гавриилъ, Uriилъ и Рафаилъ, Иоанъ Предтеча и 12-ть апостоловъ, Василій Великій и священномученикъ

Власій и великомученик Георгій побѣдоносець, Флоръ и Лаверъ, великомученицы Анастасія и Феодосія.... и азъ недостойный и тебѣ припадаю и отъ Тебе милости прошу: какъ Ты благословель Праотца нашего Авраама, Исаака, Іакова, то сашь и нынѣ отъ небеснаго Своего жилища благослови донъ мей и со всѣмъ моимъ скотомъ посредствомъ сего воска, и какъ мякотъ сей воскъ и гладекъ, столь бы мякотъ былъ и гладокъ мой скотъ въ месть донъ, и какъ оберегался скотъ у праотцевъ нашихъ Авраама, Исаака, Іакова, къ начанью скотъ вхъ собирался отъ здеклыхъ звѣрой и отъ всякихъ псовътря, также и моего скота регатово и комолово нынѣ помалуй и сохрани, Господи, и вошли Архангеловъ Своихъ Михаила и Гавриила, Уриала и Рафаила и Георгія побѣдоносца, чтобы оградили мей скотъ въ осѣкѣ и за осѣкому, въ темномъ лѣсѣ и въ болотахъ, въ поляхъ въ лугахъ, въ рощинахъ и во всякомъ мѣстѣ и жеребцовъ съ кобылами, быковъ съ коровами и съ телятами, бораневъ съ овцами и съ ягнатаами, боровъ со свиньями и съ поросенками, всякой шерсти: одножерсной и разножерсной, рано и поздно, но утру и по вечеру, въ полночь и во всякое время и во всякой часѣ. Какъ си шерстинка льнеть къ сему воску, такъ бы прильнула и моя скотинка къ моему дому, и гдѣ шерстинка, тутъ моя жива и скотинка; какъ солице скоро покажется на западѣ, то и моя скотинка въ месть донъ у раба божія рекъ и вѣкъ по вѣкъ, а всѣмъ моимъ словамъ замокъ въ морѣ, ключъ въ ротѣ—мой изыкъ, а печать Соломонова подъ престоломъ Твоимъ, Господи! Аминь».

(Наговариваются надъ желтымъ воскомъ и шерстью, которую берутъ у скота изъ лобу, скатываютъ имѣстѣ и посыпѣ глубоко прыгаютъ въ землю гдѣ инбуль на дворѣ).

4) Встать по утру за зарѣ, итти къ муравью и надъ муравищемъ говорить: «гой еси ты, царь муравей! какъ ты плодишся и умножаешся въ своемъ гнѣздѣ, также и къ ночѣ уходишъ изъ покою, такъ бы мой скотъ плодился и умножался, а къ начанью въ мой донъ собирался,—и я беру отъ тебя земли и пересу, а въ то мѣсто оставляю вамъ хлѣба и соли. Аминь».

П о д х о д ь.

1) «Господи, Боже, благослови! во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.
Встану я рабъ божій и мѧ рекъ благословесь и иайду перекрестясь, изъ избы въ двери, изъ двора въ ворота въ чистое поле въ восточную сторону подъ утреннюю зорю подъ красное солнце подъ свѣтлый мѣсяцъ подъ частыи звѣзды. Какъ въ чистомъ полѣ возрадуется свѣтъ солнышку, зоря—свѣту, такъ бы возрадовалось въ вознесися и обратились въ привѣлонися ко мнѣ рабу божію и мѧ рекъ князи, бояре, власти и подчиненные, мужи и жены, старые и малые и всередовиць и весь миръ и народъ божій и вси православни христіане по всякъ день, по всякъ часу, по всякому пору, по всякое время, вставши и ложавши, на утренней зорѣ и на вечерной, въ днѣ и вѣчнѣи и во всю волѣтретыцать часовъ отнынѣ и до вѣку и во вѣкъ по вѣку и въ вѣкъ вѣка повѣдастъ—аминь. И какъ возрадуется и возвеселится весь миръ и народъ божій и вси православни христіане въ свѣтлое Христово воскресеніе въ святой церкви за святою заутренной, и столь бы радостно и весело возрадовались и возвеселились и обратились и привѣлонися ко мнѣ рабу божію и мѧ рекъ князи, бояре, власти и подчиненные, мужи и жены, старые и малые и всередовиць и весь православни христіане по всякъ день, по всякъ часу, по всякому пору, по всякое время, вставши и ложавши, на утренней зорѣ и въ вечерной, въ днѣ и вѣчнѣи, отнынѣ и до вѣка и во вѣкъ вѣковъ—аминь. И какъ возрадуется и обратится въ возвеселится и обрадѣть и жалѣть нати родшемуся своему анту къ матерскимъ своимъ жалоснымъ сердцемъ, такъ бы верадомились и возвеселились и обратились въ привѣлонися ко мнѣ рабу божію и мѧ рекъ жалостливымъ

сердцами князя и бояра, власти и подначали, мужіе и жены, старые в малые и всередовиць и весь миръ вароль божій и все православные христіане по всякъ день, по всякъ часъ, по всяку пору, но всякое время, вставши и лежавши, на утренной зорѣ и на вечерной, въ денные часы и въ нощные и во всю подътрѣща часы отнынъ и до вѣка и до второго Христова прїшествія—аминь. Есть въ чистомъ полѣ мѣдная земля, на мѣдной землѣ мѣдяное дно, и какъ есть мѣдяной земли трава не ростеть, и также не ростить нигдѣ ротивыхъ серда и черная печень горячая кровь у князя, у боярина, у власти, у подчиненныхъ, у мужей и у женъ, у старыхъ и малыхъ и у всередовица и у всего миру и народу божія и у всѣхъ православныхъ христіанъ на мени раба божія имя рекъ во всякъ день, по всякъ часъ, по всякую пору, по всякое время, вставши и лежавши, на утренней зорѣ и на вечерной, въ денные часы и въ нощные и во всю подътрѣшать часы, во младости мѣдянина и въ познаніе и въ вѣтъ отнынъ и до вѣка и до второго Христова прїшествія—аминь, аминь, аминь. А которыхъ мои слова покидающіе и забывающіе и тѣ мои слова будте плотные въ симъ вѣтѣ моихъ умильныхъ словъ и всему тому стиху говореніону и будте мои слова тверже камня, острія булату, тутъ помѣсть словами ключ и замокъ. Аминь».

2) «Господи Іисусе Христе Сыне Божій помилуй насъ—аминь. Во имя Отца и Сына и Св. Духа—аминь.

«Встану я рабъ божій имя рекъ благословясь, умоюсь сѣжю водою, утруса тканымъ бѣмыль полотенцемъ и пойду я рабъ божій имя рекъ изъ избы дверьми, съ двора воротами въ чистое поле къ морю океану, въ морѣ океанѣ есть латарь камень, подъ латаремъ каменемъ есть Христова бѣлая собака, и я рабъ божій имя рекъ зашедъ возможлюся и поклонюся: гои сеи ты Христова бѣлая собака! не ѿши, не кусай латаря камени, пойши и покусай у раба божія имя рекъ ярость, гордость, угрюмство, спісъствство, еще бы у раба божія имя рекъ ротъ не разѣвался, изыкъ не ворочался, жила не трепескалась бы, рука не подымалась, и слушаль бы отъ меня раба божія имя рекъ рѣчи, просьбы принималъ бы, во уста бралъ, къ сердцю клалъ, и какъ мертвый во гробѣ лежить, ротъ не разѣвается, щека не поднимается, изыкъ не ворочается, кровь не играетъ, жила не трепещется, такъ же бы у раба божія имя рекъ вѣкъ да по вѣку, отнынъ и до вѣку—аминь».

(Наговариваются на воскъ, который привязывается на крестъ съ лѣвой стороны въ чистой трипѣ).

Отъ лихого человѣка.

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа—аминь.

Встану я рабъ божій имя рекъ благословясь, пойду перекрестесь въ чистое поле въ восточную сторону, выѣгдастъ въ чистомъ полѣ воронъ вороновичъ, железные ногти, булатной ностъ, змолюсь и приковлюсь рабъ божій имя рекъ: гои сеи ты, воронъ вороновичъ! помилъ ты къ моему супостату, моему лихому человѣку, который на меня зло думаетъ и лихо помышляетъ, срывать и оборвать злою лахую душу. лихое немышеніе, зубное скычиханіе, ручное маханіе, ножное потоптаніе, понеси ты, воронъ вороновичъ, у злово лахового человѣка злую лихую думу, лихое немышеніе, зубное скычиханіе, ручное маханіе, ножное потоптаніе, понеси ты въ темные лѣсы, лежать въ темныхъ лѣсахъ рудова колода и клади ты подъ рудовую колоду; какъ ни той колодѣ (той колодѣ) вверхъ не вставать, листья не отращивать, также бы изъ рабу божію имя рекъ моему супостату зубами на меня не скырчать, рукой не махать, ногой не топтать отнынъ и до вѣку въ вѣкъ вѣковъ. Аминь». («Говорить на воду на утру съ молитвою и пить»).

Охотничьи.

1) «Молитва, какъ класть огненное оружіе въ ложню».

«Господи, благослови раба божія имя рекъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа—аминь».

Молитва отъ запалу.

«Отцемъ Симеономъ Богопріимцемъ рече Богу моляся, отведи сotonу и діавоза отъ стрѣльца отъ меня раба божія имѧ рекъ и отъ моєй стреляющей пищали и отъ щенпаса и отъ гвоздей и отъ трехъ петель и отъ пятнадцати шуруповъ въ отъ гвоздей и отъ гвоздя въ отъ ложни и отъ ящика и отъ притіка и отъ прогонца и отъ шуруповъ малыхъ и большихъ казеваго тутъ тесъ о томъ мѣста нѣть, а починаеть у моєя стреляющей пищали у казны Самъ Господь ванъ Іисусъ Христосъ есть Святая Троица Отецъ и Сынъ и Духъ Святый, Апостолы и Евангелисты: Іоаннъ, Лука, Марко и Матеей, испытывите запасъ, пулько и порохъ и все... (слово не разобрано) и снасти; святый мученикъ Христовъ Никита за Христа претерпѣлъ и за миръ представши у Господа Бога моляся, отгови отъ меня раба божія имѧ рекъ притчи и пристроици и всякихъ лвихъ людей злыхъ отговоры и всякому человѣку ва зависимости, а миъ на добычу, всегда, вынѣ и присно и во вѣки ивѣковъ. Аминь».

2) Отъ уроковъ.

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа—аминь.

Покроюсь я рабъ божій небомъ и засмею и краснымъ солнцемъ, младымъ мѣсяцемъ отъ вѣдува и отъ вѣдуніи, отъ колдуна и отъ колдуви, отъ отрока и отъ отроковицы, отъ червеца, отъ червицы, отъ веселаго и отъ калики и отъ своей лвихъ думы и отъ помышлевія рабъ божій имѧ рекъ моее оружіе—пищаль, что омываю и срываю со своего оружія пищали уроки лахова человѣка, кровь и завидость, какъ та рѣка идетъ въ еине море безотступно и безвозвратно, желтые пески смываєтъ, крутые красные берега срываєтъ, такъ бы срываю и смывало съ моего оружія пищали уроки и призоры лахова человѣка, крови и завидости». («Говорить сіе трижды моючи пищаль, промыть водой, да опрокинь нанвзъ казной»).

3) Чтобы въ круга звѣрь ве выходилъ, а птица не выѣтала.

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Святіи тріи отрока: Гуріе, Самонъ и Авифъ якоре есть, какъ веротили погибшую дѣвицу во свой градъ во Ефесъ, такъ воротите всякихъ звѣря ходячаго и стоячаго и лежащаго и всякую птицу лѣтачую и сидящую на деревѣ, на земли и на водѣ ко инѣ рабу божію имѧ рекъ, головою Абраамъ застави, Ісаакъ пожени, Іаковъ же впередъ не пусти, замети сотвори во очахъ, сняжите всякаго звѣря и всякую птицу на единомъ мѣстѣ путамъ желѣзнымъ неразрушимыми, на коемъ мѣстѣ мень очи засрить, и буди тотъ звѣрь, иль птица иль рабу божію имѧ рекъ мертваго и заключена на единомъ мѣстѣ до моей пострѣлкѣ; какъ стоять адъ мертвъ и заключевъ въкъ по ивѣку и до вѣку вѣкующаго, такъ бы стоялъ звѣрь, или та птица иль рабу божію имѧ рекъ сидѣла, или звѣрь стоялъ на единомъ мѣстѣ мертваго и недвижима до моего вѣку въ пострѣлкѣ; коли у того ада занки повалится и адова врата отворятся въ мертваго душа изъ ада иайдуть, тогда тотъ иль имѧ рекъ звѣрь, иль птица съ того мѣста сойдеть, или слѣтать до моей пострѣлкѣ и убою, и какъ этого ада безъ Божія позвѣтнія замкамъ не отпадывать и воротамъ не отвариваться, такъ и того звѣря иль рабу божію имѧ рекъ, котораго я своимъ окомъ зазрю на коемъ мѣстѣ, съ того мѣста ве схаживать, или той птицѣ не слѣтывать и до вѣку вѣкующаго. Аминь»). «Говорить надъ солью и соль метать сопротивъ себѣ, да кто можетъ первую птицу на весиѣ около обойти, а назадъ не оглядываться»).

Привораживательные.

1) «Господи Іисусе Христе Сыне Боже ванъ помилуй насть—аминь.

Встану я рабъ божій имѧ рекъ благословесь, умлюсь свѣжею водою, утруса тезавъмъ бѣлыи полотевцомъ и пойду перекрестесь изъ избы дверьми, съ двора воротами въ чистое поле въ райскую сторону, въ чистоинъ полѣ въ райской сторонѣ стоять златый престолъ, на томъ престолѣ сидить Самъ Господь Іисусъ Христосъ, Мати Божія Богородица со Ангелами и Архангелами и со всѣмъ небесными кругомъ,

и рабъ божій имѧ рекъ заиша въ помоюся: Господь Богъ Саваоаъ, Іисусъ Христосъ, Мати Божѧ Богородица! есть у Васъ на землѣ дѣя радости, и онъ сряду сидѣть, другъ на дружку глядѣть нагледитсѧ не могутъ и радуются нарадоватсѧ немогутъ: тако сотвори рабамъ божіимъ имѧ рекъ, гляди бы нагледитсѧ не могли и радоналися нарадоватсѧ не могли. Господи спустя и благослови дванадесять Апостоловъ, и берите сїи дванадесять мѣховъ и дванадесять горновъ и жгите и палите у рабовъ божіихъ имѧ рекъ бѣлое тѣло, ретивое сердце, походячую кровь, и какъ горить въ горнѣ железо и укладъ скапаетъ и скигается крѣпко и плотно, такъ же бы рабы божіи имѧ рекъ скливались, руками обнимались, ногами оплетались, во уста бы цѣловались иѣ да по вѣку отвывѣ и до вѣку—аминь. И какъ не можно безъ соли и безъ хлѣба не день дневать, ве ночь начевать, не часъ часововать, не минута минутовать, такъ же бы не можно было рабамъ божіимъ имѧ рекъ другъ безъ дружки не день дневать, ве ночь наченать, не часъ часововать вѣкъ до по вѣку отнынѣ и до вѣку—аминь. И какъ не можно рыбъ за берегу безъ воды не день дневать, не вочь начевать, такъ же бы рабамъ божіимъ имѧ рекъ не можно было другъ безъ дружки не день дневать, не вочь начевать, ве часъ часововать вѣкъ да по вѣку отнынѣ и до вѣку—аминь. Господи! и какъ весь міръ православный и всѣ христіане дожидаются Твоего свѣтлого Христона воскресенія, такъ же бы рабы божіи имѧ рекъ дожидались бы другъ друга по всякъ день, по всякъ часъ, по всякое время вѣкъ да по вѣку отвывѣ въ до иѣку—аминь. И какъ ты, Мати Божія Пресвятая Богородица, возлюбила своего Іисуса Христа, такъ же бы возлюбили рабы божіи имѧ рекъ другъ друга вѣкъ да по вѣку отнынѣ и до вѣку—аминь. И какъ заслонка у сечи сохнеть и горитъ, такъ же бы у рабовъ божіихъ имѧ рекъ сердца бы ихъ сохни и горѣли другъ по дружкѣ вѣкъ да по вѣку—аминь. И какъ хмѣль кругъ кошышка иется и увиаается, такъ же бы рабы божіи имѧ рекъ другъ другомъ увивались въ обнимались, во уста бы цѣловались вѣкъ да по иѣку отвывѣ и до вѣку—аминь. И какъ неможно голодному отъ иденія отойти, а жадному—отъ пита, такъ же бы неможно было рабамъ божіимъ имѧ рекъ другъ отъ дружки отойти по всякъ день, по всякое время вѣкъ да по вѣку отнынѣ и до вѣку—аминь».

2) «Господи Іисусе Христе Боже вашъ помилуй насть—амвъ. Во имѧ Отца и Сына и Святаго Духа—аминь.

• Встану я рабъ божій имѧ рекъ благословесь, умоюсь свѣжко водою, утруся тканымъ бѣлымъ полотенцемъ и пойду я рабъ божій имѧ рекъ со двора воротами, съ улицы—заборомъ въ чистое поле въ широкое раздолье подъ синее небо подъ частые звѣзды подъ свѣтлый мѣсяцъ подъ румянную зорю подъ буйные нѣтры погъ красное солнышко въ морю океану, въ морѣ океанѣ есть щука бѣлага, въ жреть она и пожираєтъ морскую пѣву и веножетъ она безъ морской пѣни не жить, не быть, не день дневать, не ночь начевать, ве часъ часовывать, не минута минутовать: такъ же бы не можно было рабамъ божіимъ имѧ рекъ другъ безъ дружки не день дневать, не ночь начевать, не часъ часововать вѣкъ да по вѣку отнынѣ и до вѣку—аминь, аминь, аминь.

(Наговариваются на вино или на что-нибудь съѣстное).

Чѣбы отъ булавки, воткнутой въ щеку или въ другое какое-нибудь мягкое мѣсто, не текла кронь.

«Разбѣгитесь черные оболока, приступи ко мнѣ темная тьма, знаемые мои друзья, растворися мое бѣлое тѣло и черная кронь и пропусти въ себя мѣдную булавку, и будь мое бѣлое тѣло и кивучая кровь крѣпче камени железа и меча самостѣка вѣкъ да по вѣку отнынѣ и до вѣку—амвъ. Былъ царь старъ, подъ нимъ конь чалъ, а у меня руда стой и ве кань вѣкъ да по вѣку отнынѣ и до иѣку—аминь».

(Трижды читается и трижды плюется на то мѣсто, въ которое булавка втыкается).

Отъ порчи.

«Во имѧ Отца и Сына и Святаго Духа—аминь.

Встану я рабъ божій имѧ рекъ благословесь и перекрестесь, умоюсь свѣжко

водою, утруса тканымъ бѣлымъ пологенцомъ и пойду я рабъ божій имя рекъ изъ избы дверьми, изъ двора воротами, съ улицы заворомъ въ чистое поле въ райскую сторону, къ райской сторонѣ святая золотая гора, на той на сялой на золотой на горѣ златый престолъ, на томъ на златомъ престолѣ сидѣть Самъ Господь Иисусъ Христосъ со Ангелами и Архангелами въ со всѣмъ небеснымъ кругомъ, въ я рабъ божій имя рекъ зашедь возмоюся я поклонюся: гои еси ты, Иисусъ Христосъ! и какъ ты ходилъ по землѣ, и прииде къ Тебѣ бѣсноватый человѣкъ, и Ты еси изъ него, Господи, изъ бѣсноватого человѣка выгнали дьявола и послалъ еси Ты въ синее стадо, и я рабъ божій имя рекъ тако Твоимъ именемъ Иисусомъ Христомъ высыпаю изъ раба божій имя рекъ съ нутра его, изъ кишокъ его, изъ костей его, изъ жилья его, изъ бѣлого мыса, изъ чернаго сала и носылаю его бѣса лукавую силу въ темные лѣса, въ топучія болота вѣкъ да по вѣку отнынѣ и до вѣку—аминь. И какъ, Господи, просорившая жена къ краю рѣзъ Твоихъ коснувшись, то такъ и исцѣль отъ кровотечения; таке и я рабъ божій имя рекъ возмоюся и поклонюся: гои еси Ты, Госпель Иисусъ Христосъ Сынъ Божій, я именемъ Твоимъ высыпаю изъ раба божій имя рекъ всякую порчу, всякую нечистоту, всякую скорбь съ нутра его, изъ кишокъ его, изъ костей его, изъ жилья его, изо всякаго состава, изо всякаго мѣста и носылаю я рабъ божій имя рекъ именемъ Твоимъ въ разныя мѣста я неудобныя и непроходимыя во тму кромѣшную вѣкъ да по вѣку отнынѣ и до вѣку—аминь».

(Наговаривается на воду, которой брызжутъ порченаго).

VIII. Примѣты.

Встрѣча съ попомъ—не добрый знакъ.

Заяцъ перебѣжть дорогу—тоже.

Матица въ избѣ трещитъ передъ покойникомъ.

Дѣвка или кошка—худая встрѣча.

Лѣвый глазъ чешется, значить—плакать, а правый—къ радости.

Ладонь чешется, значить—деньги отдавать.

Противъ сердца чешется, значитъ—съ родными видѣться.

Правая бровь чешется, значитъ—хвалить, а лѣвая—хуздѣть.

Столы трещать—къ свадьбѣ.

Если въ ночь на новый годъ звѣздно, то годъ будетъ ягодный.

Если въ Георгіевъ девь замераветь, то урожай гороха будетъ.

Въ Христовъ день ведро, такъ яѣто будетъ ведраное; съ утра ненастѣ, такъ весна будетъ ненастная; въ полдень ненастѣ, такъ сѣнокосъ будетъ съ дождемъ, а вечеръ—ненастный, такъ осень будетъ ненастная.

Бѣлокъ много передъ солдатствомъ.

Если мыши вьють свои гнѣзда высоко, то осень будетъ мокрая.

Если рожь цвѣтеть снизу, то она будетъ дешевая, если на срединѣ колоса цвѣтеть, то цѣна ржи будетъ средняя, а если рожь цвѣтеть сверху, то цѣна ей будетъ дорогая.

Если сорванный разцвѣтшій ржаный колось на головѣ у кого снова разцвѣтѣть, то этотъ человѣкъ тольгодъ проживеть.

Собака востъ или къ покойнику, или къ пожару.

Икается, значитъ, поминастъ кѣ-нибудь.

Сорока щекочетъ къ гостямъ.

Не колоти вѣломъ въ край пивной кадки: потому что пиво будетъ ссорное.

Воронъ сидѣть на избѣ къ покойнику.

Лягушки квакаютъ къ ненастѣ.

Филинъ поеть къ тому же.

Кто любить кости гладить, у того свадьба будетъ кутежная.

Если кто, выходя изъ избы, притворить въ дверяхъ свое платье, или что-нибудь забудетъ: то это значитъ, что ему опять быстрѣ вѣтъ дому.

Воробы купаются передъ дождемъ.
Воробы стадомъ чиркають—тоже, а зимой—къ стужѣ.
Сероки лѣтаютъ лѣтомъ передъ хорошой погодой.
Если въ Благовѣщеніевъ день замерзнетъ, то еще 40 утренниковъ будетъ.
Щеки чешутся, значить—мазаться.
Угли выпѣтываютъ изъ печи—къ гостю.
Дрова раскатываются въ печь если къ дверимъ, то кто-нибудь изъ дома уйдетъ
а если къ стѣнѣ, такъ кто-нибудь придетъ.
Бошка мается передъ гостями.
Огибочные сбачи загибаются къ прибылому.
Если подошва чешется у правой ноги, то—передъ любой дорогой, а если у
левой, то—къ весной.
Усть чешется къ цѣлованью или гостинцу.
Лобъ чешется передъ клаиванемъ.
Если зимой петухъ поетъ днемъ, то — къ теплу, а если лѣтомъ днемъ, то — къ вѣстямъ.
Кураца ощипывается лѣтомъ—къ дождю, а зимой—къ снѣгу.
Петухъ ростится и лѣтомъ и зимой къ холоду.
Если двѣ курицы шепчутся головами вѣстѣ, то—къ свадьбѣ.
Лѣтомъ овцы играютъ передъ дождемъ.
Коровы мырчатъ лѣтомъ къ ненастю.
Если галки теребятъ на избахъ мохъ, то скоро весна будетъ.
Если съ лѣсу не чисто опадеть листъ, то тяжелый голь будетъ для народа.
Много на рабинѣ ягодъ, такъ большая осна на дѣтей будетъ.
Лошади форсаютъ лѣтомъ къ ложду, а зимой—къ теплу.
Если въ день Исидора (14-го мая) будетъ сизѣро, то не сади огурцовъ.
Если въ Христовъ день ведро, то ленъ сѣй на низкихъ мѣстахъ.
Молоко во время циженія пѣнится къ дождю.
Если на дожинкахъ овса хозяйка ни съ кѣмъ не скажетъ слова, то овцы не
станутъ блѣять.
Если овесь должна днемъ, такъ тепло будетъ рубашки мыть, а на зарѣ, холодно.
Въ Рождество и въ Хр. день кто раньще домой придетъ, у того работа управище.
Кто первый встанетъ на подножникъ (въ церкви), тотъ большой будетъ.
Кто изъ молодыхъ присядеть у другого платье, тотъ надъ нимъ будетъ тоже большой.
Перейдешь нечистый черезъ то мѣсто, вадъ конинъ унала заѣзда, скоро умрешь.
Рано гремитъ, такъ рано работа будетъ послѣвать; съ полдня гремитъ, такъ
грозное лѣто будетъ, а съ ночи, такъ — тихое лѣто.
Если лѣвца — невѣста — во время молебствія ва водѣ (о Крещеніѣ) побѣднѣеть,
то ее въ тотъ годъ выдадутъ замужъ.
Не бей лучиной, иначе человѣкъ высохнетъ, какъ и она.
Кто лѣниво ѳѣсть, тотъ лѣниво и работаетъ.
Если громъ будетъ въ первый разъ въ Егорьевъ день, то рыбы будетъ много;
если — въ постный день: то коровы худо станутъ доить.
Во время дождя пузыри пѣнятся къ дождю.
Солнце парить передъ дождемъ.
Если куделя во время святочъ занидѣвѣеть, то богато будешь жить.
Если у кого на новый годъ вода, налитая въ ложку, на стужѣ замерзнетъ пу-
зыремъ, то онъ проживетъ тотъ годъ, а если — ямкой, то умреть.
Если поверхность снѣга или настѣ не гладокъ, то годъ будетъ тяжелый, также—
ягодный и осипичный.
Если большого зоветъ умершій родственникъ, то это означаетъ смерть первого.
Курицы дерутся къ гостю.
Если погода въ чистый понедѣльникъ ясна, то хороша выростетъ пшеница.
Дорога бугромъ, такъ годъ будетъ хлѣбородный.
Если на ольхѣ мочка есть, то сѣй пшеницу.

•Дмитрей на голѣ, такъ и Егорей на голѣ, а Дмитрей на саняхъ, такъ и Егорей на пѣхомъ ковѣ, т. е. если въ день великомученика Дмитрия (октября 26-го) не будетъ снѣгу, то и о Егорьевѣ дѣй снѣгъ растаетъ, а если въ первый будетъ снѣгъ, то и въ послѣдній весь вѣ растаетъ.

Когда весной вынешь молока изъ щуки, то положи ихъ на ровное мѣсто и смотри: если конецъ молокъ отъ головы будетъ толще, то ранній посѣвъ будетъ лучше, если— средина, то—средній посѣвъ, а если конецъ молокъ отъ хвоста, то поздній посѣвъ.

IX. ТОЛКОВАНЬЯ СНОВЪ.

Пожаръ во снѣ видѣть означаетъ холодъ.

Попа во снѣ видѣть—передъ худой погодой.

Благословляться отъ священника означаетъ паденіе или ушибъ.

Щуку во снѣ есть значить имѣть дѣло съ накавымъ человѣкомъ, или—опасаться.

Рѣку видѣть означаетъ пустыя рѣчі.

По водѣ пить означаетъ свободу.

Новый колодезь видѣть передъ новой роднѣй.

Младенца видѣть означаетъ прибыль.

Пиво пить предвѣщаетъ даво.

На лошадиѣѣхать означаетъ врага.

На телѣгѣѣхать—смерть.

Сѣно видѣть—передъ деньгами.

Пьяного видѣть кого предвѣщаетъ недобroe о немъ.

Зубъ выпадетъ означаетъ смерть кого-нибудь изъ родныхъ.

Если въ дому горитъ, а огонь наружу не выходитъ,—въ дому скора будетъ.

Звонъ слышать означаетъ новые вѣсти.

Вино видѣть или пить, значитъ—виноватымъ быть.

Горохъ видѣть къ слезамъ.

Зрѣлныя ягоды видѣть къ радости, а незрѣлныя—къ печали или слезамъ.

Навозъ возить со двора—къ покойнику.

Потерять себѣ что-нибудь во снѣ, значитъ, лишиться чего-нибудь.

Солнышко всходить къ вноворожденному, или—къ новой роднѣй, а если оно закатывается, то—къ умершему, или къ своему нездоровью.

Перевалу видѣть означаетъ немилость отъ начальниковъ.

Если дѣвка во снѣ поймастъ птичку, то—передъ сужевымъ.

Бѣлую скатерть видѣть на столѣ—передъ письмомъ, а въ рукахъ скатерть держать—передъ отсылкой письма.

Бѣлье видѣть нестланное ва дорогѣ означаетъ дорогу.

Дѣвокъ во снѣ видѣть передъ дивомъ.

Коровъ видѣть къ горю.

Овецъ—къ радости или къ богатству.

Женщинѣ видѣть ва себѣ красное платье—быть отъ мужа виноватой, или бѣтой.

Ласкающущаяся видѣть везнакомую собаку—къ новому другу.

Гряды копать въ огородѣ—къ покойнику.

Кровь взъ носа или изъ рта течетъ—къ новой роднѣй.

Бѣлую на себѣ рубашку видѣть означаетъ счастье.

Дыроватое на себѣ платье видѣть предвѣщаетъ горе или печаль.

Рожъ видѣть значитъ про себѣ можъ слышать.

Лень видѣть означаетъ дорогу.

Красныя ягоды или деньги видѣть—къ слезамъ.

Собака, во снѣ виѣнная, означаетъ друга.

Сѣно видѣть—передъ деньгами.

Сказки о Петре Великомъ

въ записяхъ 1745—1754 годовъ.

Въ послѣдніе годы жизни бывшаго Предсѣдателя Отдѣленія Этнографіи Имп. Русскаго Географическаго Общества, покойнаго акад. Л. Н. Майкова, я какъ-то получалъ лично отъ него нѣсколько писанныхъ листковъ. Майковъ высказалъ пожеланіе, чтобы я какъ-всюду на досугѣ просмотрѣлъ эти листки, и, еслигодится, то гдѣ-нибудь тишиналь ихъ; при этомъ онъ добавилъ, что послѣдніе переданы были въ его распоряженіе покойнымъ Г. В. Есиповымъ.

На упомянутыхъ листкахъ оказались записи половины XVIII-го вѣка показавшій обвиняемыхъ на допросѣ въ Тайной Канцелярии. Г. В. Есиповъ въ концѣ списка отметилъ: «всѣ обвиняемые въ Тайной Канцелярии показали, что они слышали эти сказки: въ народной моливѣ». Это даетъ поводъ думать, что сказки эти занесены на страницы судного дѣла вскорѣ послѣ ихъ сложенія и закрѣплены въ той формѣ, въ какой онъ обращались въ простонародной массѣ. Такъ какъ записи помѣчены 1730, 1745, 1752—5 годами, то можно думать, что и пріуроченіе дѣйствующихъ лицъ сказокъ или, точнѣе, одной и той-же сказки въ нѣсколькоихъ распространенныхъ варіантахъ—къ Петру Великому и его эпохѣ и, особенно, къ покушенію на его жизнь должно бы быть отнесенено къ московскому еще періоду Петровской исторіи въ времени стрѣлецкихъ бунтовъ и другихъ нестроеній, т. е. къ концу XVII вѣка.

Это пріуроченіе старого перехожаго сюжета сказки о совѣтномъ воровствѣ царя (Петра) съ своимъ подданнымъ, оказавшимся извѣстнымъ ловкимъ московскимъ воромъ (Бармою),—весъма любопытно. Имя вора извѣстно въ сказочной русской литературѣ, и вообще сказки подобнаго же содержанія и сюжета и съ прозвищемъ именно Бармы отчасти послужили предметомъ специального изслѣдованія въ извѣстной ученой публикѣ статьи проф. въ акад. Александра Николаевича Веселовского (въ «Древней и Новой Россіи» за 1876 г., № 4, т. I, стр. 313—23), подъ заглавиемъ: «Сказки объ Иванѣ Грозномъ».

Печатаемыя ниже сказки о Петре Великомъ являются, такимъ образомъ, пережиткомъ розсказнѣй объ Иванѣ Грозномъ, записанныхъ еще Коллинсомъ (гл. X) и изложенныхъ Ф. И. Буслаевымъ въ его «Историческихъ Очеркахъ русской народной словесности и искусства» (Спб., 1861 г., ч. I, стр. 513);—онъ отчасти относится къ тому же роду словесныхъ произведеній, какъ въ сказанія о Дракулѣ (ср. упоминаніе о колпакѣ, и т. под., въ № II), и т. п.

1-й разсказъ представляетъ лишь общую неполную и сжатую канву сказки безъ вмена вора и безъ мѣстныхъ чертъ; во 2-омъ—уже разсказъ ведется обстоятельнѣе; въ 3-емъ—еще болѣе черть Петровской эпохи (бояринъ переименованъ въ сенатора, билъ дубинкою, и проч.). Послѣдній—4-й разсказъ—самый обстоятельный, но позднѣйшій варіантъ. Бояринъ названъ «господиномъ», вмѣсто «колпака»—явилась уже шляпа; разсказъ еще болѣе отдаляется отъ фабулы сказки и сверхъ того осложняется передачей свѣдѣній объ особомъ порученіи государя вору поставить одно духовное лицо (архіерея) въ смѣшное положеніе въ отместку за насмѣшку. Но и

рассказъ о томъ, какъ вору, явившемуся къ архіерю подъ видомъ ангела, удалось уговорить архіеря влѣзть въ особо, принесенный для того мѣшокъ—тоже является переживаніемъ и отмѣткой уже А. Н. Веселовскаго (см. стран. 319), въ разсказахъ объ Иванѣ Грозномъ (упом. «кошелъ»).

Записи Г. В. Есипова передаемъ точно, прибавивъ отъ себя лишь необходимые для облегченія читателя знаки препинанія.

П. Б. Сылова.

I.

Колодникъ втырь говорилъ своимъ товарищамъ. «Слушайте, я скажу вамъ сказку: блаженный и вѣчно достойный памяти. Первый Императоръ Петръ Алексѣевичъ ходилъ по Москвѣ и сопедились съ воромъ ходили красть деньги. Бояринъ одинъ хотѣлъ его извести, а Петръ вѣльъ боярину первую чарку выпить; и какъ выпилъ, такъ его боярина и розорвало».

Рассказчикъ былъ наказанъ кнутомъ и сосланъ на каторгу въ Оренбургъ (1745 года).

II.

Въ 1730 году въ Симбирскѣ колодникъ говорилъ товарищамъ: «Сказать ли вамъ сказку?—«Сказывай».

«Въ Москвѣ былъ воръ Барма и нашъ Императоръ (но невыговори который), нарядясь въ мужицкое платье и ночью изъ дворца ходилъ того Барму искать. И какъ де онъ Государь того Барму нашелъ, то де тогда спросилъ того Барму, что де онъ за человѣкъ, и тотъ Барма Государю сказалъ, что онъ воръ Барма; и Государь сталъ того Барму звать красть изъ Государевыхъ Палатъ денежную казну и тотъ де Барма Государя ударилъ въ рожу¹ и сказалъ скверно, для чего ты Государеву казну подзываешь красть, лучше де пойдемъ Боярина покрадемъ и Государь де съ тѣмъ Бармою ходилъ и Боярина покрали и Государь покраденные пожитки всѣ отдали Бармѣ и далъ тому Бармѣ съ себѣ колпакъ и вѣмѣль ему на другой день съ тѣмъ колпакомъ приди въ Соборъ, и какъ де на другой день тотъ Барма въ Соборъ пришелъ, то де Государь его Барму узналъ и стала его Барму за то, что онъ не захотѣлъ Государевой казны воровать, при себѣ держать въ милости». (1752 г.).

III.

(Другой вариантъ 1752 года).

«Ходилъ Государь Петръ великой по Москвѣ по Городу въ ночи одинъ, и встрѣтился съ нимъ воръ и Государь спросилъ его: что онъ за человѣкъ? и оной воръ сказалъ, что онъ воръ. И воръ де Государя спросилъ: «а ты де что за человѣкъ?» и Государь сказалъ: «я де такой же воръ, какъ и ты». И Государь съ тѣмъ воромъ побратался крестами и воръ назвался большими братонъ. а Государь меньшии, и стала де тотъ воръ его Государя авать воровать и Государь де сказалъ: «развѣ де идти воровать во Дворецъ», и за то де тотъ воръ Государя былъ дубиню и говорилъ Государю пойдемъ де воровать лучше къ Сенатору, и пошли къ тому Сенатору и, по приходѣ, воръ влѣзъ на окно и слушаль, что говорять, и

¹ Ср. о томъ же въ сказкѣ объ Иванѣ Грозномъ (означеннное соч. А. Н. Веселовскаго, стран. 316).

прислушашаъ де, что тотъ Сенаторъ говорить: «Завтра де надобно мнѣ звать Государя къ себѣ въ гости и отравить до смерти», и воръ де прикикалъ Государа, чтобы онъ тѣ слова слышаъ и Государь вѣзъ на окно и, слышавъ тѣ же слова и слезши ие съ окна, подошли въ кладовую Палату и покрали денегъ, сколько имъ надобно было, и стали на пути и воръ де Государю говорилъ, чтобы тѣ деньги между собою раздѣлить, а Государь сказалъ: «понеси де ты деньги домой, а я завтра ихъ возму для того, что де теперь мнѣ домой привести и нельзя»; и воръ де Государю говорилъ: «ты де меня завтра гдѣ найдешь»; и Государь тому вору говорилъ: «какъ де Государь въ Кремль пойдетъ къ обѣдни и всѣ де люди станутъ на колѣни, а ты де на колѣни не вставай, и потому де я тебя и узнаю». И по утру де такъ тотъ воръ и сдѣлалъ и взять де тотъ воръ.

IV.

Еще варіантъ (1754 года).

Былъ славнѣй воръ въ Москвѣ. И блаженной памяти Государь Императоръ Петръ Первый, услыша де, что имѣется славный воръ, пошель по Москву въ ночныхъ временахъ того вора искать и нашель того вора на дорогѣ и сталъ спрашивать, что де ты за человѣкъ, и оной воръ ему Государю сказалъ: «я де воръ». И Государь сказалъ же: «и я де воръ и поищемъ де вѣстѣ съ тобою воровать». И пошли они оба вѣстѣ къ нѣкоторому Господину воровать и у того де Господина выкрали платье въ деньги, и во время де той кражи Государь также и воръ услышали, что тотъ Господинъ, будучи въ своемъ домѣ съ женою своею, говорили: «надобно де намъ составить зелье, чтобы Государя извести», и потомъ де изъ того дому Государь также и воръ пошли воръ и то краденое платье въ деньги раздѣлили по себѣ и Государь, сказавъ съ себя шляпу и надѣль на того вора, а съ того де вора шляпу взялъ и надѣль на себя. И потомъ де Государь тону вору говорилъ: «заутро де выходи на то мѣсто, гдѣ я буду Ѣхать» и тотъ воръ на другой день на то мѣсто, гдѣ надлежитъ Государю Ѣхать, вышелъ. И тогда де Господа, которые Ѣхали прежде Государи, усмотрѣли того вора и говорили: «гдѣ де ятотъ воръ такую шляпу взялъ; онъ де собою весь голъ, а шляпа де на немъ Царская» и потомъ де вскорѣ и самъ Государь на тоже мѣсто прїехалъ и взялъ того вора съ себою къ обѣдни и были у обѣдни вѣстѣ. И тотъ де Господинъ, у которого пожитки брали, сталъ Государя звать къ себѣ въ гости и Государь де къ тому Господину съ тѣми воромъ и съ Господами въ гости поѣхалъ и оной де Господинъ тѣми напитками сталъ прежде просить Государи, чтобы онъ выпилъ и Государь де тому Господину говорилъ: «выпей де ты напередъ самъ»; и тому де Господину и жешъ его нельзя стало, чтобы напередь тотъ напитокъ не выпить,— выпили тотъ напитокъ сами и въ то де время тотъ Господинъ и жена его отъ того напитку умерли. И потомъ де Государь изъ того дому поѣхалъ съ тѣми воромъ во Дворецъ. И, Ѣдучи дорогою, Государь тому вору говорилъ: «какъ де ты, славный воръ, не умѣши ли де ты такой насыпши сдѣлать, что де мнѣ Архіерей насыпался». И тотъ де воръ Государю говорилъ: «мое де это дѣло, я де тому Архіерю насыпшку умѣю отсѣять и потомъ де оной воръ отсталь отъ Государя и сдѣлалъ себѣ изъ бумаги крылья и, прилетя къ тому архіерю въ бѣлой рубахѣ и объяви о себѣ, якобы онъ Ангелъ съ небеси пристѣль по его архіеремскую душу, въ оной де Архіерей тому вора въ томъ повѣрилъ и отдался ему въ руки и оной де воръ, взявъ того Архіерея, положилъ въ мѣшокъ и понесъ на нѣкоторое мѣсто, гдѣ случилось Ѣхать Государю. И какъ де сперва поѣхали Государя, усмотрѣли тотъ мѣшокъ, дивились и потомъ же вскорѣ на то мѣсто поѣхали Государя а вѣдь тотъ мѣшокъ развязать. И какъ развязали, то Государь, усмотрѣ, что въ томъ мѣшкѣ лежитъ означенной Архіерей, говорилъ тому Архіерю: «за чѣмъ де ты тутъ въ мѣшкѣ лежишь, вотъ де ты мнѣ насыпшку дѣлалъ, а тебѣ де въ этомъ мѣшкѣ каково сидѣть».

Эпическая пѣсни Дебрскія.

(Изъ сборника Дыновскаго¹).

Бановичъ-край и Али-бѣгъ воевода.

- Посабрамо Сълтанъ Пазанте,
Посабрамо тоя сина войска,
Малу многу 60 илади.
Не се знаеть, коде на я праћать;
5. Ми я прати по бели Дувава,
Да се бѣсть съ Бановића Краља,
Бакъ пейдоес 60 илади,
Едень съ душа назать не се врати,
Кога видѣ Сълтанъ Пазанте,
10. Кога виде, немать що да чинить,
Отъ си кладе, телаль да си личитъ:
«Кой на се ваетъ юнакъ на юнака,
Да го фатитъ Бановића Краља,
на му дада З градови—Тимаръ
15. И на му дада З кузи² азно,
И на му дада по море склони,
И на му дада моя мила ћерка».
Сите ми се въ земи опуши;
Той що беше Али-бѣгъ войвода,
20. Му излезе цару на дивани:
«Врућо сънце Сълтанъ Пазанте!
Отбери ми З турчини илади,
Що да шетъ вино емъ ракія,
Що да шетъ, да се не опшетъ.
25. Съ Банета сме иерни побратими,
На шенвъ, Банета на фата».
Си му отбра Сълтанъ Пазанте,
Си му отбра З турчини илади,
Що да шетъ вино емъ ракія,
30. Що да шетъ, да се не опшетъ,
Си яфнае сите бѣрзи ковы;

- Банисае край бели Дунава,
Да му одить Баневићу Краљу.
А пакъ Бане въ ода седаше,
35. Невеста го ракія служеше;
Тога бро беше се оженилъ,
Тога бро две недели време.
Б говорить Баневића Краља,
Б говорить на млада невесто:
40. «Добро мое, невесто убава!
Да Богъ даетъ на авр да быдетъ,
Десно око белег ме удиратъ.
Токъ излези на высоки диванъ,
Распуши се по поле широко,
45. Распуши се нагоре и надолу,
Да не ни сториць некоя страмота:
Блазе Бану, що имаљ невесто:
Кога рече фчасъ на ноги стаза,
Си излезе на высоки диванъ.
50. Се распуши нагоре и надолу,
Се распуши по поле широко.
Нишо немать млада да догледатъ,
Мало нещо како да заслуша,
Какъ да турски коны тропотеъ
55. И како да турски говореъ.
И пакъ бро назадъ си се врати,
Му кажуватъ Баневићу Краљу:
«Господаре, Баневиће краљу!
И по поле нишо не догледафъ,
60. Малу нещо како да саслушафъ,
Бакъ да турски коны тропотеъ
И како да турски говореъ».

¹ См. «Живая Старина» г. IX, в. I, отд. II, 113—129; в. II, отд. II, 236—250; г. XII, в. III и IV, 429—436.

² Исправлено: товари; но первое вѣриће: такія преувеличения встрѣчаются постоянно и въ другихъ пѣсняхъ.

- Кога зачу Баневића краља,
Отъ яго вись в часть на вози става;
65. Гола сабя во роцы си зеде;
Отъ си слезе долу в конюшнице;
Отъ яго вись гола коня яфна,
Си налезе от дворови ва дворъ,
И докледа 4 турады.
70. Тога рече Али-бегъ войвода:
— Побратиме, Баневиће краљу!
Я на гости тебе ми ти ида;
А ты сакашъ мене да погубвши.
Тога рече Баневиће краља:
75. — Прости мене, Али-бекъ войвода,
Прости мене, я що ти прогрешилъ; 130.
Ведашъ тебе я не те привознафъ.—
Пакъ, си кладе сабя во ножница.
Си и веде 4 турады
80. И отнесе дома на дворови.
Си ѿ качи ва носки диванъ,
Си в служи лутница ракія,
По ракія тая цирно кафе,
А по кафе той господски ручекъ.
85. Тога рече Али-бегъ войвода:
— Побратиме, Баневиће краљу!
Айде мые вино да піеме,
Да піеме 3 дни енъ 3 воћи,
Да видиме, кой на се опіетъ.
90. Мы зедое да ми піеть вино,
Ми попиле малу нещо време;
Ми се они Али-бекъ войвода,
Ми задрема на чесна трпенза.
Пакъ пошіе уще малу време,
95. Ми се они Баневића краља,
Ми задрема на чесна трпенза.
Три турчия бодешъ не ѿ бодеть;
Ми станае 3 турчиня млади,
Извадіе синжиръ из' скобета,
100. Дробење синжиръ 70 оки;
Ми е кладое Баневе на гуша,
А на роцы тесни белезии,
А на вози коньски бутагии,
Го разбудіе Али-бегъ войвода.
105. Кога виде Али-бегъ войвода
Кога виде Банета врзана,
Си му викна с клоци да го біет
(Да го біетъ, какъ некое куче):
«Стани, Бане, да піеме вино!»
110. Се разбуди Бановића-краља;
Креватъ глава, глава не се дигатъ;
С роцы маватъ, роцы не мавасть;
С вози маватъ, вози се изразы.
Тога рече Бановића-краља:
115. — Аран тебе, Али-бегъ войвода!
Аран тебе, лебъ що си ми яло!
- Ал' оваква вера си имало?—
Си го зеде Али-бегъ войвода,
Си го зеде Баневића-краља,
Си го сеца долу на дворови,
Си го враза коню за опашка,
Го однесе Цару у Стамболу.
Кога виде Сълтанъ Пазантъ,
Кога виде Банета врзана,
Отъ радости на нози си стана.
«Добре ми дойде, Баневиће краљу!
Добре ми дойде, какъ добра година.
На те праша, право да ми кажешъ:
Кога мые с тебе се біефне,
Конъ ти беше дружина веровна,
Що ми погуби 60,000?
Господъ знаєшъ, господъ наместувать,
Да не беше той камилски самарь,
Що и мене на да не загубиши?»
120. Тога рече Баневића краља:
— Врућо синце, Сълтанъ Пазантъ!
Нем' ме прашашъ, право на ти кажа:
Кога мые с тебе се біефне,
Првињ сефте що налезе юнакъ,
Що яваше коня карамава,
135. 140. Що ми беше во прво променатъ,
С бела брада дури до пояса,
Що ми влезе в 1000 спани,
Еденъ с душа отъ нифъ не остави;
145. Той ми беше стари Новакъ айдукъ.
А по него що налезе юнакъ,
Що яваше коня црвеного,
В црвено руво що беше променатъ,
Що ми влезе в 1000 багови,
150. 155. Еденъ с душа отъ нифъ не остави;
Той ми беше Груница Новаковъ (девиця).
А по него що налезе юнакъ,
Що яваше коня зеленого,
В зелено руво що беше променатъ,
Що ми влезе въ 3000 души,
Еденъ с душа отъ нифъ не остави;
160. Тай ми беше Радула войвода,
Ей Радула съ мустај преко рано.
А по него що налезе юнакъ,
Що яваше тая бела коня,
В бело руво що беше променатъ,
Що ми влезе в 5000 души,
Еденъ с душа отъ нифъ не остави;
165. Той ми беше Јанкула войвода.
А по него що налезе юнакъ,
Що яваше коня доратаста (кула-
шива).
Що ми влезе въ 10,000,
Еденъ с душа отъ нифъ не остави:

- Той ни беше Рело шесто-книло.
 170. А по него що излезе юнакъ,
 Що яваше коня шареного,
 В шарено руло що беше променатъ,
 А на главе отъ злата коруна,
 Отъ конъ дзигинъ в уста що држеше,
 175. Со десница сабя що вртеше,
 Со левица зеирля моздракъ (котъ
 убонто),
 Що ми влезе въ 15.000,
 Отъ нифъ с душа едень не остави,
 То ми беше Браховиће Марко.
 180. А по него що излезе юнакъ,
 Що яваше коня карамака,
 В прно руло що беше променатъ,
 Що ми беше ювакъ лико-младо,
 Що ми влезе въ 25.000.
 185. Еденъ с душа отъ нифъ не остави,
 (*Соссъмъ пропущено и затъмъ*
 слогаетъ)
 Господь знаеть, Господь намету-
 вать,
 Да не беше той камилски самарь,
 Що и тебе ће да те загубить.
 190. В роцы сунти, що сакаш чини
 ми.—
 Тога рече Сълтанъ Пазантъ:
 «Такъ ти Бога, Баневиће крамю,
 Живо мене ти да ме фатишь,
 Що имаше вість да ми чинишъ?
 195. Тога рече Баневића краля:
 — Такъ ми Бога, Сълтанъ Пазантъ!
 Тога живо тебе да те фатефъ,
 Парче по парче ће да те издроба,
 Найголемо колку една ирава.—
 200. Тога рече Сълтанъ Пазантъ:
 «Слухо моя, Али-бек войвода!
 Нель земи го тая бесно куче,
 Извади го во поле широко,
 Закопай го до рамена въ земли;
 205. Отъ земи 3000 души,
 Си на него со стрелы гађайте,
 Мочите го три дни и три ноћи,
 Отъ после да го загубите».
 Си го заде Али-бек войвода,
 210. Си го зеде Баневића Краля,
 Го извади во поле широко,
 Го закопа до рамена въ земи.
 Отъ си зеде 3000 души,
 Си на него со стрелы гађаест,
 215. Юнак с душа стрелы им је врађат,
 Го мочије три дни и три ноћи.
 Тога рече Баневића Краля:
 — Побрратиме, Али-бек войвода!

Алам ти было леб ћо си ми зало.
 220. Ты се молья веће не мочи ме;
 Токо тргни сабя, пресечи ме.
 Еш коя-годе сабя не ме сечет;
 Токо пойди на мои дворови,
 Да я земеш моја остра сабя,
 225. Моя сабя ако ме пресечет.—
 Си отиде Али-бек войвода,
 Си отиде во Банови дворе,
 Пак је великт Баневића млада:
 «Баневиће, убаво невесто!

230. Изнеси ми ваша остра сабя,
 Ваша сабя, пак вас ће ве сечет.
 Ак Бог даест, на се заљубиме».
 Му извесе Баневића млада,
 Му извесе Банова-та сабя,
 235. Пак му великт Баневића млада:
 •Ид од туе, море, бесно куче!
 Ак Бог даест и быдет сћено,
 Нех' си дошолъ по наша-ва сабя,
 Наша сабя пак вас ће сечет».

240. Си я зеде Али-бек войвода,
 Си я зеде Банева-та сабя;
 Не можеше да я носит,
 А камо-ли сабя да истргнет.
 Една педа во ширину беше,
 245. Во дължина 16 педи.
 Я односе Банева-та сабя,
 Я зедое 3000 души,
 Я зедое сабя да гледает;
 Юнакъ немать сабя да истргнет,
 250. А камо-ли Бава да погубит.
 Сите ми се редум наредије.
 Тога рече Баневића краля:
 — Побрратиме, Али-бек войвода!
 Пущи мене моја десна рокা
 255. И подай ми моја остра сабя,
 Баре сабя, да ви я отвора;
 Отъ после да ме погубите.—
 Се налога Али-бек войвода,
 Си му пущи Баву обе роцы,
 260. Отъ в роцы сабя му подаде.
 Кога Баву сабя в роцы дойде,
 Три-поти се на небо опуши,
 Еш три-поти Богу се помоли,
 265. Со два прсти сабя я истргна,
 Пак искочи од земи на горе,
 Си искриши оной дробен сиацир
 И искриши коньски булаги;
 Отъ се пущи по ними да трчат.
 270. Що прифтаса, Баче се је сече;
 Али-бека жив го в роцы фата;
 Го однесе на две раскрници,
 Му изврте обе прии очи;

275. **Му пресече роцы до локоти;**
Му пресече нози до колена;
Го остави жвво да се мочит.
От му пойде цару на дивани,
Му говорит Бановћа краља:
Упбрти. Сълтанъ Пазанте.
280. **Камо ти е Али-бек войвода!**
Камо ти се 3000 души,
Що ји чуша да ме мочит?
Еле тебе я беф ти учиницъ.
Я ти сториц в ти ми чинеше;
285. А ту нему ћо беф му учиницъ?

Пијећи нино и ракија,
На превара мене да ме факат.
Пак си пойде дона на дворони.
Од юнаци пеесна останала,
Да се пеет, да се прикажуват;
Што слушало, се весело было.
Од татка ми, учитель Кресте
П. Димоски;
Од ћорта Ѓинов Калачески;
Од Јована (праку Кара-асни)
од Лазарополе.

Жена бана Куршумлје и младая вдовица изъ Ледьена-града.

- Дворъ метет млада Баневица,
Дворъ метет, дробни сълзы ронит.
Ете ти го стари Ћир-Михаил:
• Баневице, ей добро големо!
5. Да што плачеш, дробни сълзы ро-
ните?
Да-ли ти си тебе здолеало,
Чинећи измет в моя кућа?
Дали ти се омбари дамла?
Да-ли ти се вино доточило?
10. Да-ли ти се азно добројло?»
— Ай ти тебе стари Ћир-Михаил!
Нито ми се мене здолеало,
Чинећи измет в твоя кућа:
Ни то ни се нино доточило,
15. Ни то ни се азно добројло,
Нито ми се омбари дамло.
Тако ми се, Бог-ме, дожалило
За твоего сына, мой стопана:
Ево инат, Бог-ме, три години,
20. Однак сме го, Бог-ме, не разбрале,
Ал је живо, Бог-ме, ал умрево.
Изговари млади Ћир-Михаил:
«Престегни ми коня шареного,
Я ћа ода по бели друмови,
25. ћа си чека бавови војници».
Ми го стегна коня шареного;
Ми отиде на бели друмови.
Го сусгрети Марка Кралевића,
Му га фата коня пеливана,
30. Ми цалива пола и колено:
«Ай ти тебе, Марко Кралевиће!
ћа те пата, право да ми кажеш:
Камо ти го Бане Куршумлија?»
— Ай ти тебе, стари Ћир-Михаил!
35. Е те ћидет Јакула войвода,
Той ћа ти кажет за Банета.—

- Си упуши коня шареного,
Си отиде по бели друмови.
Ети ти го Јакула войвода!—
40. «Помоги Бог, стари Ћир Михаил!»
— Дай Бог добро, Јакула войвода!—
Му го фата коня за дизгини,
Му цалива пола и колено.
ћа те пита, право да ми кажеш:
45. Камо ти го Бане Куршумлија?—
• Ай ти тебе, стари Ћир-Михаил!
Го оставах во Ледјена града,
Го заљуби ледјенка вдовица». Си упуши коня шарено,
50. Си пойде коде Баневица млада.
— Баневице, ей добро големо!
Го устретих Јакула войвода,
Му целивахъ пола и колено:
Го ставих во Ленђера-града;
55. Го остави Бане Куршумлија,
Го заљубила вдовица Ленђерка.
Ай ти тебе Баневице млада!
Айде да одиме до двоица ћупци;
Да зонени железни стапови:
60. Ја бвда старец с бела брада,
Ты ће видеш дете ахил'я;
ћа појеме во Ленђера-града.—
Се сторише до двоица ћупци,
Си пойдае во Ленђера-града;
65. Си пойдае на повата чешма.
Ете ти я ленђерка робинка.
Изговори стари Ћир-Михаил:
— У кого си ленђерка робинка?—
• Я су си у Бавета Куршумлија».
70. — Подай ми ибрак, да се напија—
Му подаде стребрен ибрикъ,
Му го пушчи пърстен бурмаліја,
Му го однесе Банове, вода да се напијет.

- Си го найде пърстен бурмалия,
 75. Му я праша ленјерка робинка:
 «Ай ти тебе, ленјерка робинка!
 Аль ти го веде иекой ибрик да циет?»
 — Ай ти тебе, Баве Буршумалия!
 Ми го зедое дванаца єчупци:
 80. Едни-от беше стар с бела брада,
 Друго-то беше дете ацамия.—
 «Ай ти тебе, ленцерка робинке!»

- Пойди до и' никнеш тве онде».
 И си отиде да и' никнет.
 85. И одвесе на високи дивици,
 Си не познае татко му и невеста.
 Отъ си я вика Ленјерка идомица,
 Из дружиле, коя је поубава:
 Је поубава Бавеница млада.
 90. Си я зел, друга та я исекол.
 Останоје тије заедно. (Лазорополе).

Иво-арамія и Велія-назора.

- Си Бога моли Иво арамія;
 «Дай ми, Боже, пролътца напредна,
 Да размитит горица зелена,
 От да си сбера 30 момчичи,
 5. Що не знает, рана како болит,
 Страф немаєт, иоде шукат пушка;
 Що за назад да ни не думаест,
 Пускат од помс що не оставаest.
 Да излеза' во гора зелена,
 10. Да направа' шайка ореова,
 Да я фрла во река Ретница.
 Да си го чека' богата Йоваво,
 Да му зема' 100 главы ергеле,
 Ем да му зема, 9—не слонене,
 15. Ем да му земам 100 юесиня пары.
 Ем как молеше Иво арамія,
 Как молеше, таке Господ даде.
 Даде Господ пролетца напредна,
 Ми разлисте горица зелена.
 20. От си собра Иво арамія,
 Отъ си собра 30 дружина (или: момчиња),
 Си налезе во гора зелена,
 Си направи шайка ореова,
 Си я фрли во река Ретница.
 25. Почекало малу нещо време,
 Се зададе богати Йоване,
 Со негои девет—не слоневи,
 Со негои 100 главы ергеле.
 Приближие до река Ретница;
 30. Тога велият богати Йовава:
 «Кано велите, дружино веровна?
 Или сега да газите река?
 Како Господ намъ ѡа ни поможет.—
 От си зеде Велія Назора,
 35. Одъ конари пет-мина момчаци,
 Одъ овчари 9—мина зеде,
 Се сторије 15—мина
 Излегое во гора зелева.

- Се стретије со клети айдуци.
 40. Управи пушка Иво арамія,
 Си го удри Велія Назора,
 Си го удри во десно-то рамо.
 Управи пушка Велія Назора,
 Си го удри Ива арамія,
 45. Си го удри постред срце
 Падна Иво во гора зелена;
 А други-те летнае да бегает.
 Саде едно момчевце остана.
 Сите фрлаеъ, не го погаћает;
 50. Тая фрлат, се на ниф погаћат.
 Веће му се ћебаше донерши;
 Си извади саби од иожница
 Отъ се пушчи по ними да търчат,
 Що прифтаса момче се исече,
 55. Що побегна здраво ми угече.
 Се поврати ва Велія Назора,
 Да му земет глава од рамена.
 Види занал Велія назора,
 Беше удрен, не можеъ да бегать;
 60. Тргат с пушка, пушка не му фаћат;
 Зaborави, дали е празна пушка.
 Св извади, пицкол-от од силаф;
 Управи с пицкол Велія Назора,
 Си го удри и тая момчевце,
 65. Или онде да растовариме?—
 Тога рече Велія Назора:
 — Господаре, богати Йоване!
 Си имаме ягонца малови,
 Си имаме ждребина маловки,
 70. Утре воћа ној ѡа газить река.
 Айде сега да си прогазиме,
 Пак край река да растовариме.—
 Прегазије тай рѣка Ретница.
 Пак край река си растоварије.
 75. Завале 10 сливни огни;
 Ми седиае да си вечераеть.
 Ми загледа богати Йоване,

- Ми загледа во гора зелена,
Засветее пушка од айдуци.
80. Тога рече богати Јоване:
•Арам вами, дружину веровва,
Арам вами, пушки таланки,
Ак ве е дасте во роцы айдушки;
Арам тебе, Велја назоре,
85. Що сум ти правил пушка поизлене,
Що су ти правил от јадися¹⁾ пиволи,
Що су ти правил от јадися везлисна.
Ак не даш во роцы айдушки».
- Тога рече Велја Назора:
90. Господаре, богати Јоване,
Изими²⁾, дай ми, я да си отбера
Од конари пет-мина момчаци,
Од јевчари 9 Ѯ си зомам,
95. Ѯ илеса во гора зелена,
Ѳа со стрета³⁾ со клемти айдуци
Си го удри постред срце живо,
Падна момче во трева зелена.
А Велја назат си се врати.
От 15 пет-мина останае;
100. От юнаци песна останала,
Да се неест, да се прикажувавать.
- Прибавлено другамъ:
- Що слушало, се весело било!
Од нас' песна, а од Бога здравье.
- И еще другой рукой добавлено:
Кој' знает божье, широко му полье.
Бој знает више, родила му више и
у поле бела-на пченица, а у бродо
викова лозница.

Предательство снохи Ангелины.

- Седнала ми Магделина,
Заран вечер на вечерат,
С мили брата Костадина,
С мила своя Авјелина
5. Нешто е се наслушајаш:
Конски тропот, туреки шопот.
От ми стала Магделина,
Ми излегла на пештере;
Дворје войска испълнила.
10. Отъ ми стана Магделина,
Го заключи милогъ брата,
Милогъ брата Костадина
С дванаестте клучеви,
Шести клучи ѝ пытнала,
15. Шести клучи ѝ заплела
Во вејзина руса коса.
От ми стана кучка сноа,
Кучка сноа Авјелина,
Некършила дванасат,
20. Дванесетте клучеви.
Го зедое клемти турци,
Го зедое мили брата,
Миля брата Костадина.
Му зедое руса глава,
25. Руса глава од рамена,
От ми писна Магделина:
Ласей брате, Костадиве!
Те отклучи кучка сноа;
Те зедое клемти турци,
30. Клемти турци арами;
Ти зедое руса глава,
Руса глава од рамева;
Тебе ми те загинае,
Кучка сноа и зедое».
- (не окончена)
Запишано от Ана Јованова од
село-Сушица.

Женитба св. Иліи.

- Завршили ми се свети Иліја.
Од Будим-Града кралеве ћерка,
Кралева ћерка, бела Марија.
А не знает що лице имат,
5. Що лице имат, що става имат.
- Прстено дало до три товари,
До три товари съ дробно азво;
И три прстени се изплатени.
Ми пособрабо ражо сватови,-
10. Ражо сватови, три побратими,

¹⁾ Злато.

²⁾ Изум-дозволение.

- Три побратими Божи Аћели;
Чеснега кума снети Јована,
Старого свата свети Никола.
Да изговори свети Илја:
15. «Да ай-ви вами рало сватови!
Шо сум поаржил многу по нем,
Да и я незнам, шо лико имат,
Шо лико имат, шо става имат». Му одговори чеснега кума:
20. Да ай ти тебе, свети Илја!
Кога ћа посме край Будим-града,
Ты да ми статиеш и да ми згрмеш,
Изъ недро небо роса за росеши.
Се Будим-града надворъ ћа налезат
25. И ћа налезет бела Марија.
Та ћа я видиш, шо лико имат,
Шо лико имат, шо става имат.
Кога пойдое край Будимъ-града,
Оту ми статна свети Илја,
30. Оту ми статна, оту ми згрмя;
Изъ ведра неба роса зароси;
Се Будимъ-града надворъ налезе
И ии налезе бела Марија.
Со очи скрипна, как секавица;
35. Со усти трепни, како ластовица;
- Лико е светно, какъ ясно сънце,
Става зесени, как честа гора.
Тога я виде свети Илја,
Шо лико имать, шо ставе има.
40. От ми пойдое дома на дворье,
Ми се качис горе на даван.
Я уgotвие бела Марија,
Я уgotвие, ми я ведое.
Ми кинисое рало сватови,
45. Рало сватови, три побратими.
Ми поодѣв до честа гора,
Ми сусретеб до деветъ чешлеве
Ми се запрѣв рало сватови,
Ми я напиѣ бела Марија,
50. Ми я напиѣ студена вода.
Я заминю честа та гора,
Ми приближје до... (пропускъ)
И однееб дома за Харье.
Ми се зарадва сам снети Јован,
55. Сам свети Јован, чеснега кума.
Ми я ведое три побратими,
Три побратими Божи Аћели;
Е одогринае бело-то лико.
(не окончено).

(У Ястр. 53—54 иначе и много короче).

Молодоженаго Огнена требують въ войско.

- Завршилсе Огнен добер юнак,
Во сбота ми се завршило,
Во недела ми се оженило,
Въ повед'ици капацији доше:
5. «Айде, Огнен, на войска да одиши
Да ии одиши на войска царева..
Одговори Огнен, добор юнак:
— Так ви Бога, капацији юлади!
10. А с невесто не су се опознал;
Почекайте три дни и три ноћи,
Я с невеста да си се опозна.
Как му велит капава юлади:

- «Ай ти тебе, Огнен добор юнак!
15. Не чекаме денчик до полуден,
А камо-ли тридни и три ноћи!..
— Тога велит Огнен добор юнак:
— Почекайте капацији юлади,
Да си пойда в шарена одая,
20. Да си зема моя остра сабя.
И да зема мое-но оружје.
Си отиде, Огнен добор юнак,
Си отиде въ шарена одая,
Е говорит Огненице юлада:
25. «Ай ти тебе, невесто убава!
(не окончена).

Марко-Кралевичъ напрасно служиль у св. Николы.

- Служил Марко светего Никола,
Од Митров-ден дури до Ћурђев-ден.
Извадошли гости пратели;
Не му втаса никакво запре;
5. Не му втаса бела-на пченица.
Не му втаса урвено-но вино.

- Не му втаса стручка рыба,
Ток се чудит Марко Кралевиче.
10. Ток се шетат по рамни дворови
Не му втаса лута на раки
И си кршат свои тенки прсти.
Так се чудит, того да продасть.

- Да продаєт свое стара майка,
Нигде ни си майка не находит,
15. Да продаєт свое мишко дете,
Колай ми се дете не стигнуват.
Да продаєт убава невеста,
Невеста се сажаде находит.
Го докледа маркова-та майка,
20. Му горорит маркова-та майка:
«Ай ти тебе, Марко Кразовиће!
- Що се шеташ по рамни дворови
И си кршиш свои тенки прсти?
— Так ии Бога, моя стара майка!
25. Ты ме питаши, право ћа ти кажа:
Не...
Так се чудо, кого да продада,
Да продада.....
(Не окончено).

Муса-Бекъ спасаетъ отъ погрома Галичникъ.

- Кондисал Айрадин-паша—аман, аман!
Кондисал Айрадин-паша.¹
Кондисал спроти Галичник;
Галичникъ—село големо
5. Новортей синнее топови,
Да го изгорит Галичник
Туе се згоди Муса-Бек;
Му изговори Муса-бек:
- 9февдум Айрадин-паша!
10. Галичникъ нематъ кабасть;
Галичникъ—село ралтеко?
Оту извади Айрадин-паша
Айрадин-паша поминал спроти Галич-
ник на 1844 год, на 25 сент. и епај. една
вечер во Куцуона-Ливада; утрива-та был.
празник свети Јован Богослов (26 сент.).

Сообщилъ И. А. Ровинский.

¹ Каждый стихъ повторяется безъ аман-аман.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библіографія.

Кунікъ. Ізвѣстія Ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и славянахъ. Часть 2.
(Разысканія А. Кунника). СПБ. 1903. XII + 066 + 208 стр. въ 8-ку.

Содержаніе этихъ историко-этнологическихъ разысканій покойнаго Кунника—Открытое письмо къ сухопутнымъ морякамъ (с. 01—066), Древнѣйшее славянское сказаніе о переселеніи. (Вкладъ въ исторію разселенія Румынъ 1—24), Первое посѣщеніе «Суда» византійского народомъ-мореходомъ «сѣв. скіеами» въ IX в. (с. 24—89). Первое знакомство персовъ и арабовъ съ русами-мореплавателями послѣ 865 г. Вкладъ въ критику Ибн-Хордадбеха въ Якуби (с. 90—174). Приложены: указатели собственныхъ имёнъ (175—200) и лингвистическихъ материаловъ (201—207).

Чрезвычайно добросовѣтный и начитанный ученый, покойный Куникъ, при всей своей внимательности и осторожности, при необыкновенномъ стремлении къ строгой критикѣ, не отличался особою проницательностью. Такъ, онъ очень много потратилъ времени и труда на доказательства, что, вопреки Ассемани, Паси и въ новѣйшее время Голубинскому, первое нападеніе Руси на Царьградъ происходило не въ 860—1 г. (какъ настаивали эти трое ученыхъ), а не иначе, какъ въ 865 году. Еще при жизни Кунника найдено было такое хронологическое показаніе византійское (18 іюня 860 г.), но онъ не хотѣлъ вѣнъ могъ уже сознаться въ своей ошибкѣ. Любопытно также, что Куникъ, такъ восхищавшійся варягами-Русью и столь преувеличивавшій ихъ высокія доблести и историческая заслуги, столь дорожившій всевозможными извѣстіями о нихъ, никогда не рѣшался внимательно вдуматься въ драгоценныя о нихъ извѣстія патріарха Фотія (въ двухъ его бесѣдахъ, изданныхъ Наукомъ)—опять потому, что они живо и вѣрно обрисованы не какъ великаны сумрака и подубоги, а какъ истые полудики и варвары. Третья слабость очень крупнаго ученаго нашего заключалась въ томъ, что онъ, уроженецъ Сидезіи, никогда не плававшій по морямъ и не служившій въ арміи, любилъ считать себя тонкимъ знатокомъ морского и военного дѣла, въ качествѣ специалиста, всегда посыпывался надъ кабинетными и штатскими людьми. — Книга эта вообще очень интересна и представляетъ много полезныхъ указаний.

Мончаловскій. О. Н. Півтръ Великий въ Галицкой Русі. Историческия записки въ замѣтках. Львовъ. 1903. Твнографія Ставромагійскаго Института. Изд. автора. Стр. 31, въ 8-ку.

Любопытно посвященіе: «Въ 200-лѣтнюю годовщину основанія Петрограда и въ вѣчную память его основателя, Петра Великаго, покровителя Галицкой Руси, жителей столицы Державной Руси подносить въ даръ житель Подъременной Руси».

Здѣсь, между прочимъ, помѣщены: подметное письмо 1690 г. къ П. В. на счетъ «заго и прелестнаго Мазепы, который прежде людей пашахъ Подольскихъ, Русскихъ (Галицкихъ) въ Волынскихъ бусурманомъ продавалъ изъ церквей Туркамъ серебро вмѣстѣ съ образами»...

Повѣсть о горѣ и злочастіи, какъ довѣло молотца во иноческій чась. По единственному списку первой половины XVIII в., найденному А. П. Пыпиномъ. Над. И. Отд. И. Академіи. Н. СПб. 1903.

Это прекрасное изданіе отличного памятника старой русской словесности приготовлено нашимъ старательнымъ ученымъ палеографомъ П. К. Симони и посвящено акад. А. Н. Пыпину по случаю 50-ти лѣтія его ученого-литературной дѣятельности.

Добровольскій, В. Н. Смоленскій Этнографический Сборникъ. Ч. IV. (Зап. И. Р. Геогр. Общ. по Отд. Этнографіи. Т. XXVII). Москва. 1903. XVII + 720.

Новый трудъ отличного наблюдателя-этнографа и превосходного знатока живой старинны Смоленской в Калужской гг. Содержаніе этого тома: Игрца (стр. 1 — 12). Колядныи пѣсни (12—68). Васильевъ вечеръ (гаданья, примѣты: 69—73). Масляница 73—79). Воска навоза (с. 80). Первый періодъ весны: звукоподражанія въ народной поэзіи (80—95). Веснянки (95—97). Благовѣщеніе (заклинаніе весны). Второй періодъ весны (продолженіе веснянокъ). Пѣсни вгрозы (утушка, плетень, селезень и коршунъ; лень, воевода, крвой танокъ; Король). Хороводныи пѣсни (продолженіе веснянокъ). Егорьевъ день (начало полевыхъ работъ). Великъ-день: пѣсни, распѣваемыя бабами на Св. Недѣль. Пѣсни волочебникъ. Зеленые святки (обсыпаніе овсомъ и хмелемъ). Заниваніе вѣнковъ въ обычай кумиться. Осмотръ въ полѣ жита, и пр. Иванъ-Купало. Петровки. Живыи пѣсни. Пивныи, пирушечныи, посидѣлочноныи, любовныи, плясовыи, вечериночноныи и хороводныи. Дѣтскія пѣсни и игры, пѣсни бытовыи, молодецкія и чумацкія, солдатскія, тюремныи, разбойническія, балладныи, историческія, наконецъ духовные стихи. Въ концѣ есть еще приложенія—между прочимъ очень хорошо составленный небольшой словарикъ (с. 692 — 717). — Расположеніе материала и вообще вся редакція этого замѣчательного сборника принадлежитъ извѣстному нашему этнографу, редактору прекраснаго московскаго журнала «Этнографическое Обозрѣніе», Н. Я. Янчуку.

Носицкий, В. О. Подп. Генер. шт. д. чл. И. Р. Г. О-ва. Изъ Издія въ Фе-
гану. Описаніе путешествія, совершеннаго въ 1898 г. изъ Певджаба черезъ Кашмиръ,
Ладакъ, Каракорамское нагорье, Раскемъ въ Кашгарію въ Руссій Туркестанъ. Съ
картой и 18 таблицами фототипій (Зап. И. Р. Г. О-ва по Общ. Геогр. Т. XXXVIII.
№ 1. Изд. подъ ред. д. чл. Ю. М. Шокальскаго. СПб. 1903. II + 297, въ 8-ку).

Етнографічний Збірникъ, видає Етнограф. Комісія Науков. товар. імені Шевченка. Т. XIII. Галицько-руські народні легенди. Зібрав Влад. Гнатюк. Львовъ. 1902. I—III.
III + 287 стр., въ 8-ку.

Очень важный сборникъ. Здѣсь записаны легенды по мѣстному произношенію и раздѣляются по темамъ, а именно: изъ В. Зав., Нов. Зав., о святыхъ, объ еретикахъ и колдунахъ, о великанахъ и чудовищахъ, о загробной жизни въ кончинѣ міра, легенды правоучительныи и философскія, сатирическія.

Малинка, А. Н. Д. чл. И. Об-ва Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографії при моск. Університетѣ.

Сборникъ МАТЕРІАЛОВЪ ПО МАЛОУРУССКОМУ ФОЛЬКЛОРУ (Черн., Волынск., Полт. и інѣк. др. губ.). Изд. редакція «Земскаго Сборника Черн. губ.». Черниговъ. 1902. 8". XXI + 388 страницъ.

Очень хороший сборникъ. Въ него вошли какъ собственные записи составителя Сборника, такъ и записи Ап. Н. Малинки (главы, образ. изъ Нѣж. у.), г. Литвинова (изъ Глух. у.), г. Жалковскаго (Ровен. у.), г. Фр. Каменскаго (б. ч. пословицъ изъ Кременец. у.) и г. Клуннаго (изъ г. Зенькова и Прилукскаго у.).

Въ Сборникѣ помѣщены: колядки и щедровки. Загадки. Пословицы, присловья, шутки. Заговоры. Повѣрья, примѣты (по народи. медицинѣ). Разсказы и сказки. Запись о кладахъ. Два апокрифа (Сонъ Богородицы и Свитокъ Іерусалимскій).

Самые обширные отдѣлы: колядки и щедровки (с. 9—169) и сказки (262—381).

Альбомъ Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII вѣка. Снимки съ Дрезденского альбома. Объяснительный примѣчавія къ рисункамъ составлены О. Аделунгомъ, вновь просмотрѣны А. М. Ловагинымъ. Спб. 1903. Изд. А. С. Суворина. 4° XVIII+189.

Мейербергъ (или по русскимъ документамъ фонъ-Мееркъ) прибылъ вмѣстѣ съ Горациемъ Кальвицемъ и въ сопровождѣніи, между прочимъ, двухъ художниковъ, 15-го мая 1661 г. въ Москву во главѣ посольства, отправленного австрійскимъ императоромъ Леопольдомъ I къ царю Алексѣю Михайловичу. Въ Россіи посольство оставалось около 1½ года. Возвратившись въ началѣ 1663 г. въ Вѣну, Мейербергъ обработалъ собранныя имъ во время своего путешествія материалы и записи, украсилъ ихъ 140 рисунками и снабдилъ ихъ поясненіями. Что особенно замѣчательно въ альбомѣ, такъ это то, что все, сообщаемое путешественникомъ о Россіи (не только даты, имена, тексты переводовъ, но даже техническіе термины, титулы и т. п.), отмѣчено печатью точности и достовѣрности. Вспомнимъ, что М. О. Бодинскій, восхищенный столь высокими и столь рѣдкими въ иностраницахъ, писавшими о Россіи, достоинствами «Путешествія» Мейерберга, хотѣлъ видѣть въ немъ славянина «изъ рода силезскихъ небогатыхъ дворянъ» и предполагалъ, что онъ могъ хорошо знать русскій языкъ.

И вотъ «Альбомъ»—это лучшее пособіе для изученія московской старины XVII в. теперь является въ русскомъ изданіи А. С. Суворина. Тутъ мы находимъ воспроизведенныя фотомеханическимъ путемъ не только виды городовъ, дворцовъ, монастырей, церквей и многихъ археологическихъ предметовъ, а также портреты лицъ царскаго дома, бояръ и духовныхъ лицъ, вѣрное изображеніе костюмовъ, но срисованныя довольно художественно и этнографически - вѣрно цѣлые сцены (какъ картины пріемовъ посольства, царскихъ поѣзда, обрядовъ похороннаго, погребальнаго, и т. д.).

Мейербергъ не ограничился въ своемъ «Путешествіи» однимъ текстомъ, онъ сопровождаетъ рисунки обширными объясненіями, которые были переведены Аделунгомъ, а нынѣ переиздавы Ловагинымъ, расширившимъ ихъ слишкомъ длинными комментариями.

Однимъ словомъ, «Альбомъ» Мейерберга—книга, весьма важная и интересная въ археологическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ.

Бѣлокуроевъ, С. А. Изъ духовной жизни московского общества XVII вѣка. 1) Сказаніе объ Успеніи Пресв. Богородицы, правленное царемъ Алексѣемъ. 2) Дѣяніе московскаго церковнаго собора 1649 года. 3) О записномъ приказѣ. 4) Юрій Крыжаничъ въ Россіи. Издание И. Общества исторіи и древностей российскихъ. М. 1903 1—294 и 1—302.

Замѣчательный славянинъ Крыжаничъ уже 1½, вѣка не перестаетъ привлекать къ себѣ вниманіе нашихъ изслѣдователей русской старины и они находятъ все новые любопытныя стороны въ его жизни и дѣятельности. И С. А. Бѣлокуроевъ посвящаетъ ему почти ¾ своей книги съ цѣлью выясненія личности этого загадочнаго скиталяца. Г. Бѣлокуроеву удалось отыскать цѣлую серію остававшихся до сихъ поръ неизвѣстными документовъ объ этомъ даровитомъ и энергичномъ сербѣ - католицѣ, и потому изслѣдовавшемъ московскаго ученаго бросаетъ новый и яркій свѣтъ на тѣ мотивы и стремленія, которыми руководилася Крыжаничъ въ своей дѣятельности. Длинный рядъ ученыхъ, занимавшихся біографіей и сочиненіями Крыжанича, въ своихъ взглядахъ на него рѣзко раздѣляются на двѣ главныя группы: одни считаютъ его фанатическимъ пропагандаторомъ церковной уніи между русскими и западными народами, подъ главенствомъ римскаго папы; другіе видятъ въ Крыжаничѣ убѣждевшаго панслависта, проводника идеи политического объединенія всѣхъ славянъ. Спасенія для нихъ онъ ждалъ отъ одной свободной Россіи, къ которой и устремлялъ свои взоры. Г. Бѣлокуроевъ въ своемъ изслѣдованіи пришелъ къ слѣдующему выводу: «Воспитаникъ конгрегаціи пропаганды вѣры, Крыжаничъ

все время мечталъ только объ одномъ — объ обращеніи «схизматиковъ», распространеніи католичества и учіи восточной и западной церкви. Съ 22-лѣтняго возраста онъ начинаетъ толковать объ этомъ; годы не останавливаютъ его. И въ зрѣлый періодъ жизни его любимымъ занятіемъ было обличеніе схизмы. Онъ всѣмъ жертвуетъ для своей мечты: кидаетъ родину, мать, общественное положеніе и идетъ въ дальнюю Москвию съ единственою цѣлью — привлечь въ католичество русскихъ или, по крайней мѣрѣ, подготовить почву къ этому. Пребываніе въ Сибири не заставило его перемѣнить свои убѣждевія. И выѣхавъ изъ Россіи, онъ продолжаетъ все твердить старое. Предъ нами убѣжденный дѣятель въ пользу католичества, остававшійся вѣрнымъ ему до своей смерти. Не политика наполняла его сердце, не славянствомъ занята его душа. Всѣ его политico-экономическая, историческая и другія сочиненія имѣли одну цѣль — приобрѣсти большое довѣріе, чтобы, затѣмъ, въ опредѣленное время дѣйствовать *ad maiorem Dei gloriam*. (стр. 291).

Минаевъ, И. П. Путешествіе Марко Поло. Переводъ старо-французского текста. Изд. И. Русск. Географического Общества, подъ редакцією В. В. Бартольда. (Записки И. Р. Г. Общ. по Отд. Этнографії. Томъ XXVI). Спб. 1902. 1—XXI+1—355.

Значеніе путешествія Марко Поло въ исторіи ознакомленія европейцевъ съ Востокомъ давно опѣнено по достоинству. Умный и наблюдательный венеціанскій торговецъ — авантюристъ, многое пропутешествовавъ, о цѣломъ рядѣ странъ, отчасти и до сихъ поръ недостаточно изслѣдованныхъ, отъ пустынь Персіи до Японіи, отъ Ледовитаго океана до Зондскихъ острововъ, Завибара и Мадагаскара, Марко Поло первый изъ европейцевъ далъ сколько-нибудь точныя свѣдѣнія. Заслуги такого путешественника, по замѣчанію лучшаго комментатора его, Юля, таковы, что одного перечия сдѣланныхъ имъ географическихъ открытій достаточно для того, чтобы обезпечить ему неувадаемую славу.

Самъ М. Поло не написалъ книги о своемъ путешествіи. Его разсказы были записаны съ его словъ другими, и только о первой, по времени, записи можно сказать, что она была сдѣлана подъ диалогу самого путешественника.

Въ 1298 г. М. Поло, находясь въ Генуѣ, въ качествѣ военно-плѣнного, продиктовалъ на французскомъ языке разсказъ о своихъ путешествіяхъ своему товарищу по заключенію, пизанцу Рустичіано.

Вернувшись въ Венецію въ 1299 г., М. Поло еще 25 лѣтъ прожилъ въ своемъ родномъ городѣ и часто рассказывалъ о своихъ путешествіяхъ. Записанные, такимъ образомъ, рассказы возбудили всеобщее любопытство, вызвали различныя версіи, явились многочисленные переводы почти на всѣхъ культурныхъ языкахъ, привлекли къ себѣ вниманіе многочисленныхъ ученыхъ комментаторовъ, географовъ — явились цѣлая литература о «Путешествіи М. Поло».

Въ Россіи было два изданія его: первое въ 1861—2 гг. въ «Чтенихъ Общ. исторіи и проч. (отд. изд. 1863 г.), а второе — въ 1873 г. въ Спб.—ѣ. Оба перевода не представляютъ сколько нибудь научнаго издава «Путешествія» М. Поло. Были у насъ и комментаторы его (арх. Палладій, Григорьевъ, Ханыковъ и др.)

Нашъ известный знатокъ буддизма, проф. И. П. Минаевъ, первый взялъ на себя трудъ дать русской публикѣ переводъ книги М. Поло, удовлетворяющій научнымъ требованіямъ, но за преждевременною кончиною его это дѣло не было доведено до конца. Теперь, по предложенію Географическаго Общества, редактированіе и издаваніе перевода Минаева принялъ на себя г. Бартольдъ. Въ «Предисловіи» имъ изложены: постепенное развиціе европейской литературы о «Путешествіи», принятая Минаевымъ система его перевода и порядокъ вынѣшнаго его изданія. Тексту предшествуетъ списокъ пособій, которыми предполагалъ пользоваться Минаевъ.

О Россіи М. Поло, между, прочимъ говорить: «Россія большая страна на сѣверѣ. Живутъ тутъ христіяне греческаго исповѣданія. Тутъ много царей и свой собственный языкъ; народъ простодушный и очень красивый; мужчины и женщины бѣлы и блонкуры (въ другой версіи [Рамузіо] это мѣсто читается такъ: «они очень

красивые люди, бѣлые и высокіе; ихъ женщины также бѣлые и высокія, съ блондинами и длинными волосами). На границѣ тутъ много трудныхъ проходовъ и крѣпостей. Давнѣ никому они не платятъ, только немногому царю запада; а онъ татаринъ и называется Тахтактай (разумѣется здѣсь золотоординскій ханъ Тохта или Тохтугы: 1290—1312 гг.); ему они платятъ дань и никому больше. Страна эта не торговая, но много у нихъ дорогихъ избѣхъ, высокой цѣнности; у нихъ есть и соболя, и горностаи, и бѣлки, и множество славныхъ лисицъ, лучшихъ въ свѣтѣ. Много у нихъ серебряныхъ рудъ; добываются они много серебра... Знайте, по истинной правдѣ, самый сильный холодъ въ свѣтѣ въ Россіи; трудно отъ него укрыться. Страна большая, до самого моря-океана (336—7).

Шейнъ, П. В. Материалы для изученія быта и языка русского населенія Сѣверо-западного края. Т. III. Спб. 1902. Изъ Сборника Отдѣленія русск. языка и словесности И. Академіи Наукъ. Т. LXXII, стр. III—IV+535.

Третій томъ своихъ «Материаловъ» Шейнъ готовилъ къ изданію при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, когда физическія силы нашего преданного дѣлу этнографа уже покидали его, и онъ склонился въ моментъ корректированія листовъ этого тома. Завершеніе такой издательской работы принялъ на себя проф. Е. Ф. Карский. Тѣмъ не менѣе, третій томъ сборника Шейна представляетъ богатые и цѣнныя материалы по белорусской этнографії. Его наблюденія и сообщенія его корреспондентовъ обнимаютъ собою почти всѣ стороны материальной культуры белоруссовъ и ихъ духовной жизни. Въ 1-мъ отдѣлѣ своихъ «Материаловъ» Шейнъ помѣстилъ: описание жилищъ, одежды, пищи, игръ, занятій, вѣрованій, обычного права въ наслѣдованіи, и т. д.; во 2-мъ: землемѣрческіе обряды и обычаи, колдовство, чародѣйство, захарство, вѣдмарство, лѣченіе больнѣй, средства отъ разныхъ напастей, повѣрія, суевѣрія, и т. д. Наиболѣе интересны въ этнографическомъ отношеніи очерки: Рождественскія «свята» (щедрый вечѣръ, колядки, святки, вертепъ или «беглѣйки», разыгрываемыя въ лицахъ сцены, и т. д. Стр. 112—154), (254), народные разсказы о «вовкулакахъ» (253, суевѣрья относительно постройки дома (317), свадебный обрядъ въ уѣздахъ Мозырскомъ, Новогрудскомъ въ Слуцкомъ

ВЪ РЕДАКЦІЮ «ЖИВОЙ СТАРИНЫ» ПОСТУПИЛИ КНИГИ:

Отчетъ о состояніи Астрах. общ. б-ки за 1901 г. (съ основ. 64-й). Астрахань. 1902 г.

Отчетъ по Минусинскому мѣстному Музею и общественной библіотекѣ за 1902 г. Минусинскъ. 1903.

Обзоръ кустарныхъ промысловъ Россіи, составл. Н. В. Пономаревымъ, подъ редакцією Д. А. Тимирязева. Спб. 1902.

Съездъ дѣятелей по кустарной промышленности. Доклады (1—24). Спб. 1902.

Кустарные промыслы Ярославской губерніи. Издание Ярославскаго губернскаго земства (1—10). Яросл. 1902.

Указатель Всероссійской Кустарно-Промышленной Выставки 1902 года. Спб. 1902.

Извѣстія Красноярскаго подѣлѣя Восточно-Сибирскаго отдѣла Имп. Русскаго Географическаго Общества. Т. I, вып. III. Красн. 1902.

Липскій, В. И. Горная Бухара. Ч. I. Гиссарская экспедиція 1896 года. Изд. Имп. Русск. Географическаго Общества, подъ ред. И. В. Мушкетова. Спб. 1902.

Бобринскій, гр. А. А. Секта Исмаилъ въ Русскихъ и Бухарскихъ предѣлахъ Средней Азіи. М. 1902 г.

Погодицъ, А. А. Сборникъ статей по археологии и этнографіи. Изд. М. О. Иванова. Спб. 1902.

Минаевъ, И. П. Путешествіе Марко Поло. Переводъ старо-французскаго текста. Изд. Имп. Русск. Географ. Общ., подъ ред. В. В. Бартольда. Спб. 1902.

ОТДѢЛЪ IV.

ВОПРОСЫ И ОТВѢТЫ.

Общинное землевладѣніе.

(Письмо изъ г. Кадникова)

Прежде всего я задаю себѣ вопросъ: что такое община? Община, по мнѣнию моему, есть самое драгоцѣнѣйшее, справедливѣйшее, великое изъ человѣческихъ учрежденій и вполнѣ соответствующее ученію Господа нашего Иисуса Христа. Начало формы крестьянскаго землевладѣнія у насъ искони общинной, какъ наиболѣе любимой народомъ, теряется во мракѣ вѣковъ. Эта форма землевладѣнія на столько крѣпко укоренилась въ народномъ сознаніи, что ни татарское иго, ни крѣпостное право не могли стереть ея. Важно еще и то, что «община является результатомъ совершенно сознательной работы народной мысли», говорить г. Пругавинъ въ своей статьѣ: «Къ вопросу о разрушении крестьянскихъ общинъ»¹.

Къ сожалѣнію, въ послѣднее время число враговъ общинъ съ каждымъ годомъ все прибываетъ. Что община въ теперешнемъ своемъ видѣ «мало отвѣтаетъ идеалистическимъ воззрѣніямъ на русскаго крестьянинъ», замѣчаетъ Кавелинъ въ своемъ письмѣ къ автору статьи «Общинное землевладѣніе» г. Иванюкову², въ этомъ еще бѣда не велика, надо прежде всего знать: каковы эти идеалистические воззрѣнія; нѣть ли въ нихъ недостатка?

Пишущій эти строки, будучи самъ крестьянского происхожденія и владѣющій до сихъ поръ частью общинной земли, смѣю утверждать, что община и въ настоящемъ своемъ видѣ есть самая справедливѣйшая изъ формъ землевладѣнія и, что важнѣе всего, возвращаетъ, восплатываетъ, сохраняетъ общественность между людьми, взаимопомощь и любовь; въ общинѣ въ большинствѣ случаевъ нѣтъ места эгоистическому чувствамъ, чувству зависти. Ничего подобнаго не можетъ быть при разъединеніи крестьянъ: тогда будетъ развиваться эгоизмъ и отсюда сутяжничество, что неизбѣжно послѣдовало бы при переходѣ крестьянъ на подворно-наслѣдственное землевладѣніе.

Я вполнѣ согласенъ съ авторомъ письма, Кавелинымъ, что община «можетъ сослужить великую службу и стать могучимъ, ничѣмъ не замѣнимъ средствомъ для правильного устройства и обезнеченія быта сельскаго населенія», если освободить ее отъ всякихъ выѣзжихъ путь, въ видѣ излишнихъ административныхъ воздействи, и кое-чѣмъ дополнить. Не разрушать нужно общину, а очищать ее отъ всякихъ наслоеvий, какъ, напр., отъ оценки надъ крестьянской жизнью и отъ идеалистическихъ и иныхъ воззрѣній съыхъ интеллигентовъ, желающихъ перестроить это великое учрежденіе, забывая, что отъ этого можетъ получиться «тришель каftанъ». Вѣдь обо всемъ этомъ общину не спрашиваютъ, а каждый хочетъ кроить ее по своему?

¹ «Русская Мысль» 1884 г. кн. 7.

² «Русская Мысль» 1885 г. кн. 1.

Нельзя не согласиться съ г. Ермолинскимъ, что «общинное землевладѣніе должно обеспечивать землю всѣхъ своихъ членовъ; каждый членъ общины долженъ имѣть одинаковое право со всѣми на извѣстную долю мѣрской земли и община всегда должна удовлетворить его»¹, что — скажу отъ себя — община и дѣласть: здесь всякий человѣкъ имѣть хоть клоочекъ да своей землицы, на которой (въ родномъ углу) подъ старость можетъ сложить свои кости.

Число враговъ общинного быта все увеличивается, особенно со стороны людей не крестьянского происхождѣнія. Разрушенію общины помогали многія обстоятельства. «Игнорированіе закономъ и его представителями народной жизни,— говорилось 20 лѣтъ назадъ — стремленіе урегулировать ее начальами, намъ чуждыми, создало атмосферу, благопріятствующую индивидуализму въ его борьбѣ съ общиннымъ бытомъ, и въ этой атмосфѣрѣ задыхается община»².

Теперь Особый Совѣтъ-шаненіемъ и мѣстными Комитетами о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности разматривается вопросъ объ общинномъ землевладѣніи. Молчать въ такое время я считаю для себя непозволительнымъ,— пусть статья моя будетъ признана плохой и мои взгляды на общину слишкомъ оптимистичными.

Начну съ недостатковъ общинного землевладѣнія, какіе обыкновенно выскказываются врагами его. Къ числу такихъ недостатковъ относятъ:

- а) Частые передѣлы земли, якобы связывающіе руки у трудолюбиваго крестьянинна удабривать свои полосы;
- б) Черезполосное владѣніе, какъ такая форма владѣнія землею, которая требуетъ принудительной обработки и препятствуетъ развитію сельскохозяйственной культуры;
- в) Бруговая порука;
- г) Принудительная форма пастьбы скота.

Всѣ эти недостатки общинного землевладѣнія только кажущіеся, которые, при первомъ серьезному взгляду на дѣло, исчезаютъ, какъ дымъ отъ вѣтра.

Коренные перѣды земли бываютъ такъ рѣдки (чрезъ 20—30 лѣтъ),— по крайней мѣрѣ въ Кадниковскомъ уѣздѣ, что думать о томъ, будто бы трудолюбивый крестьянинъ, опасаюсь, что его полоса при перѣдѣлѣ перейдетъ къ другому, вѣ будетъ ея удобрять,—думать такъ о нашемъ крестьянинѣ просто невозможно. Не только особенно трудолюбивый, но и самый обыкновенный крестьянинъ старается всѣми силами пропахать свою полосу, какъ можно лучше, удобрять и холить ее, какъ «натуру-корнилицу», и всколько не думай о томъ, что полосы его когда-нибудь перейдуть къ другому. Во-первыхъ, его понуждастъ поступать такъ чувство самоохраненія: пытаться надо каждый день и ждать 20 л. нового перѣдѣла не приходится; во вторыхъ, вспахавшаго плохо свою полосу засѣаютъ сосѣди. Вотъ два рычага,двигающіе нашего землевладѣльца къ труду, а не къ лѣни. Конечно, не всѣ полосы общинной земли одинаково удабриваются и одинаково распахиваются, но это происходитъ зачастую не по винѣ пахаря, а по причинѣ его бѣдности: если у него одна коровенка да лошадь, еже передвигающая ноги, то, само собою разумѣется, онъ не можетъ хорошо удобрить и пропахать своихъ полосъ, хотя бы такой пахарь и обладалъ силой, чего, къ слову сказать, почти никогда не можетъ быть при скучномъ его питаніи.

Зла кому-либо отъ перѣдѣловъ земли, по моему, не можетъ быть; напротивъ, они приносятъ громадную пользу общинѣ: возстановляютъ нарушенную временемъ несправедливость по владѣнію общей землею. «Коренными перѣдѣлами достигается важная и основная задача общинного землевладѣнія — уравнительное, сообразно личному составу семей, распределеніе земли между всѣми домохозяевами общины», утверждаетъ Г. Пругавинъ.³

Частные перѣды земли тоже имѣютъ важное экономическое значеніе въ жизни крестьянъ. При этихъ перѣдѣлахъ практикуется «навалка» душевыхъ надѣ-

¹ Выкупные платежи и коренные перѣды мѣрской земли. «Слово» 1881 г. кн. 4.

² Щепотьевъ: Общинное землевладѣніе на сѣверѣ. «Русская Мысль» 1883 г.

³ Ibidem.

ловъ въ тѣхъ общинахъ, гдѣ платежи превышаютъ доходность земли, и передача земли отъ умершихъ малолѣтнимъ тамъ, гдѣ доходность земли превышаетъ платежи. Однимъ словомъ, будетъ ли доходъ отъ владѣнія землею или убытокъ — община уравнивается все это между своими членами, притомъ, съ удивительной справедливостью. Гдѣ существуютъ передѣлы — тамъ и община.

Вторымъ недостаткомъ общинного владѣнія обыкновенно выставляется чрез-полосность владѣній, дробность полосъ, вслѣдствіе чего единичнымъ личностямъ нѣть возможности вести болѣе интенсивное хозяйство, чѣмъ существующее, т. е. перейти съ трехпольной системы на многопольную, съ поперечнымъ боронованіемъ выключительно. Но и этотъ недостатокъ, кажется, слишкомъ преувеличенъ. Во-первыхъ, черезполосица существуетъ не по какому-нибудь вредному обычая или жажды большинства членовъ общества, а потому, что въ одномъ и томъ же полѣ или пожѣ существуетъ различная почва земли, дающая и различную плодородность. Не будь черезполостного владѣнія, случилось бы то, что одни и, конечно, болѣе сильные и богатые однообщественники владѣли бы хорошими, плодородными участками земли, а другие — бѣдные — худшими, тягость же платежей несли бы одинаково, значитъ, явилась бы воплощенная несправедливость, чего община всегда избѣгаетъ и — слава Богу! Представимъ себѣ поле въ 50 дес. пашни, которое требуется раздѣлить на 50 домохозяевъ, у которыхъ одинаково количество и надѣловъ (чего, конечно, не бываетъ). Дѣлить чего казалось бы проще: каждому дается по одной десятинѣ, съдовательно, раздѣлить все поле въ это число участковъ и — дѣлу конецъ. Но на практикѣ выходить не такъ: въ числѣ 50-ти десятинъ есть 10 дес. очень хорошей, мягкой земли, 10 д. глинистой, 10 дес. каменистой, 10 дес., положимъ, сильно песчаной и 10 дес. болотистой. Какъ тутъ дѣлить на участки? Кому достанется мягкая, хорошая земля, тутъ долго будетъ съ хѣбомъ, а кому достанется песчаная или болотистая, тутъ долго будетъ голодать. Такой несправедливости община не терпить, потому что «каждому, вѣдь, жить надо», говорить мѣране¹. Поэтому, дѣлать землю всегда такъ, чтобы каждому домохозяину досталось по полосѣ того, другого и третьаго качества земли. Съдовательно, въ упомянутомъ полѣ должно быть не менѣе какъ по 5-ти полосѣ на каждого. Но и это рѣдко бываетъ, такъ какъ, кромѣ плодородности земли, при дѣлѣніи играетъ роль и разстояніе отъ деревни. Есть земля возлѣ самыхъ дровъ — «одворье»; есть и въ 2-хъ верстахъ отъ деревни — «озадки», т. е. задняя часть поля. Вотъ уже задача раздѣла нѣсколько усложняется, ибо для каждого очевидно, что обрабатывать землю и удобрять ее возлѣ самой деревни или за 2 отъ нея — не одно и то же. Чтобы взѣсть и уровнять это земельное обстоятельство по всей справедливости, «по-божески», придется еще увеличить число полосъ.

Въ пахотной землѣ такихъ условій или различій еще не такъ рѣзко бросаются въ глаза. Что касается съ и о к о с а, то разстояніе тутъ играетъ громадную роль. Сѣнокосная земля (луга) тоже есть возлѣ самой деревни, и есть «чищеники» за 10—15 верстъ отъ нея. Съ полосы возлѣ деревни я, замѣтивши тучу, могу сѣять съ семьюю и убрать сѣно до дождя, чего за 15 в. сѣять уже немыслимо.

Изъ вышеприведенныхъ примѣровъ видно, что черезполосица ужъ не такое зло, чтобы стоило изъ-за нея уничтожать общинное землевладѣніе.

Надо еще принять во вниманіе, что у крестьянъ существуетъ обычай и вѣянье съ полосами, если условія иѣны подходящі. Гдѣ же крестьяне находить владѣніе узкими полосами болѣе справедливымъ и выгоднымъ для каждого изъ нихъ (при различной почвѣ и разстояніи), то есть ли основаніе насильно навязывать имъ какіе-то «округленные участки», ради поперечного боронованія. Послѣдніе рекомендовалъ нѣкогда проф. г. Иванюковъ. Теперь я отвѣтилъ бы ему его же словами, что «съ звѣковыми народными обычаями надо обращаться очень осторожно, особенно въ такомъ сложномъ и щекотливомъ дѣлѣ, какъ сельское хозяйство и поземельные отношенія».

¹ См. мою статью: «На мѣрскомъ передѣла земли». «Живая Старина», годъ 9-ый, вып. I, отд. II, 130—138.

Что касается того мѣнія, что общинное землевладѣніе вообще и черезмолесица, въ частности, являются препятствіемъ въedenію болѣе и втѣсненнаго хозяйства, то на такое мѣніе можно сказать, что ни та, ни другая форма землевладѣнія не служить причиной консерватизма въ хозяйстѣ, а мы должны заглянуть поглубже въ обстановку крестьянской жизни и тогда увидимъ иѣчто другое. По моему убѣженію, главнымъ препятствіемъ для крестьянъ къ переходу съ трехпольного хозяйства на многопольное, съ травосѣяніемъ въ поперечныхъ боронованіемъ исключительно, является недостатокъ у нихъ удобной земли, отсутствие материальныхъ средствъ въ малокультурности. Устраните причину—слѣдствіе уже явится само собою, появятся и многополье, и молотилки, и вѣялки, и жнецы и т. п., и община этому не воспрепятствуетъ. Теперь же довольно наивно говорить о томъ, чтобы крестьяне завели многопольное хозяйство съ травосѣяніемъ, перелогами, съ поперечнымъ боронованіемъ округленныхъ участковъ, при наличности такого количества пахотной земли, имѣющагося въ нихъ владѣніи, чрезъ которую, по остроумному замѣчанію самихъ крестьянъ «саяць перескочить».

При общинномъ землевладѣніи, какъ извѣстно, существуетъ круговая по рука, которую вообще принято считать несправедливостью и бременемъ для трудолюбивыхъ крестьянъ. Между тѣмъ, она, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, является благодѣтельной формой общежитія. На самомъ дѣлѣ будетъ ли несправедливостью помочь (хотя бы уплатою податей) обществомъ тому изъ своихъ членовъ, у котораго случилось какое-нибудь несчастіе: домъ ли сгорѣлъ, погибло ли отъ пожара гумно съ хлѣбомъ, болѣзнь ли случилась съ нимъ или, ваконецъ, лошадь пала. По моему—иѣть: «съ миру по нынѣ, а голому рубашка», какъ говорить русская пословица. Нельзя подводить подъ одну мѣрку жизнь городского общества и жизнь деревни, общины, гдѣ въ людяхъ меньше эгоизма и больше искры Божіей. Безъ сомнѣнія, за послѣднее время бывали случаи злоупотребленія круговою порукой по платежамъ (да гдѣ не бываетъ злоупотребленій!) со стороны лѣнинцевъ и пьяницъ. Но первыхъ встрѣчается вообще очень мало, а вторые большую частью люди психически больны и заслуживаютъ, поэтому, если не состраданія, то снисхожденія. Но вѣдь общество можетъ временно отобрать землю такихъ неисправныхъ крестьянъ и отдать болѣе трудолюбивому члену общины, чтобы изъ-за нихъ не разорять себя. Правда, земля эта часто не приноситъ столько дохода, сколько за нее надо платить, такъ что «навалка» надѣловъ для другого является убыточною. Но на это можно сказать: кто же въ этомъ виноватъ? начало ли круговой обязательной поруки или несоразмѣрность налоговъ съ доходностью надѣла? Общинное ли землевладѣніе или податная система?

У насъ каждому, конечно, извѣстно, по какой дорогой цѣнѣ поступила земля въ надѣль крестьянамъ при уничтоженіи крѣпостного права,—земля, зачастую нехорошаго качества, но принятая послѣдними безропотно ради личной свободы. Это чувство личной свободы было такъ высоко приподнято въ то время, что о качествѣ земли, ея выгодности или убыточности никому изъ крестьянъ и въ голову не приходило.

Теперь прошло съ тѣхъ поръ болѣе 40 л. и мы, разматривая хладноокровно эту сдѣлку между помѣщикомъ и его рабомъ—крестьяниномъ, убѣждаемся, что она была очень невыгодна для послѣднаго, особенно въ нашемъ Сѣверномъ краѣ, гдѣ земля цѣнилась въ то время въ большинствѣ случаевъ отъ 50 к. до 5 рублей за десятину. Выраженная въ мѣстномъ Комитетѣ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности желательность понижения выкупныхъ платежей встрѣтила въ немъ полное сочувствіе и онъ высказался въ положительномъ смыслѣ.

Наконецъ, надо быть послѣдовательнымъ и справедливымъ передъ своимъ правительствомъ: разъ владѣльцемъ надѣльной земли является община, какъ одно юридическое лицо, а не Иванъ, не Петръ, то и платежи за эту землю, какъ и мѣрской сборъ, должна платить община же.

Что касается той же круговой поруки по другого рода платежамъ, какъ, напр., большинный сборъ, т. е. плата за лѣченіе гдѣ-либо заболѣвшаго члена общины, который не въ

состояніи быть уплатить за лѣчение самъ и его родственники, то нѣ этомъ отношеніи круговая порука безусловно должна быть отмѣнена, такъ какъ община вѣдь не причемъ, какъ не причемъ она и по личевыи долгамъ своего члена. Въ самомъ дѣлѣ, какой-нибудь парень уходитъ изъ общины на фабрику, заводъ или куда-либо на заработки, вообще на чужую сторону и тамъ заболѣваетъ, напр., сифилисомъ; съ общества за лѣчение такого проболѣвшаго однообщественника взыскивается 30 — 50 р. Чѣмъ общественно виновато? Вотъ подобные этому сборы и создаютъ враговъ общины, даже среди ся самой изъ зажиточныхъ и трудолюбивыхъ крестьянъ-землевладѣльцевъ. И это понятно. Кому хочется отданать свои заработанные потѣмъ и кровью деньги за какого-нибудь гуляку. Но, вѣдь, такое ненормальное явленіе легко устранить, такъ сказать, очистить общину отъ ваноса, стонть только отмѣнить круговую поруку по всемъ платежамъ, которые ничѣмъ не связаны съ владѣніемъ землею. Но устраненіи причины этого явленія не будетъ и недовольства въ общинѣ ни отъ одного члена ся.

Относительно приходительной пастьбы скота скажу словами г. Постникова: «Полъ пастьбой скота нельзя разумѣть нѣчто ненормальное, одноформенное, ведущее, какъ утверждаетъ г. Рожеръ, къ такой-то системѣ хозяйства; напротивъ, характеръ выпаса скота видозмѣняется соответственно той системѣ, какая принимается въ извѣстномъ селеніи»¹. Ясно, выпасъ скота не можетъ служить тормазомъ къ замѣнѣ существующей системы хозяйства боже лучше. Улучшеннія въ хозяйствѣ какъ большія, такъ и малыя не исключаютъ общинного землевладѣнія, какъ и общинное землевладѣніе не исключаетъ ихъ. Это давнишняя истина, но часто забываемая людьми, желающими издалека заправлять крестьянской жизнью. Понятно до очевидности, что всякий улучшениія въ хозяйствѣ возможны и при общинномъ порядкѣ, и если ихъ нѣть у насть, то вину тому не община, а нѣчто другое, скорѣе недостатокъ средствъ дѣлать коренные улучшениія. Чтобы возможно было поднять сельское хозяйство нашихъ крестьянъ на ту высоту, на которой стоять хозяйства въ Пруссіи и Англіи, для этого прежде всего нужно поднять на ихъ же высоту уровни образования и экономического благостоянія нашего землевладѣльца. У насть всякий, претендующій на званіе образованнаго человѣка, говорить, что крестьяне невѣжественны, грубы, косны, и т. п., что хозяйство ими ведется самыми первобытными способами, а никто не хочетъ задать себѣ вопроса: почему? почему они невѣжественны? Не потому ли, что школы хорошихъ нѣть, и если есть, то онѣ не всегда доступны для крестьянина. О необходимости поднятія у насть народнаго образования поднимался вопросъ и въ мѣстномъ Комитетѣ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Къ части нашихъ земствъ надо отнести, что они дѣлаютъ все, что возможно къ поднятію народнаго образования на надлежащую высоту, но средства ихъ слишкомъ ограничены, чтобы можно было достигнуть желаемаго уровня народнаго просвѣщенія, а потому является настоятельной надобностью въ ходатайствѣ — чтоб единогласно призналъ Комитетъ — о томъ, чтобы казна пришла земству на помощь въ этомъ дѣлѣ, какъ дѣлѣ общегосударственномъ, хотя бы принятиемъ на сной счетъ половины земскихъ расходовъ по народному образованію. Не потому ли хозяйство у крестьянина ведется плохо, что часто у него нѣть средствъ на покупку 1 п. ржавой пушки! Да и улучшеннія возможны лишь при извѣстномъ, достаточномъ количествѣ земли. Обвинять крестьянъ очень легко, но прежде чѣмъ обвинять ихъ въ чемъ-либо, надо знать ихъ жизнь, ихъ правовое и иное положеніе; иначе, это обвиненіе не будетъ основательно: лежачаго не бывать.

Вотъ тѣ главные недостатки общинного землевладѣнія, какіе обыкновенно предъявляются къ нему и которые, на мой взглядъ, не имѣютъ никакого значенія.

Теперь посмотримъ на достоинства общинного порядка.

Уже было замѣчено, что община есть лучшая изъ формъ человѣческаго общества; теперь скажу о землевладѣніи.

По моему мнѣнію, общинное землевладѣніе нужно сохранить уже потому, что оно не даетъ деревенскаго пролетариата, этого страшнаго бича въ западныхъ государствахъ

¹ Общинное землевладѣніе. Вып. 1.

и, отчасти, уже у насъ въ городскихъ и фабрично-заводскихъ поселеніяхъ. Въ деревнѣ у насъ каждый миѣть хоть малую долю своей земли, а это очень важно. Съ переходомъ же на подворно-наслѣдственное землевладѣніе случится то, что незабѣжно должно случиться, а именно: ить первые же годы, когда надѣльная земля будетъ предметомъ купли-продажи, большая часть крестьянской земли перейдетъ тѣмъ или инымъ путемъ въ руки болѣе сильныхъ въ обществѣ «богатѣевъ», а остальная часть общества обезземелится и будетъ вѣчными рабами богачей (изѣстная часть его превратится и въ «золотородцы») и, такимъ образомъ, настанетъ новое крѣпостное право, гораздо худшее, чѣмъ было помѣщичье¹. Такому печальному явленію есть уже примѣры. Такъ, въ 80-хъ годахъ XIX в. г. Григорьевъ при своемъ изслѣдованіи, на основаніи земско-статистическихъ данныхъ, по Полтавскому и отчасти Зеньковскому уѣзду, Полтавской губерніи, писалъ (помнится, — въ «Отеч. Зап.»), что личное подворное владѣніе тяжело отыскивается на сельскомъ хоایствѣ въ общегосударственномъ значеніи. Естественнымъ послѣдствіемъ наслѣдственной формы владѣнія землей является усиленная мобилизация земельной собственности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сосредоточеніе значительныхъ участковъ земли въ рукахъ однихъ («богатырей») на счетъ полнаго обезземелія другихъ. Дробленіе усадебнаго участковъ дошло до предѣловъ возможнаго, возникли крайняя череполосница и много-полосница, а отсутствие формальныхъ юридическихъ актовъ на переходъ земли изъ рукъ въ руки породило безконечные споры и раззорительный тяжбы. Такой результатъ крестьянско-земельного уклада едвали кому-либо желателенъ, а потому склоняло бы сохранить общинную форму землевладѣнія даже послѣ выкупа надѣльной земли обществомъ. Надо вамъ быть признателными Законодателю за то, что онъ, ради сохраненія общины, ограничилъ выкупъ надѣльной земли отдельными домохозяевами. Лишь въ этомъ одномъ желательна какъ бы исключительность закона о крестьянахъ. Принимая во вниманіе, что существуютъ же маѣратныя владѣнія, которыхъ разнятся отъ общины лишь тѣмъ, что тамъ закрѣпляется земля за родомъ, а здѣсь должна закрѣпляться за обществомъ, — вся и разница почти въ одномъ этомъ, сг҃д. такое землевладѣніе возможно въ поселянскомъ быту. Нѣть сомнѣнія, когда народъ умственно поразовьется, то и при общинномъ землевладѣніи перейдетъ безъ всякихъ привидительныхъ мѣръ къ болѣе интенсивному хозяйству. Притомъ, необходимо освободить крестьянство отъ обязанности нести службу сотенъ, десятъ, отъ карауловъ, дежурствъ, натуральной дорожной повинности, отъ излишней бюрократической опеки и т. п. Исполненіе крестьянами полицейскихъ должностей отвлекаетъ ихъ отъ работы всегда во время «страды».

Къ числу неблагопріятныхъ условій, вредно влияющихъ на крестьянское благосостояніе и сг҃д., на развитіе сельско-хозяйственной промышленности, представляется исключительность законовъ о крестьянахъ, въ силу которыхъ они могутъ быть подвергаемы, по 61—62 ст. Положенія о земскихъ начальникахъ, позорящему и попирающему человѣческое достоинство тѣлесному наказанію, а также аресту безъ суда до 3—7 дней, отъ чего избавлены всѣ другіе классы населения. Въ виду того, что исключительные законы, въ видѣ тѣлеснаго наказанія и ареста безъ суда, позорятъ, по понятіямъ образованыхъ людей нашего времени, не только того лично, кого они касаются, но, отчасти, и болѣе высшіе классы общества, непрнинимающіе соотвѣтственныхъ мѣръ къ уничтоженію этого пережитка рабства, то въ мѣстномъ Комитетѣ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности было выражено пожеланіе за уничтоженіе подобной аномалии въ справедливыхъ законахъ. Предложеніе объ отменѣ тѣлеснаго наказанія и объ отменѣ ст. 61—62 было встрѣчено въ Бадниковскомъ Комитетѣ сочувственно и принято частью въ немъ, а частью въ Губернскомъ Комитетѣ.

А. А. Шустикоевъ.

¹ Для примѣра я могъ бы указать на письмо одного крестьянина, недавно полученнное мною, въ которомъ онъ проситъ меня продать $\frac{1}{2}$ или всю его крѣпостную землю, потому что у него паля лошадь. Такъ будетъ и съ надѣльной землей крестьянъ, съ тою лишь разницей, что лошадь, съ продажей послѣднаго кочка земли, тогда уже будетъ не нужна. Но несчастіе можетъ случиться у крестьянина и другого рода, напр., дому сгорѣть и надо же для семьи какую-нибудь хибарку построить. И вотъ полетѣла земелька и — въ результатѣ: изѣла семья иппихъ!

По вопросу объ общинѣ.

(Корреспонденція изъ Новгородской губ.)

По поводу «Вопросовъ», помѣщенныхъ въ «Живой Старинѣ» (II выпускъ за 1902 г.), позвольте себѣ привести свои наблюденія надъ жизнью мѣстныхъ крестьянъ, а также мнѣнія самихъ крестьянъ и ихъ отвѣты.

Огромное большинство крестьянъ нашего края даже не имѣть понятія объ иномъ строѣ жизни, кроме общинаго. До освобожденія крестьянъ помѣщики хотя имѣли въ нашемъ краѣ земли въ видѣ лѣсныхъ дачь или покосовъ, но сами вѣдь не жили, усадебъ не имѣли. Послѣ освобожденія крестьянъ малоцѣнныя земли (почва—песокъ и болото) отъ помѣщикъ перешли цѣльными угодьями или въ руки отдельныхъ крупныхъ богачей, какъ лѣса, или во владѣніе крестьянскихъ обществъ, какъ малый лѣсъ, болота и плохіе покосы. Въ нѣкоторыхъ частяхъ нашего уѣзда, гдѣ были помѣщики усадьбы, на мѣстѣ одного крупного владѣнія помѣщика создавались десетки отдельныхъ подворныхъ владѣній. Такія цѣнныя усадьбы не могли попасть въ одинъ руки и переходили къ зажиточнымъ крестьянамъ уже небольшимъ, сравнительно, земельными клочками. На каждомъ такомъ клочкѣ въ нѣсколько десятинъ явились подворное владѣніе. Въ вашей же мѣстности подобныхъ явленій нѣть. Въ бѣсѣдахъ со мною по этому поводу нѣкоторые крестьяне просто удивлялись, какъ это люди живутъ въ одиночку, и задавали мнѣ такие наивные вопросы: «да, вѣдь, имъ скучно. Этакъ и посидѣть ни къ кому нельзѧ сходить; словомъ, не съ кѣмъ перемолвиться». Эта причина, по мнѣнію многихъ, настолько важна, что одна она въ состояніи удержать общину отъ распаденія на подворные участки. О мелкихъ услугахъ сосѣдей, одолженіяхъ въ говорить нечего. Одинъ крестьянинъ говорилъ мнѣ: «я вотъ исправный мужикъ; у меня всякая вещь, струнинъ—все найдется, а и то не могу обойтись безъ сосѣдей. У меня вотъ хозяйка забыла вчера хлѣбы растворить, значитъ, и сиди сегодня голодомъ, еслибы несосѣди. За такимъ пустякомъ не побѣжишь за три версты. У моего сосѣда не только долота или пилы, а и сохи-то порядочной нѣть. Высели такого бѣдяка или хоть и пятерыхъ немимущихъ куданибудь,—да они совсѣмъ пропадутъ. А всего самъ не запасешь». Дѣйствительно, между крестьянами такъ много подобныхъ взаимныхъ услугъ, что онѣ, какъ крѣпкія сѣти, связываютъ общину отъ распаденія. Деревни въ вашей мѣстности довольно большія, демовъ по 80, по 100 и по 150. Поля и покосы иногда находятся далеко. Между крестьянами являются иногда попытки выселиться изъ большой деревни и завести новый «выселокъ» или «новину», но эти случаи крайне рѣдки. Въ одиночку селяки почти не выселяются. Я знаю только два-три подобныхъ случая, но они кончились неудачно. Послѣ двухъ-трехъ лѣтъ одиночества такие пионеры снова возвращались на свое времія пепелища. При выселеніи кого-нибудь изъ сосѣдей, крестьяне даютъ нѣкоторыя льготы: земли во владѣніе ему даютъ больше, помогаютъ перевезти и построиться, но и такая помощь не облазняетъ крестьянъ къ выселенію на новое мѣсто. «Хоть и бѣдѣте жить, да не по-волчьи выть», говорилъ мнѣ одинъ новосель, черезъ три года возвратившійся въ свою деревню. И сами крестьяне смотрятъ на такого сильчака какъ-то подозрительно. Про него непремѣнно кто-нибудь пустить дурную сплетню: то у новосела бѣглые люди пристаютъ, то краденое сбываются, то отъ зanni-

мается выдѣлкою фальшивой монеты и т. п. Выселеніе бываетъ удачное въ томъ случаѣ, когда выселается сразу въ сколько семействъ, хотя въ такие случаѣ рѣдки.

Появляется причина, побуждающая вашихъ крестьянъ дорожить насиженнымъ мѣстомъ и избѣгать переселеній, хотя бы и недалекихъ. Почва въ Уломской мѣстности, обнимающей собою 11 волостей, т. е. третью уѣзда, очевь неплодородна, въ много трудовъ и затратъ нужно положить новоселу, чтобы скудная земля родила хлѣбъ. Поля и покосы нужно огородить, а это потребуетъ сразу затраты въ вѣсколько десятковъ рублей. Когда всѣ угодья общія, то на долю каждого владѣльца приходится сравнительно немного изгороди, а огородить отдельно свой, хотя и небольшой участокъ, не подъ силу часто не только одному, а вѣсколько крестьянамъ. Когда послѣ пожаровъ начальство принуждаетъ мужиковъ строиться по извѣстному плану и оставлять между дворами промежутки въ вѣсколько сажень, то сколько бываетъ среди крестьянъ хлопотъ и ругави. Никому не охотаѣтъ на вновь мѣсто въ даже не куда-нибудь за вѣсколько verstъ, а за конецъ деревни.

Немаловажную роль въ такихъ случаяхъ играетъ и суета ріс. Минъ передавалъ однѣ крестьянинъ, по имену выселившися послѣ пожара въ конецъ деревни, какъ въ старомъ пепелищѣ не однѣ разъ ночью вѣдѣли «дѣдушку» (домового). «Ходить по дворищу, опустивши голову, да такъ жалостно смотритъ. Нѣть, ужъ не пойдетъ онъ къ вамъ, не будетъ оберегать наше добро», говорилъ съ грустью мужикъ. Овъ унѣрвѣ, что ему въ новомъ мѣстѣ ужъ не жить такъ справно, какъ онъ жилъ въ старомъ.

«Когда мы живемъ въ мѣстѣ, замѣтилъ мнѣ одинъ старикъ, у васъ все есть: и пашня, и покосъ, и лѣсъ и выгонъ. А разсыпались мы по разнымъ мѣстамъ, такъ у одного будетъ поле, но не найдется покосу; у другого есть лѣсъ, а не достанетъ пашни или нѣть выгону», и т. д. По мнѣнію мужика, трудно найти такое мѣсто, гдѣ бы всѣ эти угодья были; ихъ надо наживать, а для этого потребуется много времени.

И сколько мнѣ ни приходилось наблюдать и спрашивать самихъ крестьянъ, они не желаютъ перемѣны общинного строя, хотя и видятъ въ немъ менѣо недостатковъ. При каждомъ передѣлѣ земли поле разбивается сперва на отдельные участки: дальние и ближніе, удобные и неудобные, съ длинными полосами и короткими, и т. д. За 40 лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ населеніе сильно увеличилось; въ вѣкоторыхъ деревняхъ удвоилось. Полевые участки приходится дѣлить на очевь мелкія полосы, иногда не больше аршинъ шириной. На такой полосѣ—однѣ межи, обрабатывать ее плохо, хлѣбъ рождается худой. Этой бѣѣ, по мнѣнію самихъ крестьянъ, помочь можно—стоить только при передѣлѣ не разбивать участки на мелкія полосы. Одной группѣ, напримѣръ, дать дальний участокъ въ полѣ, но ближній въ покосѣ; кому достанется болѣе худшій участокъ поля, за то тому землю дать болѣше, а у кого земля лучше, тому ея дать менѣе, и т. д.

Бѣда только въ томъ, что такие передѣлы теперь устроить трудно. Противъ нихъ всегда стоятъ болѣе зажиточные крестьяне, кулаки. Они владѣютъ большими количествами земли, за долгое время ее успѣли удобрить, и имъ, понятно, жалко разстаться со своими участками. А такъ какъ мѣстныхъ власти: старости, суды, старшины выбираются всегда изъ болѣе состоятельныхъ крестьянъ, то они всегда и держать руку вѣнчаго вселенаго, во довольно сплоченного меньшинства. Земскіе начальники считаютъ этотъ элементъ самыи благонадежныи и держать ихъ сторону. Земскіе начальники, по выражению одного крестьянина, препятствуя передѣлу, могутъ сдѣлать въ каждой деревнѣ 5 человѣкъ богатыми, 50 бѣдными, а остальныхъ по мѣру пустить. Дѣйствительно, можно встрѣтить такие факты: у крестьянина трое—семьи и $2\frac{1}{2}$ душенныхъ надѣла, у другого 7 чел. и $1\frac{1}{2}$ надѣла. Одному своего хлѣба хватаетъ на цѣлый годъ въ еще останется продать; а другой посыпалъ—и есть нечего. Такой немогутнѣй не перебѣгаетъ за другое мѣсто, не заводить отдельного подворного хозяйства, хотя бы ему въ помощь оказали, а просто бросаетъ хозяйство и обращается въ бобыля. Самъ хозяинъ начинается въ батраки или ухо-

дить въ столицы на заработки, гдѣ совѣтъ сбивается съ кругу, а семья его отправляется по миру.

Второй недостатокъ общинного владѣнія—это крайняя скучность земли, особенно нуждаются въ покосахъ. Этому горю, по ишьню крестьянъ, тоже можно помочь. У настѣ много мѣсть болотистыхъ, которыя, при правильной, хотя бы простой системѣ осушки, можно осушить и обратить въ хорошие луга, а потомъ и въ пашни. Но въ этомъ случаѣ должна придти на помощь казна. «Самимъ намъ не подѣ силу, вадыхаетъ крестьянинъ. У настѣ есть луговинка, стоитъ ее открыть канавами да повозить песку, и мы на душу снимаемъ по два хорошихъ воза сѣна». Такихъ луговинокъ по нашей мѣстности у крестьянъ много. «Да руки не доходятъ, продолжать мужикъ, я вотъ кончилъ пашню и спѣшу не на свою работу, а на чужую: семья безъ хлѣба сидѣть. Я сегодня поработалъ у тебя день (онъ былъ у меня въ поденщикахъ) въ позапаса муки куплю: два дня семья и сыта, а потомъ бѣгай да снова ищи работы, а то сиди голодомъ».

Теперь у настѣ быстро сталаходить въ употребленіе посѣтъ клевера. Это, по отзывамъ мужиковъ, можетъ вѣсколько помочь горю, но отъ бѣды не избавить: посѣты травы, не десѣешь хлѣба.

Многіе не прочь бы куда-нибудь переселиться, но сами они не могутъ принять этого, имъ должна помочь казна. И переселяться имъ слѣдуетъ не по-одиночкѣ, а большими группами, чтобы общинный строй не нарушался, т. е. за разъ четверть деревни; а то и волдеренин.

Въ вѣкоторыхъ мѣстностяхъ послѣ освобожденія крестьянъ земли послѣднихъ надѣльныхъ и покупныхъ не были точно размежованы и отдалены отъ владѣній какъ помѣщиковъ, такъ и отъ земель крестьянъ другихъ обществъ. Это явленіе порождаетъ постоянную путаницу во владѣніяхъ,носитъ въ жизнь деревни споры, тѣжбы и т. и. Неопределенность границъ угодий крестьянъ служить немаловажнымъ тормозомъ къ болѣе лучшему, продуктивному пользованію ими своею землею.

Итакъ, въ нынѣшнемъ крестьянскомъ быту чувствуется крайняя потребность: 1) въ увеличеніи количества земли и въ улучшеніи вегодныхъ земель или, въ вныхъ мѣстахъ, въ нынѣшніхъ частяхъ населенія на новые мѣста, а также въ приведеніи въ точную извѣстность земельныхъ граніцъ тамъ, гдѣ о旎 еще составляютъ предметъ споровъ и недоразумѣній; 2) въ уменьшеніи бюрократической опеки, такъ какъ она приносить пользу, главнымъ образомъ, только вичтожному менѣшинству. Многіе крестьянне жалуются на тѣшѣсть налоговъ и на варваромърное въ распределеніе. Послѣднее мнѣніе представляеть не ясно сознанную и выраженную ими мысль о подоходномъ налогѣ.

Иные изъ крестьянъ справедливо полагаютъ, что очень много зла причиняетъ имъ пьянство, а потому, на вино, по ихъ мнѣнию слѣдовало бы пошлину (акцизъ) еще болѣе возвысить, чтобы оно было недоступно простому крестьянину, и онь кровяные свои гропи не пропивають, а употребляя ихъ на пользу своей семьи.

Отъ многихъ изъ поселянъ слышатся жалобы на ихъ неразнѣтость. «Темнѣта наша инновата въ томъ, что мы все ходимъ вокругъ да около, какъ слѣпые, и не можемъ ниѣтъ того, отъ чего бѣдѣємъ». Одинъ хорошо грамотный мужикъ замѣтилъ: «говорятъ, что сытое брюхо къ ученю глухо, а голодное—и глухо, и слѣпо». Повторю, за уничтоженіе теперешняго общинного строя мнѣ не приходилось встрѣтить мнѣній.

B. Антиповъ.

ОТДѢЛЪ V.

Народная пѣсня «На Горахъ» Нижегородской губерніи.

Я сдѣлалъ нѣсколько наблюденій надъ народной пѣсней въ уѣздахъ Нижегородскому, Княгининскому, Васильсурскому и Сергачскому, Нижегородской губерніи, хѣтомъ 1901 года, исполняя порученіе пѣсенной комиссіи, состоящей при Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ: записывать народные пѣсни на фонографъ. Дѣлу этому были посвящены мною два мѣсяца: июль и августъ. При этомъ большая часть первого мѣсяца ушла на знакомство съ напечатанными нижегородскими пѣснями и этнографіей края, насколько она связана съ вопросомъ о пѣсняхъ, обрядахъ, при которыхъ они исполняются, и т. п. Въ г. Нижнемъ есть очень хорошая городская библіотека съ читальными залами. Она бываетъ открыта втеченіе цѣлаго дня. Имѣются печатные каталоги книгъ, находящихся въ библіотекѣ. Книги для пользованія на мѣстѣ выдаются бесплатно, и очень скоро. Мѣстные изданія и вообще книги, имѣющія отношеніе къ краю, внесены въ особый каталогъ и помѣщены отдельно. Но, несмотря на все это, съ нижегородскими пѣснями пришлось познакомиться недостаточно. Въ справочныхъ книжкахъ, календаряхъ, сборникахъ и другихъ мѣстныхъ изданіяхъ пѣсень мало или совсѣмъ нѣть. Главный и довольно богатый источникъ, конечно, Нижегородскія Губернскія Вѣдомости; но онъ, къ сожалѣнію, не имѣютъ ни указателей, ни даже ежегодныхъ оглавленій: приходится перелистывать каждый годъ, идти съ сожалѣніемъ иногда вырванные листы и порядочно утомляться отъ скучной и мало полезной работы или невольно отвлекаться къ какимъ-либо другимъ вопросамъ. Въ записанныхъ текстахъ часто приходилось находить большой и непоправимый недостатокъ: исправление, замѣну народныхъ формъ литературными. Особенно искается народная пѣсня тогда, когда замѣняющее слово не соответствуетъ первоначальному по числу слоговъ. Пoется, напр., и о г о, ч и с т о п о л е, болъшии, роботашь, баслони, и т. п., а записывающій вмѣсто этого ставить: и о г о, ч и с т е в о л е, болъшии, работашь, благослови, отчего разрушается размѣръ пѣсни. Обыкновенно не обозначаются ударенія — хотя бы не обычныя — которыхъ въ пѣснѣ, какъ стихотворномъ произведеніи, имѣютъ первостепенную важность; не объясняются мѣстные слова, которые понятны и пѣвцу, и записывателю, но являются загадкой въ другихъ мѣстахъ; не указывается: отъ кого записаны пѣсни, съ пѣнія или съ пересказа, и т. п. Но немало встрѣчалось хорошихъ пѣсень и любопытныхъ изѣстій. Напр., о колядованіи дѣвушекъ въ Княгининскомъ и Арзамасскомъ уѣздахъ, о празднованіи Купалень, Семинка, Троицына днія съ гуляніемъ втеченіе цѣлыхъ ночей въ Арзамасскомъ уѣздѣ. Есть зависи пѣсень и обрядовъ, сказебныхъ прічитаній, духовныхъ и раскольническихъ стиховъ изъ уѣзовъ Балахонскаго, Лукояновскаго, Васильсурскаго, Сергачскаго, Семеновскаго, Княгининскаго, Арзамасскаго и др. (см. Ниж. Губ. Вѣд. 1897—1891, 1893, 1895). Лучшіе тексты я нашелъ въ записяхъ г. Я. Виноградова: пѣсни Высокоосельской волости, Васильсурского уѣзда (1887 г. № 36, 1888 г. № 8, 24). Въ № 34-мъ 1887 года помѣщена пѣсня мѣстного происхожденія. Она передаетъ дѣйствительный случай: убійство матери сыномъ, составлена вскорѣ послѣ

совершения преступления, которое было хять 50—60 тому назадъ. Наконецъ, небольшое собрание писемъ Нижегородской губерніи находится въ Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1885 г. (№ 59—61, 64, 66, 68, 71, 88(?), 99) ¹.

Отправившись въ путь, я собиралъ напѣвы или вѣлѣнія р. Волги или въ отдаленныхъ частяхъ Сергацкаго и Благовѣщенскаго уѣдовъ, въ мѣстностяхъ, указанныхъ знатоками края, предсѣдателемъ Статистического Комитета А. И. Звѣдинымъ. Посѣщать имѣлось въ виду только мѣстности съ чисто русскимъ населеніемъ. Во время моего путешествія крестьяне не разъ говорили мнѣ, что обрусѣвшая морда хорошо поетъ русскія пѣсни. Это оченьѣроятно, такъ какъ, напр., обрадовый пѣсни могли заимствоваться въ старое время и храниться въ чистотѣ, благодаря болѣе слабому влиянию городовъ. Такъ, у морды сохранился въ большей подробности свадебный обрядъ, какъ полагаютъ, заимствованный у русскихъ. Проверить справедливость сообщеній о большихъ достоинствахъ пѣсни обрусѣвшей морды я, однако, не могъ.

При объездѣ данной мѣстности нельзя было двигаться по прямому пути. Надѣясь на помощь возвращаться въ г. Нижній, чтобы оставить тамъ для храненія валики съ надписями, такъ какъ было нежелательно подвергать ихъ опасности быть сломанными при перевозѣ съ мѣста на мѣсто. Оказывалось еще необходимымъ собирать и поправлять развивающійся и ломающійся фонографъ. У меня было Standard Эдиссона. Работа съ этой машинкой, пока еще мало пригодной для перевозокъ, представляла очень много затрудненій и оставляла у меня довольно печальное воспоминаніе. Не было ни одного перѣѣзда, послѣ котораго фонографъ могъ бы исправно дѣйствовать безъ разнаго рода синичинаній, развничинаній въ другихъ поправокъ. Послѣ первого перѣвоза на лошадяхъ, въ 16 верстъ, оказалось невозможнымъ привести его въ дѣйствіе безъ помощи специалистовъ. Я вернулся въ г. Нижній, чтобы получить указанія въ московской торговой фирмѣ: «Компания граммофоновъ». Затѣмъ, послѣ каждого перѣѣзда, нужно было всегда очевь долго хлопотать изъ-за фонографа, чтобы привести его къ болѣе или менѣе правильному движению. Въ началѣ путешествія развничивались и распадались верхнія части; на концѣ стали развничиваться нижнія, саживать которыхъ было мнѣ, конечно, гораздо труднѣе. Нѣкоторыя мелкія части не только отвничивались, но и отламывались вовсе. Такъ, два раза отламывалось колесико, поддерживавшее каретку съ діафрагмой, которая безъ него опускалась, конечно, неравномерно: то лежала очень высоко, такъ что должна была давать слабую, неотчетливую запись, то опускалась слишкомъ низко, такъ что даже простоянливала вращеніе валика. Безъ этого колесика пришлось сдѣлать большую часть записей. Большой руцпоръ, подвязанный къ желѣзному пруту, прикрепленному къ ящику съ фонографомъ, держался чрезвычайно неустойчиво. Нижняя часть его, укрепленная въ діафрагмѣ, оттягивалась верхнєю, такъ что діафрагма приподнималась. Чтобы приблизить ее къ валику, нужно было во время записи поддерживать ее рукой, а это мѣшало сдѣлать за общими движеніемъ фонографа. Вообще можно рекомендовать недовѣрчивое отношеніе къ увереннымъ продавцамъ о прочности, долговѣчности и портативности фонографовъ. При перевозкѣ нужно связывать нѣкоторыя части фонографа для предохраненія ихъ отъ порчи.

¹ Въ мѣстныхъ изданіяхъ приходилось наталкиваться и на другія замѣчательныя извѣстія, изъ которыхъ упомяну обѣ одномъ, совсѣмъ не относящемся къ дѣлу, но имѣющими большое право на вниманіе. Въ книге «Нижегородка» А. С. Гацисского, издан. 1877 г., на стр. 198 я нашелъ следующее: «Замѣчательнѣйшая древность монастыря (Благовѣщенскаго въ г. Нижнемъ)—икона Богоматери, писанная, какъ это видно изъ греческой надписи на ней, въ Греціи, въ 6501 (993) году, т. е. почти вслѣдъ за принятіемъ Русью христіянства (988), и Евангеліе конца XI вѣка, съ нотными знаками, похожими на буквы греческаго алфавита, т. е. самого первообразного типа, такъ называемыхъ псалтирьтическихъ знаменъ». Евангеліе XI вѣка было величайшою рѣдкостью. Въ русской письменности имѣются только два евангелія такой древности: это—знаменитое Остромирово и Архангельское Евангеліе 1092 года, хранящееся въ Румянцевскомъ Музѣи. Указанного покойнаго А. С. Гацисскаго Евангелія теперь нѣть въ Благовѣщенскомъ монастырѣ. Гдѣ оно находится (и было ли?) я не могу узнать.

Я объехалъ даныя мѣстности, сѣлавъ около 370 верстъ за лошадахъ и шелахъ поѣздавши на пароходѣ, что, впрочемъ, явилось, сравнительно, удовольствіемъ въ отды-хомъ. Былже къ р. Волгѣ я находилъ бойкое, развитое и промышленное населеніе почти съ одинимъ нарѣчіемъ, во съ небольшимъ различіемъ въ бытѣ въ разныхъ про-мыселами. Когда-то темные и сѣрые «закудомы» (населеніе за р. Кудмой, Нижегородскаго уѣзда) мало отличаются теперь отъ жителей другихъ мѣстностей. Въ При-волжскѣ, не смотря на явное влияніе и иногда близость города, хранится еще старая пѣсня и старый обычай. Такъ, въ с. Ельнѣ, Нижегородскаго уѣзда, въ 16 верстахъ отъ г. Нижаго, собираются очень большие хороводы, на масленицы существуютъ ка-таны съ пѣснями. въ Пасхѣ «старики» (мужики) ходятъ пѣть «вынонецъ». Еще больше, повидимому, можно найти старину въ хорошихъ пѣсень въ большихъ при-положскихъ селахъ Васильсурскаго уѣзда, который славится пѣсенниками по всему Поволжью, и въ глухихъ углахъ Сергачскаго въ Княгининскаго уѣзовъ. Въ Безводномъ, Нижегородскаго уѣзда, какъ миѣ передавали, три брата кузнецы Сучковы, разыгры-наютъ «Атамана» съ пѣснями. По р. Волгѣ мы найдемъ часто плясовую пѣсню, ко-терая въ захолустьяхъ становится рѣдкой. Землемѣзы-домосѣды, жители такихъ за-холустій, ввѣдя заявляли, что они такихъ пѣсень и прежде не слышили въ любили. На р. Волгѣ пѣсню поддерживаютъ, во первыхъ, артельная жизнь, во вторыхъ, до-рога, движеніе людей, при которомъ происходитъ ихъ общеніе. Самы крестьяне указы-ваютъ, что у береговъ р. Волги лучше поютъ пѣсни. Но перекѣны въ промышлен-ности и въ способахъ передвиженія, произошедши въ послѣднее время, разрушительно подѣйствовали на старую пѣсню. Пѣсня бурлацкая, навозчыя погибла; съ упадкомъ старыхъ русскихъ промысловъ и развитіемъ фабрвчной и заводской дѣятельности, вмѣсто вародной начинаетъ, естественно, процвѣтать фабрвчна пѣсня, точище, го-родская, потому что специально фабрвчныхъ пѣсень очень мало. И въ Нижегородскомъ краѣ изъ села и деревни уже занесутся много пѣсень изъ Сормова (большой завоѣвъ подъ г. Нижнимъ).

Я старался разыскивать пѣсни бурлацкія и разбойничы, но старания мои дали немного въ итогѣ. Нашелся однѣ очевь много и охотно пѣвшій старый бурлакъ—по мѣстному: «волгарь»—изъ Вишненокъ, Ниж. у. Онъ ходилъ «подшишельнымъ», т. е. вслѣдъ за первымъ, «шишкой», въ бытъ, но обычай, запѣвалой, но его манера пѣнія показалась мнѣ слишкомъ искусственной. Изъ указаній въ разныхъ мѣстностяхъ вы-яснилось, что репертуаръ бурлацкихъ пѣсень былъ очень разнообразенъ. Нужны были только такія пѣсни, которая удобно пѣть «въ ногу»: въ этомъ случаѣ судно шло правильно, не колыхалось; движеніе облегчалось и ускорялось. Для того собственно и пѣлись пѣсни. Для примера пѣсень бурлацкаго репертуара назову: «Батенька ве-селяя, Катя чернобрювая», «Какъ по зорѣй - по зорѣ, по утрѣйной по росѣ, шоль мальчишка вѣзъ гостей, со велѣніемъ радостей», «Я капустыньку, лѣвака, полола въ саду зелену». Къ бурлацкому же репертуару принадлежала и записанная мною былина обѣ Ильѣ Муромцѣ и станичникахъ. Вообще же изъ числа записанныхъ мною изъ фонографа 103 номеровъ пѣсень я могу указать еще нѣсколько болѣе старыхъ или лучше исполнявшихъ. Это прежде всего эпическая пѣсни, кроме названной уже обѣ Ильѣ Муромцѣ, о князѣ Михаилѣ, «Поѣхалъ король за воеваньце», о сынѣ Стеньки Разина. Изъ историческихъ пѣсень поются: о покореніи Казани и нѣсколько пѣсень о даѣнадцатомъ годѣ. Замѣчательно, что въ то время, какъ первая забы-вается, послѣднія поются часто и охотно. Нѣкоторыя плясовые пѣсни исполнялись съ живымъ увлечениемъ. Лучшіе номера слышаны на р. Волгѣ въ огромномъ селѣ Фокинѣ, бывшей вотчинѣ Демидовыхъ, Васильсур. у.; впр., очень веселыя, хотя весьма непривычны: «Ночуй, Дуна, у мева», «Овечушки-косматушки» и др. Здѣсь же удалось услышать и нѣсколько свадебныхъ причитаній, исполненныхъ съ боль-шимъ умѣніемъ и чувствомъ. Кроме этого немало записано пѣсентъ голосовыхъ, хоро-водныхъ, свадебныхъ. Есть тюремныя, солдатскія, разбойничы, колядки.

Теперь перейду къ разсказу о томъ, какъ я производилъ записи и наблюденія. Прѣѣхавъ за мѣсто изыскованія, я собираль, съ помощью сельскихъ властей, пѣв-

цовъ. Начинались разговоры в пѣніе. Пѣсни, которых обращали мое вниманіе, записывались сначала съ пересказа, потомъ прослушивались въ исполненіи и исправлялись согласно съ нимъ. Въ очень рѣдкихъ случаяхъ, по особой поспѣшности или значительной усталости пѣвца, я отступалъ отъ такого порядка. Затѣмъ, я просилъ спѣть пѣсню для записи на фонографъ. Въ началь я пробовалъ разставить передъ рупоромъ весь хоръ пѣцовъ (такъ я записывала въ Нижегород. у.), но такъ какъ пѣвцы заслоняли другъ друга, то при слѣдующихъ записяхъ я обыкновенно распологалъ передъ рупоромъ трехъ пѣвцовъ: записывала въ срединѣ и двое по сторонамъ. Они пѣли въ самый рупоръ, что давало больше отчетливыхъ записей. Каждый папѣтый валикъ тотчасъ же высушивался, потому что было необходимо провѣрить записанное. Это, кромѣ того, доставляло большое удовольствіе исполнителямъ, привлекало ихъ къ пѣнію въ ведущемъ во время его. Въ послѣдствіе посыщенномъ мою сель, Бутураннъ, Княгининъ. у., вслѣдствіе первыя діафрагмы, воспроизводящей запись, я не могъ провѣрить записанное и дать послушать поющімъ. Я замѣтила, что въ этомъ случаѣ пѣвца для фонографа хуже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Прослушивание записанныхъ пѣсень привлекало множество посѣтителей, которые, впрочемъ, еще до начала пѣнія, биткомъ набивали избу, въ которой я находился, толпой стояли у оконъ, кучами сидѣли на печи, чтобы оттуда смотрѣть на ликованное дѣло. Жара и духота въ избѣ усиливались. Еѣ пѣнія хора иногда привлекалася плачъ грудного ребенка, съ которымъ пришла любопытная мать. Обратная передача записанныхъ пѣсень на фонографъ, съ которымъ по р. Волгѣ все знакомы, благодаря торговыя фонографами на Нижегородской ярмаркѣ, вызывала въ публикѣ большія одобрѣнія, доходившія до восторга и преувеличенія. Особенно удивляли случаи, когда слышали, при повтореніи пѣсни на фонографѣ, точную передачу того, чего вѣ сѣдовало быть въ пѣніѣ, напр.: кашель, остановку, и т. п. Говорили: «Ужъ и машинна! Молодецъ машина! какъ я, такъ и она; я замѣкнулся и она тоже»... «Лучше вашего поеть», говорили съ восхищеніемъ. «Въ машинку-то я бы еще спѣль: это миѣ и самому любопытно», заявлялъ одинъ много пѣвшій и уставшій крестьянинъ. Но исполненіе для фонографа во множествѣ случаевъ, конечно, было хуже, чѣмъ простое пѣніе, не въ рупорѣ. Тѣмъ больше, что для фонографа приходилось пѣть во второй разъ, что обыкновенно дѣлается съ меньшей охотой и одушевленіемъ. Часто бывало, что сначала, когда выслушиваешь пѣсни, покудь хорошо; но когда попросишь пѣть въ рупорѣ, поютъ гораздо хуже: вѣло, нестройно, несвободно. Тутъ дѣйствовали усталость и чувство неловкости отъ непривычнаго положенія. Особенно это отражалось на пѣніи всегда больше впечатлительныхъ женщинъ. Но и мужчины находили, что «въ трубку-то пѣть неловко: «туршишься» (торопишься). Къ торопливости и неловкости, безъ сомнѣнія, вызываютъ шумъ и движение фонографа.

Что меня чрезвычайно затрудняло: это текстъ вѣкоторыхъ хоровыхъ пѣсень, гдѣ записывала и хоръ иногда поютъ разныя слова. Я старался сдѣлать въ этомъ случаѣ точную запись, но, признаюсь: часто это было выше моихъ силъ. Въ вѣкоторыхъ пѣсняхъ къ сложной музикѣ хора я не могъ записать точный сложный текстъ отъ начала до конца пѣсни. Въ вародной музикѣ есть въ этомъ отношеніи своеобразныя, по трудно уловляемымъ черты. Въ основномъ текстѣ, при пѣніи разныхъ лицъ въ хорѣ, находимъсложненія вслѣдствіе прибавлѳвія различныхъ частей и неударяемыхъ словъ: а, о, в, э, охъ, эхъ, только, да вотъ, она... полуповтореній, произношенія разными лицами различныхъ словъ или пѣнія вѣкоторыхъ на одинъ звукъ въ то время, какъ другое произноситъ цѣлые слова. У записывали часто находится больше словъ или словъ. Все это нужно было совершенно точно записать для изученія стиха пѣсни, но все это вѣ всегда удавалось отмѣтить. Впрочемъ, здѣсь вѣкоторые указанія въ этомъ отношеніи можетъ дать самъ фонографъ.

Между старыми пѣснями находилось много такихъ, которыхъ могъ исполнить только одинъ пѣвецъ: такія записаны съ одного голоса. Что касается до текста этихъ пѣсень, то, я думаю, что нужно имѣть въ виду слѣдующее: если исполнитель пѣсни былъ обыкновенно записвалой, то овъ и поеть слова записывали, а это не все равно,

что слова хора. На это не мѣшало бы обратить внимание при изученіи всякихъ записей пѣсень.

Относительно достоинства записанныхъ пѣсень не всегда приходилось быть разборчивымъ. Иногда и записывалъ и носредственно исполняемую пѣсню, думая, что лучшаго пѣнія въ встрѣчу. Желалъ записать на фонографъ какъ можно бѣлье текста и музыки для каждой пѣсни, и употреблялъ на каждый винеръ пѣнія отдельный валикъ. Запись обыкновенно производилась при 120 оборотахъ валика въ минуту.

Хорошіе пѣвцы, конечно, встречались нечасто. Вотъ нѣкоторыя отличительныя особенности большинства ихъ. Они поютъ охотно, не стыдятся, не заставляютъ себя долго уговаривать, какъ другіе. Въ с.-Шолоховѣ, Нижегор. у. имѣлъ пѣнь 83 лѣтній старикъ, съ ослабѣвшей памятью и силой, но все еще сохранившій вѣрность, красоту и нѣкоторую силу голоса. «У меня была голость: запою, тѣкъ упадешь», говорилъ онъ мнѣ. Лучшіе пѣвцы хорошо, осмысленно передадутъ текстъ пѣсни или словъ немало незначительныхъ вариантовъ въ текстѣ, но строго сохраняютъ смыслъ и ритмъ пѣсни. Они очевѣдь интересуются пѣніемъ «въ трубку», чтобы потомъ слышать свой голосъ. Лучшіе пѣвцы, которыхъ я слышалъ, обыкновенно учились пѣнію дома, у своихъ родителей: отца или матери. Для пѣнія въ хорѣ нѣрѣдко являлись братья, дядя въ племянникъ, мать и дѣти. Иногда хороший пѣвецъ — осѣдлый крестьянинъ, иногда — ходачій портной, старый бурлакъ, николаевскій солдатъ, т. е. люди бывалые, отчасти потому они и не такъ стыдятся.

Пѣвцовъ въ этомъ краѣ называютъ «пѣсельники», иногда: «піуны». Манера, пріемъ поющаго опредѣляется словомъ: «уставъ». «У кого какой уставъ» (тотъ такъ и поетъ). О любителяхъ и мастерахъ пѣнія обыкновенно говорятъ: «коренной пѣсенинъ». Объ одномъ сказали: «Онъ лютъ, старикъ — отъ, былъ пѣсни пѣть». Пѣсня раздѣляется на «колына», начинается «съ конца» (т. е. съ начала) и имѣть свой «голосъ» (напѣвъ), или, какъ иногда говорятъ бывалые и грамотные, «мативъ». Вмѣсто пѣть пѣсню говорится также: «сѣдѣвать пѣсню». Вмѣсто начинай пришлось слышать: «зарѣбай». Мѣстная терминология различаетъ слѣдующіе виды пѣсень. По темату: «голосовая» и «частная»; по связи съ обрядомъ: «свадебная», или «мировая», «круговая» (хороводная, потому что вмѣсто хоровода говорятъ: «кругъ»), «плясовая». Говорятъ: «тонировка» пѣсня, «плясучая», «плясная», или: поется «подъ плиску», «подъ тоницю», «въ прѣтопку», «въ прѣплиску», «подъ ногу», «подъ топъ», т. е. подъ мѣрный шагъ бурлаковъ, солдатъ. По содержанию отличаются: «военные» пѣсни, «затюремные», «скоморошные». Несѣднія называются также: «перегудошныя, пригудошныя». Иногда пѣсню называютъ «волжской». Это показываетъ, что населеніе, вѣсколько отдаленное отъ р. Волги, имѣло не тѣ пѣсни, которые пѣлись на берегахъ этой реки. Новые коротенькия пѣсни, такъ называемыя «частушки», здѣсь носятъ имя «тарыжвы». Иногда говорятъ: «саратовская матаня». Старые пѣвцы относятся къ нимъ съ пренебреженіемъ. Пѣть иногда нужно «протяжѣть», иногда «прѣтче» (сильнѣе). Нѣкоторыя голосовые пѣсни поются «на выносъ»: одни поютъ, другіе «выносятъ». Но во извѣдъ случаихъ пользуются обыкновенной терминологіей, которая относится къ разговорной рѣчи. О забываемой пѣсни сказали: «Давно лежала пѣсня, кое-что посгнило». Такую пѣсню иногда отзываются пѣть, говорятъ: «не напѣта», «не пыдѣть», «ве пойдетъ». Въ такихъ пѣсняхъ «сшибаются», или «затыкаются» (запинаются, останавливаются), потому что «захлеснуло» (забылось); рѣдко поютъ такъ, чтобы «смѣшки не было».

Какъ относится самъ народъ къ своей старой пѣснѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ тѣсно связанъ съ отношениемъ народа къ обычаямъ, который имѣть одинаковую судьбу съ пѣсней. Падаетъ безсознательно хранившейся вѣковой обычай: падаетъ и пѣсня. Много говорилось о любви народа къ своей пѣснѣ; о томъ, что народъ поетъ и въ радости и въ горѣ; о томъ, что его пѣсня раздается въ просторѣ полей, въ зелени луговъ и лѣсовъ, за прѣстыянской работой. Эти идеалические

загляды не вполне подтверждаются действительностью. Кроме чувства, на существование пѣсни оказываютъ большое влияніе образъ и условія жизни, а также именующіяся поэзія народа. Безъ этого поэтическая и музыкальная древняя пѣсня не замѣнилась бы городской, фабричной, новой, въ эстетическомъ отношеніи нескладной, фальшивой и дѣтской, но съ новымъ болѣе отвѣчающимъ современной жизни содержаніемъ.

Да и самыи народъ едва ли таковъ, какимъ его старались и стараются представить сентиментальные мечтатели. Трезовыи и даже вѣрховскии суровыи по складу ума великоруссы вѣ лишь поэтичности, но честъ онъ обыкновенно: 1) въ праздникои, въ короводѣ и, вообще, на гуляніи, 2) на свадьбѣ. 3) что бы не хотѣлось говорить, но что нужно сказать: когда онъ выпилъ. Въ пожилые годы онъ уже не входить въ хороводъ и не поетъ. Развѣ подойдешь стоять у хоровода и слушать. Пожилыи женщины еще болѣе держатся этого обычая. О старомъ человѣкѣ скажутъ, когда онъ пѣть въ послѣдній разъ: это обыкновено 3—4 года назадъ, въ свадьбѣ близкаго родственника, внука или племянника. Степенныи вообще, великорусскій крестьянинъ строго соблюдастъ извѣстнаго рода привычіе, по которому пѣть ни съ того, ни съ сего—неумѣсто, не хорошо. Если крестьянинъ завелъ лавку, трактиръ, кабакъ, если онъ сдѣлался церковнымъ или сельскимъ старостой, онъ также перестаетъ пѣть съ мужиками.

Поэтому меня не удивляло то обстоятельство, что иногда затруднялись найти пѣвцовъ, а найденные пѣвцы иногда нескоро или неохотно начинали пѣть. Часто слышались даже: «сумгиваются», «опасаются». Въ одной волости, гдѣ не было сѣдано земскими начальникомъ извѣщеніемъ о предстоящемъ посѣщеніи экспедиціи, пѣвецъ заявлялъ: «Какъ бы чего не было отъ земскаго начальника?» Тутъ мало помогаютъ и открытые листы министра внутреннихъ дѣлъ и Географическаго Общества, потому что сами пѣвцы не грамотны, о Министрѣ внутреннихъ дѣлъ—весьма смутное, а отъ начальства, которымъ они привыкли считать свое начальство, они ничего раньше не слыхали. Дѣло было необыкновенное: «прежде никогда этого не было». Въ глухихъ мѣстахъ приходилось слышать отголоски толкотъ объ антихристѣ, несвязанные, вирочень, ни съ какой личной враждебностью. Передавалось неофициальными лицами, что, дескать, «старухи» или «люди говорятъ, что антихристъ придѣтъ. Сначала въ книгу запишутъ, а потомъ пѣтъ валожутъ». При этомъ всегда осуждались «глупые деревенскіе люди».

Народъ осуждаетъ пѣсню по существу: за ея романическое содержаніе. Я не разъ слыхалъ преданія о старыхъ пѣвцахъ съ похвалой ихъ репертуару. Въ Нижегородскомъ у. одинъ раскольникъ передавалъ о нѣкогда жившемъ пѣвцѣ-старикѣ. Пріѣдетъ онъ на мельницу и станетъ пѣсни пѣть. Всѣ его слушаютъ. «30 пѣсень споеть, ви одной сударушки не помянетъ». Интересно, что это были за пѣсни? Не былины ли? Итакъ, нужно знать, что пожилые люди «стыдятся» пѣть, что надъ пѣвцами «смѣются», что дѣвки нерѣдко «модются» (перемонятся) и стѣсняются пѣть.

Не смотря на то, что въ Нижегородской губерніи, въ уѣздахъ, которые я объѣхалъ, есть мѣстности, гдѣ звяютъ много пѣсень и хорошо ихъ поютъ, точно, подробно и осмысленно передавая текстъ пѣсни,—все таки уже содержаніе пѣсень свидѣтельствуетъ о постепенно проходящемъ ихъ разрушеніи.

Во-первыхъ, въ пѣсняхъ иногда слышатся искаженія: безсмысленно употребляемые слова или звуки вместо тѣхъ, которые должны быть. Виѣсто: «Межъ двухъ польцовъ я блонца», вѣкоторые поютъ и говорятъ: «Межъ двухъ кольцовъ»; виѣсто: «Онъ ходилъ гулять съ пушкой вѣстовой», вѣкоторые поютъ «съ ручкой вѣстовой»; виѣсто: «шолковъ кушакъ на рубашку», спѣши: «шолъ кокушакъ на рубашку» (а словесно дали правильный текстъ) и т. п. Иногда слышимъ непонятныя, можетъ быть тоже искаженные слова: «Изъ ёё бѣла лица выступала ру бета» (послѣ удара). Пѣвецъ объясняетъ, что это кровь, но это объясненіе дается по смыслу фразы. Въ текстахъ академика А. И. Соболевскаго

въ этой пѣснѣ въ данномъ мѣстѣ стоять: «румана». Въ одной пѣснѣ поютъ: «Она клали во студёнышко», вѣроятно, вместо суденышко. На просьбу объяснить какое-нибудь неопытное слово обыкновенно отвѣчаютъ: «не знаемъ, что это значитъ; такъ въ пѣснѣ поется», иль даютъ объясненіе по смыслу фразы, какъ о приведенномъ словѣ: «рубета».

Во вторыхъ, текстъ недостаточно и веоднажды понимается. Иногда среди пѣсни останавливаются, потому что запѣвали забыть пѣсню; нерѣдко не могутъ докончить пѣсню, такъ какъ многие не знаютъ конца ея; по временамъ сбиваются, начиная пѣсть разныя слова. О пѣснѣ про покорение Казани говорили, что ее не пѣли лѣтъ 20. Одну пѣсню пѣвецъ «2 дня думалъ», вспоминая, «наслыу вспомнилъ», во, повидимому, неточно. Думше, конечно, передаются обрядовые пѣсни: хороводные, свадебные и плясовые. Тексты пѣсень другого рода забываются и искаются скорѣе.

Свадебные лѣбичьи пѣсни даже въ изустной передачѣ даютъ текстъ, который отличается полнотой, связностью и ритмичностью; тогда какъ въ пѣсняхъ голосовыхъ разница между устными пересказомъ и пѣснѣмъ иногда бываетъ очень значительна.

Эти наблюденія относятся къ поющей массѣ. Но старые тексты и наѣзы хранятся еще пока взбранными ею представителями старшаго поколѣнія; отъ людей средняго и старого возраста я въ дѣталь свои зависи. Развиты пѣвцы, т. е. толковые, бынальные и болѣе способные отъ природы, сознательно относятся къ тексту, комментируютъ его—часто безъ всякой съ вашей стороны предложенія—и даже стараются исправить. Когда при пересказѣ пѣснѣ о князѣ Михаилѣ дошли до словъ: «Ужъ ты, матушка моя родима, ты змѣя стала, скарапея», однѣ изъ слушателей, сельскій староста, замѣчаетъ: «Про мать-то ты это сказалъ ужъ напрасно». На это пѣвецъ возражаетъ: «Нѣть, ты разбери, такъ увидишь, что не напрасно. Кабы твоя мать двѣ души загубила: жену да младенца, что бы ты сказалъ?» Въ пѣснѣ о графѣ Чернышевѣ, Захарѣ Григорьевичѣ, пѣвецъ, дошедший до словъ: «По украй городу выстроить», прибавляетъ: «Ужъ не просится въ городъ, въ крѣнь, а только бы гдѣ-нибудь». Въ одной свадебной пѣснѣ слова: «Завила кудри... со воды уборы снимала», объясняютъ такъ: «Она свѣдѣла ва берегу, вода рабила: ова и занавала кудри». Редакція текстовъ: «Со полуночи разбойникъ онъ дѣвнадцать коней вѣль»; «Цѣловальникъ молодой, не пой дѣвушкѣ водой»—не одобряются. Противъ первого замѣчаютъ: «Зачѣмъ одному разбойнику дѣвнадцать коней?» противъ второго,—что никогда вѣ угощаются водой. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ находили, что составъ пѣсни, которая передавалась, теперьизмѣненъ: часть забыта, а вѣнда и прибавлена. Првчѣмъ привлечение не является въ такихъ случаяхъ распространениемъ сюжета, а просто подходящимъ по смыслу или только по напѣву обрывкомъ изъ какой-нибудь другой пѣсни.

Пѣсни съ реальнымъ содержаніемъ стараются пріурочить къ своей мѣстности. Старую и общераспространенную пѣсню о томъ, какъ монашенка сына родила и топить несла, относятъ къ Нижнему, говорятъ, что тамъ былъ такой случай. Пѣсню о бѣгствѣ изъ-подъ конвоя приписываютъ двумъ братьямъ, бѣглымъ арестантамъ изъ Лекеева (Нижег. у.). Говорятъ: «Это ови про себя сложили».

Старая пѣсня забывается потому, что разрушенъ старый обычай, при которомъ она пѣлась. Народные праздники: Семикъ, Троица, Ивановъ день, масленица и др. уже потеряли свои древніе обряды: конечно, забылась и связная съ ними старая обрядовая пѣсня. Завивать вѣнки нѣ лѣсь, калядовать ходить теперь обыкновенно только дѣти; собраній крестильщ изъ разныхъ деревень въ Троицынъ день или другіе весенние праздники гдѣ-нибудь въ лѣсу или на пограничномъ полѣ—не существуетъ; репертуаръ хороводныхъ пѣсень теряетъ свою опредѣленность; на свадьбахъ, кроме необходимыхъ обрядовыхъ пѣсень, поютъ иссякія и очень охотно городскія, въ родѣ: «Подъ душистою вѣткой сирени»; старые народные танцы въ игры можно найти только изрѣдка. Такъ, нѣ селъ Воротынецъ, Васильсурскаго у., сохранились тавцы дѣвушекъ въ четверомъ въ шестерои. Зимнія посѣдки въ деревняхъ прекращаются или принимаютъ новый характеръ, а съ вѣтмъ и новыя пѣсни съ танцами подъ гармонику. Праздники, свадьбы стали кратковременны, иногда за послѣднихъ гуляютъ всего одинъ

день; свадебный обрядъ сталъ очень неполонъ. Въ огромномъ селѣ Воротынецъ прежде лружками ходили человѣка три. Теперь ходить всякий, потому что причетовъ и обрядъ не требуется. Причтания невѣсты, причтания надъ покойниками давно уже не считаются обязательными и становятся очень рѣдки. Ихъ знаютъ въ немногихъ мѣстахъ и только въ старшемъ поколѣніи. Пали всѣ основанія, которыхъ поддерживали старую пѣсню: безъ нихъ она не можетъ держаться.

Самое объясненіе о кабакахъ, что они поддерживаютъ пѣсню, которое повторяется крестьянами и здѣсь, имѣть некоторое основаніе. Крестьяне говорятъ: «Тамъ большое село, трактиръ есть: тамъ пѣсни хорошо поютъ». Кабакъ—крестьянскій клубъ. Гдѣ, въ самому дѣлѣ, можно пѣть крестьянскому хору, напр., зимою, кромѣ кабака и трактира? Вспомнимъ, что народные пѣвцы—артисты выводятся въ литературѣ одинъ изъ болѣе наблюдательныхъ и изящныхъ нашихъ писателей въ кабакѣ «Пристанью».

Неблагонравное экономическое положеніе, малоземелье, недороды, тоже разрушаетъ пѣсню. Въ захолустыхъ иногда найдете сырый, бѣдный народъ, запотниковъ, по не пѣсенниковъ. Разговоры, не очень логично, но очень скоро и очень упорно, переносятся крестьянами, съ которыми вы бесѣдуете о пѣсняхъ и пѣніи, на жалобы на то, что малы надѣлы, плохи урожаи и т. п.

Во вѣнчаніяхъ вѣнчаніяхъ вѣ находимъ также условій, поддерживающихъ пѣсню. Городъ, интеллигенція, за немногими исключеніями, пренебрегаетъ пѣсней крестьянина. Поліція, разгоняющая въ уѣздныхъ городахъ хороводы крестьянъ и, ради соблюденія «тишины и спокойствія», запрещающая пѣніе отдѣльныхъ лицъ, не принадлежащихъ къ охранителямъ народной пѣсни. Духовенство, которое не можетъ выйти изъ устарѣлыхъ аскетическихъ взглядовъ на народную пѣсню и не перестаетъ поучать объ ея грѣховности, также не принадлежитъ къ друзьямъ народной поэзіи и музыки, безъ сомнѣнія гуманизирующимъ массу. Сѣтская сельская школа ставитъ своимъ идеаломъ пѣпіе стиховъ по нотамъ и изучаетъ иенародные мотивы. Церковная школа почти гонитъ пѣсню. Понятно, что при этихъ условіяхъ наша пѣсня доживаетъ свои послѣдніе дни. Она держится только благодаря консервативности русского крестьянства, соединенной, нужно сказать правду, съ замѣчательной поэтической и музикальной воспринимчивостью и памятью отдѣльныхъ лицъ изъ него.

Слѣдя за жизнью народной пѣсни въ народѣ, не найдемъ ли мы данныхъ, разъясняющихъ вопросъ о народномъ творчествѣ? Наблюдевіе даетъ, къ сожалѣнію, мало материала для разъясненія послѣднаго вопроса. Несомнѣнно, что наше время имѣть дѣло только съ сохраненіемъ народной пѣсни. Самое творчество народа, давшее наше старую пѣсню, прекратилось уже давно. Современные наблюдатели въ огромномъ большинствѣ случаевъ могутъ найти только одинъ изъ вариантовъ той или другой пѣсни, известный въ старыхъ или новыхъ записяхъ, но не новую неизвѣстную пѣсню. Въ народѣ есть хранители пѣсни, но нѣть творцовъ ея. Пѣсня есть произведеніе народного творчества. Это не значитъ еще, что она—произведеніе той мало культурной массы, которая является теперь ея хранительницей. Участіе деревенского сельского крестьянства въ жизни народной пѣсни заключалось, вѣроятно, почти исключительно въ восприятіи, храненіи и передачѣ пѣсенного материала по сосѣдству и въ слѣдующемъ поколѣніи. Самое же творчество: сложеніе новыхъ пѣсень, развитіе старыхъ сюжетовъ, отдѣлка, обработка сложенного — происходили, конечно, въ культурныхъ центрахъ. Современная пѣсня, повидимому, больше всего принадлежитъ «каменной Москвѣ». Поэтому она отличается и политической цензурностью. Она осудила сравнительно небольшіе пороки низверженаго «Гришки», но тщательно обошла всѣ темные стороны язвочности и дѣятельности Ивана IV или Петра I.

Изъ Москвы вновь сложенные пѣсни развозились во всѣ края Россіи, какъ и теперь разносятся разные радиансы въ родѣ: «Ясный мѣсяцъ плыветь вадъ рѣкою», «Зачѣмъ ты, безумная, губишь» и т. п., которые поются чуть не везде. Если допускать народное творчество случайное и неопределеннное относительно мѣста, то не возможно будетъ понять: какимъ образомъ въ разныхъ краяхъ Россіи поются пѣсни,

въ большинствѣ случаевъ, сходныя между собою. Еще труднѣе будетъ объяснить совершенство литературной отдылки въ пѣснѣ и черты книжности въ ея языкѣ. Въ содержаніи пѣсни бросается въ глаза роскошь обстановки, въ которой выводятся ея герой и происходитъ ея дѣйствіе. Золото, серебро, жемчугъ, шолкъ, бархатъ, тафта, сафьянъ — вотъ въ пѣснѣ матеріалъ для одежды: простое крестьянство знало только овчину, холстъ, лыко. Смуэръ кафтанъ, шляпа съ перомъ, золотая трость, перчатки, завиваніе кудрей, вѣжливость въ обращаніи съ дамами, искусство сушить и крушить женскія сердца — мало извѣстны и современному, болѣе культурному деревенскому парню. Сельскій житель и въ былинѣ презрительно называется: «засельщицей, деревенщицей». Въ народной пѣснѣ мы найдемъ иногда такихъ тонкія указанія относительно дѣвичьего туалета, которая, можетъ быть, неизвѣстны многимъ нашимъ горожанкамъ; напр., какъ употреблять румяна, цвѣта, какъ привлекать поклонниковъ.

Напомню для послѣдняго случая прекрасную, полную житейского смысла и наблюдательности, пѣсню о томъ, какой совѣтъ подаетъ дѣвицѣ губернаторъ, когда она подала проосьбу на молодца, ходившаго къ ней, а потомъ оставившаго ее.

Всѣ эти данныя говорятъ за городское происхожденіе большинства пѣсень и возникновеніе ихъ въ высшихъ классахъ старого общества, что впрочемъ было замѣчено уже давно, еще К. Д. Кавелинымъ. Поватія, стремленія, жизнь лицъ, о которыхъ поетъ пѣсня, принадлежать еще болѣе культурному обществу. Крестьянинъ, конечно, можетъ быть страстнымъ, но едва ли — эстетичнымъ, свободнымъ во взглядахъ на отношенія къ красивой женщинѣ. Пѣсня на тему: «Чужая жена — лебедь бывая, а своя жена змѣя лютая» — скорѣе должна явиться у горожанина, аристократа, чѣмъ у крестьянина.

Признавая мѣстомъ происхожденія народной пѣсни культурный центръ той или другой области, мы приблизимся и къ разрѣшенію вопроса о времени упадка народного творчества. Какъ только начинаетъ возникать искусственная книжная пѣсня, такъ необходимо должна падать народная, которая спускается въ болѣе низшіе классы населенія, но въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія еще въ большомъ употреблении въ Москвѣ и Петербургѣ, такъ что собиратели пѣсень того времени могли записывать ихъ, не выѣзжая изъ столицъ. Тексты пѣсень въ сборникахъ Новикова, повидемому, московской редакціи. Сахаровъ даетъ прямые указанія на записи пѣсень въ Москвѣ и Петербургѣ. Присутствіе въ русскомъ пѣсенному репертуарѣ переводныхъ, заимствованныхъ пѣсень даетъ новое указаніе, что въ развитіи русской народной пѣсни первая роль принадлежитъ не деревнѣ, а городу.

Факты народного творчества связаны съ характеромъ всей культуры государства и народовъ. Когда русская культура стала принимать западническій характеръ, тогда стало ослабѣвать и национальное народное творчество. На характерѣ и понятіяхъ современного намъ простонародья уже отразились черты общей культуры; крестьяне стоять на новой, вышшей ступени развития. Люди съ поэтическими наклонностями и талантами, выѣдающіеся изъ теперешней народной массы, являются не слагателями пѣсень на старый ладъ, а сомоучками-писателями и поэтами, какъ, напр., извѣстные Семеновъ или Дрожжинъ.

Если мы находимъ теперь въ деревнѣ слагателей пѣсень, то это обыкновенно стихослагатели новѣйшаго типа. Таковъ, напр., былъ въ с. Шолокашъ, Нижегородскаго у., крестьянинъ Семенъ Тимофеевичъ Сусинъ, научившійся грамотѣ у дѣячка. Онъ жилъ въ 60-хъ годахъ, былъ «пѣсельникъ» и оставилъ въ своемъ селѣ двѣ пѣсни, который составилъ самъ и «положилъ на голосъ». Здѣсь мы имѣемъ пѣсню съ именемъ автора, съ мѣстнымъ или личнымъ содержаніемъ, съ риѳмою, съ довольно правильно примѣченными стихотворными размѣрьми. По содержанію и языку — это ученническое стихотвореніе, въ которомъ очень прозаический разсказъ подчиненъ размѣру и риѳмѣ; изложеніе не живое и не яркое. Направленіе данныхъ пѣсень, какъ и направленіе части литературы того времени, обличительное, чего совсѣмъ неѣть въ народной пѣснѣ. Приведу одно изъ этихъ стихотворений, которое короче и лучше, замѣтивъ предварительно, что оно написано послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, по поводу того, что они отказались отъ выкупа земли.

Шестьдесят во первомъ годѣ
Была радость во народѣ.
Воть была радость у насть,
Намъ послѣдовалъ указъ.
Намъ прислали манифестъ.
Манифестомъ васъ сподобили,
Отъ господъ насть слободили.
Стали молодцы вольны,
Намъ не надо всѣмъ земли.
Стали думать и гадать,
Какъ построить свой кабакъ.
Воть построили корчму,
При большіимъ при мосту;
При большіимъ при мосту,
При быстрою при рѣченкѣ.
Каждый праздникъ воскресене
Въ кабакѣ у насть веселье;
А вечернею порой
Чуть плетемся всѣ домой.
Шолокшански мужичевки
Пропиваются голичонки.
По утру рано встаємъ,
На плечо ведры беремъ,
А въ карманахъ—оть пятачекъ,
Со похмелья въ кабачекъ.
Воть мы пили да гуляли,
Жёны по міру сбирали.
А воть зимнею порой
Пойдемъ всѣ за померой (т. е. по міру).
Стали думать и гадать,
Какъ назадъ бы землю взять.
Взяли землю на шесть лѣтъ,
Сѣмнѣнъ зѣрна у насть нѣть.

Въ томъ же самомъ селѣ есть современная пѣсня и бойѣ народнаго склада, но также очень слабой обработки. Ее составляли и клали на голосъ два крестьянина. Ниѣ ова разсказывалась и пѣлась однимъ изъ составителей. Пѣсня уголовнаго содержанія: изложеніе подробностей убийства, происшедшаго въ соѣдней деревнѣ. Обстоятельства дѣла въ пѣснѣ изложены полно и, повидимому, точно, но объ отношеніяхъ дѣйствующихъ явцѣ и ихъ личностей въ ней не дается никакого понятія, что лишаетъ пѣсню всякой поэтичности. Общественная, не художественная тенденція пѣсни обнаруживается въ томъ, что она сложена по слухамъ до официального разслѣдованія дѣла, когда убийцы еще не были арестованы. Слагатели пѣсни получали предостереженія или угрозы, что имъ будетъ «худо», если они станутъ продолжать пѣніе этой пѣсни. Воть эта пѣсня.

Въ деревнѣ во Стану,
Недалеко отъ краю,
Недалеко отъ краю,
Во сельмыемъ во дому
Лиса ¹ Фалина убила,

¹ Жена убийцы, Елизавета; убийство приписывается ей потому, что мужъ дѣйствовалъ по ея наущенію.

Всю деревню удивила.
Стали думать и гадать,
Куда Фалина дѣвать.
По утру рано вставали,
Огонечекъ воздушали;
Огонечекъ воздували,
За Александромъ побѣжали.
Александра не ткался (не отказался),
Онъ за имъ скоро сражался.
Когда въ избу заходилъ,
Иванъ водки подносилъ;
Иванъ водки подносилъ,
У Лисы фонарь спросилъ.
Свѣчку сальную зажигали,
На широкій дворъ ходили;
На широкій дворъ ходили,
Коны сиваго ловили.
А когда кояя впряжены,
А Ивана окликали.
Въ сани Фалина сажали;
Вдоль широкаго двора,
Во передни ворота
Сельску гору выѣзжали;
Сельску гору выѣзжали,
Къ теткѣ въ Мокру заѣзжали,
Съ собой тетку туда звали.
А съ нимъ тетка не пошла,
Топоръ Ивану припасла.
Иванъ къ Кудымъ подѣзжалъ
И пролупку расчищалъ.
Онъ пролупку расчищалъ,
Въ пролубъ Фалина совалъ
Фалинъ въ воду ви пошолъ,
А Иванъ припасъ топоръ.

Пѣсня эта, сочиненная 12 лѣтъ тому назадъ, припоминалась съ трудомъ. При самомъ составленіи ея авторы затруднялись незнаніемъ всѣхъ подробностей дѣла.

С.-Петербургъ.
24 мая 1902 года.

B. Чернышевъ.

Памяти Филиппа Дюмидовича Нефедова¹.

Ряды русскихъ этнографовъ все болѣе и болѣе убываютъ. Такъ, за послѣдніе полтора года сошли со сцены такие видные дѣятели въ этой области, какъ Максимовъ и Шейнъ, смерть которыхъ является большей потерей для этнографіи, еще такъ нуждающейся въ самостоятельныхъ изслѣдователяхъ. Теперь намъ снова приходится заносить въ свой морти罗logъ имя извѣстнаго нашего этнографа Филиппа Димидовича Нефедова, скончавшагося 12 марта сего 1902 года въ Костромской губерніи. Памяти этого труженика я и посвящаю сегодня нѣсколько словъ. Покойный почти всю свою жизнь посвятилъ не только изученію и изслѣдованію народной жизни, но помогалъ ей народной массѣ, среди которой онъ провелъ большую часть своей жизни, словомъ, дѣломъ и даже материально изъ своихъ скучныхъ средствъ. Покойный въполнѣ смыслъ слова былъ народникъ, всю жизнь посвятившій наблюденію и изученію народной жизни.

Біографическихъ свѣдѣній о покойномъ мы имѣемъ крайне мало. Ф. Д. родился въ 1848 г. (по другимъ извѣстіямъ въ 1847 г.) въ Ивановѣ-Вознесенскѣ, гдѣ отецъ его служилъ на одной изъ фабрикъ. Первоначальное образованіе получилъ въ мѣстной школѣ. Обладая любознательностью и жаждой знанія, онъ много читалъ (насколько это можно было сдѣлать въ глухомъ городкѣ) и неустанно старался пополнять свои знанія. Благодаря настойчивости и своимъ природнымъ способностямъ, Ф. Д. чрезъ нѣсколько времени настолько подготовился, что могъ поступить въ московскій университетъ на юридическій факультетъ вольнослушателемъ. Хотя, къ сожалѣнію, покойному обончить курсъ не удалось, но онъ усердно продолжалъ заниматься наукой и сдѣлилъ за литературую. Въ 189 г. Ф. Д. выступаетъ на литературное поприще своими очерками, подъ заглавіемъ: «Изъ путевыхъ замѣтокъ», напечатанными въ «Костромскихъ Губ. Вѣдомостяхъ». Замѣтки эти носятъ большую частію этнографической характеръ и въ нихъ уже видѣнъ будущій народный изслѣдователь. Затѣмъ, онъ началъ писать небольшіе очерки, рассказы и даже стихотворенія.

Переселившись въ Москву для дальнѣйшаго самообразованія, Ф. Д. попадаетъ въ кругъ интеллигентныхъ лицъ и преимущественно литераторовъ, и съ этого времени его талантъ болѣе развивается и получаетъ опредѣленное направлѣніе; онъ посвящаетъ свою дѣятельность изученію народной жизни въ широкомъ смыслѣ этого слова. Здѣсь создаются у него широкіе планы, задачи и т. д. за счетъ своей будущей дѣятельности. Овъ дѣлается писателемъ-народникомъ.

Литературные труды Нефедова можно раздѣлить на двѣ главныя части: 1) труды исключительно беллетристического характера и лишь иногда съ этнографическимъ описаніемъ, во 2) на труды чисто этнографические и археологические въ связи съ антропологіей. Не остававшись детально за первого рода трудахъ покойного, какъ выходящихъ изъ рамокъ нашей задачи, замѣтилъ лишь одно. Ф. Д., стоя близко къ народу и объективно наблюдая народную жизнь со всеми ея положительными и отрицательными сторонами, умѣлъ широко пользоваться этой сокровищницей для своихъ беллетристическихъ работъ—очерковъ, рассказовъ и т. п. Въ нихъ онъ изображалъ народъ съ различныхъ сторонъ жизни: и семейной, и общественной, и пра-

¹ Читано въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи Ипп. Географическаго Общества.

вой, и т. д. Близость фабричной жизни и хорошее съ нею знакомство малолѣтства дали ему материалъ для прекрасного очерка, подъ заглавіемъ: «Наши фабрики и заводы» (1872 г.). Въ началѣ 70-хъ годовъ вышло первое собрание сочиненій Нefедова, подъ заглавіемъ: «На міру», обратившее на себя вниманіе интеллигентной публики и особенно молодежи того времени. Я хорошо помню, съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ прочитывались эти очерки и рассказы, открывающие новые стороны народной жизни. Во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, помѣщаемыхъ въ лучшей журнальной литературѣ: въ «Русск. Мысли», «Рус. Вѣд.» «Сѣв. Вѣстн.» и т. д. авторъ даетъ живую картину деревни и ея обитателей съ ихъ радостями и печальми, темными и свѣтыми сторонами, относясь съ искреннимъ сочувствіемъ къ ея лучшимъ явленіямъ и съ состраданіемъ ко всѣмъ узурженнымъ и оскорблѣннымъ. Можеть быть, здѣсь иногда проглядываетъ и нѣкоторая идеализація народной жизни, въ чмъ иная критики, и упрекали покойнаго, но онъ иначе не могъ поступить — это было такъ естественно и вполнѣ согласовалось съ его натурой, характеромъ. Можно сказать, что онъ жилъ вмѣстѣ съ своими односельчанами (въ послѣднія 12 л. онъ жилъ въ деревнѣ Переборъ, Владимірской губ., близъ станціи Ундоѣ Московско-Нижегородской жел. дор.), помогая имъ, чѣмъ могъ, и особенно по части развитія грамотности и любви къ чтенію. Вообще нужно сказать, что у покойнаго была глубокая любовь къ народу и глубокая вѣра въ нравственную мощь его, которая онъ донесъ до могилы.

Покойный не чуждъ былъ общественной дѣятельности, особенно въ школьному дѣлѣ. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ учредителей воскресной школы на своей родинѣ — Иваново-Вознесенскѣ. Въ 1872 г. Ф. Д. отдается дѣлу организаціи народнаго театра. Долгое время онъ принималъ живое участіе въ комиссіи по устройству народныхъ чтеній въ Москвѣ, занимая должность ея секретаря. Съ 1879 г. до начала 1881 г. былъ редакторомъ газ. «Русскаго Курьера», которая въ это время достигла лучшаго своего развитія.

Смерть Ф. Д. вызвала глубокое сожалѣніе среди мѣстнаго населенія. Дѣти и молодые крестьяне съ душевной благодарностью вспоминаютъ о томъ, сколько пользы принесъ для нихъ Ф. Д., пріучая ихъ къ чтенію и охотно раздавая имъ книжки изъ своей обширной библіотеки, въ которой много находилось брошюры и книги народныхъ. Нѣкоторыя изъ его произведеній были изданы для народа и народныхъ чтеній. Именно, съ этой стороны покойный вправѣ можетъ быть причисленъ къ ряду общественныхъ дѣятелей на пользу распространенія и архивного просвѣщенія.

Дѣятельность Ф. Д. не ограничивалась одной беллетристической работой по преимуществу изъ народнаго быта. Къ его цѣннымъ заслугамъ нужно отнести и работы его въ области этнографіи, которой онъ занимался съ молодыхъ лѣтъ. Его этнографическія изслѣдованія охватываютъ не только русское населеніе, главнымъ образомъ приволжское, въ которомъ до сихъ поръ сохранилось такъ много своеобразнаго и самобытнаго, но и нашихъ и по роду въ преимущественно восточныхъ губерній. Въ 1874 г. Ф. Д. избирается членомъ Этнографическаго отдѣла Общества Любителей Естествознанія.

Въ этнографическихъ своихъ изслѣдованіяхъ Ф. Д. широко захватываетъ жизнь населенія, касаясь почти всѣхъ ея сторонъ. Такъ, напримѣръ, въ свою работу «Объ этнографическомъ изслѣдованіи Костромской губ.» (1874—76 г.г.) авторъ включилъ слѣдующія 14 отд., начиная съ мѣстнаго нарѣчія и кончая материальными условіями жизни населенія. Сюда вошли: народная мифологія, сказанія, различные обряды, обычаи, празднества, юридическая условія, физическое состояніе народа, народная медицина, умственное и нравственное развитіе и т. д. По этой же программѣ Ф. Д. намѣревался произвести свои изслѣдованія въ смежныхъ съ Костромской губ. — Вологодской (съверо-восточной ея части) и Пермской. Въ 1877 г. въ «Трудахъ этнограф. отд. Московскаго Общества Любителей Естествознанія» (т. XXVIII, кн. IV) были поиздѣнены изслѣдованія Ф. Д., подъ заглавіемъ: «Этнографическая наблюде-

нія по Волгѣ и ея притокамъ». Эти наблюдения, несмотря на то, что съ тѣхъ поръ прошло уже почти 25 л., до сихъ поръ представляютъ интересъ и могутъ служить хорошимъ материаломъ для сравненія того времени съ настоящими условіями жизни этого края. Въ этомъ труда Ф. Д. даѣтъ иного указавій на занятія населенія, образъ жизни и т. д.

Въ 1886 г. Нефедовъ представилъ программу своихъ этнографическихъ изслѣдований, принятую Москв. Общ. Любит. Естествознанія, Антропологии и Этнографіи. Онъ между прочимъ говорить, что изученіе настоящаго невозможно безъ всестороннаго изученія прошлаго и, наоборотъ,— давно-изученіе мы въ состояніи тогда только понять, когда будемъ основательно знать настоящее. Покойный вполвѣ основательно держался того взгляда, что рядомъ съ антропологическими изслѣдованіями должны идти археологическая и этнографическая.

Исходя изъ этихъ положеній, авторъ ставилъ въ программу своихъ изслѣдований: обзоръ литературы по археологии и автропологии, изслѣдовавія городищъ, кургановъ и кладищъ, собраніе народныхъ преданій и сказаній, относящихся до городищъ, кургановъ и т. д. Наблюденія надъ современными жителями по отношенію къ росту, цвету волосъ и глазъ, экономическая условія населенія, современный бытъ и нравы, обычаи, обряды при рождении, крещеніи, свадьбахъ, игрицахъ, празднествахъ, похоронахъ.

Помимо перечисленныхъ трудовъ Ф. Д. по этнографіи, которой онъ занимался до смерти, у него накопилось множество разныхъ пѣсень, повѣрій, воевъ, сказокъ, легендъ, свадебныхъ, погребальныхъ и т. под. обрядовъ, наблюдений изъ повседневной жизни народа и т. д. Весь этотъ материалъ пока не изданъ, несмотря на хлопоты покойнаго какъ-нибудь его издать. Въ виду этого, крайне было бы желательно, какъ уже замѣтилъ проф. Анучинъ, чтобы материалъ этотъ переданъ былъ въ одно изъ ученыхъ обществъ для разбора.

Покойный Ф. Д. Нефедовъ племя оставилъ этнографическихъ изслѣдований и относительно нашихъ инородцевъ, главнымъ образомъ башкиръ Уфимской и Оренбургской губ., татарскаго паселенія Касимовскаго уѣзда и череди и съ Уфимской губ. И здѣсь покойный остается вѣренъ своему характеру: старается останавливаться не только на наружныхъ проявленіяхъ жизни народа, но и на духовныхъ его отправленіяхъ, о чёмъ свидѣтельствуютъ собранные этнографомъ легенды, сказанія, пѣсни и т. д. Такъ, напр., въ сборникѣ «Починъ» за 1895 г. Ф. Д. была помѣщена башкирская легенда «Ушкуль». Вообще нужно замѣтить, что покойный въ своихъ изслѣдованіяхъ объ инородцахъ наиболѣе обращалъ вниманія на башкиръ, о которыхъ имъ собрано было много материаловъ, часть которыхъ напечатана, а часть осталась въ рукописяхъ. Во время своихъ занятій надъ башкирами, мнѣ не разъ приходилось обращаться къ покойному и онъ весьма охотно дѣлился своими свѣдѣніями не только личными, но и литературными. И нужно отдать справедливость, покойный, благодаря не разъ совершеннымъ имъ поездкамъ въ восточные губ., хорошо ознакомился съ бытомъ мѣстныхъ инородцевъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло.

Говоря о Ф. Д., какъ беллетристъ-народникъ и этнографъ, нельзя пройти молчаниемъ и его работы въ области археологии и антропологии. Еще въ 70-хъ годахъ XIX вѣка покойный началъ заниматься, по порученію Моск. Общ. Люб. Естествознанія, раскопками могиль и кургановъ. Овъ началъ ихъ въ Рязанской губерніи и потомъ вѣзъ ихъ въ Приуралье, главнымъ образомъ, въ Оренбургской и Уфимской губерніяхъ. Собранный имъ материалъ далъ иного интересныхъ данныхъ для выясненія вопроса о населеніи, его происхожденіи и т. д. Въ этомъ отношеніи интересна работа покойнаго, подъ заглавиемъ: «О памятникахъ и народахъ Приуральского края» (Труды Антроп. Общ. Т. XXXI, в. 1—6). Затѣмъ, покойнымъ производились археологическая изысканія въ Костромской и Владимірской губерніяхъ и на южномъ берегу Крыма. Въ половинѣ 80-хъ годовъ XIX вѣка Ф. Д. былъ приглашенъ Имп. Археологическимъ Обществомъ для археологическихъ изысканій въ области южнаго

Пріуралья (въ Оренбургской губерніи, въ Уральской и Турагайской областяхъ, въ Самарской губ.), откуда имъ были доставлены цѣпные материалы, частію помѣщенные въ Трудахъ Археологического Общества. Потомъ, въ началѣ 90-хъ годовъ (1893—1894), по порученію того же Общества, онъ производилъ изслѣдованія въ Вятской, Пермской, Уфимской и Казанской губ. и въ 1895—96 г. Костромской. Въ 3-хъ уѣздахъ послѣдней губерніи покойный было изслѣдовано много старинныхъ могиль, городищъ и кургановъ (раскопано 542 кургана), изъ которыхъ добытый материалъ далъ указавіе для изученія культуры края съ давняго времени въ эпоху употребленія меді и бронзы (IX—X вѣка). Цѣпная коллекція, добытая при этихъ раскопкахъ, хранится въ музѣѣ Археол. Общества, а отчеты помѣщены въ III вып. Московск. Археол. Общ., подъ заглавіемъ: «Материалы по археологии восточныхъ губерній», съ массой таблицъ и рисунковъ въ текстѣ.

Въ области антропологии заслуги Ф. Д. также не малы. Если опь лично не обрабатывалъ собиравшій имъ антропологический материалъ, по недостатку времени, то даль очень много для работъ другихъ ученыхъ. Съ 1878 г. до послѣднаго времени имъ были доставлены въ разное время: 6 костяковъ и 39 черепа изъ раскопокъ въ Рязанской губ. (Касимовского уѣзда), 52 черепа въ раскопкахъ во Владимиrosкой губерніи, 30 череповъ изъ Уфимской губ., 43 черепа изъ Оренбургской губ. 8 череповъ изъ Самарской губ., 38 изъ Турагайской области, 44 черепа изъ южного берега Крыма, 26 череповъ изъ кургановъ Костромской губерніи, всего: 6 костяковъ и 280 череповъ изъ различныхъ губерній Россіи, не считая еще многихъ археологическихъ предметовъ. Въ числѣ доставленныхъ пять череповъ были женскія, судя по антропологическимъ опредѣленіямъ.

Въ виду всего этого, а также многочисленныхъ этнографическихъ изслѣдований, Имп. Моск. Общ. Естеств. Антр. и Этнографіи въ 1895 г. присудило Ф. Д. премію имени великого князя Сергія Александровича по антропологии,—премія, которая выдается какъ для поощренія научныхъ трудовъ по автропологии, такъ и за доставленіе цѣпныхъ антропологическихъ коллекцій Антроп. Обществу. Все это сдѣлалъ и продолжалъ дѣлать Ф. Д. самолично.

Можно сказать, что это былъ неустоимый труженикъ въ области изученія и наблюденія не только повседневной крестьянской жизни, но глубокой старины. Каждое лѣто покойный уѣзжалъ въ командировкѣ—иногда на свой счетъ—въ какія-нибудь мѣстности и всегда возвращался съ богатыми материалами по этнографіи или археологіи.

Въ лицѣ Ф. Д. Нефедова мы потеряли добросовѣстнаго, трудолюбиваго и безпристрастнаго работника и изслѣдователя въ области этнографіи и археологии; русская литература потеряла однаго изъ представителей беллетристовъ-народниковъ, такъ чутко прислушивавшагося къ течению народной жизни, и еще большую потерю по послѣ мѣстное крестьянское населеніе, среди которого онъ жилъ и помогалъ ему, чѣмъ могъ. Любовь населенія къ покойному съ особенною неглядѣчностью выражалась во время похоронъ. Гробъ его несли крестьяне до самой церкви (около 1½ вер.); похоронная процессія останавливалась весына часто для совершенія литія по заказу мѣстныхъ крестьянъ. На дворѣ Соболовской фабрики, въ церкви которой происходило отиѣваніе Ф. Д., около 600 рабочихъ, во главѣ съ мѣстной фабричной администрацией, встрѣтило гробъ. Пѣль хоръ фабричныхъ рабочихъ. Священникъ сказалъ теплое, прочувствованное слово надъ останками покойнаго. Похороненъ Ф. Д. въ Москвѣ на Ваганьковской кладбищѣ, рядомъ съ могилами Левитова, Орфанова и Воронова. Пусть же на долго сохранится память о тебѣ, добрый и честный Филиппъ Демидовичъ, между всѣми, кому дорога твоя любовь къ наукѣ и народу!

ЖИВАЯ СТАРИНА

періодическое издание Отдѣленія Этнографіи И. Р. Географи-
ческаго Общества (заключаетъ въ себѣ отдѣлы: I. изстѣдован-
ія, наблюденія, разсужденія; II. памятники языка, народной
словесности, живой старины; III. критика и библіографія; IV. во-
просы и отвѣты; V. смѣсь), подъ редакціею Предсѣдательствую-
щаго въ Отдѣленіи Этнографіи В. И. Ламанскаго, будетъ вы-
ходить въ 1903 г., по примѣру прежнихъ 12 лѣтъ, четырьмя
выпусками въ годъ.

Подписка принимается въ квартире И. Р. Географическаго
Общества (у Чернышева моста, гдѣ 6-я гимназія). Годовая
цѣна—въ Петербургѣ—**5** р., въ Имперіи—**5** р. **50** к., за гра-
ницею—**6** р. Книгопродающимъ дѣлается скидка въ **40** к. съ
экземпляра.

Цѣна отдельной книжки «Живой Старины» **1** р. **50** к.,
двойной (въ два выпуска)—**3** рубля. Оглавленіе всѣхъ выпус-
ковъ «Живой Старины» за истекшія двѣнадцать лѣтъ—**5** к.

Въ Географическомъ Обществѣ книжки «Живой Старины»,
съ 1890—1897 гг. можно получать въ С.-Петербургѣ за **3** р.
въ Имперіи за **3¹/₂** р. и за границу за **4** р., за 1898 по 1901
включительно—по **4** р., **4¹/₂** р. и по **5** р.